№ 12

1848

ПАНТЕОНЪ

издаваемый

О. К О Ж И.

=

Санктпетербургъ.

II-9
п-109
ОП

ПАНТЕОНЪ

И РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ѲЕДОРОМЪ КОНИ.

7981. Пр31

ТОМЪ IX

АВГУСТЪ И СЕНТЯБРЬ — КНИЖКА ДВЕНАДЦАТАЯ

1848.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ГОСУДАРСТВЕН... АКАДЕМ.
Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА
имени ... ЛУНАЧАРСКОГО
ТЕАТР ДРАМЫ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. — С. Петербургъ, 31-го Декабря, 1848 года.

Цензоръ *В. Лангеръ.*

Въ типографіи И. Фишона.

Содержание двенадцатой книжки. 1848. – Т. 9.

I. Драматическая литература.
Школа мужей: комедия Мольера в переводе Ап. Григорьева.

II. Изящная словесность.
Кабаодинец. (Очерк горских нравов). В. Савинов.

III. История искусства.
Полевой, как драматический писатель. А. Л-въ.

IV. Мемуары.
Записки Карла Гольдони. Часть первая.

V. Юмористика.
События по письменной части. (Хроника петербургской стороны).

VI. Театральная летопись.
Провинциальные театры в России.
1. Саратовский театр.
2. Таганрогский театр.
3. Театр в Николаеве.
4. Театр во Воадимире (на Клязьме).
5. Нижегородский театр.
6. Ставропольский театр.
7. Харьковский театр.

VII. Панорама иностранных театров.
Франция. Париж. Андре дель-Сарто: драма Альфреда де Мюссе. – Деньги: комедия Бульвера. – Женевская гостиница: драма Поля Фуше. – Пророк Даниил: трагедия Шарля Лафона. – Червонный король: водевиль Андриена Декурселя. – Вместе воспитаны: комедия-водевиль Фурнье и Шарля Потье. – Двенадцать геркулесовых трудов: водевиль Барьера и Декурселя. – Денежные расходы: комедия в стихах д' Энаньи. – День малютки: комическая опера Левена. – Лагранж и Дюпре в опере Отелло. – Репертуар итальянской оперы.

VIII. Смесь.
Достоверные рассказы об Абазии: воспоминания офицера, бывшего в плену у абхазов. - Бретонские предания. – Маскарад в опере. – Отчего у нас мало писателей? – Сцена для домашнего театра: соч. А. И. Писарева.

IX. Репертуар русской сцены № 12.
Мертвец-шалун: шутка в 2-х действиях сочинения Грицки-Основьянецки.

II-9
12-111
ОП

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ШКОЛА МУЖЕЙ.

КОМЕДІЯ МОЛЬЕРА.

Переводъ Ап. Григорьева.

—

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Сганарель, Аристъ,	родные братья	Г. Сосницкій, Г. Третьяковъ.
Валеръ, любовникъ Изабеллы		Г. Максимовъ 1.
Леонора.		Г-жа Мартынова
Изабелла.		Г-жа Самойлова 2.
Лизета, служанка Леоноры		Г-жа Гринева.
Эргастъ, слуга Валера.		Г. Самойловъ.
Коммисаръ		Г. Сосновскій.
Нотаріусъ.		Г. Чайскій.
Лакей.		

4983. 7033
XII

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

I.

СГАНАРЕЛЬ, АРИСТЪ.

СГАНАРЕЛЬ.

Почтенный братецъ мой — что здѣсь за разсужденья?
Мы оба будемъ жить по силѣ убѣжденья...
Хоть старше вы меня, должны бы больше знать,

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО
ТЕАТР ДРАМЫ

Но вамъ имѣю честь сказать:
Вы не умнѣете съ лѣтами,
За тѣмъ и не хочу совѣтоваться съ вами.
Къ тому-жъ въ дѣлахъ своихъ я самъ себѣ судья,
И жизнію своей вполнѣ доволенъ я.

АРИСТЪ.

Но всѣ тебя бранятъ....

СГАНАРЕЛЬ.

Кто? — дураки, и вы,
Любезный братецъ мой!

АРИСТЪ.

Ну, признаюсь, нелестно.

СГАНАРЕЛЬ.

Да что-жъ во мнѣ, скажите, несумѣстно,
Когда суда, людской молвы
Я долженъ слушаться....

АРИСТЪ.

Вамъ это неизвѣстно?
Все... и нелюдимый нравъ, суровый и крутой...
Когда ужъ принужденъ сказать я,
Уединеніе — и видъ смѣшной и злой,
И странности во всемъ, ну даже вотъ хоть въ платьѣ.

СГАНАРЕЛЬ.

А что я за дуракъ, чтобъ людямъ подражать
И для другихъ, не для себя рядиться?
Ужъ не хотите-ль вы мнѣ въ этомъ указать,
Почтенный старшій братъ? оно хоть не годится
О лѣтахъ прямо поминать,
Да ужъ сказалось такъ... Не вы-ль, хочу сказать,
Хотите въ этомъ быть примѣромъ?
Ни, ни! я цѣлый вѣкъ останусь старовѣромъ:
Молокососамъ я не стану подражать...
И шляпы маленькой не стану надѣвать я, —
Она для ихъ безмозглой головы....
Да всѣ-то нынѣшнія платья,
Повѣрьте, таковы....
Не намъ бы ихъ носить, почтенный братецъ, съ вами....
А вы всѣ глупости изволили надѣть!

АРИСТЪ.

За чѣмъ же всѣмъ идти на перекоръ дѣлами

И на себя заставить всѣхъ смотрѣть?
Всѣ крайности смѣшны. Велитъ разсудокъ зрѣлый
Держаться средняго во всемъ,
Не быть ни въ языкѣ, ни въ платьѣ чудакомъ,
И покидать обычай устарѣлый,
Когда другими брошенъ онъ!...
Не говорю, что надо слѣдовать методѣ
Людей, которые безумно служатъ модѣ
И у которыхъ доведенъ
Обычай перемѣнъ до крайности смѣшнаго,
Которымъ мило все, что только слишкомъ ново,
Которые спѣшатъ другихъ опередить
И до нелѣпости умѣютъ доводить
Одежду и языкъ... Вѣдь есть всему предѣлы;
Но такъ же странно и смѣшно
Упорно соблюдать обычай устарѣлый,
Идти на перекоръ тому, что всѣ давно
Сочли за нужное; по моему смѣшнѣе
Быть *умнымъ* одному, чѣмъ съ міромъ *дуракомъ*.

СГАНАРЕЛЬ.

Ну, это — пахнетъ старикомъ,
Который, съ каждымъ днемъ сѣдѣя,
Скрываетъ сѣдину подъ чернымъ парикомъ.

АРИСТЪ.

Дивлюся право я, что вѣчно вы годами
Мнѣ попрекаете, и если что бранить
Хотите, то сей-часъ примѣромъ приводить
Меня стараетесь... какъ будто стариками
Необходимо мы должны
Не только быть, какъ смертный грѣхъ, дурны
И подозрительно — печальны,
Но неопрятны, гнусны, сальны.

СГАНАРЕЛЬ.

Ужъ чтобы ни было... стою я на своемъ;
Ходить въ старинномъ платьѣ буду
И платья стараго — не буду дуракомъ,
Не промѣняю я на новую причуду!
Нѣтъ, дайте мнѣ парикъ, который бы сидѣлъ
На головѣ покойно и свободно,
Кафтанъ такой, чтобъ онъ меня согрѣлъ

Зимою — въ день холодной....
И не хочу, какъ молодой пострѣлъ,
Отъ узкихъ башмаковъ мозолями страдать я,
Пусть я останусь назади,
Но не покину дѣдовскаго платья,
Кому не нравится — пожалуй не гляди!

—

II.

ЛЕОНОРА, ИЗАБЕЛЛА, ЛИЗЕТА, АРИСТЪ И СГАНАРЕЛЬ, на авансценѣ говорятъ тихо между собою.

Леонора.

Не безпокойся — я ужъ какъ-нибудь съумѣю.

Лизета (*Изабеллѣ*).

Какъ? вѣчно въ комнатѣ, не видя никого?...

Изабелла.

Ужъ такъ онъ сотворенъ.

Леонора.

Я о тебѣ жалѣю,
Сестрица.

Лизета (*Леонорѣ*).

Хорошо, что *вашъ*-то на него
Нисколько не похожъ... судьба до васъ добрѣе....
Что, еслибъ были вы у этого злодѣя!

Изабелла.

Дивлюсь еще, что нынче онъ меня
Не запиралъ на ключъ и не увелъ съ собою!

Лизета.

Его ко всѣмъ чертямъ давнобъ послала я
И.... (*сталкивается съ Сганарелемъ*).

Сганарель (*Леонорѣ*).

Вы куда это изволите съ сестрою?

Леонора.

Еще не знаемъ — я звала
Сестру сегодня прогуляться,
Но....

Сганарель.

Куда угодно — отправляться

Вы можете; не мнѣ мѣшаться
Въ чужія, въ братнія дѣла....
(*Изабелль*)
Но вамъ гулять идти я запрещаю.

АРИСТЪ.

Э! братецъ полноте, пусть, какъ себѣ хотятъ....

СГАНАРЕЛЬ.

Покорный вашъ слуга, почтеннѣйшій мой братъ!

АРИСТЪ.

Но молодость....

СГАНАРЕЛЬ.

Она глупа бываетъ....
Какъ старость иногда.

АРИСТЪ.

Она вѣдь не одна,
А съ Леонорою.

СГАНАРЕЛЬ.

Когда со мной она,
То лучше вчетверо....

АРИСТЪ.

Но Леонора знаетъ....

СГАНАРЕЛЬ.

Кому же, какъ не мнѣ, скажите, лучше знать,
Что можно, что нельзя?...

АРИСТЪ.

Но я съ ея сестрою
Имѣлъ бы право такъ же поступать.

СГАНАРЕЛЬ.

Ужъ какъ хотите вы — съ другою
Извольте дѣлаться, я только о своей
Хочу заботиться... Отецъ ихъ, умирая,
Намъ поручилъ обоимъ дочерей,
И отдалъ намъ вполнѣ, желая,
Чтобъ мы, или женилися на нихъ,
Иль выдали ихъ за мужъ за другихъ....
Онъ далъ намъ право полное надъ ними
Мы раздѣлились пополамъ....
Одна досталась вамъ,
Другая же заботами моими

Воспитана.... довольно съ васъ одной,
Оставьте полную мнѣ волю надъ другой.

АРИСТЪ.

Мнѣ кажется....

СГАНАРЕЛЬ.

Мнѣ кажется — и прямо
Скажу я это вамъ: что очень вы упрямы!
Вѣдь я не говорю о вашей ничего,
Пускай она однимъ лишь занята нарядомъ
И въ добрый часъ! — Я мнѣнья своего
Не выскажу.... ни словомъ, ниже взглядомъ!
Пусть вертопрахами она окружена:
Прекрасно, очень радъ!... Мою лишь вы въ покоѣ
Оставьте, васъ прошу; должна она
Одѣта быть всегда въ дешевое, простое....
Хорошее по днямъ лишь праздничнымъ носить,
Быть дома и всегда хозяйствомъ заниматься,
Въ часы же отдыха бѣлье мое чинить
Да штопать мнѣ чулки... другимъ не улыбаться,
И безъ меня не выходить....
Увы! — плоть немощна... За чѣмъ рога носить,
Коль есть безъ нихъ возможность обойтиться?...
Когда задумалъ я жениться,
То долженъ за жену душею отвѣчать.

ИЗАБЕЛЛА.

Но развѣ поводъ вамъ я подала?

СГАНАРЕЛЬ.

Молчать!
Вотъ я васъ выучу, какъ выходить безъ спроса!

ЛЕОНОРА.

Позвольте мнѣ, сударь....

СГАНАРЕЛЬ.

Вы отъ меня вопроса
Не слышали?... Къ чему жъ вамъ начинать?

ЛЕОНОРА.

Вы сердитесь, что Изабелла съ нами?

СГАНАРЕЛЬ.

Да! вы, сударыня, испортили сестру,
Съ неудовольствіемъ ее я вижу съ вами;

Визиты ваши мнѣ куда не по нутру,
Коль вамъ угодно знать....

ЛЕОНОРА.

Коль вамъ угодно тоже,
То прямо вамъ скажу: не знаю, какъ она....
Но знаю, какъ сама я создана....
И другъ на друга мы нисколько не похожи,
Не сестры вовсе мы, ручаюсь головой,
Коль любитъ васъ она любовію прямой.

ЛИЗЕТА.

И я скажу, что женщинамъ съ надзоромъ
Не помириться никогда....
Когда бы въ Турціи мы жили, ну, тогда
Сидѣли бы конечно за-запоромъ....
Но здѣсь... Повѣрьте мнѣ, насъ трудно сторожить,
Что вы ни дѣлайте и какъ ни запирайте,
Но стоитъ только намъ отъ сердца полюбить....
Мы ускользнули и прощайте....
Въ ужасныхъ дуракахъ у насъ
Бываютъ умники не разъ.
И сторожить насъ слишкомъ трудно
И даже просто безразсудно.
Вѣрнѣй ужъ вѣрить въ нашу честь....
Бѣда тому, кто намъ успѣетъ надоѣсть!
Не сладить съ нами запрещеньемъ.
И если мужъ когда-нибудь начнетъ
Насъ запирать: плохой расчетъ....
Рога приставимъ мы и даже — съ наслажденьемъ.

СГАНАРЕЛЬ (*Аристу*).

Вотъ, сударь, слушайте — уроки въ пользу имъ;
Съ рогами васъ поздравить можно смѣло....

АРИСТЪ.

Я съ разсужденіемъ такимъ
Почти согласенъ, братъ, — она сказала дѣло!
Свободу любитъ этотъ полъ,
Запоры, ревность — все пустое....
До этого я опытомъ дошелъ!...
Въ ихъ чести лишь одной спокойствіе прямое,
Я съ ними строгости боюсь....
И вѣрности по принужденью

Не находилъ я, признаюсь....
Покорныя сердечному влеченью
Онѣ иныхъ не терпятъ узъ....
И ввѣрить честь мою боялся-бъ я скорѣе,
Конечно, той изъ нихъ, которой жить тѣснѣе,
Которой средствъ къ паденью только нѣтъ.

СГАНАРЕЛЬ.

Все это пустяки.

АРИСТЪ.

Я знаю вашъ отвѣтъ,
Но женщинъ научать должно бы, улыбаясь,
Съ возможной кротостью, съ терпѣніемъ; стараясь
Ихъ добродѣтелью угрюмой не пугать....
Такъ Леонору мнѣ хотѣлось воспитать.
На шалость я смотрѣлъ всегда не строго,
На всѣ желанія ея сотласенъ былъ, и ей
Давалъ свободы очень много....
И до-сихъ-поръ не каялся, ей, ей!
Я позволялъ балы, театры, развлеченья,
Знакомства и друзей... Для молодыхъ людей
Все это нужное, — почти нужнѣй ученья....
И лучше всякой книги свѣтъ!...
Она мотаетъ много на наряды —
Что жъ дѣлать?... молода; ужель во цвѣтѣ лѣтъ
Ей жить, какъ намъ, безъ счастья и отрады,
И безъ похвалъ и безъ побѣдъ?
Жениться я могу на ней по завѣщанью,
Но не хочу ее стѣснять....
Предоставляю ей свободно выбирать
И подчинюсь ея избранью,
Когда владѣть угодно ей
Моимъ имѣніемъ и нѣжностью моей,
И разницу въ годахъ она забудетъ —
Я буду очень радъ — иначе, воля ей
Свободно выбирать, пусть будетъ то, что будетъ!
Ужъ лучше я ее увижу за другимъ.
Чѣмъ самъ женюсь по принужденью.

СГАНАРЕЛЬ.

Онъ сладокъ, словно медъ.

АРИСТЪ.

Мое воззрѣнье!
И я вполнѣ доволенъ имъ.
Я вашихъ правилъ врагъ, я вѣрный другъ природы,
И я люблю, чтобъ дѣти у отцовъ
Тѣмъ наслаждался, что требуютъ ихъ годы.

СГАНАРЕЛЬ.

Но все, что съ молодыхъ годовъ
Укоренилось въ насъ, съ тѣмъ сладить слишкомъ трудно.
И плохо будетъ вамъ, когда пора придетъ,
Все это выбивать.... съ годами все растетъ.

АРИСТЪ.

За чѣмъ же выбивать?

СГАНАРЕЛЬ.

Вы говорите чудно,
За чѣмъ!

АРИСТЪ.

Ну да, за чѣмъ?

СГАНАРЕЛЬ.

Не знаю!... такъ она
Женою вашею свободна такъ же будетъ?

АРИСТЪ.

Конечно.

СГАНАРЕЛЬ.

Вздоровъ всѣхъ она не позабудетъ?
Наряды бросить не должна?

АРИСТЪ.

Нисколько.

СГАНАРЕЛЬ.

И балы вы ей не запретите?

АРИСТЪ.

За чѣмъ-же?

СГАНАРЕЛЬ.

И сбираться будутъ къ вамъ
Все тѣ-же шаркуны?

АРИСТЪ.

Гостей люблю я самъ.

СГАНАРЕЛЬ.

И это все позволить вы хотите?

АРИСТЪ.

Безъ исключеній, все....

СГАНАРЕЛЬ.

И съ вашею женой
Вы говорить позволите свободно?

АРИСТЪ.

Да отчего же нѣтъ?...

СГАНАРЕЛЬ.

Ну, нѣтъ; любви такой
Не понимаю я... какъ вамъ угодно!

АРИСТЪ.

А я такъ думаю....

СГАНАРЕЛЬ.

Ну, думайте же такъ,
Почтенный братецъ мой... а я такъ не дуракъ!
(*Изабелли*).
Домой, сударыня!... вамъ слушать неприлично.

—

III.

АРИСТЪ, СГАНАРЕЛЬ, ЛЕОНОРА, ЛИЗЕТА.

АРИСТЪ.

Я ввѣриться хочу во всемъ моей женѣ—
И буду славно жить.

СГАНАРЕЛЬ.

Да, славно и отлично
Рога приставятъ вамъ. ..

АРИСТЪ.

Что рокъ готовитъ мнѣ,
Не знаю, вы же ихъ дождетесь,
Готовъ я биться объ закладъ!...
Иль если нѣтъ, за васъ я очень радъ,
Вы изъ за нихъ усердно бьетесь.

СГАНАРЕЛЬ.

Да, смѣйтесь! хорошо! посмотримъ.

ЛЕОНОРА.

Убѣдить
Надѣюсь скоро васъ.... Но знайте, что ни мало
Я-бъ за себя не отвѣчала,
Когда-бы мнѣ пришлось женою вашей быть.

ЛИЗЕТА.

Кто вѣритъ намъ, того обманывать намъ стыдно,
Но ужъ, конечно, было-бы обидно
Вамъ страшный носъ не наклеить.

СГАНАРЕЛЬ.

Да замолчитъ-ли твой языкъ проклятый?

АРИСТЪ.

Любезный братъ, вы сами виноваты.
Прощайте, да примите мой совѣтъ:
Что ничего запоровъ хуже нѣтъ.
Слуга вашъ!

СГАНАРЕЛЬ.

Я не вашъ!

—

IV.

СГАНАРЕЛЬ (*одинъ*).

Вотъ, кто въ кого родится —
Тому, какъ говорятъ, на той жениться!...
Беззубый старый хрычъ — до старости пострѣлъ,
Жена—вертушка и кокетка,
Толпа безстыдныхъ слугъ... на-силу я терпѣлъ,
Но кто исправитъ ихъ? Нѣтъ, рѣдко, очень рѣдко
Къ нимъ Изабеллу надобно пускать,
Совсѣмъ испортится... Скорѣе,
Чтобъ злу сношеній помѣшать,
Какъ только лишь женюсь, въ деревню ѣду съ нею.

—

V.

ВАЛЕРЪ, СГАНАРЕЛЬ, ЭРГАСТЪ.

ВАЛЕРЪ (*въ глубинѣ театра*).

Эргастъ! вотъ аргусъ мой проклятой,
Вотъ старый опекунъ.

СГАНАРЕЛЬ (*думая, что онъ одинъ*).

О гнусный вѣкъ разврата!

ВАЛЕРЪ.

Хотѣлось-бы къ нему мнѣ подойти, и съ нимъ
Начать знакомство....

СГАНАРЕЛЬ.

Да, мы больше не хранимъ
Старинной строгости, родительскихъ преданій,
Не знаетъ молодость границъ своихъ желаній,
И даже...

(*Валеръ издали кланяется Сганарелю*).

ВАЛЕРЪ.

Онъ поклона не видалъ.

ЭРГАСТЪ.

Позвольте, глазъ его дурной, быть можетъ, слѣва.
На право-кругомъ, маршъ!

СГАНАРЕЛЬ.

Скорѣй-бы я бѣжалъ
Изъ города... гдѣ я, отъ злости и отъ гнѣва
Задохнусь!

ВАЛЕРЪ (*подходя мало-по-малу*).

Нужно же, что-бъ я къ нему попалъ.

СГАНАРЕЛЬ (*слыша шумъ*).

Что это тамъ?....

(*Думая, что онъ одинъ.*)

Деревня, то-ли дѣло?
Въ глуши ея меня развратъ не оскорбитъ.

ЭРГАСТЪ.

Ну что же?—подходите смѣло.

СГАНАРЕЛЬ (*слыша голосъ*).

Что?

(*Опять думая, что онъ одинъ*).

Кажется, въ ушахъ звенитъ?
Тамъ женщину займутъ заботы...

(*Видя Валера, который подходитъ*).

Что это? къ намъ иль нѣтъ?

ЭРГАСТЪ (*Валеру*).

Ступайте-жъ.

СГАНАРЕЛЬ.

Не придутъ
Туда ужъ хваты никакіе.

(*Валеръ еще разъ кланяется*).

Да что за чортъ?

(*Оборачивается и видитъ Эргаста, который ему кланяется съ другой стороны*).

Вотъ шей совсѣмъ не берегутъ!

ВАЛЕРЪ.

Вамъ, вѣроятно, странно....

СГАНАРЕЛЬ.

Вѣроятно?

ВАЛЕРЪ.

Простите мнѣ, но такъ пріятно
Знакомство съ вами мнѣ...

СГАНАРЕЛЬ.

Не спорю, можетъ быть...

ВАЛЕРЪ.

Что я рѣшился самъ, въ расположенье ваше
Себя покорно поручить.

СГАНАРЕЛЬ.

Такъ-съ!

ВАЛЕРЪ.

Близкое сосѣдство наше....
Я долженъ за него благодарить.
Судьбу.

СГАНАРЕЛЬ.

Вы поступаете прекрасно.

ВАЛЕРЪ.

Вы новость при Дворѣ изволите-ли знать?

СГАНАРЕЛЬ.

А что за дѣло мнѣ?

ВАЛЕРЪ.

Конечно, очень ясно!
Но иногда насъ могутъ занимать
Иныя новости. По случаю рожденья
Дофина, торжество готовится: смотрѣть
Вы, вѣрно, будете? А стоитъ удивленья....

СГАНАРЕЛЬ.

Не знаю.

ВАЛЕРЪ.

Не правдали, имѣть
Въ Парижѣ много удовольствій можно?
Въ чемъ время вы проводите?

СГАНАРЕЛЬ.

Въ дѣлахъ.

ВАЛЕРЪ.

Но вѣчно же трудиться не возможно, —
Отдохновенье нужно иногда....
По вечерамъ свободны-ль вы когда?

СГАНАРЕЛЬ.

Когда хочу.

ВАЛЕРЪ.

Могу-ль о позволеньи
Просить васъ посѣтить.

СГАНАРЕЛЬ.

Слуга вашъ!

(*уходитъ*).

VI.

ВАЛЕРЪ.

Признаюсь!

ЭРГАСТЪ.

Да, не-чего сказать!... хорошъ же этотъ гусь.

ВАЛЕРЪ.

Взбѣшонъ я.

ЭРГАСТЪ.

Отъ чего?

ВАЛЕРЪ.

Отъ страшнаго мученья,
Предметъ моей любви пайти въ такихъ рукахъ!...
Онъ чуть-ли даже не въ цѣпяхъ
Ее содержитъ, въ заключеньи....

ЭРГАСТЪ.

Тѣмъ лучше вамъ.

ВАЛЕРЪ.

Но вотъ ужъ нѣсколько недѣль
Ищу я случая красавицу увидѣть —
И по напрасну все, — и мнѣ-ль
Теперь его не ненавидѣть?

ЭРГАСТЪ.

Изобрѣтательна любовь, какъ говорятъ,
Но вы не слишкомъ то.

ВАЛЕРЪ.

Я развѣ виноватъ?
Онъ отъ себя ее на шагъ не отпускаетъ,
Не держитъ даже слугъ, которыхъ подкупить
Я могъ бы, чтобъ ее запиской извѣстить.

ЭРГАСТЪ.

Такъ ни о чемъ она еще не знаетъ?

ВАЛЕРЪ.

Я не могу сказать объ этомъ ничего...
Вездѣ, гдѣ съ ней встрѣчалъ его,
Я шелъ всегда, какъ тѣнь, за нею....
И взглядами я много говорилъ....
Когда-бы я, о Боже мой, скорѣе
Въ ея взаимности увѣренъ былъ!

ЭРГАСТЪ.

Мы взглядами не все сказать, конечно, можемъ:
Языкъ ихъ темноватъ — да мы ему поможемъ.

ВАЛЕРЪ.

Но чѣмъ? но какъ могу узнать,
Любимъ я или нѣтъ? нельзя-ли поискать
Намъ средствъ какихъ нибудь?

ЭРГАСТЪ.

Пойдемте, наше дѣло
Обсудимъ вмѣстѣ мы, а тамъ начнемъ ужъ смѣло!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

I.

ИЗАБЕЛЛА, СГАНАРЕЛЬ.

СГАНАРЕЛЬ.

Ужъ ты покойна будь! Его найду я: знаю
И домъ, и все, что нужно знать.

ИЗАБЕЛЛА (*про себя*).

О небеса! я васъ молить дерзаю
Любви-невинной помогать.

СГАНАРЕЛЬ.

Не правда ли? его зовутъ Валеромъ?

ИЗАБЕЛЛА.

Да.

СГАНАРЕЛЬ.

Ну — ступай домой, я съ нимъ поговорю
Сей-часъ—своимъ манеромъ.

ИЗАБЕЛЛА (*уходя, про себя*).

На эти хитрости я со стыдомъ смотрю,
Но строгость вѣчнаго надзора — извиненье
Невольной смѣлости моей
Въ глазахъ порядочныхъ людей.

—

II.

СГАНАРЕЛЬ (*одинъ, стучится въ дверь Валера*).

Не станемъ времени терять на размышленье....
Здѣсь кажется... Эй вы! кто тамъ? хоть кто-нибудь!
Ну! — послѣ этого, ужъ я не удивляюсь,
Что нѣжностями онъ хотѣлъ меня надуть....
Его надежды я разрушить постараюсь....

—

III.

ВАЛЕРЪ, СГАНАРЕЛЬ, ЭРГАСТЪ.

СГАНАРЕЛЬ (*Эргасту, который быстро отворяетъ двери*).

Чтобъ чортъ тебя побралъ... ты съ ногъ меня чуть-чуть,
Какъ дикій быкъ, не сшибъ ногами.

ВАЛЕРЪ.

Мнѣ, сударь, совѣстно....

СГАНАРЕЛЬ.

А! вы и нужны мнѣ.

ВАЛЕРЪ.

Я, сударь?

СГАНАРЕЛЬ.

Вы — Валеръ, не правда-ли, — вы сами?

ВАЛЕРЪ.

Такъ точно.

СГАНАРЕЛЬ.

Слова два сказать на-единѣ
Намъ нужно.

ВАЛЕРЪ.

Неуже-ль надѣяться я смѣю
Вамъ нужнымъ быть?

СГАНАРЕЛЬ.

О нѣтъ, — напротивъ! — я имѣю
Къ вамъ дѣло важное, полезное для васъ,
И вотъ что къ вамъ меня приводитъ въ этотъ часъ.

ВАЛЕРЪ.

Ко мнѣ, сударь?

СГАНАРЕЛЬ.

Да, къ вамъ. Чему-жъ тутъ удивляться?

ВАЛЕРЪ.

Помилуйте, я долженъ восхищаться
Такою честію.

СГАНАРЕЛЬ.

Оставимъ эту честь.

ВАЛЕРЪ.

Угодно вамъ войти?

СГАНАРЕЛЬ.

Зачѣмъ? здѣсь мѣсто есть.

ВАЛЕРЪ.

Прошу васъ....

СГАНАРЕЛЬ.

Съ мѣста не сойду я.

ВАЛЕРЪ.

Васъ не могу я слушать здѣсь.

СГАНАРЕЛЬ.

Не тронусь — сказано!

7033
ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМ.
Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО
ТЕАТР ДРАМЫ

ВАЛЕРЪ.

Васъ больше не прошу я,
И вотъ теперь къ услугамъ вашимъ весь..
Скорѣе стулъ сюда!

СГАНАРЕЛЬ.

Поговоримъ и стоя.

ВАЛЕРЪ.

Какъ! можно-ль вамъ стоять?

СГАНАРЕЛЬ.

Ахъ Боже мой, какое
Все принужденіе несносное!

ВАЛЕРЪ.

Такихъ
Невѣжливостей, я никакъ не допускаю.

СГАНАРЕЛЬ.

Да вѣдь невѣжливость — и хуже всѣхъ другихъ,
Меня перебивать, когда я начинаю....

ВАЛЕРЪ.

Я повинуюсь вамъ....

СГАНАРЕЛЬ.

Вотъ такъ-то бы давно!
(*Валеръ не надѣваетъ шляпы*).
Да церемоніи оставьте, ради Бога!
Скажите наконецъ одно:
Вы слушать станете иль нѣтъ?

ВАЛЕРЪ.

Такъ чести много
И удовольствія....

СГАНАРЕЛЬ.

Извѣстно-ль, сударь, вамъ,
Что подъ опекою моею
Одна дѣвица есть — и даже, самъ
Могу сказать, что я доволенъ ею,
Что молода она — и между тѣмъ — скромна,
Хотя собою недурна
Ей имя — Изабелла.

ВАЛЕРЪ.

Такъ-съ....

СГАНАРЕЛЬ.

Ну — могу я васъ увѣрить смѣло,
Что я люблю ее, совсѣмъ не какъ отецъ,
И что она пойдетъ со мною подъ вѣнецъ....
Вы *это* знаете?

ВАЛЕРЪ.

Не зналъ.

СГАНАРЕЛЬ.

Такъ честь имѣю
Я васъ увѣдомить.... просить при этомъ смѣю,
Отъ вашихъ волокитствъ теперь избавить насъ.

ВАЛЕРЪ.

Какъ, сударь?

СГАНАРЕЛЬ.

Да — о томъ просить я смѣю васъ.

ВАЛЕРЪ.

Но кто-же вамъ сказалъ, что я по ней страдаю.

СГАНАРЕЛЬ.

Ужъ кто сказалъ — тому я довѣряю.

ВАЛЕРЪ.

Но кто-жъ?

СГАНАРЕЛЬ.

Она сама.

ВАЛЕРЪ.

Она?

СГАНАРЕЛЬ.

Ну да — она.
Довольно съ васъ теперь?... любя меня отъ дѣтства,
Не зная хитростей кокетства,
Она во всемъ призналась мнѣ,
Уполномочивши вполнѣ
Сказать вамъ, что съ-тѣхъ-поръ, какъ вы за ней слѣдите,
Съ-тѣхъ-поръ, какъ на нее нахально вы глядите,
Съ-тѣхъ поръ, когда она на васъ за это зла,—
Она васъ слишкомъ поняла,
Что ваши тайныя извѣстны ей желанья,
Что вамъ ей нечего ужъ больше объяснять
Свою любовь, свои страданья,
Которыя меня лишь могутъ оскорблять....

ВАЛЕРЪ.

И это вамъ сказать она сама велѣла?...

СГАНАРЕЛЬ.

Да — объяснить она вамъ напрямки хотѣла,
Что даже прежде-бы, едва лишь поняла
Всю вашу страсть — о томъ вамъ знать дала—
Когда-бы слѣдуя сердечному движенью
Нашла кого-нибудь, кто могъ бы передать
Вѣрнѣй такое порученье,
Что, наконецъ, не въ силахъ выносить
Несносной скуки принужденья
Рѣшилася меня на то употребить,
И васъ, какъ я сказалъ, подробно извѣстить,
Что мнѣ — а не другому
Принадлежитъ она, что будетъ вамъ вздыхать,
Что время не-чего вамъ попусту терять,
А приступить бы вамъ къ чему-нибудь иному.
Прощайте — вотъ что вамъ имѣлъ я передать!

ВАЛЕРЪ *(на ухо Эргасту).*

Эргастъ, что скажешь ты объ этомъ приключеньи?

СГАНАРЕЛЬ *(про себя).*

Ну! онъ повѣсилъ носъ.

ЭРГАСТЪ *(на ухо Валеру).*

Для насъ
Оно по моему недурно разумѣнью,
Тутъ скрыто что-нибудь, могу увѣрить васъ,
Не такъ передаютъ отказъ,
Совсѣмъ иначе извѣщаютъ,
Когда чужой любви нисколько не желаютъ.

СГАНАРЕЛЬ *(про себя).*

И по дѣломъ ему.

ВАЛЕРЪ *(на ухо Эргасту).*

Какъ это мнѣ понять?

ЭРГАСТЪ *(на ухо Валеру).*

Онъ смотритъ.... дома намъ свободнѣй толковать.

—

IV.

СГАНАРЕЛЬ (одинъ).

Что на лицѣ его за страшное смущенье!
Конечно, онъ не ждалъ такого порученья....
Гдѣ Изабелла? вотъ онъ плодъ
Моихъ стараній и заботъ....
Въ ней наградилъ меня Содѣтель—,
И сѣмена добра укоренились въ ней.
Мужчины взглядъ одинъ питомицы моей
Ужъ оскорбляетъ добродѣтель!

—

V.

ИЗАБЕЛЛА, СГАНАРЕЛЬ.

ИЗАБЕЛЛА (*про себя*).

Ну, ежели меня не понялъ онъ,
Своею страстью ослѣпленъ?...
Я мучусь за него.... и какъ я ни робѣю,
Но я рѣшусь теперь съ нимъ говорить яснѣе.

СГАНАРЕЛЬ.

Я кончилъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Что жъ?

СГАНАРЕЛЬ.

Совсѣмъ онъ пораженъ....
Сперва было хотѣлъ отвертываться онъ,
Что сердце у него немного нездорово,
Но я ему отъ слова и до слова
Все передалъ, что ты сказала мнѣ,
И произвелъ эффектъ вполнѣ.
Теперь онъ, кажется, надѣяться не станетъ—
И отъ тебя совсѣмъ отстанетъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Ахъ, трудно вѣрить мнѣ.... я все еще боюсь....
И отъ него едва-ль освобожусь.

СГАНАРЕЛЬ.

Чего-жъ теперь тебѣ бояться?

ИЗАБЕЛЛА.

Едва изъ дома вышли вы,
Для освѣженья головы
Я сѣла у окна.... скучала я признаться,...
Вдругъ подошелъ къ окну мужчина молодой
И бросилъ дерзкою рукой,
Въ окно мнѣ ящичекъ съ письмомъ.... я не глядѣла,
Когда къ окну онъ подошелъ,
Потомъ ему назадъ письмо отдать хотѣла,
Но не успѣла.... онъ ушелъ....
Когда же кончатся, скажите, эти муки?

СГАНАРЕЛЬ.

Такъ вотъ какія онъ выдумываетъ штуки!...

ИЗАБЕЛЛА.

Мой долгъ — скорѣе отослать
И ящикъ и письмо.. кого-бы мнѣ послать?...
Васъ затруднять мнѣ, право, стыдно.

СГАНАРЕЛЬ.

Напротивъ, милочка моя,
Мнѣ просто было-бы обидно,
Когда-бъ исполнилъ то не я.

ИЗАБЕЛЛА.

Такъ вотъ.... возьмите же.

СГАНАРЕЛЬ.

Ага! посмотримъ, что-то
Онъ написалъ тебѣ?... подумаешь, охота
Ему напрасно хлопотать.

ИЗАБЕЛЛА.

О нѣтъ, спаси васъ Боже открывать?

СГАНАРЕЛЬ.

А что?

ИЗАБЕЛЛА.

Тогда онъ можетъ полагать,
Что интересно мнѣ записки содержанье.
Не должно дѣвушкамъ читать
Записокъ отъ мужчинъ;
Отъ любопытства шагъ одинъ —
До страсти, до любви.... письма читать не должно,

Пусть будетъ въ цѣлости ему возвращено.
Пусть онъ презрѣніе узнаетъ,
Которымъ сердце такъ полно,
Пускай надежду потеряетъ....

СГАНАРЕЛЬ.

Рѣшительно, она вѣдь говоритъ умно....
Твой умъ меня, милашка, восхищаетъ....
Не даромъ трудъ потерянъ мой,
Ты стоишь быть моей женой.

ИЗАБЕЛЛА.

Я впрочемъ вамъ нисколько не мѣшаю,
Прочесть иль не прочесть я вамъ предоставляю.

СГАНАРЕЛЬ.

Нѣтъ, нѣтъ, не сдѣлаю я глупости такой,
И правъ вполнѣ разсудокъ твой....
Ступай — а я пойду исполню все, какъ надо,
И скоро возвращусь — ты, вѣрно, будешь рада?

—

VI.

СГАНАРЕЛЬ (одинъ).

Въ восторгѣ просто я, что такъ она умна....
Ну не сокровище-ль, не образецъ ли это?...
Пустой записочкой оскорблена она,
За взгляды сердится — и въ молодыя лѣта
Свою обязанность умѣетъ понимать
Желалъ бы я однако знать,
Какъ поступила бы сестра ея родная!
Ну — честію клянусь, — теперь я твердо знаю
Изъ каждой дѣвушки все, что угодно намъ,
Мы можемъ сами сдѣлать.

(*Стучится въ дверь Валера*).

Эй!

—

VII.

СГАНАРЕЛЬ, ЭРГАСТЪ.

ЭРГАСТЪ.

Кто тамъ?

СГАНАРЕЛЬ.

Ступай и отъ меня ты передай Валеру,
Что въ глупостяхъ ему не дурно знать-бы мѣру,
Чтобъ болѣе не смѣлъ онъ писемъ присылать,
Что на него смотрѣть не хочетъ Изабелла,
Что даже и прочесть записки не хотѣла,
А отдаетъ ему назадъ,
Не распечатавши.... онъ, вѣрно, будетъ радъ,
Узнавши, какъ его цѣнятъ.

—

VIII.

ВАЛЕРЪ, ЭРГАСТЪ.

ВАЛЕРЪ.

Что этотъ дикій звѣрь вручилъ тебѣ такое?

ЭРГАСТЪ.

Да вотъ письмо, сударь, съ коробкой золотою,
Которое, какъ онъ сказалъ, сейчасъ
Его питомицей получено отъ васъ....
Читайте и впередъ не спорьте вы со мною.

ВАЛЕРЪ (*читаетъ*).

«Это письмо васъ удивитъ безъ сомнѣнія, и вы найдете, можетъ быть, слишкомъ смѣлыми и намѣреніе писать къ вамъ и самое исполненіе: но я доведены до такого состоянія, что, по-неволѣ, должна выйти изъ границъ. Справедливое отвращеніе отъ брака, который грозитъ мнѣ чрезъ шесть дней, заставляетъ меня на все рѣшиться — желая какимъ-бы то ни было образомъ спасти себя, я рѣшилась лучше прибѣгнуть къ вамъ, нежели предаться отчаянію. Не думайте впрочемъ, чтобы этимъ вы были обязаны одной моей несчастной участи; не одно принужденіе, въ которомъ я живу, было причиною моей любви къ вамъ — но оно заставляетъ

меня высказаться скорѣе, нежели-бы я хотѣла, нежели какъ обязывала бы меня скромность моего пола. Отъ васъ вполнѣ будетъ теперь зависѣть, чтобы я принадлежала вамъ — и я жду только вашего отвѣта, чтобы передать вамъ мои намѣренія: — вы сами знаете, что время бѣжитъ и что два любящихъ сердца, должны понимать одно другое по полуслову».

ЭРГАСТЪ.

Не правда-ль, выдумка вѣдь просто хоть куда?...
Откуда прыть взялась? на взглядъ скромна, проста....

ВАЛЕРЪ.

Ахъ, какъ умно она его дурачитъ...
Ее теперь готовъ я вдвое обожать.

ЭРГАСТЪ.

Вотъ онъ.... ему должны вы что-нибудь сказать
Печальнымъ голосомъ — здѣсь это много значитъ.

—

IX.

СГАНАРЕЛЬ, ВАЛЕРЪ, ЭРГАСТЪ.

СГАНАРЕЛЬ, (*думая, что онъ одинъ*).

Да будетъ трижды тотъ благословенъ указъ,
Которымъ роскоши хотятъ пособить съ насъ,
Мужьямъ тогда хлопотъ большихъ не будетъ,
Жена рядиться позабудетъ....
Вотъ если бы еще да выдали для насъ
На счетъ кокетства тоже бы указъ....
Хорошее бы дѣло это было....
Ну да пока и тѣмъ доволенъ я,
Что есть! — и чтобъ жена моя
Могла понять вполнѣ указа силу,—
Должна она его всегда читать,
Когда встаетъ, когда ложится спать.
(*замѣчая Валера*).
А это вы, сударь.... что, франтикъ мой смазливой,
Вы станете-ль опять записки посылать?...
Неправда-ль, вамъ плохая здѣсь пожива?
Ихъ даже не хотятъ читать....
Для васъ теперь должно быть ясно,

Что вы трудились напрасно,
Стрѣляли только въ воробьевъ,
Да тратили заряды по пустому,
Моя питомица не любитъ шаркуновъ,
И мнѣ принадлежитъ, а не кому другому....

ВАЛЕРЪ.

Да, самъ я чувствую... что съ вами тщетный споръ,
И признаю достоинства я ваши;
И было бы теперь ужасный вздоръ
Намъ продолжать затѣи наши.

СГАНАРЕЛЬ.

Конечно вздоръ.

ВАЛЕРЪ.

Повѣрьте: никогда
Не смѣлъ бы я надѣяться — когда
Зналъ прежде бы, что мнѣ соперникъ есть опасный,
Что всѣ мои усилія — напрасны.

СГАНАРЕЛЬ.

Я вѣрю.

ВАЛЕРЪ.

Я теперь надежду потерялъ
И вамъ, безъ ропота, побѣду уступаю.

СГАНАРЕЛЬ.

Прекрасно!

ВАЛЕРЪ.

Вѣрно такъ законъ ужъ указалъ....
Притомъ достоинства я ваши слишкомъ знаю,
Что даже перестать сердиться принужденъ,
За то, что мнѣ другой — и лучшій предпочтенъ.

СГАНАРЕЛЬ.

Конечно!

ВАЛЕРЪ.

Вамъ я мѣсто уступаю,
Но васъ прошу теперь я объ одномъ —
Великодушны вы во всемъ,
Вы не откажете несчастному конечно —
Скажите ей, что я ее любилъ бы вѣчно,
Что вотъ три мѣсяца страдаю я по ней,
И что любовь моя самихъ небесъ свѣтлѣй....

СГАНАРЕЛЬ.

Извольте!

ВАЛЕРЪ.

Что вполнѣ собой располагая,
Хотѣлъ я лишь назвать ее женой моей.
Вотъ цѣль моя — а не другая.

СГАНАРЕЛЬ.

Такъ точно!

ВАЛЕРЪ.

Что она не выйдетъ никогда
Изъ памяти моей — что искренно всегда
Ее любить я буду,
Что прелестей ея нигдѣ не позабуду,
Что мыслію о ней — послѣдній будетъ вздохъ,
Что полюбить ее я иначе не могъ,
И что теперь одно лишь къ вамъ почтенье,
Способно обуздать въ крови моей волненье.

СГАНАРЕЛЬ.

Прекрасно сказано! — Я благодаренъ вамъ
За рѣчи умныя и ей ихъ передамъ.
Но только, вѣрьте мнѣ, предайте вы забвенью
Безплодную любовь, безплодное мученье....
Прощайте!

ЭРГАСТЪ (*Валеру*).

Нѣтъ глупѣй на свѣтѣ никого.

—

X.

СГАНАРЕЛЬ (одинъ).

Бѣдняжка! право мнѣ немного жаль его....
Да впрочемъ виноватъ онъ самъ въ своемъ страданьи,
Мальчишка! отбивать мое завоеванье!

—

XI.

СГАНАРЕЛЬ, ИЗАБЕЛЛА.

СГАНАРЕЛЬ.

Ну—никогда никто такъ не бывалъ какъ онъ,
Увидѣвши письмо въ рукахъ моихъ, смущенъ,
Теперь онъ на-всегда надежду оставляетъ,
Но вотъ что передать тебѣ пренаручаетъ:
«Что ты не выйдешь никогда
«Изъ памяти его, что искренно всегда
«Тебя любить онъ будетъ,
«Что мыслью о тебѣ послѣдній будетъ вздохъ,
«Что полюбить тебя онъ иначе не могъ,
«И что теперь одно ко мнѣ почтенье
«Способно обуздать въ крови его волненье».
Вотъ что сказалъ онъ самъ, душа моя.
Онъ честный человѣкъ — о немъ жалѣю я.

ИЗАБЕЛЛА (*про себя*).

Его любовь меня не обманула —
Я это поняла — лишь на него взглянула.

СГАНАРЕЛЬ.

Что говоришь ты?

ИЗАБЕЛЛА.

Жаль мнѣ одного —
Что вы жалѣете его,
Когда, какъ смерть, его я ненавижу.

СГАНАРЕЛЬ.

Помилуй, да за что — причины я не вижу,
Влюбившись, онъ вѣдь могъ не знать,
Что мнѣ ты поклялась принадлежать;
Его намѣренье теперь тебѣ извѣстно:
Жениться онъ хотѣлъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Да, да — но развѣ честно,
На похищеніе намѣренье имѣть?
Жениться силою хотѣть....
Какъ будто-бы могла безъ васъ я жить на свѣтѣ.

СГАНАРЕЛЬ.

Какъ? это что еще?

ИЗАБЕЛЛА.

Я знаю цѣли эти,
Вездѣ разсказываетъ онъ,
Объ этомъ замыслѣ, какъ о рѣшеномъ дѣлѣ,
Не знаю какъ, — но онъ ужъ извѣщенъ,
Что вступите вы въ бракъ со мной черезъ недѣлю,
Когда вы сами лишь сказали мнѣ вчера,
Когда о томъ не знаетъ и сестра.

СГАНАРЕЛЬ.

Вотъ это скверно!

ИЗАБЕЛЛА.

Ахъ, пожалуйста, простите
Онъ честный человѣкъ.... ко мнѣ питаетъ онъ....

СГАНАРЕЛЬ.

Ну—этимъ просто я взбѣшонъ—
Какія мерзости!

ИЗАБЕЛЛА.

Подите!
Вы съ вашей слабостью способны ободрять
Его намѣренья дурныя,
Когда-бы строго вы рѣшились сказать—
Затѣи пересталъ бы онъ другія
Выдумывать. Письмо я не прочла.
Но что-жъ изъ этого? онъ прямо объявляетъ,
Что не смотря на то—меня онъ похищаетъ.

СГАНАРЕЛЬ.

Да онъ съ ума сошелъ!

ИЗАБЕЛЛА.

На васъ я право зла....
Надѣлъ онъ маску передъ вами,
Умѣлъ очаровать словами,—
И вы повѣрили. Несчастна, право, я,
Одною мной хранится честь моя,
Но я принуждена всегда теперь бояться,
Что противъ воли, можетъ статься,
Меня похититъ онъ.

СГАНАРЕЛЬ.

Не бойся ничего.

ИЗАБЕЛЛА.

Повѣрьте мнѣ, когда остановить его

Вы не рѣшитесь строгими словами....
На все осмѣлиться готовъ,
Смѣяться будетъ онъ надъ вами,
И намъ готовить новый ковъ.

СГАНАРЕЛЬ.

Малютка ты моя — ну, полно же сердиться,
Пойду и отпою ему такую рѣчь....

ИЗАБЕЛЛА.

Да — вы должны все зло пресѣчь.
Не вѣрьте, если станетъ онъ божиться....
Скажите отъ меня — что все извѣстно мнѣ,
Что говорю я это смѣло,
Что не-чего ему безплодно въ тишинѣ
Вздыхать — и время тратить по-пустому,
Что чувствъ моихъ не знать къ другому
Не можетъ онъ, что дважды повторять
Меня не должно заставлять.

СГАНАРЕЛЬ.

Скажу я все ему.

ИЗАБЕЛЛА.

И такъ, чтобъ видно было,
Что искренно я это говорила.

СГАНАРЕЛЬ.

Ужъ не забуду ничего.
Ступай и жди возврата моего.

ИЗАБЕЛЛА.

Жду съ нетерпѣніемъ— пожалуйста, скорѣе!
Минута каждая безъ васъ,
Мнѣ кажется долга, какъ часъ.

СГАНАРЕЛЬ.

Иду, жизпеночекъ! съ тобой я молодѣю.

—

XII.

СГАНАРЕЛЬ *(одинъ)*.

Ну можно-ль что-нибудь найти ея умнѣе!
Вотъ будетъ чудо — не жена,
Нарочно для меня она и создана....

Вотъ жены быть должны какими.
А не такими,
Какихъ въ Парижѣ видѣлъ я,
Которыхъ бѣдные мужья
Смѣшнѣй часъ-отъ-часу оленьими рогами....
(*стучится въ дверь*).
Пожалуйте-ка вы для объясненья съ нами!

—

XIII.

ВАЛЕРЪ.

Что васъ приводитъ вновь?

СГАНАРЕЛЬ.

Да все затѣи ваши.

ВАЛЕРЪ.

Какія?

СГАНАРЕЛЬ.

Да опять вы заварили кашу.
Нѣтъ, съ позволенія сказать,
Я васъ такимъ глупцемъ совсѣмъ не могъ считать.
Хотите вы надуть меня словами
И между тѣмъ не отстаете сами
Отъ прежнихъ замысловъ своихъ....
Я думалъ, что совсѣмъ достигъ
И берега и цѣли....
А вы опять за тожъ! что-жъ это въ самомъ дѣлѣ?

ВАЛЕРЪ.

Что это значитъ все? я не могу понять.

СГАНАРЕЛЬ.

Не притворяйтесь! — Мнѣ велѣла
Сказать вамъ вотъ что Изабелла....
Она вамъ ясно знать дала,
Кого супругомъ избрала
И на себя она положитъ просто руки,
Когда не кончите вы этой страшной муки.

ВАЛЕРЪ.

Когда сказала такъ она,
То, сознаюсь, что лишена

Моя любовь теперь надежды.
Какъ жаль, что этого не понималъ я прежде,
Оставлю я въ покоѣ васъ
Ея исполню я приказъ.

СГАНАРЕЛЬ.

Когда еще осталось въ васъ сомнѣнье
Въ томъ, что я передалъ вполнѣ, безъ прибавленья,
То это все она сама вамъ объяснитъ,
Чтобъ вывесть васъ изъ заблужденья,
Пускай она сама объ этомъ говоритъ,
Тогда вы можете увидѣть,
Кого изъ насъ угодно ей
Любить и ненавидѣть.

(*стучится въ дверь своего дома*).

—

XIV.

ТѢЖЕ, ИЗАБЕЛЛА, ЭРГАСТЪ.

ИЗАБЕЛЛА.

Что это? съ вами мой злодѣй!
И съ нимъ ужъ вы не заодно-ли,
Уже ль должна я въ горькой долѣ
Такія дерзости сносить?

СГАНАРЕЛЬ.

Нѣтъ; милочка моя... я дорожу, ты знаешь,
Твоимъ спокойствіемъ — но надо-жъ прекратить
Его затѣи. — Ты напрасно увѣряешь
Черезъ меня его, что я любимъ тобой,
Что ненавидимъ онъ... не хочетъ онъ и вѣрить,
Какъ будто-бъ ты была способна лицемѣрить!
Пускай же онъ услышитъ голосъ твой!

ИЗАБЕЛЛА (*Валеру*).

Какъ! не вполнѣ еще мнѣ удалось сказаться?
И вы во мнѣ способны сомнѣваться?

ВАЛЕРЪ.

Да все, что было мнѣ отъ васъ говорено
Меня, конечно, изумило,

Я вѣрить не хотѣлъ, чтобъ было рѣшено
Самими вами такъ... безумной страсти сила
Заставила меня просить отъ васъ самихъ
Услышать приговоръ несчастныхъ дней моихъ.

ИЗАБЕЛЛА.

Ему вы не должны нисколько удивляться,
Мои должны вы чувства понимать,
Я смѣло въ нихъ могу признаться
И справедливость доказать....
Готова вновь сказать передъ лицемъ я свѣта,
Что здѣсь теперь передо мной
Судьба поставила два разные предмета
Любви моей и ненависти злой:
Они мнѣ чувства разныя внушаютъ,
Одинъ *мной* избранный — почтенье и любовь,
Другой же, повторяю вновь,
Хоть любитъ онъ меня, хоть онъ по мнѣ страдаетъ,
Мнѣ отвратителенъ, презрѣнъ;
Одинъ, который мною предпочтенъ,
Своимъ присутствіемъ мнѣ сердце утѣшаетъ;
Другаго видѣть я безъ гнѣва не могу,
Не для него любовь я берегу,
Скорѣе умереть, чѣмъ быть его женою....
Но будетъ наконецъ мнѣ чувства выражать,
Пусть тотъ, кого люблю я всей душею
Рѣшится дѣйствовать начать
И бракомъ счастливымъ окончить всѣ мученья.

СГАНАРЕЛЬ.

Такъ, милочка моя, окончитъ безъ сомнѣнья.

ИЗАБЕЛЛА.

Меня спасетъ однимъ лишь этимъ онъ.

СГАНАРЕЛЬ.

Такъ, такъ, душа моя!

ИЗАБЕЛЛА.

Забыть стыда законъ
Принуждена я здѣсь, такъ рѣзко выражаясь.

СГАНАРЕЛЬ.

Нисколько, душечка!

ИЗАБЕЛЛА.

Но передъ свѣтомъ я

Своей судьбой несчастной оправдаюсь....
Безъ маски женской я являюсь
Тому, кого избрала я....

СГАНАРЕЛЬ.

Такъ точно, куколка моя!

ИЗАБЕЛЛА.

Пускай же онъ спѣшитъ — и время не теряетъ.

СГАНАРЕЛЬ.

На ручку, поцѣлуй!

ИЗАБЕЛЛА.

Пускай онъ не вздыхаетъ,
А поспѣшитъ мои желанья исполнять....
Ему могу я слово дать,
Что онъ одинъ моей душею обладаетъ
(обнимаетъ Сганареля — и между тѣмъ подаетъ руку Валеру).

СГАНАРЕЛЬ.

Не бойся, милочка, красоточка моя,
Ждать долго не заставлю я!
(Валеру).
Ну, вотъ вы видите — сама вамъ объявляетъ,
Что лишь ко мнѣ она любовію пылаетъ.

ВАЛЕРЪ.

Довольно — вы теперь сказали ясно мнѣ,
Я понимаю васъ вполнѣ,
И постараюсь васъ избавить скоро
Отъ непріятнаго присутствія того,
Кто ненавистенъ вамъ для сердца и для взора.

ИЗАБЕЛЛА.

И это будетъ верхъ блаженства моего,
Такъ непріятно мнѣ присутствіе его.

СГАНАРЕЛЬ.

Ну! ну!

ИЗАБЕЛЛА.

Да развѣ васъ я этимъ оскорбляю?

СГАНАРЕЛЬ.

Нисколько. Боже мой, но жаль тебя-то мнѣ —
Ты вся разгнѣвана, въ огнѣ....
А не его я защищаю.

ИЗАБЕЛЛА.

Еще владѣю я собой.

ВАЛЕРЪ.

Да, да, — вы будете теперь довольны мной!

ИЗАБЕЛЛА.

Прощайте!

СГАНАРЕЛЬ (*Валеру*).

Жаль мнѣ васъ, ей Богу, всей душой!
Но....

ВАЛЕРЪ.

Жалобъ отъ меня не услыхать вамъ болѣ,
Я подчиняюсь грустной долѣ,—
Иду ея желанья исполнять.

(*уходитъ*).

СГАНАРЕЛЬ (*обнимая его*).

Бѣдняжка! — слезъ не можетъ удержать....
Приди въ мои объятья на прощанье,
Какъ будто бы ее ты будешь обнимать.

—

XV.

СГАНАРЕЛЬ, ИЗАБЕЛЛА.

СГАНАРЕЛЬ.

Какъ хочешь, жалокъ онъ!

ИЗАБЕЛЛА.

Не стоитъ состраданья!

СГАНАРЕЛЬ.

Но отъ любви твоей въ восторгѣ просто я,
Къ чему намъ медлить въ самомъ дѣлѣ?
Къ чему откладывать блаженство на недѣлю,
Рѣшится завтра же, мой другъ, судьба твоя.

ИЗАБЕЛЛА.

Какъ! завтра.

СГАНАРЕЛЬ.

Да — твоя стыдливость,
Конечно, этотъ день хотѣла-бъ удалить;

Но знаю я твою нетерпѣливость,
Тебѣ хочу скорѣе угодить.

ИЗАБЕЛЛА.

Но....

СГАНАРЕЛЬ.

Къ свадьбѣ мы теперь пойдемъ приготовляться.

ИЗАБЕЛЛА (*про себя*).

О небеса! на васъ должна я полагаться!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

I.

ИЗАБЕЛЛА (*одна*).

Да, смерть мнѣ во сто разъ не такъ ужасна,
Какъ этотъ бракъ—пусть люди говорятъ,
Что имъ угодно: я была несчастна—
Они, потомъ, мнѣ смѣлость извинятъ,
Но время—ночь... и къ милому я смѣло
Иду, чтобы окончить наше дѣло.

—

II.

СГАНАРЕЛЬ, ИЗАБЕЛЛА.

СГАНАРЕЛЬ, (*говоря находящимся въ домѣ*).

Я возвращусь сейчасъ... гостей на-завтра звать
Идите отъ меня.

ИЗАБЕЛЛА.

О небо!

СГАНАРЕЛЬ.

Ты-ли это,
Мой ангельчикъ... зачѣмъ тебѣ вставать
Такъ поздно—и притомъ, ты такъ легко одѣта?...

Вѣдь ты сказала мнѣ, что въ комнатѣ своей
Ты хочешь отдохнуть—и не будить просила
До завтра.

ИЗАБЕЛЛА.

Такъ.... но....

СГАНАРЕЛЬ.

Что?

ИЗАБЕЛЛА.

Я не предупредила
Васъ объ одномъ... не смѣла я, ей, ей.

СГАНАРЕЛЬ.

Да что-жъ такое это?

ИЗАБЕЛЛА.

Я въ смущеньи,
Но тайна здѣсь—и важная... сестра
Пришла ко мнѣ просить спасенья
И въ комнатѣ моей пробудетъ до утра.

СГАНАРЕЛЬ.

Какъ?

ИЗАБЕЛЛА.

Знаете-ли вы, что самой пылкой страстью
Сестра моя горитъ къ несчастью,
Къ тому, кого отвергла я.

СГАНАРЕЛЬ.

Къ Валеру?

ИЗАБЕЛЛА.

Да, сестра моя
И стыдъ и все на свѣтѣ позабыла,
Вы сами можете судить, какая сила
Ея любви—когда одна и въ этотъ часъ
Она придти ко мнѣ рѣшилась,
Людей и свѣта не боясь,
И мнѣ открылась,
Что между имъ и ей ужъ больше году связь,
Что даже нѣкогда жениться далъ онъ слово,
И что она на все въ отчаяньи готова.

СГАНАРЕЛЬ.

Неужто?

ИЗАБЕЛЛА.

Что узнавъ, какъ онъ

Моей холодностью въ досаду приведенъ—
Желая упредить отъѣздъ его поспѣшный,
Подъ видомъ и подъ именемъ моимъ
Поговорить она хотѣла-бъ съ нимъ,
Остановить его... Все было безуспѣшно!
Упрековъ я наговорила ей
За то, что такъ она обманывать хотѣла
Того, кто былъ отцемъ, кто другомъ былъ для пей.

СГАНАРЕЛЬ.

Ему-то, старому, — за дѣло!

ИЗАБЕЛЛА.

Но просьбами она замучила меня....
И я пошла уже.

СГАНАРЕЛЬ.

Надъ братомъ посмѣяться
Не прочь бы я... да сплетней то бояться
Привыкъ я, какъ огня.
Нѣтъ—можешь ты себя ославить по-пустому—
Её я выгоню изъ дому.

ИЗАБЕЛЛА.

Позвольте-жъ мнѣ ее предупредить...
Скорѣе спрячьтесь здѣсь.

СГАНАРЕЛЬ.

Ну, дѣлай, какъ ты знаешь.

ИЗАБЕЛЛА, (*входя въ домъ*).

Ни слова съ ней, прошу, не говорить.

СГАНАРЕЛЬ.

Прощай, мой ангельчикъ!... ну, ты не ожидаешь,
Любезный братецъ мой, какъ буду надъ тобой
Смѣяться я....

ИЗАБЕЛЛА (*въ домъ*).

Сестра, я рада-бы душой,
Но не могу: сама ты понимаешь,
Какъ дорога мнѣ честь моя.
Прощай!

СГАНАРЕЛЬ (*становясь за уголъ*).

Скорѣе спрячусь я.

ИЗАБЕЛЛА (*выходя*).

О небеса, молю васъ, помогите!

СГАНАРЕЛЬ.

Куда-жъ она, посмотримъ-ка теперь!

ИЗАБЕЛЛА, (*стучась въ дверь Валера*).

Хоть темно къ счастію.

СГАНАРЕЛЬ.

Къ нему стучится въ дверь,
Вѣдь этакая бестія, скажите!

—

III.

ВАЛЕРЪ, ИЗАБЕЛЛА, СГАНАРЕЛЬ.

ВАЛЕРЪ (*выходя*).

Кто это?...

ИЗАБЕЛЛА.

Тише!... это я,
Я—то есть, Изабелла.

СГАНАРЕЛЬ.

Врешь, бестія... сестра твоя
Стыда дѣвичьяго забыть-бы не посмѣла.

ВАЛЕРЪ.

Ступайте-же скорѣй—не бойтесь ничего,
Вашъ аргусъ спитъ... а если нѣтъ, то шпагой
Теперь я проучу его.

—

IV.

СГАНАРЕЛЬ.

Не хвастайся своей отвагой!—
Твой кладъ я у тебя не стану отнимать.
И къ этой бестіи не буду ревновать —
Эй, кто-нибудь!

(*Стучится въ дверь комиссара*).

—

V.

СГАНАРЕЛЬ, КОМИССАРЪ, НОТАРІУСЪ, ЛАКЕЙ съ фонаремъ.

КОМИССАРЪ.

Что нужно вамъ?

СГАНАРЕЛЬ.

Простите—васъ я безпокою,
За то сейчасъ вамъ дѣло дамъ.

КОМИССАРЪ.

Да что за дѣло—и какое?

СГАНАРЕЛЬ.

Идите въ этотъ домъ—тамъ обольститель есть
И обольщенная,—спасти дѣвичью честь
Должны вы тотчасъ же, и времени не тратя.

КОМИССАРЪ.

Прекрасно—здѣсь со мною кстати
Нотаріусъ.

СГАНАРЕЛЬ.

Идите-жъ, господа!

(*Они уходятъ въ домъ Валера, а Сганарель стучится въ дверь Ариста*).

—

VI.

АРИСТЪ, СГАНАРЕЛЬ.

АРИСТЪ.

Кто это? А, мой братъ?

СГАНАРЕЛЬ.

Подите-ка сюда,
Достойный опекунъ—сѣдой любезникъ,—славно
Надуты вы... посмѣйтесь-ка, забавно,
Забавно очень это?

АРИСТЪ.

Что?

СГАНАРЕЛЬ.

Я вамъ
Сейчасъ во всемъ отчетъ отдамъ.

АРИСТЪ.

Ну, говорите-же!...

СГАНАРЕЛЬ.

Гдѣ ваша Леонора?...

АРИСТЪ.

Къ чему такой вопросъ... на балъ
Она отправилась.

СГАНАРЕЛЬ.

Узнаете вы скоро
И кто, и какъ съ ней танцовалъ.

АРИСТЪ.

Да что за вздоръ такой?

СГАНАРЕЛЬ.

Ее вы наставляли
Отлично—нечего сказать!
Къ чему-де-скать, по строгой жить морали?
Къ чему на ключъ намъ женщинъ запирать?

АРИСТЪ.

Къ чему вамъ разговоръ напрасный начинать?

СГАНАРЕЛЬ.

Любезный старшій братъ—рога къ вамъ такъ пристали!

АРИСТЪ.

Загадки бросьте вы.

СГАНАРЕЛЬ.

Разгадка здѣсь проста:
Она теперь изволитъ быть съ Валеромъ.

АРИСТЪ.

Кто?

СГАНАРЕЛЬ.

Леонора!... въ ней ни капли нѣтъ стыда,
Благодаря разумнымъ вашимъ мѣрамъ.

АРИСТЪ.

Въ толкъ не могу я взять, что говорите вы....

СГАНАРЕЛЬ.

Къ чему тутъ брать и въ-толкъ, коль вы безъ головы,
За то съ огромными рогами.
Пойдемте-ка за мной,—увидите вы сами—
Я дѣло говорю иль нѣтъ....
(*Увидя комиссара, который выходитъ.*)
Да вотъ и лучшій вамъ отвѣтъ!

—

VII.

ТѢЖЕ, КОММИСАРЪ СЪ НОТАРІУСОМЪ.

КОМИССАРЪ.

Здѣсь, господа, вамъ нечего бѣсится,
Валеръ, хотя сейчасъ, готовъ жениться.

АРИСТЪ.

Но гдѣ-жъ она?

КОМИССАРЪ.

Она до тѣхъ не выйдетъ поръ,
Пока вы своего согласья не дадите,
И не окончите безплодный этотъ споръ.

—

VIII.

ТѢЖЕ, ВАЛЕРЪ ВЪ ОКНѢ.

ВАЛЕРЪ.

Позвольте, господа, — сюда вы не входите:
Формальное согласье напередъ!
Вы знаете, кто я.... и если вамъ угодно
Контрактъ нашъ подписать—вы можете свободно
Войдти сюда, а нѣтъ — такъ чортъ меня возьми,
Когда позволю я...

СГАНАРЕЛЬ.

Мы васъ не разлучаемъ,
Не бойтесь—зла мы вамъ нисколько не желаемъ.

(про себя)

Онъ не узналъ ее еще,
Желѣзо куй покамѣстъ горячо!

АРИСТЪ.

Но Леонора ли?

СГАНАРЕЛЬ.

Молчите.

АРИСТЪ.

Но....

СГАНАРЕЛЬ.

Молчите
Вамъ говорятъ.

АРИСТЪ.

Я знать хочу.

СГАНАРЕЛЬ.

Опять!
Да будете-ли вы молчать?..

ВАЛЕРЪ.

Чтобъ ни было—чѣмъ мнѣ вы ни грозите,
Но Изабелла навсегда моя —
Я ей любимъ и ею выбранъ я.

АРИСТЪ.

Онъ говоритъ не то.

СГАНАРЕЛЬ.

Молчите, ради Бога,
Потомъ узнаете....
(*Вслухъ.*)
Съ условіемъ однимъ
Согласны мы — но вы его держите строго:
Жениться вы должны на той, кого найдемъ
У васъ мы въ комнатѣ.

КОМИССАРЪ.

Конечно, это ясно.

ВАЛЕРЪ.

Согласенъ!

СГАНАРЕЛЬ.

Ну, стало и прекрасно?
(*Про себя.*)
Ужъ посмѣемся-жъ мы потомъ...
(*Вслухъ.*)
Подписывайте, братъ!

АРИСТЪ.

Да что все это значитъ?

СГАНАРЕЛЬ.

Подписывайте, говорятъ!

АРИСТЪ.

Да кто изъ васъ кого дурачитъ
Не понимаю я....

СГАНАРЕЛЬ.

Подписывай!

АРИСТЪ.

Я радъ.

(*Подписываетъ.*)

СГАНАРЕЛЬ (*подписывая за нимъ.*)

Ну вотъ и кончено—теперь и объясненье
Готовъ я дать...

(*Отходитъ съ Аристомъ въ глубину театра.*)

—

IX.

ЛЕОНОРА, СГАНАРЕЛЬ, АРИСТЪ И ЛИЗЕТА.

ЛЕОНОРА.

Ужасное мученье!
Отъ этихъ франтиковъ, ей Богу, нѣтъ спасенья,
Несносные!

ЛИЗЕТА.

Но.... вамъ-же угодить
Хотѣли всѣ они ..

ЛЕОНОРА.

Да только не успѣли....
И скуки не могла я больше выносить.

СГАНАРЕЛЬ (*Аристу*).

Повѣрьте это такъ—увидите на дѣлѣ
(*Видя Леонору.*)
Да, кстати, вотъ она и съ горничной своей.

АРИСТЪ.

Простите, но теперь безъ гнѣва, Леонора,
Я вамъ скажу, что вы любви моей
И нѣжности не поняли.... укора
Вы не услышите,—но Боже! для чего
Скрываться было вамъ?—согласья моего
За чѣмъ вы прямо не спросили?...
Повѣрьте — никогда не запретилъ бы я
Вамъ сердцу слѣдовать.... за чѣмъ вы это скрыли?
Вѣдь этимъ дружба къ вамъ оскорблена моя.

ЛЕОНОРА.

Я вашихъ словъ совсѣмъ не понимаю,

Но, вѣрьте мнѣ, что я всегда,
По-прежнему, васъ и люблю и уважаю,
Что всякая любовь другая мнѣ чужда,
Что если только вы хотите,
То съ вами завтра же пойду я подъ вѣнецъ.

АРИСТЪ.

Да что же вы то говорите,
Почтенный братецъ, наконецъ?

СГАНАРЕЛЬ.

Какъ—у Валера вы сегодня не бывали?
Къ нему вы страстью не пылали?

ЛЕОНОРА.

Какія глупости? кто могъ ихъ насказать,
Кто могъ такъ нагло клеветать?

—

X.

ТѢЖЕ, ВАЛЕРЪ, ИЗАБЕЛЛА, ЭРГАСТЪ.

ИЗАБЕЛЛА.

Сестрица — я у васъ прошу прощенья,
За то, что имя ваше я взяла —
Къ обману этому принуждена была
Прибѣгнуть я, и въ немъ искать спасенья....
(Сганарелю)
Предъ вами же не извиняюсь я,
Не созданы мы съ вами другъ для друга,
И не достойна васъ рука моя....
По сердцу я нашла себѣ супруга.

ВАЛЕРЪ.

А я, сударь,—повѣрьте, радъ вполнѣ,
Что сами вы ее вручили мнѣ.

АРИСТЪ.

Любезный братъ.... вы лучше не сердитесь,
Повѣрьте, что объ васъ не станутъ и жалѣть,
Скорѣй засмѣйтесь и миритесь.

ЛИЗЕТА (*Изабеллѣ*).

Отлично же его умѣли вы надуть!

ЛЕОНОРА.

Отлично или нѣтъ — я этого не знаю,
Но, милая сестра, вполнѣ тебя прощаю.

ЭРГАСТЪ.

Носить рога онъ былъ ужъ обреченъ судьбой,
Не лучше-ли, что онъ обманутъ не женой.

СГАНАРЕЛЬ (*выходя изъ оцѣпененья*).

Нѣтъ, нѣтъ — на силу я въ себя отъ изумленья
Могу теперь придти.... самъ чортъ не могъ хитрѣй,
Лукавѣй провести.... о! хитрыя творенья
Всѣ эти женщины! — Готовъ душой моей
Я клясться былъ за эту,
Я цѣлому готовъ былъ свѣту
На перекоръ идти.... и вотъ!
О ты лукавый женскій родъ!
Ты созданъ весь для нашей муки.
Нѣтъ кончено — теперь я умываю руки,
И женщина въ любовь меня не завлечетъ.

ЭРГАСТЪ.

Ну, ну!

АРИСТЪ.

Пойдемте всѣ за мною,
Мы завтра помиримъ его съ судьбою.

ЛИЗЕТА (*публикѣ*).

Когда мужей такихъ же, господа,
Еще вы знаете — пошлите ихъ сюда,
Они здѣсь могутъ научиться —
На старости — хоть не жениться!

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

КАБАРДИНЕЦЪ.

(Очеркъ горскихъ нравовъ).

Мрачная ночь заволокла роскошное небо Большой Кабарды тучами черными, какъ зюльфы Перса (*). Вѣтеръ гнулъ къ землѣ вѣковую чинару непроходимыхъ рощь, и дико ревѣлъ въ глубокой пропасти. Въ Дарьяльскомъ аулѣ, гнѣздѣ страшныхъ и жестокихъ хищниковъ, сквозь щелистыя двери и крошечныя окна саклей заблисталъ скудный огонекъ.... Въ это время, на скалахъ, задвинувшихъ неприступною грудью Дарьялъ, показался всадникъ. Въ такую страшную ночь и по такой опасной дорогѣ могъ только отважиться одинъ хищный кабардинецъ. Конь его храпѣлъ отъ усталости, чутко и осторожно ступая по неровной, каменистой почвѣ; то, какъ змѣя, на хвостѣ сползалъ онъ съ крутизны, то снова, переведя духъ и встряхнувъ шелковистою гривой, взбирался надъ пропастями по извилистымъ стежкамъ. Всадникъ, завернувшись въ бурку, и надвинувъ на глаза косматую шапку, изрѣдка ободрялъ коня ласковымъ словомъ.—"Ну Мулла!... еще сотню шаговъ и мы на покойномъ ночлегѣ, говорилъ кабардинецъ, видишь, голубчикъ Мулла, огонекъ въ

(*) Зюльфы, локоны, которые персіяне закидываютъ за ухо.

саклѣ Муррета. Пріятель, видно, поджидаетъ насъ.... Ну.... осторожнѣй.... Мулла! ты долженъ быть хитеръ и осмотрителенъ, какъ тѣ хищники, которые, во имя Аллаха и его пророка Алія, обобрали у меня барановъ и отняли жену... Эхъ, славно жилъ я въ Дербентѣ... да пока еще и здѣсь не худо„... Такъ говорилъ наѣздникъ коню, а мракъ, какъ нарочно пытая горскаго скакуна, густѣлъ и густѣлъ: горецъ не замѣтилъ бы ствола вражеской винтовки, хоть она была-бъ на ладонь отъ широкой груди его. Къ довершенію тьмы, густой туманъ даже скрылъ и огни знакомаго аула... Только протяжный, печальный лай недокормленныхъ псовъ сказывалъ о близкомъ жильѣ.... — Тсъ!... стой Мулла! проговорилъ горецъ. Въ такую тьму, пожалуй, наступишь кому и на языкъ... Долголь до бѣды, того и гляди, что шайтанъ разыграется да подставитъ ногу, тогда хватайся за этотъ проклятый мракъ, какъ полетишь въ адскую пропасть! — и спрыгнувъ съ сѣдла, онъ прилегъ къ землѣ... Да!.. продолжалъ онъ, пропасть близка; я слышу ясно гдѣ-то недалеко шумитъ потокъ... Вотъ горе! не люди—такъ погода, а все помѣха! Потомъ, взявъ подъ уздцы своего вѣрнаго снутника, горецъ медленно сталъ подвигаться впередъ, ощупывая прежде тропинку прикладомъ винтовки.

А въ ауле Дарьяльскомъ, въ саклѣ Муррета, куда спѣшилъ нашъ запоздалый путникъ, на пылающемъ хворостѣ, въ развалившейся печи, кипѣла баранина, около которой хлопотала старуха; тутъ же, подлѣ нея, на полу, съ визгомъ и плачемъ валялись полунагіе ребятишки. Старикъ Мурретъ чистилъ ржавую винтовку; а дочь его Ара, молодая дѣвушка рѣдкой красоты, истая черкешенка, съ огневыми очами, смазывала саломъ кинжалъ и шашку отца. — Ара... сказалъ старикъ, обращаясь къ дочери; возьми плеть... да уйми этихъ негодныхъ волчатъ: экъ развизжались, щенки, будто бабы у колодца!.. Визгъ и крикъ дѣтей смолкъ въ туже минуту.... „Ага! продолжалъ отецъ: плети боитесь!.. Вотъ я васъ... Гура!.. слышь ты... старая шакалка!.. я тебѣ говорю! Старуха подняла голову, оставивъ свое занятіе у печи. — Изъ-за чего подрались ребятишки? спросилъ старый Мурретъ.

— Да вотъ твой любимецъ Харрабетъ укралъ кусокъ баранины....

— Какъ!.. Изъ котла?.. голыми руками?

— Да, изъ котла и голыми руками.

— Харрабетъ!.. Поди сюда. Мальчикъ лѣтъ четырнадцати высунувъ изъ-подъ циновки свою курчавую голову, посмотрѣлъ на отца и не двигался съ мѣста.

— Сюда... тигренокъ!.. вскрикнулъ Мурретъ. Мальчикъ повиновался.

— Какъ ты укралъ баранину... покажи мнѣ.

Харрабетъ подошелъ къ котлу, въ которомъ съ шумомъ клокотала вода и съ удивительною ловкостію и проворствомъ выбросилъ оттуда кусокъ горячей баранины. Громкій и одобрительный смѣхъ отца былъ наградою ловкости сына...

— Спасибо, Харрабетъ! вскричалъ старикъ, молодецъ! Спасибо!.. Подарю тебѣ за это мою старую винтовку... умникъ... джигитъ Харрабетъ!.. Ну, старая... говори, что потомъ?

— Вотъ какъ этотъ воришка....

— Тише!... шакалка... какой воришка?.. Удалецъ, говори... ну... говори же!...

— Вотъ, какъ этотъ удалецъ вытащилъ изъ котла кусокъ баранины, а Мухомъ съ Реготомъ и кинулись на него, чтобъ отнять добычу....

— Ну, что жъ Харрабетъ... уступилъ?...

— Уступитъ онъ... какъ-же!.. Посмотри, сколько крови пустилъ изъ братьевъ, и если-бъ не плеть, такъ баранина осталась-бы за нимъ...

Вотъ, это такъ не хорошо... Харрабетъ боится плети и уступаетъ добычу!.. Пхе!.. Не хорошо!.. Поди сюда, продолжалъ Мурретъ, обращаясь къ сыну. За то, что ты такъ искусно и ловко умѣешь красть, не боясь ни огня, ни обжоги, я дарю тебѣ мою винтовку... Помни же, когда мы будемъ рѣзаться на русскихъ станицахъ, то и тамъ не упускай лакомаго куска, хоть цѣлый адъ и тысяча штыкокъ загородили бъ тебѣ дорогу!.. Но за то, что ты струсилъ плети и упустилъ добычу, я тебя побраню... А чтобъ ты помнилъ, такъ и побью! Сказавъ это, отецъ принялся стягать сына плетью.

Какъ угли загорѣлись глаза Харрабета, мускулы мальчика натянулись и задрожали отъ боли и злости....

Харрабетъ выбѣжалъ изъ сакли. Разсвирѣпѣлый горецъ проворно схватилъ пистолетъ, висѣвшій на стѣнѣ и на-удачу пустилъ пулю вслѣдъ сыну...

— Что-бъ тебѣ всегда такъ мѣтко бить, какъ въ эту ми-

нуту. Деманъ заговорилъ твою пулю! прокричалъ Харрабетъ, и съ громкимъ хохотомъ исчезъ въ темнотѣ...

Блѣдный, помертвѣвшій отъ злобы и досады, стоялъ Мурретъ на порогѣ своей сакли, гдѣ долго послѣ выстрѣла и словъ мальчика царствовало глубокое молчаніе, прерываемое по-временамъ трескомъ горящаго хвороста и тяжелыми вздохами молодой Ары; на глазахъ дѣвушки навернулись слезы; но когда Мурретъ, выйдя изъ оцѣпенѣнія, захлопнулъ дверь сакли, Ара проворно и незамѣтно отерла увлаженныя рѣсницы и принужденная улыбка снова явилась на темно-розовыхъ, роскошныхъ губкахъ дѣвушки.

— Онъ не вернется въ саклю отца своего! печально проговорилъ Мурретъ... Потомъ прибавилъ повелительно: Старуха... ѣсть!... живо!...

Чрезъ нѣсколько часовъ въ саклю Муррета вошелъ горецъ. Кровь струилась по израненному лицу его, одежда была изорвана въ клочья...

— Междн-Юсуфъ! вскричалъ хозяинъ. Благослови Аллахъ приходъ твой, и принеси въ домъ мой вѣсть о вѣрной добычѣ!...

Гость не вымолвилъ ни слова въ отвѣтъ, и въ изнеможенін опустился на скамью.

— Что это!.. Ты въ крови!.. Гдѣ-жъ конь твой... винтовка... шашка?

Меджи-Юсуфъ покачавъ головою, грустно махнулъ рукою, какъ бы говоря: все пропало!...

— Возможно-ли?.. Ты израненъ!.. ограбленъ!.. Не думаю, чтобы это могло случиться въ нашемъ аулѣ?.. Мы гостей не грабимъ, пусть онъ злѣйшій врагъ, пусть кровь его нужна, какъ порохъ...

— Дай мнѣ воды... прошепталъ гость... Вотъ теперь я могу говорить, продолжалъ онъ, когда вода освѣжила его.

— Ну, разскажи, что съ тобой случилось? спрашивалъ нетерпѣливый Мурретъ.

— Ты знаешь, Мурретъ, началъ Меджи-Юсуфъ, что сегодня я долженъ былъ пріѣхать къ тебѣ.

— Какъ не знать!.. я, какъ на горячихъ угольяхъ, ждалъ твоего пріѣзда!.. молодцы джигиты такъ и порываются въ наѣздъ, только и остановки, что за твоимъ узденемъ Джемхаломъ... Ну... что онъ?

— Будетъ завтра въ полночь. Этотъ молодецъ поднялъ въ наѣздъ не только свой, но и сосѣдній аулъ...

— Быть удачѣ! вскричалъ старикъ, потирая руки... Но ты не сказалъ мнѣ кой-чортъ тебя такъ изуродовалъ...

— Не чортъ... а чертенокъ... Твой сынъ...

— Будь проклята минута, въ которую я сталъ отцомъ этого змѣеныша!.. Такъ!.. такъ!.. часа два назадъ онъ бѣжалъ отъ меня. Но какъ удалось такому щенку обидѣть храбраго Меджи-Юсуфа? не понимаю!

— Эхъ, кунакъ. Да развѣ знаешь, когда укуситъ бѣшеная сабака? такъ и это. Слушай... все разскажу... Ужъ близко я былъ на скалахъ ввиду аула, знакомый огонекъ твоей сакли мелькнулъ было мнѣ, какъ вдругъ туманъ и мракъ сбили меня съ дороги. Еще хорошо не познакомившись съ вашими горными тропинками я боялся обрушиться въ пропасть, и потому, не довѣряя коню, повелъ его за собою. Вдругъ шелестъ чьихъ-то шаговъ заставилъ меня остановиться... начинаю прислушиваться... дѣйствительно... Кто-то быстро подходитъ ко мнѣ.... Другъ или недругъ? подумалъ я и окликнулъ, выправивъ винтовку. — Меджи-Юсуфъ... ты? — Кто тутъ? — Харрабетъ, сынъ Муррета.—А, слава Аллаху! подумалъ я, Харрабетъ выведетъ меня изъ этого омута! я такъ обрадовался проклятому щенку, что поцѣловалъ его, а признаюсь я рѣдко цѣловалъ и любимую жену мою.—Ну, сказалъ я, веди-жъ меня къ отцу.—Разумѣется, отвѣчалъ онъ, за чѣмъ же и шелъ сюда, развѣ не догадываешься? меня послали тебя встрѣтить.—Ну, ну, вотъ и хорошо, вотъ и славно.... говорилъ я. Мы пошли. — Осторожнѣй, Меджи-Юсуфъ, говорилъ сынъ твой: тутъ близко пропасть; дай-ка, продолжалъ онъ, я поведу коня, да сними винтовку-то... дай мнѣ и шашку... хоть ноша и не тяжела, да все, я думаю, плечи оттянула... Я не прекословилъ услужливости Харрабета. Отдалъ ему коня, отдалъ и винтовку и шашку, а самъ пошелъ за нимъ.—Стой, сказалъ Харрабетъ чрезъ нѣсколько минутъ, я, кажется, сбился... нужно осмотрѣться. Мы остановились. Но въ то же мгновеніе сынъ твой, будь онъ проклятъ, съ силою толкнулъ меня въ шею... быстро и безъ памяти, покатился я внизъ, царапая о кремни лицо, и оставляя на нихъ клочья одежды, а надо мной раздался злобный, рѣзкій смѣхъ мальчишки. Долго-ли лежалъ я, не помню; холодный вѣтеръ освѣжилъ меня, и собравъ оста-

токъ силъ, я почти доползъ до твоей сакли... Вотъ, братъ Мурретъ, какого ты выкормилъ звѣря.

Вмѣсто отвѣта старикъ печально покачалъ головою.

— По его милости, продолжалъ гость, я долженъ сидѣть теперь на порогѣ сакли, тогда, какъ молодцы джигиты на станицѣ, съ кинжала, будутъ добывать золото и красавицъ... Проклятіе! Не жаль такъ черепка, который вышибъ изъ затылка, какъ шашки... вотъ сталь!.. Чистая дагестанская, работы лучшаго дербентскаго мастера! Она была памятью брата, и на клинкѣ вырѣзано его имя *Муфетъ-Али*....

— Раздѣляю твое горе и досаду, любезный Меджи-Юсуфъ... Аллахъ видитъ, говорилъ Мурретъ, положа на сердце руку, что желалъ-бы тебѣ воротить все... Но, погоди, вернемся изъ наѣзда... Быть можетъ мое желаніе и сбудется... Ну, Харрабетъ!... Ну, змѣенышъ!

II.

Была глухая полночь. Въ окнахъ мазанокъ С—ской станицы, занятой въ то время Черноморскими казаками, и раскинутой у подножія скалы, на берегу Терека, давно уже потухли огни; изрѣдка слышался тихій говоръ сторожевыхъ, стоявшихъ на линіи, или ихъ протяжный окликъ. Въ одной изъ мазанокъ скрипнули двери, и на порогѣ ея показались два казака.

— Прощай, Стыцько, мій ридный кумъ!... дай тоби Боже всякаго пріятства и таланту... Що бы тоби все було гарно... говорилъ одинъ изъ нихъ, по видимому провожая гостя.

— Прощай, братику Осипеньку! отвѣчалъ другой. Ну, прощай! счастливо остоваться...

— Прощай! и дверь мазанки, снова скрипнувъ — затворилась за уходившимъ.

Стыцько надвинулъ на глаза шапку, покрутилъ усъ и хотѣлъ было еще сказать какое-то привѣтствіе, на прощанье своему куму, но зѣвнувъ разъ, другой, побрелъ своимъ путемъ.

— Ну, ужъ Осипъ, говорилъ онъ себѣ. А добре же и попотчивалъ!... Хе... що жъ это вмене очи ослипли... ни чего

ни бачу... хоть цильнаго кавуна (*) въ глазъ кинь... О... то горилка... такъ ужъ я-те скажу!..

Стыцько самъ не зналъ, какъ вышелъ изъ станицы за кордонную линію сторожевыхъ казаковъ, и очутился на крутомъ и обрывистомъ берегу Терека. Между тѣмъ кто-то проворно спустившись на конѣ по крутизнѣ, неожиданно наѣхалъ на заблудившагося.—Эге! стой! черкесъ или товарищъ? вскричалъ Стыцько, ухватя подъ уздцы лошадь; всадникъ, вмѣсто отвѣта, бросилъ вверхъ шапку, это значило „другъ“ — Эге! Сюда, братцы... Панове козаки... Сюда! О-то черта въ рѣкѣ изловилъ... Пидывитесь! голосилъ Стыцько изо всей мочи.

Между тѣмъ незнакомецъ не трогался съ мѣста, спокойно сидя въ сѣдлѣ, онъ, казалось, ожидалъ отвѣта на зовъ казака.

На станицѣ ударили тревогу... Запылали смола и солома. Чрезъ нѣсколько минутъ толпа вооруженныхъ казаковъ освѣтила плѣннаго. Это былъ бѣглецъ Харрабетъ. Затѣмъ кабардинца спѣшили, но не добившись отъ него ни слова, повели къ эсаулу.

Эсаулъ Курденко, знакомый кабардинскимъ и чеченскимъ наѣздникамъ своею страшною храбростью, былъ одинъ изъ ужасныхъ карателей и враговъ ихъ. Въ два года стоянки на линіи онъ надѣлалъ тьму чудесъ, въ каждой сшибкѣ поражая дерзкихъ; всегда готовый грудью отстаивать родныя хаты друзей и братій, онъ первый являлся на призывный выстрѣлъ линейца. Горе ожидало дерзкаго абрека, который рѣшался помѣриться съ Курденкой удалью и длиною своего клинка, — тотъ абрекъ ужъ не возвращался въ родную саклю. За то, какъ водится, хищники не жаловали эсаула; оттачивая въ тайнѣ кинжалы, они только выжидали удобной минуты въ одинъ разъ поплатиться за всѣ свои неудачные наѣзды. Они хорошо знали, что станица Курденка, или какъ они прозвали его Желѣзнаго Дротика, богата всякимъ оружіемъ, скотомъ и красавицами; знали такъ же, что у станичниковъ шашки остры, а удаль молодецкая, и что своего добра они не уступятъ....

Горскимъ хищникамъ оставалось одно средство: напасть на станицу въ расплохъ, но удачно, дружно, массою.

(*) Кавунъ — арбузъ.

Съ этою цѣлью хитрые наѣздники, въ продолженіе года не нападали на станицу, думая усыпить бдительность Желѣзнаго Дротика и его казаковъ, а потомъ упасть на ихъ головы, какъ снѣжная лавина. Курденко, дѣйствительно, думалъ, что наконецъ хищники нашли за лучшее оставить его въ покоѣ, и часто въ кругу своихъ удальцовъ говаривалъ: „То-то вражьи дѣти.... Волчье племя! не утягать вамъ усовъ изъ подъ моего носу!...“ Но коварные враги не дремали, подзывая молодцовъ въ наѣздъ на неприступную станицу. Вотъ для чего Меджи-Юсуфъ ѣздилъ къ узденю Джемхалу отъ стараго Муррета, предводителя самыхъ отчаянныхъ наѣздниковъ и злаго, непримиримаго врага русскихъ вообще и Курденка въ особенности.

Въ то время, когда маленькаго кабардинца вели къ эсаулу, Джемхалъ на лихомъ скакунѣ летѣлъ впереди отборной дружины своихъ молодцовъ.

— Стой!... крикнулъ Курденко; это кто?

— Да вотъ, батько, бисъ его знае, якъ винъ сюда попавъ, сказалъ одинъ изъ казаковъ. Мы его пытали, да винъ молчитъ, хиба по нашему ни разумѣетъ....

Когда позвали толмача и стали допрашивать плѣннаго, то на первый вопросъ Харрабетъ отвѣчалъ, что желалъ бы видѣть начальника станицы.

— Я начальникъ, сказалъ эсаулъ, что тебѣ до меня надо?

— Я тебѣ принесъ важную вѣсть... обѣщаешь-ли дать мнѣ свободу тотчасъ же, когда скажу ее?...

— Ну еще это впереди... тамъ увидимъ!

— Такъ я ни скажу ни слова. Лучше будетъ, бекъ, взять добромъ, что даютъ... Бери орленка, когда онъ голъ еще, а какъ оперится, не изловишь его въ поднебесьи.

— Малъ разбойникъ, а десятерыхъ плутовъ стоитъ!!.. Ну... говори, волченокъ!...

— Такъ... слово честнаго джигита, что отпустишь меня на свободу?...

— Отпущу... провалъ тебя возьми! вскричалъ Курденко, ударивъ рукою по шашкѣ.

— Завтра въ полночь, началъ Харрабетъ, если только мракъ разстелется надъ Терекомъ, — будь остороженъ, какъ лисица... На вашу станицу готовитъ наѣздъ кабардинское племя трехъ ауловъ: Карабата, Джемата и Дарьяла подъ

предводительствомъ узденя Джемхала и стараго Муррета, отца моего; они сегодня сѣли на коней....

— Такъ сынъ Муррета?...

— Да... я сынъ его.

— И предаешь отца?...

— Предаю....

— Что тебя заставило рѣшиться на такое страшное предательство?... Однако правду-ль ты говоришь намъ, а?... спрашивалъ эсаулъ.

— Если слова мои не оправдаются на дѣлѣ, то прикажи меня повѣсить завтра-же!

— Если не обманулъ насъ, то скажи, какой ждешь награды?

— Награды?... никакой.

— Я тебѣ дамъ горсть... большую горсть золота....

— Золота? сказалъ съ презрительной улыбкой мальчикъ, побереги его, бекъ, для себя....

На станицѣ опять все затихло. И снова потухли огни.

Вечерній горизонтъ, задвинутый дождевыми тучами, предвѣщалъ темную, мрачную и непогодливую ночь надъ Терекомъ. Казаки С—ской станицы давно уже поджидали недруговъ, раздѣлясь на отряды и залегши въ густые камыши, по обоимъ берегамъ рѣки, противъ своей станицы, оставивъ врагамъ только одну тропу при спускѣ въ Терекъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ крутой берегъ рѣки образовалъ собою небольшой мысъ, поросшій мелкимъ кустарникомъ; нѣсколько человѣкъ донцовъ, составляя отдѣльный отрядъ, прикрывали орудіе. Между ними былъ нашъ знакомецъ Стыцько, который теперь смѣшилъ до слезъ окружавшихъ его товарищей, разсказывая имъ что-то....

— Тсъ!... Смирно!... По мѣстамъ! сказалъ въ полголоса урядникъ. Теперь... ни-гугу, товарищи! добавилъ онъ.

Ночь была темная, мрачная, какъ тоска горемыки... дождь лилъ ручьемъ... Терекъ стоналъ и заливался шумнымъ плескомъ валовъ.... А въ камышахъ было тихо, Донцы словно

вымерли. Вотъ, близъ полуночи, послышался отдаленный гулъ и чрезъ нѣсколько минутъ топотъ коней.... Потомъ зашумѣла вода въ Терекѣ.... Безстрашные наѣздники довѣрили себя и коней быстрой рѣкѣ.... Въ то-же мгновеніе съ берега раздался выстрѣлъ... за нимъ другой... третій и на станицѣ ярко запылали смоляныя бочки... Дивную картину освѣтили онѣ. Наѣздники гибли въ водѣ, поражаемые картечью, какъ варомъ, и мѣткими выстрѣлами казацкой винтовки... Немногіе изъ отважныхъ вынесли на кинжалѣ свою свободу.

Въ минуту битвы на лѣвую сторону станицы выбрались изъ рѣки два горскихъ всадника, и пригнувшись къ лукѣ, какъ орлы, помчались за кѣмъ-то.... Передовой всадникъ, повидимому скакавшій отъ нихъ, не сдержался въ сѣдлѣ и грянулся на землю.

Одинъ изъ горцевъ быстро спрыгнулъ съ коня... „Ты думалъ избѣгнуть руки отца?... сказалъ онъ Но великъ Аллахъ и пророкъ его, проклятіе отца всегда падаетъ на голову дѣтей.... теперь готовься умереть.... Я удавлю тебя уздечкою твоего же коня!... говорилъ старый Мурретъ въ то время, какъ его товарищъ, уздень Джемхалъ, наступилъ ногою на грудь Харрабету.

Но въ это мгновеніе въ воздухѣ свистнули казацкіе дротики и Донцы съ гикомъ ринулись на враговъ.... Начальники погибшей дружины быстрѣе молніи мѣтнулись къ своимъ конямъ, и прыгнувъ въ сѣдло, вихремъ умчались отъ преслѣдованій. Они бросили свою жертву....

III.

Спустя пять лѣтъ послѣ описанныхъ нами происшествій, однажды, въ лѣтнюю ночь, въ ущельи скалъ, висящихъ надъ Терекомъ, гдѣ Большая Кабарда отдѣлилась отъ Чечны, вкругъ разложеннаго огня, на которомъ жарился шашлыкъ, сидѣли четыре горца. Трудно было-бъ узнать къ какому племени принадлежали они. Ветхая одежда ихъ представляла разительную противуположность и смѣсь; — только одинъ изъ нихъ, молодой, красивый горецъ отличался чистотою и богатствомъ. Въ сторонѣ были сбатованы четыре коня.

— Что, Трама, спросилъ одинъ изъ нихъ, слышалъ-ли

ты, пріятель, какъ русскіе поколотили на-дняхъ твоихъ родичей и размѣтали на вѣтеръ ваши аулы?

— А слышалъ-ли ты, Румедъ-Садекъ, возразилъ съ запальчивостью молодой горецъ, отвѣчая вмѣсто кабардинца Трама, какъ русскіе разбили твоего хана.... Мы, братъ, про свою бѣду знаемъ.... Да вѣдь кабардинская винтовка хотя и бьетъ свинцомъ, а все-таки вѣрнѣе аварской мѣди....

— Ну, бекъ... вотъ ты ужъ и разсердился, а я вѣдь такъ спросилъ: хотѣлъ сказать новость....

— Береги эту новость для себя....

— Разумѣется.... что тутъ удивительнаго, если русскіе побьютъ когда кабардинцевъ.... не первый разъ, прошепталъ четвергый, повидимому соплеменникъ Румедъ-Садека, обиженный словами молодаго товарища.

Но шопотъ и злая улыбка его не миновали ушей и взгляда послѣдняго.... Кабардинецъ взглянулъ на него такими огненными глазами, что, казалось, готовъ былъ ими, какъ молніей, спалить насмѣшника.... Кинжалъ сверкнулъ въ рукахъ обиженнаго....

— Тсъ.... Стой! прошепталъ Трама, заслоняя собою аварца, и указывая внизъ.... Баранта послѣ! продолжалъ онъ.... Глядите.... Есть другая работа для кинжаловъ.... Не забывайте, что мы доѣдаемъ послѣдній кусокъ баранины, и что въ нашихъ карманахъ не завалялся и полуабазъ....

Ссора погасла, и все вниманіе враговъ-товарищей обратилась на вьючныхъ коней, подлѣ которыхъ шли два усталые путника, куря табакъ изъ коротенькихъ горскихъ трубокъ.... Одинъ изъ нихъ остановился, осмотрѣлъ мѣстность, и обращаясь къ товарищу, сказалъ ему: Меджи-Юсуфъ, отдохнемъ здѣсь.... тутъ есть и конямъ кормъ, да и вода близко....

— Да... да, Мурретъ пора, давно пора отдохнуть! Говоря это, путники развьючили коней, и разостлавъ бурки, легли подъ чинарой.

— Помоги, Аллахъ, выбраться изъ этихъ трещинъ и закоулковъ! Здѣсь, того и гляди, наткнешься на молодцовъ, что какъ коршуны повили гнѣзда на этихъ скалахъ, началъ Мурретъ. Заплатили же намъ русскіе, продолжалъ онъ, помолчавъ съ минуту; заплатили съ лихвою за все, про все.... Немного уплелось нашихъ изъ родныхъ ауловъ.

— Что дѣлать! Воля Аллаха и его пророка!... смиренно отвѣчалъ Меджи-Юсуфъ. Но погоди, братъ Мурретъ, доберемся до моего роднаго Дербента, тамъ забудешь свое горе... Къ чорту наѣзды и винтовку!.... Торгуй въ духанѣ кахетинскомъ, да табакомъ.... и голова, и карманъ будутъ цѣлѣе....

— Такъ.... такъ, Меджи-Юсуфъ!...

Въ эту минуту раздался выстрѣлъ, пуля съ визгомъ прорѣзала шапку Муррета и ударилась въ чинару...

— Громко.... да невѣрно.... надо-бъ хоть на волосъ ниже! отвѣчалъ безстрашный старикъ, и обнаживъ шашку, спиною прислонился къ толстой чинарѣ; Меджи-Юсуфъ послѣдовалъ его примѣру.

Четыре хищника, обнаживъ кинжалы, съ гикомъ бросились на готовыхъ защищаться путниковъ.

Мурретъ брякнулъ куркомъ своей винтовки, хищникъ зашатался и со стономъ грянулся на-земь.

Не долго боролись остальные товарищи убитаго, всѣ они погибли подъ искусными и ловкими ударами кинжаловъ старика Муррета и Меджи-Юсуфа. Луна вышла изъ тучь.

— Великъ Аллахъ!... Велика помощь святаго пророка его!... шепталъ Меджи-Юсуфъ, отирая кинжалъ полою своего чекменя. Это что!... вскричалъ онъ, снимая шашку съ убитаго кабардинца. Смотри, Мурретъ, шашка моего брата! Читай!... видишь на ней написано:

„Муфетъ-Али.“

Старикъ нагнулся къ убитому юношѣ, желая вглядѣться въ черты лица его, искаженныя предсмертною судорогою.

— Да.... Меджи-Юсуфъ, тихо сказалъ Мурретъ... Шашка твоего брата.... А эта грудь пробитая моею пулей.... грудь Харрабета....

В. САВИНОВЪ.

ИСТОРІЯ ИСКУССТВА.

ПОЛЕВОЙ,

КАКЪ ДРАМАТИЧЕСКІЙ ПИСАТЕЛЬ.

Истина выше людей и не должна бояться ихъ, особенно истина объ умершемъ человѣкѣ, могила котораго требуетъ суда, а не осужденія, должной справедливости, а не восторженныхъ похвалъ ложныхъ друзей, или пристрастнаго ропота раненныхъ самолюбій.

Многіе съ вопросомъ о Полевомъ-драматургѣ соединяютъ какой-то важный вопросъ о русской драматической литературѣ. Успѣхъ и количество пьесъ, написанныхъ Полевымъ, искушаютъ жаркихъ энтузіастовъ, и они придаютъ репертуару покойнаго такія достоинства, какихъ у него вовсе не было, — даютъ ему такое положеніе, котораго онъ, безъ вѣчнаго спора съ истиной, никакъ не можетъ занять. Тутъ, чтобъ подкрѣпить свое сужденіе, замѣчаютъ, что Полевой, за исключеніемъ Гоголя, былъ выше всѣхъ современныхъ ему драматическихъ писателей. Мы думаемъ, что роль Ѳомы въ извѣстной русской поговоркѣ — никакъ не можетъ быть заслугою писателя. И не странно ли было бы произвесть пишущаго въ таланты, потому только, что онъ, первенствуя въ одномъ родѣ литературы, хотѣлъ первенствовать и въ другихъ родахъ ея. Энциклопедизмъ дѣятельности не есть дѣйствительное призваніе ко *всему*. Никто не вправѣ порицать По-

леваго за то, что онъ хотѣлъ сдѣлать въ драматической литературѣ, но никому не запрещено, ничѣмъ не стѣсняясь, при авторитетѣ истины, произнесть свой судъ надъ тѣмъ, что сдѣлалъ для Русскаго Театра нашъ знаменитый критикъ.

Начнемъ съ собственныхъ словъ Полеваго.

Въ «послѣсловіи» своихъ «Драматическихъ произведеній и переводовъ» — часть II, стр. II — онъ говорилъ:

«Драматическія занятія мои встрѣтили двѣ противоположности: *вниманіе* публики и *осужденіе* критики».

«За немногими исключеніями, которыя пріемлю съ глубокою признательностію, все, что можно сказать объ Александрахъ Анфимовичахъ Орловыхъ, «и подобныхъ ему» писакахъ, было обо мнѣ сказано критиками. Они находили, что даже самый родъ драматическихъ пьесъ моихъ — ложный; что онѣ *Коцебятина* (извините выраженіе критиковъ!); что онѣ доказываютъ безвкусіе, безсмысліе; что онѣ спекуляціи литературныя; что я обобралъ въ моихъ драматическихъ сочиненіяхъ: Шекспира, Гёте, Шиллера, Мольера, Вольтера, Дюма, В. Гюго, В. Скотта, Озерова, Кукольника, и — право, не помню кого то еще!»

Рядъ такихъ громкихъ и грозныхъ обвиненій, возводимыхъ на Полеваго, отымалъ у него всякую охоту (и кто бы не поступилъ на его мѣстѣ точно такъ же?) — отвѣчать на нихъ: оправдывать себя, раздражать своихъ противниковъ. Но эта уклончивость нисколько не доказывала, чтобы въ бывшемъ знаменитомъ редакторѣ Московскаго Телеграфа, одномъ изъ энергическихъ нашихъ критиковъ, угасъ прежній «дѣятельный жаръ»: участіе Полеваго, не задолго до его смерти, въ Литературной Газетѣ служитъ краснорѣчивымъ фактомъ, что Николай Алексѣевичъ, старѣясь годами, не старѣлся своимъ журнальнымъ духомъ. И это очень естественно: когда любимый вашего призванія предметъ предметъ перейдетъ въ вашу кровь и сдѣлается какъ бы шестымъ вашимъ чувствомъ, онъ только тогда утратитъ свой голосъ, когда вы сами издадите послѣдній звукъ. Дойэнъ, умирая, декламировалъ стихи изъ трагедіи, — и это былъ не горячечный бредъ, а сильное проявленіе страсти къ искусству, — страсти, заглушившей собою даже страхъ приближающейся смерти. У Полеваго то же былъ свой избранный предметъ, своя лучшая любовь въ жизни, увѣнчавшая его — *критика*; ею началъ онъ свою громкую дѣятельность, ею и кончилъ ее. Кто читалъ хоть одну критическую статью Полеваго въ его журналѣ, тотъ убѣдится, что редакторъ его въ силахъ былъ отвѣчать врагамъ своимъ. Но отчего-же онъ, защищая себя въ критикѣ, молчалъ, когда осуждали его драматическія произведенія? Когда его укоряли за *высшіе взгляды*, за новыя идеи, которыя

онъ черезъ свой журналъ вводилъ въ общество, тогда вопросъ: что такое Полевой, какъ критикъ? конечно былъ серьёзнѣе послѣдующаго вопроса о немъ, какъ о драматическомъ писателѣ. Тамъ приходилось отстаивать не одного себя, но и журналъ, первый въ Россіи по своему достоинству. Журналъ нашелъ обширный кругъ читателей, составилъ, такъ сказать, школу: приходилось, значитъ, защищать и почитателей — публику, еще не вполнѣ освободившуюся отъ авторитета старины. Потому-то, какъ ни невѣжественны были противники Полеваго, хотя они неблагородной полемикой дѣйствовали противъ него, но онъ отвѣчалъ имъ — и не могъ не отвѣчать: вопросъ былъ слишкомъ серьезенъ; въ немъ, безъ всякой натяжки выраженія, заключалось «быть или не быть», — нуженъ былъ голосъ за себя, за журналъ, для уничтоженія противниковъ, для поддержанія довѣрія публики, ждавшей отъ Московскаго Телеграфа свѣдѣній обо всемъ, что теперь составляетъ ея такъ называемую внутреннюю жизнь. Молчаніе было-бы истолковано въ дурную сторону, и одинаково неблагопріятно для Полеваго, и для литературы. Полевой лишился бы своего виднаго почетнаго мѣста; журналъ его упалъ бы, почитатели разошлись, — и такимъ образомъ первый крѣпкій ударъ литературнымъ старовѣрамъ былъ бы нанесенъ гораздо позже времени Московскаго Телеграфа. — На осужденія же Полеваго, какъ драматурга, автору, «Ломоносова», «Елены Глинской», «Параши Сибирячки» и проч. нечего было отвѣчать, да и не слѣдовало. Вѣроятно, и самъ онъ чувствовалъ, какая неизмѣримая разница между Полевымъ критикомъ, редакторомъ Московскаго Телеграфа, и Полевымъ — сочинителемъ пьесъ для Александрынскаго театра. Тамъ, отстаивая себя, онъ выигрывалъ, здѣсь — напротивъ, терялъ. Многія изъ обвиненій, на него взводимыхъ, были до такой степени нелѣпы, что лично опровергать ихъ, значило бы стать въ очень смѣшное и неловкое положеніе. Притомъ же, еслибъ Полевой и рѣшился опровергать ихъ, не упуская изъ виду ни одной выходки своихъ противниковъ, между его драматическимъ произведеніями и ихъ хулителями всегда нашлись-бы посредники, которые, не оправдывая послѣднихъ, не возвеличили-бы и первыхъ: новыя, болѣе вѣрныя, понятія о драматическомъ искусствѣ высказывались у насъ и при Полевомъ; а всѣ его пьесы были гораздо ниже ихъ. Молчаніе же людей, могущихъ быть безпристрастными судіями Полеваго драматурга, по нашему мнѣнію, объясняется молчаніемъ самаго автора драматическихъ представленій, историческихъ былей, драматическихъ повѣстей и проч.: кому была охота обращать свое перо противъ такихъ выходокъ, на которыя не отвѣ-

чалъ и самъ обвиняемый? — Были и другія причины къ молчанію, но къ нимъ мы обратимся ниже.

Прочитайте еще разъ тѣ послѣднія двѣнадцать строкъ, которыя мы привели изъ Полеваго. Что, въ самомъ-дѣлѣ, могъ отвѣчать на нихъ обвиняемый? Доказывать, что между имъ и Орловымъ и «подобными ему писаками» нѣтъ никакой возможности провести параллель? — Врядъ ли кто-нибудь рѣшился бы на подобную защиту самого себя. Изъ-за чего тутъ горячиться, тратить время.... въ особенности тому человѣку, для котораго каждый часъ, проведенный безъ дѣла или за дѣломъ безплоднымъ, обходился не дешево. Здѣсь надо искать главную причину молчанія, пришпорившаго его противниковъ на такія отборныя выраженія, которымъ и вѣрится съ трудомъ.... Полевой и — Орловъ! даже нелегко и сказать! Ну что, еслибъ я или кто-нибудь другой печатно объявилъ свое *горячее убѣжденіе*, что Пушкинъ и — Третьяковскій оба — великіе поэты!!.. Право, нужно имѣть уже черезчуръ большой избытокъ пристрастія и личной ненависти къ человѣку, чтобъ, очертя-голову, не посовѣститься пустить въ свѣтъ такую выходку — сблизить имя Полеваго съ именемъ Орлова. «Есть важные случаи, въ которыхъ личности человѣческія приносятся на жертву великимъ планамъ» — сказано на одной изъ страницъ повѣсти «Кто виноватъ?» А иной посягаетъ на личность собрата для того только, чтобъ составить лишній рубль своему продажному убѣжденію, которое «товаръ дешевый!» — какъ замѣтилъ кто то — «и легко сбываемый»....

«Критики находили, что даже самый родъ драматическихъ пьесъ Полеваго «ложный». Въ этомъ обвиненіи есть правда. Полевой выдумываетъ, напримѣръ, новую кличку для драматическихъ пьесъ — *драматическое представленіе*. Иногда онъ отдѣлывается названіемъ *русской были*, чтобъ сильнѣе польстить національности, или прозвищемъ *драматическая повѣсть*; когда пьеса кажется ему почему-то не похожею даже и на драматическое представленіе, то вдругъ у него выходитъ какая то *историческая быль;* или *военный анекдотъ*, или *историческія сцены* и проч. Всѣ эти прозвища совершенно произвольны и ни на чемъ не основаны. Въ сущности, всѣ эти драматическія представленія, русскія были и драматическая повѣсть — «Ломоносовъ» — были тѣ-же драмы, безъ всякаго измѣненія въ общепринятой формѣ.

Драматическія пьесы Полеваго — «*Коцебятина*»?! обходимъ это гармоническое выраженіе!... Не будемъ перечитывать Коцебу, для того только, чтобъ показать, какъ удачно противники Полеваго сближали его имя съ разными другими литературными именами. Пойдемъ далѣе:

Пьесы Полеваго доказываютъ безвкусіе, безграмотность, безсмысліе?! эта третья выходка критики едва-ли не нелѣпѣе сравненія Полеваго съ Орловымъ и Коцебу. Здѣсь обвиненіе доведено до той крайности, гдѣ оно падаетъ всею своею тяжестью на обвинителей. Какъ-таки было не взять въ расчетъ, что большинство русской публики прочитало Полеваго и презрительной улыбкой отвѣчало за него обвинителямъ! Какъ-таки было не подумать и о томъ, что редакторъ Московскаго Телеграфа не могъ быть безграмотнымъ, — и что про писателя, руководившаго вкусомъ публики, двинувшаго насъ впередъ на пути развитія, нельзя сказать безъ доказательствъ: вотъ онъ погрѣшилъ противъ вкуса въ томъ то и томъ-то. Разверните, какую хотите, книгу Полеваго: найдете-ли вы хоть одну безграмотную, безсмысленную фразу! Правда, русская рѣчь *не лилась подъ перомъ его каскадомъ, не брызгала жемчужинами*, за то она была у него всегда грамотна, всегда *русская*, всегда со смысломъ и содержаніемъ, а не такъ безсмысленна, какъ фразы тѣхъ, у кого рѣчи *каскадныя, жемчужныя*.

Пьесы Полеваго — спекуляціи литературныя?! Спекуляціями онѣ быть не могли. Большая часть изъ нихъ — подарки бенефиціантамъ; какой же тутъ барышъ? А что Полевой, писавши какую-нибудь пьесу, не думалъ: «а! какъ бы ни писалось, только-бъ денежки взять за нее», — въ этомъ можно быть увѣреннымъ. Замѣтятъ: но вѣдь Полевой самъ сознавался, что нѣкоторыя изъ его *большихъ* пьесъ написаны имъ въ теченіе какой нибудь недѣли, онъ не могъ не знать, что такая поспѣшность вредна сочиненію. Не ясно ли видно изъ того, что онъ писалъ для денегъ? Противъ такого обвиненія — совершенно справедливаго — мы не возразили бы ни единаго слова, еслибъ намъ и всѣмъ не были извѣстны домашнія обстоятельства покойника. Могила, скрывъ отъ насъ Полеваго, въ тоже время раскрыла, какъ *вознаграждался* одинъ изъ усерднѣйшихъ дѣятелей русской литературы, въ сравненіи съ которымъ какіе-нибудь Дюма и Поль Феваль во Франціи — Ротшильды!—Необходимость многое извиняетъ и дѣлаетъ законнымъ.

Вотъ съ какими критиками имѣлъ-бы дѣло Полевой, еслибъ вздумалъ отвѣчать имъ! Нѣтъ ничего полезнѣе пишущему, нѣтъ ничего пріятнѣе для его самолюбія, какъ полемика благородная, основанная на чувствѣ истины и приличія. Только въ такомъ случаѣ съ чуждымъ намъ убѣжденіемъ встрѣчаешься безъ ожесточенія, и становишься въ такое положеніе, что можешь обсудить дѣло, какъ слѣдуетъ. Иначе антикритика невозможна. Отвѣчать — значитъ компрометировать себя. Большею частію и не отвѣчаютъ. Такъ дѣлалъ и Полевой драматургъ, потому что его

пьесы — какъ онъ самъ говорилъ — за небольшимъ исключеніемъ встрѣтили только однѣ безсмысленныя нападенія, школьническія выходки. Такого рода критика всегда сопряжена съ вредомъ для обвиняемаго. То же самое испыталъ и Полевой-драматургъ: критика отняла у него всякую возможность совершенствоваться, узнать, въ чемъ онъ неправъ, гдѣ слабѣйшія или ложныя стороны его драматическихъ сочиненій, чего отъ него требуютъ. Его послѣднія пьесы ничѣмъ не лучше первыхъ опытовъ; какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ та-же односторонность направленія, то же пожертвованіе одной идеѣ всѣми прочими, одна и та-же заранѣе заготовленная мысль, одна и таже тема. Въ однообразіи пьесъ Полеваго — первый ихъ недостатокъ, какъ и въ романахъ г. Загоскина. Но послѣдній выкупаетъ это однообразіе несомнѣнными достоинствами — напримѣръ, теплотою и драматичностью разсказа, съ одной стороны, неподдѣльнымъ простодушіемъ — съ другой, богатымъ знаніемъ древняго быта нашего, мастерскимъ, художническимъ рисункомъ лицъ, занимавшихъ низшую степень въ старомъ русскомъ обществѣ. Но Полевой ничѣмъ не могъ выкупить однообразія своихъ пьесъ, потому что и другія стороны ихъ были такъ-же болѣе или менѣе слабы, что увидимъ ниже.

Утверждаютъ, и очень многіе, что Полевой ввелъ публику въ Александрынскій театръ. Если здѣсь разумѣютъ публику, способную понимать искусство, публику высшаго круга общества, то противъ этаго свидѣтельствуютъ самый успѣхъ пьесъ Полеваго— успѣхъ *колоссальный*, а противъ послѣдняго Михайловскій театръ. Думать же, что до Полеваго русскій театръ былъ бѣднѣе посѣтителями, нежели въ его время, довольно смѣшно. Справьтесь у старыхъ театраловъ: они скажутъ вамъ противное. Вѣдь и до Полеваго были на нашей сценѣ и Шекспиръ, и Шиллеръ, и Шаховской, и фонъ-Визинъ, и Грибоѣдовъ и другіе.

Театральная публика ждетъ своей физіологіи. Она можетъ возбудить вопросъ въ высшей степени интересный, хоть и не представитъ *утѣшительныхъ фактовъ*, *отрадныхъ явленій*. Кажется будто она составляетъ какой-то отдѣльный видъ въ семьѣ людей, отдѣльную школу, съ оригинальными понятіями, съ особенными, ей одной свойственными, идеями.... Нѣтъ ! это не только *кажется*, но и дѣйствительно такъ. Однако жъ въ этомъ еще нѣтъ бѣды: существованіе партій показываетъ различіе убѣжденій, а послѣднее есть слѣдствіе того, что во всемъ обществѣ кипитъ жизнь, что каждый хочетъ выразить понятіе о ней по своему. Зло съ другой стороны: въ томъ, что понятія этой партіи ложны, исковерканы, упорство ея отстоять свое несправедливое убѣжденіе, если только есть у ней убѣжденіе—чудовищно-несообразно

съ окружающимъ порядкомъ вещей, гдѣ все совершенствуется, идетъ впередъ, а не назадъ, гдѣ нѣтъ закона недѣятельности. Нигдѣ такъ рѣзко не отражаются испорченность вкуса и отсталость, какъ въ публикѣ, посѣщающей театръ — мѣсто, куда издревле обратилось во вторую натуру стекаться для образованія вкуса, и вообще для всѣхъ эстетическихъ удовольствій. — Люди болѣе вѣрныхъ убѣжденій смотрятъ на нее, дѣйствительно, какъ на что-то sui generis, и что ниже критики. Слово *театральность* дѣлается синонимомъ нелѣпости. Скажите: «я былъ вчера въ русскомъ театрѣ,»—вы вызовете тѣмъ ироническую улыбку и остроты. Идутъ еще далѣе: говорятъ въ-слухъ: — «Какой же порядочный человѣкъ пойдетъ въ этотъ театръ!» или: «да это величайшее самопожертвованіе!» И, при всей рѣзкости ихъ выраженій, они правы, потому-что, дѣйствительно, не найдутъ въ нашемъ современномъ театрѣ ничего по своему утонченному вкусу; но и неправы — потому именно, что не хотятъ отважиться — по ихъ же словамъ — на это *величайшее самопожертвованіе*: зла нельзя уничтожить, убѣгая отъ него. — Весьма естественно, всегда найдется въ этой публикѣ, о которой у насъ идетъ рѣчь, нѣсколько человѣкъ, понимающихъ и искусство, и то, зачѣмъ они прежде всего идутъ въ театръ; но ихъ очень мало. А десять, двадцать человѣкъ не въ состояніи прекратить вызова автора какой нибудь *оригинальной* драмы, или утишить восторгъ тысячи зрителей, при представленіи какого-нибудь фарса, въ родѣ того, въ которомъ есть, напримѣръ, слѣдующій деликатный разговорецъ.

«**Мавра** (увидя мужа и сваху). Ахти, *батьки свѣты* (?)! да ужъ вонъ они гдѣ: а мы такъ шарманки заслушались.

Аншпуговъ (женѣ). То то и есть, вы *какъ вороны рты-то разинули* (!) есть чего слушать.

Домнушка. Нѣтъ-съ, тятинька, *очено прекрасно играютъ съ* (!!!.

Аншпуговъ. Полно тебѣ, *балванина необтесанная*! (!!!) Что ты смыслишь? Ну какая игра на шарманкѣ? Энтакъ-то играть не важность! вонъ у насъ Глафира однимъ *перстомъ* на *протупьянахъ* (?!) играетъ.

Глашенька (обидясь). Что это вы, тятинька, какіе надсмѣшники-съ, я и *пятью перстами* (!!!) умѣю, да только-что одной рукой-съ.

. . . . . .

. . . . . .

Домнушка. Ахъ тятенька! Да что вы эвто? Дайте *хоть десятую-то чашку выпить* (!!!).

Аннушка (тихо Домнушкѣ). Полно сестрица!

Домнушка (съ сердцемъ). Да тебѣ хорошо говорить-то, какъ ты *двѣнадцать охолостила* (!!!)».

и проч., и проч., чему нѣтъ конца; и что — повторяемъ—приводило почтеннѣйшую публику въ неописанное восхищеніе, и въ этотъ экстазъ приходилъ не одинъ *раекъ*.

Могла ли же она, эта публика, понимать, что̀ за роль Полеваго въ драматическомъ искусствѣ. Она приняла его произведенія съ какой то неестественной восторженностью. Но сколько вреда принесла Полевому драматургу неумѣренная критика, столько же пагубно подѣйствовалъ на него и фанатическій, лишенный всякаго анализа, восторгъ публики. Въ ушахъ нашихъ еще и теперь отзывается шумъ «Елены Глинской,» «Ломоносова,» Ермака». Такимъ образомъ, Полевой былъ поставленъ между двумя огнями: съ одной стороны ничего не прощающая непріязнь критики, съ другой — ребяческое увлеченіе публики. Обѣ партіи, — одна въ своемъ ожесточеніи, другая — въ восторгѣ, дошли до крайности. Что̀ жъ оставалось дѣлать тому, благодаря которому мы увидѣли одну изъ самыхъ рѣзкихъ противоположностей, когда-либо отдѣлявшихъ, на такое безконечное разстояніе другъ отъ друга, критику и публику?

Покориться первой Полевой не могъ: она дѣйствовала противъ него жалкимъ оружіемъ—ожесточеніемъ и бездоказательными обвиненіями, Приходилось прикрыться крылышкомъ публики, дѣлать ей угодное. Полевой такъ и поступилъ. Полевой гордился вниманіемъ, любовью своихъ почитателей. Ихъ одобреніе считалъ онъ для себя «драгоцѣннымъ,» протестуя имъ противъ критики. И, въ-самомъ-дѣлѣ, съ самаго начала своего драматическаго поприща до смерти, лѣтъ восемь, былъ онъ любимцемъ, кумиромъ своей публики.... И—надо сказать правду—огроменъ былъ успѣхъ бо́льшей части его пьесъ; но—и въ этомъ надо признаться —не достоинство ихъ (если взять въ сравненіе такое сильное увлеченіе ими), ни даже время ихъ появленія вызвало этотъ успѣхъ: онъ обусловливался единственно временная потребность публики.

Въ настоящую минуту у насъ на умѣ два слова: дѣйствительность и ефекты. Посмотримъ, какое значеніе имѣли они въ драматическихъ сочиненіяхъ Полеваго. Что̀ касается до дѣйствительности, то Полевой не шелъ въ разладъ съ нею. Даже, въ одной изъ его пьесъ, именно въ комедіи: «Отецъ и откупщикъ, дочь и откупъ», по нашему мнѣнію, самомъ лучшемъ его драматическомъ произведеніи, онъ подошелъ къ ней такъ близко и— главное — понялъ ее такъ хорошо и такъ мастерски воспроизвелъ, что заставилъ жалѣть, зачѣмъ эта пьеса единственная, въ которой онъ является писателемъ съ талантомъ, даже и какъ драматуръ. — Неистовыхъ эффектовъ новѣйшей драмы Полевой избѣгалъ. Въ этомъ надо отдать ему полную справедливость и

искреннюю благодарность. Скажемъ болѣе; здѣсь его услуга нашей драматической литературѣ. Объяснимся. Не будь пьесъ Полеваго, не знаемъ, до какой огромной численности возросло бы на нашей сценѣ количество такъ-называемыхъ неистовыхъ произведеній, въ родѣ, напримѣръ, великолѣпной *оригинальной* драмы: «Два рода безумія». Полевой писалъ много для сцены, пьесы его давались весьма часто, иныя по десяти и больше разъ сряду. Можно почти доктовѣрно сказать, что около ста спектаклей въ году составлялись изъ репертуара Полеваго; вмѣстѣ съ тѣмъ частенько давались и Шекспировы драмы: такъ, что мѣсяцевъ пять-шесть нелѣпостямъ не было мѣста въ нашемъ театрѣ. А это весьма важно, чтобы, по возможности, уменьшить зло....

Кстати. Послѣ смерти Полеваго, замѣтно возвышался надъ бездарностью писатель съ драматическимъ талантомъ несравненно сильнѣйшимъ, нежели какой былъ у Полеваго, — именно Ефимовичъ. У него нашлись-бы средства еще болѣе ослабить зло, уменьшаемое Полевымъ; но онъ этого не сдѣлалъ. Прекрасно умѣя отличать истинный эффектъ отъ ложнаго, умѣя глубоко потрясти первымъ, онъ въ то-же время не былъ на столько смѣлъ, чтобы освободиться отъ послѣдняго. Его «Владиміръ Заревскій» — примѣръ тому. Совладѣвъ съ своимъ желаніемъ подѣйствовать на насъ изображеніемъ страшной стороны дѣйствительности, въ прологѣ къ своей драмѣ, въ концѣ ея онъ является самымъ услужливымъ послѣдователемъ того, что мы въ ироническомъ смыслѣ разумѣемъ подъ словомъ эффектъ.

Характеръ героевъ большей части пьесъ Полеваго (здѣсь мы имѣемъ въ виду преимущественно его драмы изъ русской жизни, какъ такія, которыя пользовались большимъ успѣхомъ противъ взятыхъ не изъ нашего быта, за исключеніемъ «Уголино»), развитъ односторонне. Кажется, будто дѣйствующее лицо выходитъ на сцену за автора, а не за самого себя. И все оно прилѣпилось къ страсти декламировать, — къ страсти, за которой больше ничего нѣтъ — ни страданій, ни восторговъ, ни борьбы, какихъ либо противоположныхъ стремленій. Исключеніе остается за Ломоносовымъ. Да еще Овчина-Оболенскій, какъ-то невзначай, отдѣлился отъ любимаго типа автора «Елены Глинской.» Это уже не декламаторъ. По первому призыву — онъ готовъ на смерть за отечество, онъ и на казнь идетъ по-русски; онъ настоящій бояринъ временъ мѣстничества, любимецъ правительницы; онъ и самъ любить умѣетъ, ему извѣстна и борьба страсти съ долгомъ..! онъ и въ колдовство вѣритъ — справедливо говорятъ, что драма есть искусство дѣйствовать на наши страсти. Она не удовлетворитъ зрителя или читателя, если вздумаетъ подѣйство-

вать на него какой-нибудь одной стороной характера человѣка. Нужно нѣсколько сторонъ, нѣсколько страстей. Мы не говоримъ этимъ, чтобы всѣ душевныя страсти драма централизировала въ одномъ лицѣ: это опять будетъ уже крайность, такого всесторонно-развитаго человѣка не найдешь въ дѣйствительности; соединеніе даже нѣсколькихъ страстей въ одномъ лицѣ есть уже исключеніе. Драма вправѣ выразить ихъ въ трехъ, четырехъ, и больше лицахъ; но, группируясь, они представляютъ цѣлое, картину, въ которой всѣ аксессуары связуются съ темой.

Вы знаете, главный элементъ драматичности—любовь, страсть по преимуществу. Въ пьесахъ Полеваго ея почти нѣтъ. А между-тѣмъ въ жизни она всегда на первомъ планѣ. Съ нея человѣкъ начинаетъ жить. Недаромъ говорятъ, что первая любовь — прологъ нашей житейской драмы, что она первое убѣдительное доказательство совершеннолѣтія человѣка. И долго-ли это тревожное чувство волнуетъ кровь человѣка, только безъ него еще никто не прожилъ, если онъ умеръ не въ дѣтствѣ. Ну, не странно-ли лишать драму того, безъ чего человѣкъ обойтись не можетъ, что всего скорѣе и успѣшнѣе ведетъ его по пути развитія? Не-значитъ-ли это ставить драму діаметрально противоположно тому, что составляетъ одну изъ главнѣшихъ ея пружинъ, что такъ рѣзко, такъ энергически высказывалось у великаго Шекспира? И эта скудость любви въ пьесахъ Полеваго не есть-ли убѣдительное доказательство, почему онѣ никогда не могли взволновать человѣка—того, который вздумалъ-бы искать въ дѣйствующихъ лицахъ частичку самого себя въ настоящую минуту или того, что̀ встарь такъ безпокойно бродило въ мозгу его и о чемъ у него теперь только одно смутное или свѣтлое воспоминаніе?... А бѣдность любви въ пьесахъ Полеваго неминуемо повлекла за собою незцвѣтность женскихъ характеровъ, за исключеніемъ развѣ Елены Глинской да Маріи Оболенской.

Второстепенныя лица пьесъ Полеваго вообще еще блѣднѣе главныхъ. Бо̀льшая часть ихъ изображены авторомъ съ комической стороны. Но на сценѣ они выигрываютъ несравненно болѣе, нежели въ чтеніи. Не смѣясь отъ души, я не могу смотрѣть и слушать, напримѣръ, Писулькина на сценѣ — и не улыбаясь встрѣчаю его въ книгѣ. Тоже самое можно сказать и о дьякѣ Трунилѣ, о фонъ Клаузѣ и о другихъ. Такъ очень многое внѣшнимъ образомъ содѣйствовало успѣху пьесъ Полеваго, и замѣняло тѣмъ личное достоинство ихъ.

Вообще, разсматривая пьесы Полеваго, ясно видишь, что не призваніе сдѣлало его драматургомъ, кто этого рода дѣятельность была внѣ его таланта. Драматургомъ онъ былъ, какъ эпи-

клопедистъ, точно такъ-же, какъ и историкомъ и въ беллетристомъ, съ тою однакожъ разницею, что Полевой — драматическій писатель, гораздо ниже Полеваго — историка и беллетриста.

Кромѣ переведеннаго Полевымъ «Гамлета», въ теченіи восьми лѣтъ, онъ написалъ и передѣлалъ около тридцати пьесъ. Вотъ перечень ихъ: Драматическая повѣсть: *Ломоносовъ, или жизнь и поэзія.* Драматическія представленія: *Ермакъ или Волга и Сибирь; Мать Испанка; Елена Глинская.* Драматическая быль: *Русскій человѣкъ добро помнитъ.* Русскія были: *Дѣдушка русскаго флота; Параша Сибирячька; Костромскіе лѣса.* Историческія были: *Иголкинъ, купецъ Новогородскій; Русскій морякъ.* Драмы: *Павелъ и Виргинія; Смерть или честь!* Военный анекдотъ: *Солдатское сердце, или биваки въ Саволаксѣ,* Историческія сцены: *Ода премудрой царевнѣ киргизъ-кайсацкой, Фелицѣ.* Комедіи: *Первое представленіе мельника, колдуна обманщика и свата; Отецъ и откупщикъ, дочь и откупъ; И. И. Недотрога; Мнимый больной; Обѣдъ у Барраса, или на плута полтора плута; Ужасный незнакомецъ; Комедія о войнѣ Ѳедосьи Сидоровны съ Китайцами; Сигарка.* Водевили: *Черезполосныя владѣнія; Онъ за все платитъ.*

Дѣятельность изумительная, если взять въ расчетъ и другія литературныя занятія Полеваго въ это время! Жаль только, что качество его драматическихъ сочиненій далеко не такъ значительно, какъ количество ихъ.

Мы не будемъ входить въ разсматриваніе каждаго изъ нихъ по-розно: въ общемъ взглядѣ на пьесы Полеваго мы старались высказать все, что только можно сказать о нихъ. Статья наша невелика, въ ней не могло быть мѣста глубокому критическому анализу, какимъ-нибудь важнымъ мыслямъ о драматическомъ искусствѣ, потому-что самый предметъ этой статьи не могъ навести ни на то, ни на другое.... Есть вопросы, кажущіеся вопросами великой важности только до-тѣхъ-поръ, пока они не рѣшены.... Оправдывая Полеваго драматурга отъ обвиненій, мы сами въ то-же время во многомъ обвинили его; но думаемъ, что обвиненіе обвиненію рознь, и что эпиграфъ къ нашей статьѣ мы привели не безъ основанія.

А. Л—въ.

МЕМУАРЫ.

ЗАПИСКИ КАРЛА ГОЛЬДОНИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

—

Отъ рожденія до возвращенія въ Венецію.

—

Я родился въ Венеціи, въ 1707 году; отецъ мой Джуліо Гольдони родился въ томъ же городѣ, но всѣ его родные были изъ Модены.

Я былъ кумиромъ всего семейства: няня увѣряла, что я уменъ, какъ ангельчикъ; моя мать неусыпно заботилась о моемъ воспитаніи, а отецъ о моихъ забавахъ. Онъ построилъ для меня кукольный театръ, и самъ, съ тремя или четырьмя своими пріятелями приводилъ куколъ въ дѣйствіе; я же, четырехъ-лѣтній мальчикъ, находилъ, что это вещь презанимательная и презабавная.

Въ 1712 году умеръ мой дѣдъ; онъ занималъ почетную и очень выгодную должность въ Венеціи. Отецъ мой не получилъ воспитанія, какое ему слѣдовало и какое онъ могъ бы получить; и не по недостатку ума или способностей, а просто по недостатку попеченій. Онъ не съумѣлъ сохранить мѣсто своего отца; одинъ ловкій и плутоватый грекъ отбилъ его. Это поставило моего отца въ очень затруднительное положеніе, но какъ онъ не любилъ долго мучить себя горестными размышленіями, то и рѣшился для развлеченія проѣздиться въ Римъ.

Матушка осталась одна завѣдывать домомъ, съ сестрою и двумя сыновьямв: у меня былъ братъ, помоложе меня. Меньшаго сына она отдала на воспитаніе въ чужія руки; меня же, своего любимца, рѣшилась воспитать на своихъ глазахъ. Я былъ тихъ, кротокъ послушенъ; на пятомъ году я уже умѣлъ читать, писать, и мнѣ дали учителя. Съ самаго дѣтства чрезвычайно любилъ я книги; по любимымъ моимъ чтеніемъ были комическіе писатели, которыхъ былъ порядочный запасъ въ небольшой отцовской библіотекѣ. Въ числѣ писателей, которыхъ я всего охотнѣе и чаще читалъ и перечитывалъ, первое мѣсто занималъ Чиконьини. Этотъ мало извѣстный въ литературномъ мірѣ флорентинскій писатель сочинилъ нѣсколько комедій, полныхъ слезливой чувствительности и площаднаго комизма; онѣ впрочемъ довольно заманчивы, потому что авторъ былъ одаренъ рѣдкимъ умѣньемъ подстрекать любопытство жителей и поражать ихъ неожиданностью развязки. Я пристрастился къ нимъ и изучалъ ихъ безпрестанно; когда же мнѣ минуло восемь лѣтъ, я вообразилъ, что и самъ могу написать комедію.

Отецъ мой предполагалъ пробыть въ Римѣ нѣсколько мѣсяцевъ, но вмѣсто того прожилъ четыре года; потомъ переселился въ Перуджію, въ званіи врача.

Тутъ онъ получилъ первый опытъ способностей своего старшаго сына. Эта комедія, какъ она ни была безобразна, очень льстила его родительскому самолюбію и онъ рѣшился взять меня къ себѣ. Это рѣшеніе было какъ острый ножъ въ сердце матушкѣ; сначала она отказала на-отрѣзъ, потомъ колебалась, но наконецъ принуждена была уступить. Представился прекрасный случай отправить меня: наше семейство было въ тѣсной дружбѣ съ домомъ графа Ринальдуччи, изъ Римини, который находился въ то время, съ женою и дочерью, въ Венеціи. Братъ графа, аббатъ Ринальдуччи, бенедиктинецъ, долженъ былъ ѣхать въ Римъ; онъ охотно вызвался ѣхать на Перуджію, и завезти меня.

Пріѣздъ мой очень обрадовалъ моего отца; онъ былъ въ восхищеніи, увидѣвъ меня совершенно здоровымъ. Я разсказалъ ему съ важностію, что совершилъ весь путь верхомъ; онъ съ усмѣшкою поздравилъ меня, и обнялъ меня съ отеческою нѣжностью.

Я осмотрѣлъ Перуджію; отецъ самъ водилъ меня по всему городу, и показалъ мнѣ всѣ его достопримѣчательности, начиная съ прекрасной соборной церкви Святаго Лаврентія, которая слыветъ восьмымъ чудомъ свѣта во всемъ околодкѣ, и гдѣ сохраняютъ кольцо, которымъ Святой Іосифъ обручился съ Богородицею.

Я уже въ Венеціи прошелъ низшій классъ грамматики, и могъ бы перейдти въ высшій; но отецъ рѣшилъ, чтобъ я началъ свое ученіе сызнова, и, сказать правду, былъ совершенно правъ. Онъ зналъ, что я очень любилъ драматическія представленія; и какъ онъ самъ былъ до нихъ охотникъ, то и пригласилъ нѣсколько молодыхъ людей; ему одолжили залу въ домѣ Антинари; онъ устроилъ небольшой театръ, самъ училъ актеровъ, и мы играли комедіи.

Въ Папской области, за неключеніемъ трехъ легатствъ, женщины не допускаются на сценѣ. Я былъ молодъ, недуренъ собою; мнѣ дали женскую роль, и даже первую; сверхъ того мнѣ поручили произнести прологъ. Этотъ прологъ былъ прелюбопытная вещь: онъ до-сихъ-поръ сохранился въ моей памяти, и я долженъ угостить читателя хоть началомъ его. Въ прошломъ вѣкѣ порча итальянской литературы дошла до высшей степени; проза и поэзія, все становилось на ходули; метафоры, гиперболы и антитезы замѣняли здравый смыслъ. Эта страсть къ напыщенности еще не со всѣмъ искоренилась въ 1720 году, и отецъ мой былъ зараженъ ею не меньше другихъ. Вотъ начало дивнаго пролога, который я долженъ былъ произнести:

Benignissimo cielo (эти слова обращались къ зрителямъ), ai rai del vostro splendidissimo sole, eccoci qual farfalle, che spiegando le deboli ali de nostri concetti, portiamo a si bel lume il volo, и т. д. Что значитъ въ переводѣ: «Всемилостивѣйшее небо, въ лучахъ твоего лучезарнѣйшаго солнца являемся мы какъ мотыльки, и, расправивъ слабыя крылья своихъ словъ, взлетаемъ къ твоему дивному свѣту», и т. д.

Этотъ краснорѣчивый прологъ доставилъ мнѣ цѣлый четверикъ конфектъ; вся сцена была ими наводнена, и мнѣ ими едва не вышибли глазъ. Это обычное изъявленіе удовольствія въ Папской области.

Когда я прошелъ классъ реторики, матушка убѣдила отца оставить Перуджинскую область, и переѣхать поближе къ болотамъ Адріатическаго моря.

Это рѣшеніе было исполнено въ нѣсколько дней. Мы пріѣхали въ Римини, гдѣ находилось все семейство графа Ринальдуччи; насъ приняли съ восторженною радостью. Между тѣмъ, отецъ мой, по дѣламъ, уѣхалъ въ Павію, поручивъ меня надзору нашего хозяина, г. Батальини.

Въ Римини была труппа актеровъ, которая показалась мнѣ превосходною. Тутъ въ первый разъ увидѣлъ я на театрѣ женщинъ,

и нашелъ, что онѣ придавали сценѣ невыразимую прелесть. Городъ Римини находится въ Равенскомъ легатствѣ; женщины допускаются на театрѣ, и вы не увидите, здѣсь въ женскихъ роляхъ, какъ въ Римѣ, безбородыхъ мужчинъ или такихъ, у которыхъ только что начинаетъ подбородокъ опушаться. Въ первые раза я ходилъ скромненько въ партеръ; но замѣтивъ за кулисами такихъ же молодыхъ людей, какъ я самъ, я попытался пройдти туда же; въ чемъ и успѣлъ безъ всякаго затрудненія; началъ искоса посматривать на красавицъ; онѣ же смотрѣли мнѣ прямо и смѣло въ глаза. Мало-по-малу я и самъ набрался смѣлости; слово за словомъ, красавицы узнали, что я венеціянинъ. Всѣ онѣ были мои землячки, и на этомъ основаніи принялись меня ласкать и баловать до нельзя; самъ директоръ осыпалъ меня любезностями, и даже пригласилъ меня къ себѣ обѣдать. Я съ радостью принялъ приглашеніе; и былъ въ восхищеніи отъ всѣхъ этихъ превосходныхъ людей и въ особенности отъ прелестныхъ женщинъ.

Контрактъ труппы подходилъ къ сроку; они собирались выѣхать изъ Римини; это меня чрезвычайно огорчало. Наконецъ самъ директоръ объявилъ, что они отправятся на недѣлѣ, и что онъ уже нанялъ лодку, чтобы ѣхать въ Кіоццу.— «Боже мой, вѣдь матушка живетъ въ Кіоццѣ, а какъ хотѣлось бы мнѣ съ нею повидаться!— Поѣдемте съ нами, на нашей лодкѣ; мы васъ помѣстимъ; какъ нельзя лучше, и это вамъ не будетъ стоить ни гроша; у насъ же весело, играютъ, смѣются, поютъ....»— Ну какъ устоять противъ такого искушенія? Какъ упустить чудесный случай?.. Я принялъ предложеніе, далъ слово, и сталъ готовиться къ отъѣзду.

Прежде всего объявилъ о своемъ намѣреніи хозяину; онъ сталъ меня отговаривать, и видя, что я стоялъ на своемъ, разсказалъ все графу Ринальдуччи; всѣ возстали противъ безразсудности моей затѣи. Нечего было дѣлать: я притворился, будто убѣдился ихъ доводами, и отказался отъ поѣздки. Но когда наступилъ назначенный для отъѣзда день, я положилъ въ карманъ двѣ сорочки и ночной колпакъ, отправился на пристань, сошелъ первый въ лодку и спрятался подъ кормовую палубу. Со мною была походная чернилица; я написалъ записку къ г. Батальини, въ которой очень передъ нимъ извинялся, говорилъ, что меня влекло желаніе повидаться съ матерью, просилъ его подарить всѣ мои пожитки нянькѣ, которая ухаживала за мною во время болѣзни, и объявлялъ ему, наконецъ, что я уѣзжалъ. Этотъ поступокъ былъ съ моей стороны

вовсе не похваленъ; знаю это и каюсь; много еще согрѣшилъ я на своемъ вѣку, и во всемъ покаюсь также откровенно.

Сходится вся труппа. «Гдѣ г. Гольдони?»— и ну меня поздравлять, ласкать, жать мнѣ руки! Наконецъ мы отправились... прощай, Римини!

Мои комедіанты были не то, что Скарроновы; однакоже и ихъ перекочевка представляла довольно любопытное зрѣлище.

Двѣнадцать человѣкъ актеровъ и актрисъ, суфлёръ, машинистъ, смотритель кладовыхъ, восемь слугъ, четыре горничныя, мамки, няньки, дѣти всѣхъ возрастовъ, собаки, кошки, обезьяны, попугаи, канарейки, голуби, овечка: словно Ноевъ ковчегъ.

Лодка наша была довольно вмѣстительна, и перегорожена на множество отдѣленій; у каждой актрисы была своя клѣточка, отгороженная занасѣсами. Мнѣ приготовили мягкую постель подлѣ директора. Всѣ были довольны. Первой любовницѣ вздумалось потребовать чашку бульйону; бульйону не оказалось; она взбѣсилась, и ее насилу успокоили чашкою шоколаду. Она была всѣхъ некрасивѣе и всѣхъ капризнѣе.

Но будетъ этого примѣра; не хочу употреблять во зло снисхожденія читателей пустяками, нестоющими вниманія. Я не зналъ квартиры матушки, но не долго искалъ ее. Г-жа Гольдони и ея сестра ходили въ чепцахъ, и принадлежали къ зажиточному классу; слѣдовательно ихъ знали всѣ и каждый.

Я просилъ директора сходить со мною, на что онъ охотно согласился. Докладываютъ о насъ; мы входимъ; я бросаюсь къ ногамъ матушки; она меня поднимаетъ, обнимаетъ... слезы не даютъ намъ сказать слова. Директоръ, привычный къ подобнымъ зрѣлищамъ, насказавъ намъ безну любезностей, прощается съ матушкою и выходитъ. Оставшись съ нею на-единѣ, я разсказываю ей откровенно свой безразсудный подвигъ; она журитъ меня и опять обнимаетъ, и мы остаемся совершенно довольны другъ другомъ. Тетушки моей не было дома; по возвращеніи ея, какое удивленіе! и — новыя обниманія. Братъ мой былъ въ пансіонѣ.

На другой день по моемъ пріѣздѣ, матушка получила письмо отъ г. Батальини, изъ Римини; онъ писалъ ей о моемъ необдуманномъ поступкѣ, присовокупляя, что она немедленно получитъ чемоданъ съ моими книгами, бѣльемъ и платьемъ.

Это письмо очень огорчило матушку; она хотѣла было побранить меня; но вспомнила, что получила не задолго очень любопыт-

ное письмо отъ моего отца; отыскавъ это письмо, она вручила его мнѣ. Вотъ краткое его содержаніе:

Павія, 17 марта 1721 года.

«Я долженъ сообщить тебѣ пріятное извѣстіе, касающееся нашего сына; оно доставитъ тебѣ много удовольствія. Въ Павіи есть университетъ, пользующійся такою-же славою, какъ Падуанскій; при немъ есть нѣсколько коллегій, къ которыхъ принимаютъ не иначе, какъ на ваканцію; Маркизъ Гольдони-Видони, Миланскій сенаторъ обѣщаетъ выхлопотать мнѣ мѣсто для сына въ Папской коллегіи; и если Карлъ будетъ хорошо вести, онъ себя, приметъ его подъ свое покровительство.

«Не пиши объ этомъ ни слова сыну; какъ скоро я пріѣду, то выпишу его, и желаю имѣть удовольствіе объявить ему обо всемъ самъ.

«Надѣюсь скоро» и проч.

Само собою разумѣется, что это письмо должно было очень польстить моему самолюбію, и возбудить въ мнѣ самыя залетныя надежды. Тутъ я почувствовалъ все безразсудство своего подвига; я боялся, чтобы отецъ не разгнѣвался, и чтобы онъ не поколебался послать меня въ еще болѣе отдаленный городъ, гдѣ я имѣлъ бы еще болѣе свободы.

Матушка была очень дружна съ аббатомъ Дженнари, канопикомъ соборной церкви. Добрый аббатъ утверждалъ, что дававшіяся на театрѣ комедіи были очень вредны для молодыхъ людей; онъ, можетъ быть, правъ отчасти, и матушка запретила мнѣ ходить въ театръ. Надобно было повиноваться; я не ходилъ въ театръ, но, по прежнему, навѣщалъ актеровъ, и всѣхъ чаще субретку. Я и въ послѣдствіи всегда въ особенности любилъ субретокъ.

На седьмой день пріѣхалъ отецъ. Съ трепетомъ вышелъ я къ нему: «Батюшка!—Какъ, сударь! ты здѣсь? какимъ образомъ попалъ ты сюда?—Батюшка.... вамъ, вѣроятно, уже писали...— Какъ же, писали, что ты, не слушая ни чьихъ совѣтовъ, ни убѣжденій изволилъ ни съ того ни съ другаго дать тягу изъ Римини... — Чтожъ я сталъ бы дѣлать въ Римини? оставаться тамъ—значило убивать время на пустяки.—Такъ, по твоему, заниматься философіею значитъ убивать время на пустяки?—Надо знать какая философія: школьная философія, силлогизмы, энтимемы, софизмы,

nego, probo, concedo; помните вы эту чепуху, батюшка? (Отецъ мой кусалъ губы, и едва могъ удержаться отъ хохота; я былъ довольно проницателенъ, чтобы замѣтить это, и ободрился). Батюшка, продолжалъ я, дайте мнѣ лучше изучить философію человѣка, разумную мораль, опытную физику. — Хорошо, хорошо; но какъ же ты пріѣхалъ?—Моремъ.—Съ кѣмъ?—Съ труппою актеровъ.—Актеровъ?—Все очень хорошіе люди, батюшка. — Такъ мнѣ еще надо будетъ идти благодарить ихъ? Негодяй! — Простите, батюшка. — Хорошо, хорошо; на первый разъ такъ и быть....

Тутъ вошла матушка; она слышала всю нашу бесѣду, и была въ восхищеніи, что дѣло кончилось мировою, и что моя проказа такъ легко сошла мнѣ съ рукъ.

Однажды, когда мы сидѣли за столомъ одни, безъ посторонннихъ гостей и безъ прислуги, матушка навела разговоръ на меня. Часа два продолжался споръ; отецъ хотѣлъ непремѣнно, чтобъ я посвятилъ себя медицинѣ; какъ я не морщился, какъ ни дулся, онъ все твердилъ свое; наконецъ матушка доказала ему, что онъ былъ не правъ, и вотъ чѣмъ:

— Маркизъ Гольдони, сказала она, обѣщаетъ нашему сыну свое покровительство. Если Карлъ будетъ хорошимъ врачемъ, маркизъ можетъ, правда, самъ оказывать ему предпочтеніе передъ другими врачами; но можетъ-ли онъ доставить ему больныхъ? можетъ-ли убѣдить другихъ предпочесть его множеству другихъ врачей? можетъ-ли выхлопотать ему профессорское мѣсто въ Павійскомъ университетѣ; но сколько нужно времени и труда, чтобы добиться этого! Если же, напротивъ, онъ посвятитъ себя изученію законовъ, и сдѣлается адвокатомъ, миланскій сенаторъ можетъ, безъ всякаго затрудненія, дать ему ходъ и составить его счастіе.

Отецъ мой не отвѣчалъ ни слова; это молчаніе продолжалось нѣсколько минутъ; наконецъ онъ обратился ко мнѣ и сказалъ, шутливо: — Ужъ не влюбился-ли ты въ Юстиніановъ кодексъ и въ Пандекты?—Почему же нѣтъ, батюшка, отвѣчалъ я; лучше я влюблюсь въ кодексъ, чѣмъ въ Гиппократовы аѳоризмы.

Четыре дня спустя послѣ этого разговора я отправился съ матушкою въ Венецію. Всего до города было восемь миль, и мы пріѣхали къ обѣду. Мы остановились у г. Бертани, дяди моей матушки по матери; а на слѣдующій день пошли къ г. Индріе, моему дядѣ, занимавшему должность прокурора.

Я немедленно былъ принятъ въ его контору, въ качествѣ

четвертаго письмоводителя; но я пользовался всѣми преимуществами, какія можетъ дать родство. Занятіе мое казалось мнѣ несравненно пріятнѣе того, которое навязывалъ мнѣ отецъ въ Кіоццѣ; но оба долженствовали впослѣдствіи оказаться равно безполезными.

Я исправлялъ свою должность у прокурора, въ Венеціи, довольно изрядно; дядя мой охотно оставилъ-бы меня у себя; но письмо отца вытребовало меня назадъ. Въ Папской коллегіи открылась ваканція; она была обѣщана мнѣ, и маркизъ Гольдони извѣщалъ насъ о томъ, совѣтуя намъ ѣхать немедленно въ Павію.

Мы съ матушкою выѣхали изъ Венеціи и возвратились въ Кіоццу.

Пріѣхавъ въ Миланъ, мы немедленно явились къ маркизу и сенатору Гольдони. Онъ принялъ насъ какъ нельзя любезнѣе. Мой покровитель былъ, казалось, очень доволенъ мною, а я еще довольнѣе имъ. Зашла рѣчь о коллегіи, и мы тутъ въ первый разъ узнали, что поступавшіе въ коллегію Гисліери, иначе называемую Папскою коллегіею, должны были непремѣнно быть пострижены въ церковники и представить свидѣтельство о крещеніи.

Я долженъ былъ перемѣнить свой костюмъ; надѣлъ длинную рясу и брыжжи; потомъ мы отправились въ Павію, съ огромнымъ запасомъ рекомендательныхъ писемъ. Мы наняли квартиру со столомъ въ добромъ мѣщанскомъ домѣ, и я былъ немедленно представленъ настоятелю коллегіи, въ которую долженъ былъ поступить. Я много пользовался его библіотекою; и невсегда ограничивался однѣми юридическими книгами, у него было нѣсколько полокъ, уставленныхъ огромнымъ собраніемъ древнихъ и новыхъ комедій, которыя составляли мое любимое чтеніе. Я еще прежде располагалъ дѣлить свое время и свои силы между между изученіемъ законовъ и комическою литературою, во все продолженіе своего пребыванія въ Павіи; но когда я поступилъ въ коллегію, я нашелъ болѣе поводовъ къ развлеченію, чѣмъ поощренія къ труду; слѣдовательно я хорошо сдѣлалъ, что воспользовался тремя мѣсяцами, которые провелъ въ ожиданіи изъ Венеціи метрическаго свидѣтельства и епископскаго разрѣшенія на мое поставленіе.

Я перечелъ, съ бо́льшимъ вниманіемъ и бо́льшимъ удовольствіемъ, чѣмъ прежде, греческихъ и латинскихъ поэтовъ, и читая

ихъ, думалъ: желалъ бы я перенять у нихъ ихъ опредѣлительность въ планахъ и въ слогѣ; но недоволенъ былъ бы я, еслибъ не успѣлъ придать своимъ произведеніямъ болѣе занимательности, представить въ нихъ болѣе отчетливые характеры, болѣе комизма, и болѣе искусныя развязки.

Facile inventis addere.

Мы должны уважать великихъ учителей, проложившихъ намъ путь къ наукѣ и искусству; но каждый вѣкъ имѣетъ свой опредѣленный характеръ; каждая страна имѣетъ народный вкусъ. Греческіе и римскіе писатели знали природу, и слѣдили за нею довольно близко; но они представляли ее безъ покрова, во всей ея наготѣ. И вотъ почему отцы церкви осуждали театральныя представленія, и папы громили ихъ отлученіемъ; но какъ скоро скромность нравовъ исправила ихъ, приговоръ церкви былъ снятъ съ нихъ въ Италіи. Казалось бы, тѣмъ скорѣе онъ долженъ бы быть отмѣненъ во Франціи; но во Франціи онъ еще существуетъ;—это явленіе, котораго я никакъ не могу себѣ объяснить.

Роясь въ этой библіотекѣ, я нашелъ англійскій театръ, испанскій, французскій; но не находилъ итальянскаго. Было разбросано тамъ и сямъ нѣсколько итальянскихъ пьесъ стараго времени, но ни одного собранія, которымъ бы могла гордиться Италія.

Съ прискорбіемъ увидѣлъ я, что не доставало одной существенной отрасли литературѣ этого народа, знавшаго драматическое искусство прежде всѣхъ прочихъ народовъ новаго времени; не могъ я постичь, какимъ образомъ Италія пренебрегла ею, и допустила ее до такого уничтоженія; но пламенно желалъ, чтобы мое отечество сравнялось съ прочими странами, и рѣшился этому содѣйствовать всѣми своими силами.

Между тѣмъ получили мы письмо изъ Венеціи, и при немъ епископскую грамату и свидѣтельство о крещеніи. Послѣднее едва не поставило насъ въ новое затрудненіе. Мнѣ не хватало двухъ лѣтъ до возраста, назначеннаго для поступленія въ коллегію; и не знаю, кому приписать это чудо, но помню, что однимъ вечеромъ я легъ спать шестнадцати лѣтъ, а когда проснулся на слѣдующее утро, мнѣ уже было восемнадцать.

И такъ меня постригли, и, по выходѣ изъ епископской капеллы, я пошелъ съ отцомъ явиться въ свою коллегію.

Насъ хорошо кормили и очень хорошо держали; мы могли свободно выходить, чтобы посѣщать университетскіе курсы, по уставу мы должны были выходить попарно, и точно так-

же возвращаться; но мы обыкновенно расходились при первомъ поворотѣ, назначивъ другъ другу мѣсто сходки; впрочемъ когда даже случалось кому возвратиться одному, швейцаръ протягивалъ руку и молчалъ о нашихъ неисправностяхъ. Это мѣсто давало ему не меньше прибыли, чѣмъ мѣсто швейцара при иномъ министрѣ. Одѣвались мы также щеголевато, какъ рыскающіе по свѣту аббаты.

Матушка, которую я довольно часто навѣщалъ въ Кіоццѣ, познакомилась съ одною монахинею монастыря святаго Франциска. Эта была донна Марія Елисавета Бональди, сестра мессера Бональди, венеціянскаго адвоката и нотаріуса. Монастырь получилъ мощи своего святаго основателя, и ихъ надлежало съ большимъ торжествомъ выставить на поклоненіе вѣрующихъ. Нужна была на этотъ случай хорошая проповѣдь; донна Бональди, полагаясь на мою аббатскую рясу, считала меня уже великимъ моралистомъ, богословомъ и витіею. Она покровительствовала одному аббату, одаренному удивительною памятью; вотъ она и обратилась ко мнѣ съ просьбою сочинить для него проповѣдь, увѣряя меня, что онъ произнесетъ ее какъ нельзя лучше.

Я сначала хотѣлъ учтиво уклониться отъ этой чести; но потомъ разсудилъ, что писалось же въ нашей коллегіи каждый годъ похвальное слово въ честь Пію V, и что обыкновенно этотъ трудъ возлагался на кого-либо изъ воспитанниковъ коллегіи. Почему же, заключилъ я, не воспользоваться мнѣ случаемъ испытать свои силы въ искусствѣ, которое вовсе не казалось мнѣ премудростью.

Черезъ двѣ недѣли моя проповѣдь была готова. Аббатъ выучилъ ее на память, и произнесъ съ бойкостью самаго опытнаго проповѣдника. Проповѣдь произвела огромный эффектъ; слушатели плакали, сморкались, возились на стульяхъ. Проповѣдникъ выходилъ изъ терпѣнія, хлопалъ руками и топалъ ногами, а изъявленіе общаго восторга все усиливалось. Наконецъ бѣдняжкѣ стало не въ мочь, и онъ закричалъ съ кафедры: тише! — и все умолкло.

Всѣмъ было извѣстно, что творцемъ этой великой проповѣди былъ я, отовсюду посыпались на меня поздравленія и самыя лестныя предвѣщанія. Я ловко подбился въ милость къ монахинямъ, тонкими похвалами, которыя расточалъ имъ въ проповѣди; послушать меня, онѣ были образцы всѣхъ добродѣтелей, и безъ малѣйшаго ханжества! (въ послѣднемъ случаѣ я не лгалъ; я зналъ ихъ, и зналъ, что онѣ нисколько не были ханжами). За то и онѣ ще-

дро отблагодарили меня рукодѣльями, кружевами и лакомствами.

Сочиненіе проповѣди, и послѣдовавшіе за нею толки и разсужденія, заняли меня столько времени, что вакаціонное время уже подходило къ концу. Отецъ мой написалъ въ Венецію, чтобы мнѣ доставили экипажъ для отправленія въ Миланъ.

Въ Миланѣ я остановился у маркиза Гольдони, и гостилъ у него шесть дней, въ ожиданіи открытія курсовъ. Мой покровитель принялъ меня чрезвычайно радушно; его лестные отзывы обо мнѣ должны были подкрѣпить мои надежды, и удвоить мое рвеніе; я воображалъ себя на верху счастья, а между тѣмъ былъ на краю погибели.

Еще въ Миланѣ получилъ я извѣстіе о смерти настоятеля коллегіи. Преемникъ его, аббатъ Скарабелли былъ мнѣ знакомъ; пріѣхавъ въ Павію, я немедленно явился къ нему, и онъ, будучи въ тѣсной дружбѣ съ сенаторомъ Гольдони, увѣрилъ меня въ своемъ благорасположеніи и въ готовности мнѣ служить.

Два дня спустя рѣшился я отправить прочіе свои визиты, и разумѣется, началъ съ самаго пріятнаго дома. Подхожу къ дверямъ, звоню; слуга отворяетъ, и не дожидаясь моего вопроса, говоритъ:— «Барыня больна, а барышня никого не принимаетъ. — Очень жаль; кланяйся!»

Подхожу къ другому дому. Слуга идетъ на встрѣчу.—«Можно видѣть твою барыню?—Нѣтъ никого дома, сударь; всѣ выѣхали на дачу». А я самъ видѣлъ въ окнѣ два чепца; мнѣ это показалось страннымъ, однако же пошелъ далѣе; въ третьемъ мѣстѣ опять никого нѣтъ дома.

Признаюсь, тутъ меня взяла досада; это было очевидно умышленное оскорбленіе; но какъ я ни ломалъ головы, никакъ не могъ объяснить себѣ причины.

Павійскіе горожане были искони въ непримиримой враждѣ съ воспитанниками коллегіи, и во время послѣднихъ ваканцій составили противъ насъ заговоръ. Они положили на своихъ премудрыхъ сходкахъ, что ни одинъ Павійскій гражданинъ не женится на дѣвицѣ изъ дома, въ которомъ насъ принимали; и сорокъ человѣкъ подписали это мудрое постановленіе. Мигомъ разошлось оно по всѣмъ домамъ; матушки и дочки пришли въ ужасъ, и каждый изъ насъ сталъ человѣкомъ опаснымъ, котораго слѣдовать избѣгать.

Нѣсколько завистниковъ, косившихся на меня еще съ предъ-

идущаго года, воспользовались этимъ случаемъ, чтобы погубить меня.—Ты поэтъ, твердили они мнѣ; тебѣ стоитъ только захотѣть отомстить, оружіе готово; и это оружіе крѣпче и вѣрнѣе пистолетовъ и пушекъ. Одинъ почеркъ пера, пущенный кстати — бомба, которая раздавитъ главныхъ виновниковъ, а осколками перебьетъ вправо и влѣво всѣхъ соумышленниковъ. Ну, къ дѣлу! кричали они въ одинъ голосъ; мы доставимъ тебѣ разные забавные анекдотцы; ты будешь отомщенъ, и мы также.

Я былъ отъ рожденія сговорчиваго нраву; тутъ въ добавокъ не помнилъ себя съ досады; и такъ я тотчасъ уступилъ убѣжденіямъ, рѣшился отомстить врагамъ и далъ имъ въ руки оружіе противъ самого себя.

Я замышлялъ сначала комедію въ родѣ Аристофановыхъ; но потомъ мнѣ показалось, что съ моими ничтожными силами трудно ожидать успѣха, тѣмъ болѣе, что время, которое я долженъ былъ изобразить, плохо ложилось въ рамки произведенія такого рода; по этому я предпочелъ форму *ателланы*, безобразной комедіи, употреблявшейся у Римлянъ, и состоявшей въ однѣхъ шуткахъ и каррикатурахъ. Я назвалъ свою ателлану *Колоссомъ*. Чтобы соединить всѣ совершенства въ колоссальной статуѣ красоты, сохраняя соразмѣрность во всѣхъ ея частяхъ, я надѣлялъ ее глазами дѣвицы такой то, ртомъ другой, плечами третьей, и такъ далѣе; не забывъ ни одной части тѣла. Но художники и любители, призванные судить о статуѣ, никакъ не могли сойтись въ своихъ мнѣніяхъ; вездѣ и во всемъ видѣли они одни недостатки.

Эта сатира должна была оскорбить много хорошихъ и почтенныхъ семействъ; я же имѣлъ несчастіе придать ей занимательность множествомъ остроумныхъ выходокъ, и чрезвычайно комическими сценами; ибо природа надѣлила меня способностью подмѣчать комическую сторону вещей, а опытъ не научилъ еще обуздывать разгулъ моей комической фантазіи.

Въ городѣ только и было разговору, что о моей ателланѣ. Кого она не задѣвала непосредственно, тѣ отъ души смѣялись произведенію, но осуждали автора. Двѣнадцать домовъ громко требовали примѣрной мести; нѣкоторые даже не на шутку грозили моей жизни; къ счастью я сидѣлъ подъ арестомъ. Нѣкоторые мои товарищи были оскорбляемы на улицахъ; папская коллегія была осаждена. Настоятель былъ въ отсутствіи; ему написали о случившемся, и онъ поспѣшно возвратился въ Павію. Ему очень

хотѣлось спасти меня; онъ написалъ къ сенатору Гольдони, который съ своей стороны написалъ убѣдительное письмо къ сенатору Эрба-Одескалькн, павійскому губернатору. Архіепископъ, постригавшій меня, маркизъ Гиліери, рѣшившій мое поступленіе въ коллегію, принимали также участіе во мнѣ, и сильно хлопотали обо мнѣ. Но всѣ усилія моихъ покровителей остались безполезны; они принуждены были предоставить меня на произволъ моей несчастной судьбы. Если бы не льготы, которыми пользовалось наше заведеніе, городская полиція схватила бы меня и предала суду. Мнѣ объявили, что я исключенъ изъ заведенія, и какъ скоро буря успокоилась, и я могъ ѣхать безопасно, меня выпроводили изъ города.

Увы! горестно было мое положеніе! надежды уничтожены, вся будущность разрушена, время убито. Родные, покровители, друзья, знакомые, всѣ, думалъ я, покинутъ меня. Раскаяніе грызло мое сердце; я никого не видѣлъ, никто не навѣщалъ меня. Я впалъ въ отчаяніе.

Отцу моему присовѣтовали послать меня въ Модену, гдѣ также былъ университетъ, и гдѣ я могъ докончить свой курсъ правовѣденія, получить степень и поступить въ званіе адвоката.

И вотъ я на Моденской почтовой лодкѣ. Всѣхъ насъ пассажировъ было четырнадцать человѣкъ; кондукторъ нашъ Бастія, былъ человѣкъ пожилой, длинный, сухой, суровой наружности; впрочемъ честный и добрый малый, и чрезвычайно набоженъ.

Первый привалъ нашъ былъ къ обѣду; мы пообѣдали всѣ вмѣстѣ въ трактирѣ, и кондукторъ запасся всѣмъ нужнымъ на ужинъ; потому что пассажиры должны были ужинать на ходу.

Когда стемнѣло, зажгли два фонаря, разливавшіе слабый свѣтъ по всей лодкѣ; и вотъ кондукторъ явился къ намъ съ четками въ рукахъ, и очень вѣжливо пригласилъ насъ прочесть съ нимъ вслухъ одну треть розарія и акаѳиста святой Богородицѣ.

Мы почти всѣ, безъ затрудненія, приняли предложеніе добряка Бастіи, построились въ два ряда, и стали поочередно читать «Отче нашъ» и «Радуйся Богородица». Мы читали молитвы довольно усердно; только въ одномъ углу лодки стояли три пассажира съ накрытыми головами, смѣясь и перешептываясь между собою, и передразнивая насъ. Бастія, замѣтивъ это, очень кротко попросилъ этихъ господъ, если они не раздѣляли нашего благочестія, то по крайней-мѣрѣ не забывать долга вѣжливости. Три незнакомца громко расхохотались. Хозяинъ, не зная съ кѣмъ имѣлъ дѣ-

ла, смолчалъ; но одинъ изъ судовщиковъ узналъ ихъ, и сказалъ хозяину, что это были жиды. Взбѣсился мой добрый Бастія, и закричалъ пѣстовымъ голосомъ: «Какъ вы жиды, а за обѣдомъ ѣли ветчину!»

При этой неожиданной выходкѣ, всѣ пассажиры, и сами жиды, расхохотались; но хозяинъ, не обращая на это вниманія, продолжалъ свое: «Я жалѣю о несчастныхъ, не знающихъ нашей святой вѣры; но презираю тѣхъ, которые не соблюдаютъ никакой религіи; вы ѣли ветчину, стало быть вы мошенники!» Жиды взбѣсились въ свою очередь, и бросились на хозяина; мы благоразумно рѣшились вступиться за него, и принудили евреевъ совершенно отдѣлиться отъ нашего общества.

Когда мы стали подъѣзжать къ Моденѣ, Бастія спросилъ меня, гдѣ я намѣренъ былъ жить. Я этого и самъ не зналъ. Моему двоюродному брату Заваризи поручено было отыскать мнѣ квартиру со столомъ; Бастія предложилъ мнѣ поселиться у него; онъ сказалъ мнѣ, что былъ знакомъ съ г. Заваризи, и увѣренъ въ его согласіи. Дѣйствительно двоюродный братъ мой одобрилъ выборъ, и я поселился у стараго курьера.

Заваризи былъ очень доволенъ моимъ пріѣздомъ; представилъ меня немедленно ректору университета, а потомъ повелъ меня къ одному извѣстному адвокату, у котораго я долженъ былъ учиться юридической практикѣ, и который тотчасъ принялъ меня въ свою контору.

У того же адвоката занимался племянникъ знаменитаго Муратори; онъ познакомилъ меня съ своимъ дядею, всеобщимъ человѣкомъ, отличавшимся по всѣмъ отраслямъ литературы, который былъ честью своего народа и вѣка, и былъ бы кардиналомъ, если бы не такъ горячо заступался въ своихъ сочиненіяхъ за честь и права дома Эсте.

Новый пріятель мой показалъ мнѣ всѣ достопримѣчательности города: между прочимъ герцогскій дворецъ, чудо архитектуры и великолѣпія, и драгоцѣнное собраніе картинъ, которое тогда еще было въ Моденѣ, и которое король Польскій купилъ за сто тысячъ цехиновъ (1,100,000 франковъ).

Мнѣ очень хотѣлось видѣть знаменитое ведро, подавшее поводъ къ поэмѣ Тассони *Похищенное ведро* (La Secchia rapita); оно виситъ въ колокольнѣ соборной церкви, на желѣзной цѣпи. Я проводилъ время довольно весело; Модена нравилась мнѣ и многочисленнымъ обществомъ литераторовъ, стекавшихся тутъ, и частыми

театральными представленіями, и наконецъ тѣмъ, что я надѣялся здѣсь вознаградить потерянное время и трудъ.

Но ужасное зрѣлище, которое я увидѣлъ нѣсколько дней спустя послѣ своего пріѣзда, страшный обрядъ церковнаго правосудія, такъ сильно поразило меня, что умъ мой и сердце долго не могли освободиться отъ этого тягостнаго впечатлѣнія.

Среди многочисленной толпы видѣлъ я костеръ, вышиною въ пять футовъ, на которомъ стоялъ человѣкъ съ обнаженною головою и связанными руками. Это былъ мой знакомый, образованный литераторъ, извѣстный по всей Италіи поэтъ, почтенный и всѣми уважаемый аббатъ Д. Б. В. Передъ нимъ стоялъ монахъ, съ книгою; другой монахъ допрашивалъ несчастнаго; аббатъ отвѣчалъ съ гордостью, толпа рукоплескала и ободряла его; монахъ продолжалъ свои обвиненія; опозоренный страдалецъ дрожалъ отъ негодованія. Я не могъ долѣе выдержать это зрѣлище; я удалился въ раздумьи, почти въ безпамятствѣ. Мною овладѣла тоска; я возвратился домой, заперся въ своей комнатѣ, и погрузился въ самыя грустныя и самыя горькія для человѣчества размышленія.

Боже мой, думалъ я, чего не должны мы перенести въ этой короткой жизни, которую мы принуждены влачить на землѣ? Вотъ человѣкъ, обвиняемый въ преступныхъ рѣчахъ женщинѣ.

И кто же донесъ на него? та-же самая женщина. Боже мой! стоитъ человѣку только попасть въ бѣду, чтобы навлечь на себя позорное наказаніе.

И я сталъ пересчитывать всѣ обстоятельства своей жизни, которыя могли бы имѣть для меня пагубныя послѣдствія; вспомнилъ больную въ Кіоццѣ, горничную и лимонадчицу въ Фріулѣ, свою Павійскую сатиру, и прочіе грѣшки, лежавшіе на моей душѣ.

Между-тѣмъ, какъ я былъ погруженъ въ эти печальныя размышленія, старикъ Бастія, узнавъ, что я возвратился домой, пришелъ звать меня къ вечерней молитвѣ съ его семействомъ. Мнѣ нужно было разсѣяніе, и я охотно принялъ его приглашеніе; дѣйствительно, усердная молитва меня нѣсколько успокоила. За ужиномъ зашла рѣчь объ аббатѣ В.... Я не могъ удержаться отъ изъявленія ужаса, который наводило на меня происшестіе. Но хозяинъ, принадлежавшій къ числу свѣтскихъ членовъ духовнаго судилища, находилъ обрядъ прекрасныхъ и весьма благодѣтельнымъ, какъ примѣръ для другихъ грѣшниковъ. Я спросилъ, чѣмъ

кончился обрядъ; онъ отвѣчалъ, что гордецъ былъ смиренъ, и упорство его наконецъ уступило; что онъ принужденъ былъ сознаться всенародно во всѣхъ своихъ преступленіяхъ, произнести во всеуслышаніе представленную ему форму покаянія, и былъ присужденъ къ тюремному заключенію на шесть лѣтъ.

Образъ этого человѣка, подвергнутаго всенародному позору, преслѣдовалъ меня неотступно, я никого не хотѣлъ видѣть, ходилъ каждый день съ Бастіею къ обѣднѣ, на проповѣдь, къ вечерней и ко всенощной. Онъ былъ въ восторгѣ отъ меня, и старался подкрѣпить благочестіе, проявлявшееся во всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ и словахъ, разсказами о видѣніяхъ, чудесахъ и обращеніяхъ.

Я твердо рѣшился идти въ монахи, въ орденъ капуциновъ. Написалъ отцу долгое и тщательное письмо, въ которомъ было все, кромѣ здраваго смысла; я испрашивалъ его разрѣшенія отречься міра, и закутаться въ монашескую рясу. Отецъ мой поступилъ очень благоразумно; онъ ни сколько не противорѣчилъ изъявленному мною желанію; показалъ даже видъ, будто его очень радуетъ святое призваніе сына, но только просилъ меня, немедленно по полученіи его отвѣта, ѣхать къ нему, увѣряя меня, что и онъ и матушка ничего такъ не желаютъ, какъ сдѣлать мнѣ угодное. Получивъ этотъ отвѣтъ, я сталъ готовиться къ отъѣзду, и отправился въ самомъ разгарѣ своего благочестиваго стремленія. Когда я пріѣхалъ въ Кіоццу, родители приняли меня съ невыразимою нѣжностью. Я заговорилъ о своемъ намѣреніи, они не осуждали его. Отецъ предложилъ мнѣ ѣхать въ Венецію; я отказался изъ непритворной набожности; но онъ сказалъ мнѣ, что хотѣлъ представить меня главному настоятелю капуцинскаго ордена, и я согласился.

Мы отправились въ Венецію; всѣ родные и друзья наперерывъ старались развлечь меня; одни звали насъ на обѣдъ, другіе на ужинъ, завели меня обманомъ въ театръ, и черезъ двѣ недѣли, о монастырѣ уже не было и помину; хандра разсѣялась, и я сталъ разсудительнѣе смотрѣть на вещи. Я по-прежнему содрагался при мысли о человѣкѣ, котораго я видѣлъ на лобномъ мѣстѣ; но я уже понималъ, что для избѣжанія этой участи нѣтъ надобности идти въ монастырь.

Отецъ привезъ меня обратно въ Кіоццу, и матушка очень обрадовалась, увидѣвъ, что я выкинулъ изъ головы свою глупую хандру; она была набожна, но безъ малѣйшаго ханжества. Она

тѣмъ болѣе радовалась мнѣ и ласкала меня, что я былъ сй утѣшевіемъ въ отсутствіи меньшаго сына.

Братъ мой, съ самаго дѣтства назначавшійся въ военную службу, уѣхалъ задолго передъ тѣмъ въ Зару. Драгунскій капитанъ Визиноки, двоюродный братъ матушки, взялъ его къ себѣ на воспитаніе, и потомъ помѣстилъ въ свой полкъ.

Что касается до меня, я рѣшительно не зналъ, что изъ меня будетъ. Отцу моему было очень прискорбно видѣть меня игралищемъ судьбы; но онъ не растерялся въ обстоятельствахъ, которыя становились уже тягостными и для меня и для него. Венеціянская республика имѣетъ обыкновеніе присылать въ Кіоццу губернаторомъ какого-нибудь венеціянскаго вельможу, съ титломъ подеста; губернаторъ беретъ съ собою своего секретаря по уголовной части, завѣдующаго всѣми уголовно-судебными дѣлами; у секретаря бываетъ свой помощникъ, или товарищъ. Эти двѣ должности болѣе или менѣе выгодны, смотря по городу или области: но онѣ очень пріятны, потому что занимающіе ихъ пользуются столомъ его превосходительства, составляютъ ему партію, и принимаются въ первомъ обществѣ города.

Отецъ мой пользовался благорасположеніемъ тогдашняго губернатора, вельможнаго Франческа Бонфадини; онъ былъ также очень друженъ съ секретаремъ по уголовной части, и довольно хорошъ съ его товарищемъ. Такимъ образомъ онъ безъ большаго труда выхлопоталъ мнѣ мѣсто помощника товарищу, который былъ чрезвычайно лѣнивъ и ничего не дѣлалъ. Я работалъ за него со всевозможнымъ усердіемъ, и въ нѣсколько мѣсяцевъ такъ набилъ себѣ руку, что сталъ понимать дѣло лучше его. Секретарь это тотчасъ замѣтилъ, и часто давалъ мнѣ, мимо своего товарища, довольно трудныя порученія, которыя мнѣ удалось исполнить къ его удовольствію.

Шестнадцать мѣсяцевъ, на которые, по обыкновенію, былъ назначенъ подеста, подходили къ концу. Нашъ секретарь по уголовной части былъ приглашенъ въ ту-же должность въ Фельтри; онъ предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ въ званіи его товарища. Это предложеніе очень обрадовало меня; я воспользовался первою благопріятною минутою, чтобы сговорить отца, и на слѣдующій день дѣло было улажено.

Фельтри старинный городъ въ шестидесяти миляхъ отъ Венеціи, въ Тревизанской украйнѣ, принадлежащей къ Венеціянской республикѣ, мѣстопребываніе епископа и многихъ дворянскихъ

домовъ. Мѣстоположеніе гористо и обрывисто; зимою городъ до того заносится снѣгомъ, что въ узкихъ улицахъ двери домовъ совершенно зарыты, и жители выходятъ на дворъ черезъ окна втораго этажа. Юлію Цезарю приписываютъ слѣдующій латинскій стихъ:

Feltria perpetuo nivium damnata rigori.
Фельтри, вѣчно осужденный на суровость снѣговъ.

Пріѣхавъ въ Фельтри впередъ, чтобы принять отъ своего предмѣстника архивъ и начатыя дѣла, я съ удивленіемъ и съ радостью узналъ, что въ городѣ была труппа актеровъ, выписанная прежнимъ губернаторомъ, и собиравшаяся дать нѣсколько представленій по случаю прибытія его преемника.

Директоромъ этой труппы былъ Карло Веронезе, тотъ самый, который тридцать лѣтъ спустя поѣхалъ въ Парижъ, играть роли панталона въ итальянской комедіи, и повезъ собою своихъ дочерей, Каролину и прелестную Камиллу.

Труппа была такъ себѣ, не дурна, директоръ игралъ влюбленныхъ съ вставнымъ стекляннымъ глазомъ; съ удовольствіемъ увидѣлъ я знаменитаго Флоринда дей-Макарони, котораго я уже видалъ въ Римини, и который теперь, на старости лѣтъ, игралъ однихъ царей въ трагедіи и благородныхъ отцовъ въ комедіи.

Мнѣ вскорѣ дали очень пріятное для меня порученіе, произвести на мѣстѣ, миляхъ въ десяти отъ города, слѣдствіе по случаю какой-то ссоры съ оружіемъ въ рукахъ и съ нанесеніемъ опасныхъ ранъ. Такъ какъ дорога туда шла равнинами, мимо прелестныхъ дачъ и помѣстьевъ, то я пригласилъ съ собою нѣсколько пріятелей; насъ собралось двѣнадцать человѣкъ, шесть мужчинъ и шесть дамъ; мы взяли также четырехъ слугъ. Мы всѣ ѣхали верхомъ, и употребили на эту экспедицію двѣнадцать дней. Во все это время мы двухъ разъ не обѣдали или не ужинали въ одномъ мѣстѣ, и ни одной ночи не спали въ постели. Не рѣдко проходили мы довольно большія пространства пѣшкомъ, по прелестнымъ дорогамъ, усаженнымъ виноградниками и тѣнистыми фиговыми деревьями, питаясь молокомъ и ежедневною пищею крестьянъ, *полентою*, те есть разваренымъ маисовымъ толокномъ, которое мы поджаривали въ видѣ аладій. Куда мы не пріѣзжали, вездѣ заводились праздники, веселье, пиры; когда останавливались на ночлегъ, тотчасъ устроивался балъ, продолжавшійся до

утра; и дамы наши выдерживали усталость не хуже насъ, мужчинъ.

Между нашими спутницами были двѣ сестры, одна замужняя, другая дѣвушка. Послѣдняя мнѣ очень правилась, и, сказать правду, для нея одной устроилъ я всю поѣздку. Она была также скромна и разсудительна, какъ сестра ея была вѣтренна; оригинальный походъ нашъ доставилъ намъ много случаевъ объясниться, и мы возвратились въ городъ влюбленные другъ въ друга по уши.

Слѣдствіе мое было произведено на скорую руку въ два часа времени, и мы отправились назадъ въ городъ другою дорогою, для разнообразія. Только когда мы пріѣхали въ Фельтри, почувствовали мы усталость, мы были совершенно избиты и истощены, я цѣлый мѣсяцъ не могъ оправиться, а бѣдную мою Анджелику шесть недѣль преслѣдовала лихорадка.

Мои спутники, предложили мнѣ другаго рода удовольствіе. Въ домѣ присутственныхъ мѣстъ былъ театръ, которымъ имъ вздумалось воспользоваться, они увѣряли, что для меня собственно затѣяли эту забаву, и предоставили мнѣ выборъ пьесъ и раздачу ролей. Я поблагодарилъ ихъ, принялъ предложеніе, и съ соизволенія его превосходительства и секретаря принялъ начальство надъ этимъ новымъ увеселеніемъ.

Мнѣ очень хотѣлось завести комическія представленія: но я не терпѣлъ арлекинадъ, а хорошихъ комедій не откуда было взять; поэтому я отдалъ предпочтеніе трагедіи. Въ то время вездѣ игрались оперы Метастазіо, даже безъ музыки. Я выбралъ двѣ его пьесы, *Дидону* и *Сироэ*, и обратилъ аріи въ обыкновенные монологи и разговоры, стараясь по возможности поддѣлываться къ слогу автора. Потомъ я распредѣлилъ роли, принаровляя ихъ къ характеру и способностямъ своихъ актеровъ, которыхъ я хорошо зналъ; себѣ же взялъ послѣднія роли; и хорошо сдѣлалъ, потому что я вовсе не годился въ трагическіе актеры.

Къ счастью я успѣлъ написать двѣ маленькія пьески, въ которыхъ могъ исполнять характерныя роли. Эти двѣ пьески были: *Добрый отецъ* и *Птьвица*. Та и другая удостоились самаго лестнаго пріема, а игра моя найдена очень удовлетворительною для любителя. Нѣсколько времени спустя я видѣлъ послѣднюю изъ этихъ двухъ пьесъ въ Венеціи; одинъ молодой адвокатъ присвоилъ её себѣ и выдавалъ за свое произведеніе; и долго пользовался онъ всѣми почестями автора, пока не пришла ему въ голову дерз-

кая мысль печатать пьесу подъ своимъ именемъ; тогда воровство его было обнаружено.

Я сдѣлалъ все, что могъ, чтобы убѣдить прекрасную Анджелику участвовать въ нашихъ трагедіяхъ, но не могъ уломать ее; во-первыхъ она была слишкомъ застѣнчива, а во-вторыхъ ея родные ей этого не позволили бы. Она сильно надѣялась быть моею женою, и надежда ея, вѣроятно, сбылась бы, еслибъ странныя, но тѣмъ не менѣе очень основательныя размышленія не отклонили меня. Изъ благоразумія ли, или изъ слабости, или непостоянства, но я уѣхалъ изъ Фельтри не женившись на ней.

Мнѣ необходимо было развлеченіе, и за нимъ дѣло не стало. Отецъ мой къ этому времени опять перемѣнилъ свое мѣстопребываніе; онъ нигдѣ не могъ ужиться надолго, и, кажется, оставилъ ту же непосѣдлость въ наслѣдство сыну. Возвращаясь изъ Модены, куда онъ ѣздилъ по семейнымъ дѣламъ, онъ остановился въ Феррарѣ, тутъ ему сдѣлали очень выгодное предложеніе: принять мѣсто врача въ Баньяковалло, съ хорошимъ постояннымъ жалованьемъ. Предложеніе было въ самомъ дѣлѣ выгодно, и онъ согласился; я долженъ былъ ѣхать къ нему, какъ скоро освобожусь отъ своихъ занятій.

Оставивъ Фельтри, я поѣхалъ черезъ Венецію, не останавливаясь, и сѣлъ на Феррарскую почтовую лодку. Въ лодкѣ было много пассажировъ, но очень неотборное общество. Между прочими былъ одинъ молодой человѣкъ, худой, блѣдный, черноволосый, съ пьянымъ голосомъ и дерзкою физіономіею; онъ былъ сынъ падуанскаго мясника, но корчилъ вельможу. Его милость изволилъ скучать; онъ всѣмъ поочередно предлагалъ сыграть партію, но никто его не слушалъ; наконецъ эта честь досталась мнѣ. Сначала онъ предложилъ мнѣ партію въ фараонъ, вдвоемъ; но какъ ѣхавшій съ нами курьеръ не допустилъ бы азардной игры, то мы стали играть въ дѣтскую игру, cala-carle; у кого по окончаніи партіи наберется больше картъ, тотъ выигрываетъ одну фишу; кто наберетъ болѣе пикъ, выигрываетъ другую. Я безпрестанно отдавалъ карты, а пики ко мнѣ не шли; такимъ образомъ онъ выигралъ у меня два цехина, по тридцати су фиша. Мнѣ казалось, что партнеръ мой игралъ не совсѣмъ чисто; однакоже я смолчалъ и заплатилъ проигрышъ.

Пріѣхавъ въ Феррару, я хотѣлъ отдохнуть, и остановился въ гостинницѣ святаго Марка, гдѣ находился почтовый ямъ. Между тѣмъ какъ я обѣдалъ одинъ въ своей комнатѣ, является

мой новый знакомый навѣстить меня, и предлагаетъ мнѣ отъиграться. Я отказываю; онъ смѣется моей трусости, вынимаетъ изъ кармана колоду картъ и горсть цехиновъ, и предлагаетъ заложить банкъ; я опять отказываю.

— Полноте, любезнѣйшій, отвѣчаетъ онъ, я вѣдь долженъ вамъ реванжъ; я не мошенникъ какой-нибудь, хочу дать вамъ случай отъиграться. Вы меня не знаете; чтобы васъ успокоить на мой счетъ, вотъ вамъ карты; держите сами банкъ, а я буду понтировать.

Это предложеніе показалось мнѣ довольно благовиднымъ; я былъ еще слишкомъ простъ, чтобы понимать всѣ хитрости пріятелей, живущихъ на чужія деньги; я преглупо повѣрилъ, что между нами рѣшитъ судьба, и что мнѣ представляется возможность отъиграть свои деньги.

Вынимаю изъ кошелька десять цехиновъ и кладу на столъ; тасую карты, даю снять; пріятель мой ставитъ двѣ ставки; я выигрываю обѣ, и готовъ прыгать отъ радости, какъ арлекинъ. Перетасовываю карты въ другой разъ, и даю снять. Честный пріятель удваиваетъ ставку, я опять выигрываю. Онъ загибаетъ карту; этотъ пароль долженъ былъ рѣшить банкъ, и я не имѣлъ права отъ него отказаться; метнулъ нѣсколько картъ, и опять выигрываю. Мой противникъ взбѣсился, какъ лютый звѣрь; ругаясь какъ извощикъ, онъ подобралъ со стола карты, пересчиталъ ихъ, нашелъ, что одной карты не хватало, и ну увѣрять, что я металъ банкъ нечисто, и что онъ выигралъ. Деньги еще были на столѣ; онъ бросился къ нимъ; я хотѣлъ отстаивать свое право,... но противникъ мой вынулъ изъ кармана пистолетъ.... Противъ такого доказательства нечего было говорить; я отскочилъ, и деньги мои пропали. На жалобный и трепетный звукъ моего голоса прибѣжалъ слуга, и узнавъ о происшедшемъ, объявилъ, что мы оба заслужили строгаго наказанія, опредѣленнаго законами за азардныя игры, и грозился донести на насъ, если мы не дадимъ ему денегъ. Я подозрѣваю, что все это была продѣлка, слаженная между нимъ и мошенникомъ, падувшимъ меня въ карты. Я далъ слугѣ цехинъ, взялъ почтовыхъ лошадей и уѣхалъ, взбѣшенный проигрышемъ, а еще болѣе тѣмъ, что такъ глупо дался въ обманъ двумъ мошенникамъ.

Пріѣхавъ въ Баньяковалло, я немедленно отыскалъ своихъ родителей. Отецъ мой былъ боленъ при смерти, и одно, говорилъ онъ, огорчало его: мысль, что онъ могъ умереть, не видѣвъ ме-

ня. Увы, онъ видѣлъ меня, и я видѣлъ его; но не надолго было это взаимное удовольствіе.

По смерти отца, и во всю дорогу изъ Римской области въ Венецію, матушка безъ умолку говорила о моей службѣ при губернаторахъ. Она желала видѣть меня осѣдлымъ человѣкомъ, и жить при мнѣ; съ слезами на глазахъ умоляла она меня посвятить себя адвокатскому званію. По прибытіи нашемъ въ Венецію всѣ наши родственники и знакомые присоединились къ ней; долго крѣпился я, но долженъ былъ наконецъ сдаться. Судьба въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, разрушила мой планъ; Талія ждала меня въ своемъ храмѣ; она влекла меня туда извилистою тропою, усѣвая путь мой терніями и шипами, прежде чѣмъ послала мнѣ нѣсколько цвѣтовъ.

Адвокаты въ Венеціи должны непремѣнно жить или по крайней-мѣрѣ держать свои конторы въ судейскомъ кварталѣ. Я нанялъ квартиру въ приходѣ святаго Патерніяно, и поселился тамъ съ матерью и теткою; облачился въ мантію своего сословія, ту же, что у патриціевъ; нахлобучилъ на голову огромный парикъ, и съ нетерпѣніемъ ждалъ дня своего представленія въ Палату Суда.

Это представленіе совершается довольно торжественно; новичекъ долженъ имѣть двухъ воспріемниковъ, которые называются въ Венеціи палатными кумовьями (compadri di palazzo); ихъ обыкновенно избираютъ изъ старыхъ адвокатовъ, наиболѣе привязанныхъ къ юному собрату. Я выбралъ своихъ двухъ сосѣдей, Учелли и Роберти.

Я размышлялъ о новомъ званіи, которое готовился принять. Въ Венеціи обыкновенно состоятъ въ спискѣ двѣсти-сорокъ адвокатовъ; изъ нихъ десять или двѣнадцать принадлежатъ къ первому разряду; человѣкъ двадцать составляютъ второй; остальные гоняются за кліентами, а мелкіе стряпчіе служатъ имъ ищейками, на условіи дѣлить пополамъ шкуры несчастной жертвы. Я, какъ послѣднеприбывшій, очень боялся за себя, и съ сожалѣніемъ вспоминалъ о прежней своей службѣ.

Между тѣмъ какъ я стоялъ одинъ у входа Палаты, строя свои воздушныя замки, подошла ко мнѣ женщина лѣтъ подъ тридцать, недурная собою, бѣлая, румяная, полная, съ приплюснутымъ носомъ, плутоватыми глазами, съ тяжелыми серьгами ожерельемъ, перстнями и запястьями изъ чистаго золота, по

платью принадлежавшая къ низшему, но зажиточному классу. Она подошла ко мнѣ съ привѣтливымъ поклономъ.

— Мое почтеніе, сударь.

— Мое почтеніе, тетка.

— Позвольте мнѣ поздравить васъ.

— Съ чѣмъ?

— Съ принятіемъ васъ въ Палату; я видѣла давича, какъ вы клали свои поклоны въ судѣ. Ну, что за парикъ вы себѣ нахлобучили!

— Не правда ли, хорошъ? И мнѣ удивительно къ лицу?

— Не въ парикѣ дѣло; г. Гольдони будетъ во всемъ молодецъ молодцемъ.

— Развѣ вы меня знаете?

— Какъ не знать? вѣдь я васъ видала, года четыре назадъ, въ царствѣ крючкотворства, въ длинномъ парикѣ и коротенькой епанечкѣ....

— Такъ точно, когда я былъ у прокурора.

— У г. Индріе.

— Такъ вы и дядю моего знаете?

— Еще бы не знать? я здѣсь всѣхъ знаю, отъ дожа до послѣдняго палатнаго писца.

— Вы за-мужемъ?

— Нѣтъ.

— Вдовы?

— Нѣтъ.

— Далѣе не смѣю и спрашивать.

— И хорошо дѣлаете.

— Есть у васъ ремесло?

— Никакого.

— Однакоже, если судить по наружности.... вы кажетесь порядочною женщиною.

— Въ этомъ вы не ошиблись.

— Такъ вы имѣете хорошее состояніе?... капиталы?...

— Нисколько.

— Однако же вы хорошо одѣты: чѣмъ же вы живете?

— Я дочь палаты, и палата печется о моемъ содержаніи.

— Какъ, что это значитъ?... дочь палаты?...

— Такъ точно, сударь; отецъ мой служилъ въ палатѣ?

— Чѣмъ?

— Подслушивалъ за дверьми, и носилъ пріятныя вѣсти тѣмъ,

которые ждали какой-либо милости или благопріятнаго рѣшенія; а какъ у него были хорошія ноги, то онъ всегда поспѣвалъ первый. Моя мать провела всю свою жизнь здѣсь, какъ я; она не поднимала носу, принимала что ей подавали, и исполняла разныя мелкія порученія. Я родилась и взросла въ этихъ золоченыхъ хоромахъ, и хожу вся въ золотѣ, какъ видите.

— Это прелюбопытная исторія. И вы идете по стопамъ своей матери?

— Нѣтъ, сударь; я занимаюсь совсѣмъ другимъ дѣломъ....

— Чѣмъ же?

— Я сводчица по процессамъ.

— Сводчица по процессамъ? это что значитъ?

— Меня всѣ знаютъ, какъ.....; всѣмъ извѣстно, что всѣ адвокаты, всѣ стряпчіе мнѣ пріятели, и многіе обращаются ко мнѣ, когда нуженъ имъ совѣтъ или защитникъ. Люди, обращающіеся ко мнѣ, по большей части не богаты, и я свожу ихъ съ новоприбывшими или съ такими, у которыхъ нѣтъ дѣла, потому что они рады всякой работѣ, только чтобы войдти въ нѣкоторую извѣстность. Знаете ли, сударь, что мнѣ, какъ вы, меня видите, обязана своимъ состояніемъ добрая дюжина знаменитѣйшихъ адвокатовъ палаты? Что же, сударь; хотите-ли, я и ваши дѣла устрою.

Меня очень забавляла эта бесѣда, и въ ожиданіи своего слуги я продолжалъ разговаривать.

— Отчегожъ бы нѣтъ? нѣтъ ли у васъ хоть теперь на примѣтѣ добраго дѣльца?

— Какъ не быть, сударь; и не одно, и перваго разбору. Есть у меня вдова, подозрѣваемая въ утайкѣ мужнина наслѣдства; есть другая, желающая пустить въ ходъ брачный контрактъ, состряпанный по смерти мужа. Есть и дочери, требующія себѣ приданаго; жены, просящія развода; богатые наслѣдники, загнанные кредиторами. Довольно есть всего; выбирайте, что придется по сердцу.

— Хорошо, тетка, сказалъ я; я васъ выслушалъ, теперь ваша очередь выслушать меня. Я молодой человѣкъ, только что выступаю на поприще, и конечно радъ работѣ и случаю выказать себя; но желаніе работать и тягаться никогда не побудитъ меня начать защитою несправедливыхъ дѣлъ, какія вы мнѣ предлагаете.

— А! подхватила она, смѣясь, вамъ не любы мои кліенты, потому что я вамъ сказала напередъ, что съ нихъ взятки гладки!

Но послушайте: мои вдовушки богаты, и съ нихъ будетъ славная пожива; пожалуй и впередъ заплатятъ, если вы пожелаете.

Между тѣмъ, увидѣвъ вдали своего слугу, я всталъ и отвѣчалъ болтуньѣ твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ:

— Нѣтъ, вы меня не знаете; я человѣкъ честный и благородный....

— Это дѣлаетъ вамъ честь, сказала она серьезно, взявъ меня за руку; оставайтесь всегда честнымъ и благороднымъ человѣкомъ.

— Это что, вы уже заговорили другимъ языкомъ?

— Да, отвѣчала она; — языкомъ, который во сто разъ лучше прежняго. Наша бесѣда была не на вѣтеръ! не забывайтесь, и смотрите, никому о томъ ни слова! Прощайте, сударь; будьте всегда честны и безкорыстны, и повѣрьте мнѣ, что не будете отъ того въ накладѣ.

И она ушла, оставивъ меня какъ вкопаннаго отъ изумленія. Я не могъ понять, что все это значило; только впослѣдствіи узналъ я, что эта женщина была шпіонъ, ее подослали, чтобъ пронюхать меня; но кто, этого я никогда не зналъ, да и не старался узнать.

Я ничего не намѣренъ скрывать отъ читателей, и потому долженъ сказать откровенно, что дѣла мои были очень плохи; я совершенно разстроился (какъ и отъ-чего, будетъ сказано ниже). Адвокатское званіе не приносило мнѣ ровно ничего; надо было прибѣгнуть къ какому либо другому источнику, тѣмъ болѣе, что свободнаго времени у меня было достаточно.

Плата авторамъ за драматическія сочиненія въ Италіи чрезвычайно скудна; одна опера могла мнѣ дать разомъ сотню цехиновъ. По этому я и написалъ лирическую драму, *Амалазонту*. Это произведеніе показалось мнѣ очень не дурнымъ; люди, которымъ я его читалъ, также остались довольны; правда, что я выбралъ своихъ судей не изъ знатоковъ дѣла. Но объ этой музыкальной драмѣ я поговорю въ другое время.

Матушка была очень коротко знакома съ госпожею Ст*** и съ дѣвицею Мар***, двумя сестрами, жившими въ одномъ домѣ, но особыми хозяйствами. Во время своихъ частыхъ переѣздовъ, она совершенно потеряла ихъ изъ виду, но какъ скоро мы снова поселились въ Венеціи, она возобновила это старое знакомство.

Я былъ представленъ обѣимъ сестрамъ. Дѣвица Мар*** была богаче своей сестры, занимала квартиру въ бель-этажѣ, жила довольно

но открыто, и потому знакомые охотнѣе ходили къ ней, чѣмъ къ ея сестрѣ. Она была не-молода, но еще очень хороша: не смотря на свои сорокъ лѣтъ, она была свѣжа какъ роза, бѣла какъ снѣгъ, имѣла большіе, живые и умные глаза, и очаровательный ротикъ; была полна, но безъ излишества; одно только портило ея лицо: огромный орлиный носъ, придававшій ей какую-то смѣшную важность, когда она принимала серьезный видъ, хотя по ея богатству и положенію въ свѣтѣ, ей не могло быть недостатка въ женихахъ, однакоже она всѣмъ отказывала; я имѣлъ счастье или несчастіе быть первымъ смертнымъ, тронувшимъ ея суровое сердце: мы давно уже согласились мысленно, но не смѣли открыться другъ-другу; она скромничала, а я боялся отказа. Наконецъ я рѣшился прибѣгнуть къ посредничеству матушки; она нашла эту партію очень выгодною для меня, и съ радостью взялась ее устроить. Но она дѣйствовала не спѣша, чтобъ не развлечь меня отъ занятій; ей хотѣлось, чтобъ я сколько-нибудь утвердился сначала на своемъ новомъ поприщѣ.

Между тѣмъ я всѣ вечера проводилъ у дѣвицы Мар***. Обыкновенно ходила къ ней ея сестра на партію, и приводила съ собою своихъ двухъ дочерей, уже невѣстъ. Старшая была кривобока, а младшая дурна. Впрочемъ у нея были прекрасные черные глаза, съ самымъ плутовскимъ выраженіемъ, и преоригинальная арлекинская рожица; и во всемъ ея существѣ была какая-то полудѣтская, плутоватая наивность. Ея тетка терпѣть не могла ее, потому что она уже не разъ отбивала у старой дѣвы предметы ея преходящей нѣжности, и дѣлала все что только могла, чтобы вытѣснить ее изъ моего сердца. Что касается до меня, я шутилъ и смѣялся съ племянницею, но былъ непоколебимъ въ своей привязанности къ теткѣ.

На бѣду какое-то превосходительство втерлось въ знакомство дѣвицы Мар***; новый знакомый сталъ дѣлать умильные глазки сорокалѣтней красавицѣ, и она пошла на приманку. Они не любили другъ друга; но старую дѣву прельщало званіе превосходительства, а превосходительство прельщалось ея богатствомъ.

Я замѣтилъ, что былъ оттѣсненъ отъ почетнаго мѣста, которое занималъ прежде; это задѣло меня за живое, и желая отомстить невѣрной, я сталъ приволакиваться къ ея ненавистной соперницѣ. Впрочемъ я, видно, слишкомъ увлекся жаждою мести; потому что не прошло двухъ мѣсяцевъ, а я уже былъ по уши влюб-

ленъ въ племянницу, и подписалъ брачный контрактъ по всѣмъ законамъ установленнымъ формамъ.

Правда, что матушка моей новой возлюбленной и ея приближенные не упускали никакихъ средствъ уловить меня въ свои сѣти. Въ контрактѣ было нѣсколько по видимому очень выгодныхъ для меня статей; я долженъ былъ получить ренту, принадлежавшую моей невѣстѣ; ея мать обязывалась отдать ей всѣ свои брильянты; и наконецъ мнѣ обѣщали значительную сумму денегъ; которую долженъ былъ выплатить мнѣ какой-то другъ семейства моей невѣсты, кто такой былъ этотъ другъ, мнѣ не хотѣли открыть.

Между тѣмъ я продолжалъ посѣщать дѣвицу Мар***, и по прежнему проводилъ у ней почти всѣ вечера. Но она начала подозрѣвать племянницу; она видѣла, что мое вниманіе и моя привѣтливость къ дѣвицѣ Ст*** стали менѣе церемонны, и знала, что съ нѣкотораго времени, когда я приходилъ къ ней, я всегда заходилъ сначала къ ея сестрѣ, хоть и долженъ былъ для того взойдти лишній этажъ. Старая дѣва готова была лопнуть съ досады, и рѣшилась выпроводить отъ себя и сестру, и племянницъ, и меня.

Съ этою цѣлью она принялась дѣятельно устраивать свою свадьбу съ превосходительствомъ, которое считала въ своихъ сѣтяхъ; и послала къ нему стороною сговориться о времени и объ условіяхъ. Но каково было ея изумленіе и негодованіе, когда ей отвѣчали, что превосходительство требуетъ половины всего ея имѣнія при подписаніи контракта, и остальной половины по смерти ея. Не стану описывать ярости, негодованія и жажды мщенія несчастной; она послала своему вздыхателю рѣшительный отказъ, и едва не слегла съ досады и горя.

Добрые сосѣди, всегда охотники подслушать и посплетничать, пересказали все, что знали, а можетъ быть и больше чѣмъ знали, старшей сестрѣ; и вотъ, и мать и дочь едва помнятъ себя отъ радости.

Дѣвица Мар*** не смѣла сказать слова; бѣдняжка должна была таить горе, терзавшее ей сердце; видя, какъ я ухаживалъ за племянницею, она бросала на меня гнѣвные взоры, будто хотѣла съѣсть меня своими огромными глазами. Признаться, всѣ мы, какъ ни хитрили, а были преплохіе политики.

Дѣвица Мар***, не зная, какъ далеко уже зашло дѣло о моей женитьбѣ на ея племянницѣ, надѣялась еще отбить меня у не-

нависткой соперницы, и воротить меня къ своимъ ногамъ; эту надежду въ особенности подкрѣпляло въ ней сознаніе своего преимущества въ отношеніи приданаго. Но коварный поступокъ, который я сейчасъ разскажу, совершенно разрушилъ ея мечты.

За нѣсколько времени передъ тѣмъ я сочинилъ пѣсню въ честь своей невѣсты, и поручилъ одному талантливому музыканту-любителю положить ее на музыку, намѣреваясь велѣть исполнить ее въ серенадѣ на каналѣ, на который выходили окна моей невѣсты и ея тетки. Это время мнѣ показалось самымъ благопріятнымъ для исполненія моего намѣренія; никогда не могъ я вѣрнѣе достигнуть своей двоякой цѣли: доставить удовольствіе одной, и взбѣсить другую.

Однажды, около девяти часовъ вечера, когда мы сидѣли за картами у дѣвицы Мар***, подъ окнами ея квартиры, а слѣдовательно и подъ окнами ея племянницы раздались шумные звуки оркестра. Всѣ встали и вышли на балконъ, чтобъ лучше слышать музыку. Когда увертюра кончилась, раздался очаровательный голосъ Агнесы, бывшей въ то время самою модною пѣвицею серенадъ; прелесть ея голоса и выразительность ея пѣнія выставили въ самомъ выгодномъ свѣтѣ и музыку и слова.

Эта пѣсня имѣла огромный успѣхъ въ Венеціи; ее пѣли вездѣ, въ гостиныхъ и въ серенадахъ. Но она подняла бурю въ душахъ двухъ соперницъ, изъ которыхъ каждая считала въ правѣ присвоить ее себѣ. Я успокоилъ племянницу, увѣривъ ее тихонько, что серенада назначена ей, а тетку оставилъ въ сомнѣніи и безпокойствѣ. Со всѣхъ сторонъ сыпались на меня поздравленія; я отпѣкивался, увѣрялъ, что не думалъ давать серенады, но въ тоже время очень былъ радъ падавшимъ на меня подозрѣніямъ.

На слѣдующій день я отправился въ обычный часъ въ домъ двухъ соперницъ. Дѣвица Мар*** сторожила мой приходъ; увидѣвъ меня она вышла ко мнѣ на встрѣчу, повела меня въ свою комнату, посадила меня подлѣ себя и сказала мнѣ торжественнымъ голосомъ:

— Вы доставили намъ вчера довольны пріятное наслажденіе; но насъ въ домѣ нѣсколько женщинъ: скажите, кому именно была назначена эта почесть? Я не знаю, мнѣ ли благодарить васъ за нее.

— Сударыня, отвѣчалъ я, вы ошибаетесь; виновникъ этой серенады не я; я въ ней не имѣлъ никакого участія.

— Не запирайтесь, перебила она, бросивъ на меня гордый, по-

чти гнѣвный взглядъ: не запирайтесь, это совершенно безполезно. скажите мнѣ только, для меня ли вы придумали это удовольствіе, или для кого другаго. Предупреждаю васъ, что отвѣтъ вашъ можетъ быть весьма важенъ.... что онъ долженъ рѣшить очень многое.... Больше я вамъ сказать не могу; отвѣчайте.

Еслибы я былъ свободенъ, я не знаю, чтобы я отвѣчалъ; но я былъ связанъ, и мнѣ оставалось сказать одно: — Сударыня, сказалъ я, еслибы даже я и былъ точно виновникомъ вчерашней серенады, я никакъ не посмѣлъ-бы назначить ее вамъ.

— Это отчего?

— Оттого, отвѣчалъ я, что вы слишкомъ высоко мѣтите, чтобы я могъ надѣяться обратить на себя ваше вниманіе; этой чести могутъ удостоиться только превосходительства и сіятельства.

— Довольно, вскричала она, вскочивъ со стула; все понимаю! Идите, сударь, и помните мое слово: придетъ время, что вы будете раскаяваться въ своихъ дерзкихъ рѣчахъ.

Она была права; меня ожидало жестокое наказаніе.

Такимъ образомъ пошла открытая война. Дѣвица Мар***, взбѣшенная тѣмъ, что племянница отбила у нея жениха, и боясь, чтобы она не вышла за мужъ прежде нея самой, обратила свои виды въ другую сторону. Противъ ея оконъ, жило почтенное семейство, не носившее никакого важнаго титула, но бывшее въ родствѣ со многими вельможными домами; старшій сынъ нѣкогда сватался къ дѣвицѣ Мар***, и получилъ отказъ. Теперь она рѣшилась возобновить съ нимъ знакомство, и безъ труда въ томъ успѣла; она купила своему будущему супругу очень почетное мѣсто въ палатѣ и не прошло недѣли, какъ все было слажено, и они обвѣнчаны.

У З***, — такъ назывался мужъ моей бывшей невѣсты, — была сестра, которая должна была въ теченіи тогоже мѣсяца выйдти за-мужъ за одного дворянина съ твердой земли. Это были двѣ богатыя сватьбы, а наша долженствовала быть третьею: какъ мы ни были бѣдны, а надо было не отставать отъ нихъ, корчить богачей, пускать пыль въ глаза, а потомъ хоть идти по міру.

Вотъ что разстроило мои дѣла, что надѣло мнѣ петлю на шею. Надо было какъ-нибудь изъ нея выпутаться.

Матушка ничего не знала о томъ, что происходило въ домѣ, который она посѣщала довольно рѣдко. Дѣвица Мар*** злобно воспользовалась однимъ общепринятымъ обычаемъ, чтобъ извѣстить и объ

этомъ: она послала ей повѣстку. Матушка очень удивилась; стала меня распрашивать; и я принужденъ былъ ей все открыть, стараясь впрочемъ, по возможности, скрасить свою глупость, представляя очень сомнительныя обѣщанія, какъ нѣчто совершенно вѣрное, и замѣтивъ въ заключеніе, что въ мои лѣта смѣшно было жениться на сорокалѣтней невѣстѣ. Послѣдній доводъ всего болѣе успокоилъ матушку. Она спросила, назначено-ли время моей свадьбы? я отвѣчалъ, что назначено, и что намъ оставалось еще до нея добрыхъ три мѣсяца.

Свадьба, съигранная на большую ногу, со всѣми принятыми нелѣпостями, сопряжена въ Венеціи съ такимъ множествомъ разныхъ обрядовъ, какого нигдѣ не найдется.

Первый обрядъ, подписаніе контракта, въ присутствіи всѣхъ родныхъ и знакомыхъ жениха и невѣсты; мы избѣжали этого обряда, подписавъ контрактъ въ тихомолкѣ.

Второй обрядъ: поднесеніе перстня, не обыкновеннаго обручальнаго кольца, а перстня съ дорогимъ брильянтомъ, который женихъ долженъ подарить своей невѣстѣ. На этотъ торжественный день опять созываются всѣ родные и знакомые, домъ убирается съ неимовѣрнымъ великолѣпіемъ, всѣ спятся перещеголять другъ друга богатствомъ и цѣнностью нарядовъ; сверхъ того надо сказать, что въ Венеціи не бываетъ сходбища безъ угощенія, которое обходится также очень дорого. Этого обряда мы не могли устранить, потому что наша свадьба, какъ ни была смѣшна, а должна была надѣлать шуму, и намъ приходилось хоть треснуть, а не отставать отъ другихъ.

Третій обрядъ: поднесеніе ожерелья. За нѣсколько дней передъ свадьбою мать или ближайшая родственница жениха отправляется къ невѣстѣ и подноситъ ей отъ его имени ожерелье изъ настоящаго жемчугу, которое молодая должна носить постоянно съ этого дня и во все продолженіе перваго года своего замужства. Въ очень немногихъ семействахъ имѣется свое ожерелье, и не многіе покупаютъ его; берутъ его обыкновенно на прокатъ если же кто желаетъ имѣть порядочный жемчугъ, то прокатъ стоитъ очень дорого. За этимъ обрядомъ поднесенія ожерелья слѣдуютъ опять балы, обѣды, праздники, наряды, словомъ расходы всевозможныхъ родовъ.

Не стану распространяться о прочихъ обрядахъ, потому что они почти тѣже, что вездѣ. Ограничусь обрядомъ поднесенія ожерелья, который я долженъ бы исполнить, но котораго я не ис-

полнилъ, по тысячѣ причинъ; изъ нихъ первая и самая уважительная та, что у меня не было денегъ.

Видя приближеніе этого послѣдняго предварительнаго обряда, я послалъ переговорщика къ своей нареченной тещѣ, просить ее объ исполненіи трехъ условій контракта; то есть, вручить мнѣ документы на принадлежавшую моей невѣстѣ ренту; отдать ей или мнѣ обѣщанные ея матерью брильянты до дня поднесенія ожерелья, и наконецъ выдать мнѣ ту значительную сумму, или часть суммы, что обѣщалъ моей невѣстѣ неизвѣстный покровитель.

Вотъ результатъ переговоровъ, которые взялся вести одинъ изъ моихъ родственниковъ: рента дѣвицы Ст*** заключалась въ правѣ на одну изъ подчиненныхъ пенсій, положенныхъ съ давнихъ лѣтъ Республикою для извѣстнаго числа дѣвицъ; но каждая кандидатка должна ждать своей очереди, а очередь дѣвицы Ст***, должна была наступить по смерти четырехъ другихъ; слѣдовательно она могла умереть сама, не видавъ перваго полугодія своей пенсіи. Брильянты точно назначались дочери; но мать была еще сама не стара, и не хотѣла разставаться съ ними при жизни; дочь же должна была получить ихъ тотчасъ по ея смерти, что-же касается того господина, который, Богъ знаетъ за что и изъ чего, обѣщалъ дать дѣвицѣ Ст*** деньги при выходѣ ея замужъ, онъ былъ въ отлучкѣ, и его еще не скоро ожидали назадъ изъ путешествія.

Хорошъ я былъ послѣ этого, и отрадно мое положеніе. Состоянія моего далеко не хватало на поддержаніе прихотливаго хозяйства, не говоря даже о состязаніи съ двумя богатыми четами; адвокатское званіе не приносило мнѣ почти ничего; я былъ кругомъ въ долгу, видѣлъ себя на краю пропасти, и въ довершеніе всего.... былъ влюбленъ.

Я представилъ свое положеніе матушкѣ, она поплакала, и согласилась со мною, что необходимо было приступить къ рѣшительнымъ средствамъ, чтобъ выручить меня изъ бѣды. Она заложила всѣ свои капиталы для уплаты моихъ долговъ въ Венеціи, я же отдалъ ей, для ея содержанія, все что имѣлъ въ Моденѣ, а самъ рѣшился ѣхать.

И вотъ, въ самое лестное для меня мгновеніе, послѣ моего блистательнаго дебюта въ Палатѣ, заслужившаго мнѣ громкія рукоплесканія всего сословія адвокатовъ, я оставляю родину, мать, друзей, невѣсту, отрекаюсь отъ всѣхъ своихъ надеждъ и отъ

званія!... Первый шагъ былъ сдѣланъ, остальные были не трудны; благодаря своему счастливому характеру, я скоро забылъ все и всѣхъ, кромѣ матери; а прелесть свободы утѣшила меня въ утратѣ невѣсты.

Уѣзжая изъ Венеціи, я написалъ письмо къ своей нареченной тещѣ, въ которомъ сваливалъ на нее всю вину въ своемъ внезапномъ рѣшеніи, и увѣрялъ ее, что немедленно возвращусь, какъ скоро она исполнитъ условія контракта. Между тѣмъ, въ ожиданіи отвѣта, я продолжалъ свой путь.

Пріѣхавъ въ Бергамо, я остановился въ скромной гостинницѣ въ одномъ изъ предмѣстій, и спросилъ кто былъ губернаторомъ города. Посудите о моемъ изумленіи и моей радости, когда я узналъ, что губернаторомъ былъ синьйоръ Бонфадини, тотъ самый, который былъ прежде подестою въ Кіоццѣ, и у котораго я служилъ помощникомъ помощника секретаря. Я вдругъ очутился между своими. Я немедленно отправился во дворецъ губернатора, гдѣ былъ встрѣченъ съ распростертыми объятіями; синьйоръ Бонфандини предложилъ мнѣ у себя квартиру и столъ; я, разумѣется, принялъ приглашеніе, и пользовался имъ двѣ недѣли. Все это время я провелъ какъ нельзя пріятнѣе. Когда я пришелъ проститься съ губернаторомъ, онъ замѣтилъ пасмурное выраженіе моего лица, и сталъ распрашивать меня о причинѣ; но я не смѣлъ открыть ее. Онъ догадался, что бремя, тяготившее меня, было не бремя туго набитаго кошелька, и открылъ мнѣ свой кошелекъ; я сначала отказалъ, но онъ настаивалъ; я скромно вынулъ десять цехиновъ, и хотѣлъ дать сохранную росписку, но онъ объ этомъ не хотѣлъ и слышать. Я разстался съ добрымъ старикомъ, тронутый его добротою и участіемъ. Пора мнѣ было продолжать свой путь, и я на слѣдующій же день выѣхалъ изъ Бергамо.

Вотъ я въ Миланѣ, въ столицѣ Ломбардіи.... въ древней столицѣ Испанскаго владычества, куда я долженъ бы явиться въ кастильской епанчѣ и фрезѣ, если бы муза сатиры не совратила меня съ предназначеннаго мнѣ пути. Пріѣхалъ я искать почестей и славы подъ покровомъ Мельпомены, но долженствовалъ стяжать ихъ изъ рукъ Таліи.

Я горѣлъ нетерпѣніемъ представить и прочесть свою пьесу. Это было самое время карнавала; въ Миланѣ была оперная труппа, и я былъ знакомъ съ первымъ ея пѣвцомъ Кафаріелло; зналъ также ея директора и композитора по балетной части, синьйора

Гроссатеста, и жену его, первую танцовщицу, спиньёру Гроссатеста.

Мнѣ показалось гораздо пристойнѣе и выгоднѣе для меня, представиться директорамъ Миланскихъ театровъ чрезъ посредство лицъ, имѣвшихъ нѣкоторый вѣсъ въ городѣ. Это было въ пятницу, день, въ который почти нигдѣ, по всей Италіи, не бываетъ представленій. У моей землячки, госпожи Гроссатесса былъ пріемный день, на который собиралась большая часть актеровъ, актрисъ, танцовщиковъ и танцовщицъ оперы. Я отправился къ ней. Вскорѣ пришелъ Кафаріелло; узналъ меня, поклонился мнѣ съ благосклонною важностью Александра Македонскаго, и усѣлся подлѣ хозяйки. Вслѣдъ за нимъ вошелъ графъ Прата, одинъ изъ директоровъ Миланскаго театра, и единственный изъ нихъ имѣвшій основательное понятіе о драматическомъ искусствѣ. Госпожа Гроссатеста представила меня графу, и заговорила о моей оперѣ. Графъ очень любезно обѣщалъ предложить ее общему собранію директоровъ; но изъявилъ желаніе предварительно познакомиться съ моимъ произведеніемъ. Хозяйкѣ также хотѣлось прослушать его; а я того только и ждалъ, чтобъ прочесть его. Тотчасъ придвинули ко мнѣ маленькій столикъ, поставили передо мною свѣчу, и всѣ усѣлись вокругъ. Я развертываю рукопись, и читаю названіе: *Амалазунта*. Едва я произнесъ это слово, какъ Кафаріелло принялся напѣвать его на разные лады, и за тѣмъ объявилъ, что названіе слишкомъ длинно и смѣшно. Всѣ засмѣялись, кромѣ меня; хозяйка пожурила соловья и онъ замолкъ. — Я продолжаю читать имена дѣйствующихъ лицъ; ихъ было въ пьесѣ десять. Это не понравилось одному престарѣлому кастрату, пѣвшему въ хорахъ, и онъ закричалъ своимъ тоненькимъ, кошачьимъ голоскомъ: — «Много, много; по крайней мѣрѣ два лица лишнихъ!» — Мнѣ стало досадно, и я хотѣлъ уже бросить чтеніе; но графъ Прата велѣлъ невѣжѣ молчать; — онъ былъ не Кафаріелло, и съ нимъ не церемонились,— и обращаясь ко мнѣ, сказалъ; — «Правда, сударь, что обыкновенно бываетъ въ драмѣ не болѣе шести или семи дѣйствующихъ лицъ; но была бы только сама драма хороша, мы не станемъ торговаться о двухъ лишнихъ актерахъ. Сдѣлайте одолженіе, продолжайте.»

Я продолжалъ: *Дѣйствіе первое; явленіе первое; Клодезиль* и *Арпагонъ*. Кафаріелло опять прервалъ меня вопросомъ, какъ называется первый дискантъ въ моей оперѣ. — «Вотъ онъ: Клодезиль, отвѣчалъ я.» — «Какъ, сударь, вы открываете пьесу первымъ ак-

теромъ, выводите его въ то самое время какъ собирается публика, усаживается, стучитъ стульями и хлопаетъ дверьми? Ужъ какъ вамъ угодно! найдите другаго, а я слуга покорный.»—Я едва удерживалъ свою досаду. Графъ Прата сказалъ: — «Посмотримъ, можетъ быть, дѣйствіе занимательно.» — Я началъ читать первое явленіе; но между тѣмъ, какъ я декламировалъ свои стихи, вдругъ одинъ изъ этихъ получеловѣковъ съ дѣтскимъ голоскомъ, встаетъ, вытаскиваетъ изъ кармана свертокъ нотъ и садится къ клавикордамъ твердить свою арію. Хозяйка не знала какъ извиниться передо мною въ невѣжествѣ гостей; графъ взялъ меня за руку и отвелъ въ уборную, которая была отдѣлена нѣсколькими комнатами отъ гостиной.

Тутъ графъ усадилъ меня подлѣ себя, уговаривалъ меня не обращать вниманіе на невѣжество нѣсколькихъ самолюбивыхъ глупцовъ, и просилъ прочесть мою драму ему одному, чтобы онъ могъ судить о ней и сказать мнѣ откровенно свое мнѣніе. Я искренно благодарилъ его за это снисхожденіе, и принялся за чтеніе своей драмы; прочелъ ее отъ перваго стиха до послѣдняго, не пожертвовавъ одною іотою. Онъ выслушалъ меня терпѣливо и со вниманіемъ; когда же я кончилъ, вотъ какое было его сужденіе:

— Вы, какъ видно, сказалъ онъ, изучили піитику Аристотеля и Горація, какъ свои пять пальцевъ; и написали свою пьесу по всѣмъ правиламъ трагедіи. Но развѣ вы не знаете, что музыкальная драма есть родъ несовершенный, подчиненный особымъ правиламъ и обычаямъ, въ которыхъ, если хотите, нѣтъ и тѣни здраваго смысла, но которымъ, тѣмъ не менѣе, должно безпрекословно покоряться. Если бы вы писали во Франціи, вамъ стоило бы потрудиться, чтобы угодить публикѣ; здѣсь же прежде всего надо угодить актерамъ и актрисамъ; потомъ надо угодить композитору, который будетъ писать музыку къ вашей драмѣ, наконецъ надо посовѣтоваться съ декораторомъ. На все есть свои правила и пріемы; и нарушить ихъ, не оказать имъ достодолжнаго почтенія, сочтется вамъ въ преступленіе противъ искусства. Вотъ послушайте: я вамъ укажу нѣкоторые изъ этихъ непреложныхъ и неизвѣстныхъ вамъ законовъ. Три главныя лица вашей драмы должны спѣть, каждое, по пяти арій; по двѣ въ первомъ дѣйствіи, по двѣ во второмъ, и по одной въ третьемъ. Вторая примадонна и второй дискантъ не могутъ имѣть болѣе трехъ арій, а остальныя лица должны довольствоваться одною, или много двумя. Авторъ долженъ дать композитору разнообраз-

ныя тѣни, составляющія тушевку музыки; онъ долженъ наблюдать, чтобы никогда двѣ патетическія аріи не шли подрядъ; такъ же осмотрительно долженъ онъ распредѣлять аріи бравурныя, драматическія, среднія, менуеты и рондо. Важнѣе же всего, никогда не давать ни страстныхъ, ни бравурныхъ арій, ни рондо вторымъ ролямъ; эти несчастные должны быть довольны тѣмъ, что имъ дадутъ, и отнюдь не гоняться за отличіемъ и за почестью.

Графъ Прата хотѣлъ продолжать, но я остановилъ его. — «Довольно, сказалъ я, не трудитесь говорить далѣе. За тѣмъ еще разъ искренно поблагодарилъ его, и раскланялся.

Тутъ только я увидѣлъ какъ правы были мои строгіе судьи въ Бресчіи; я понялъ, что еще болѣе правъ былъ графъ Трессино Виченцскій, и что я одинъ былъ виноватъ кругомъ.

Когда я возвратился домой, меня бросало и въ ознобъ и въ жаръ; сердце мое стонало отъ оскорбленнаго самолюбія. Я вытащилъ изъ кармана несчастную рукопись, и мною овладѣло непреодолимое желаніе сжечь ее. Половой пришелъ спросить, что я прикажу подать къ ужину. — Не буду ужинать, отвѣчалъ я; разведи только пожарче огонь въ каминѣ». — Рукопись была еще у меня въ рукахъ; я перечитывалъ нѣкоторыя мѣста, и они казались мнѣ очаровательнѣе чѣмъ когда-либо. — «Проклятыя правила! думалъ я; пьеса моя хороша, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; а скверенъ театръ; глупцы всѣ и актеры, и актрисы, и композиторы и декораторы.... Провались они всѣ въ преисподнюю! и ты съ ними проклятая драма, стоившая мнѣ столько труда, и обманувшая всѣ мои надежды! Гори, негодное отродье!» И бросивъ рукопись въ каминъ, я хладнокровно смотрѣлъ какъ пламя пожирало одинъ за другимъ листки моего дѣтища; мнѣ даже было весело смотрѣть на это. Мнѣ нужно было выместить свое негодованіе и свою досаду; я обратилъ месть свою на самого себя; и мнѣ показалось, что я отомщенъ. Послѣ того я хорошо поужиналъ, еще лучше выпилъ, легъ спать, и провелъ самую спокойную, самую блаженную ночь.

Единственнымъ послѣдствіемъ этого необычайнаго волненія было то, что я на слѣдующій день проснулся двумя часами раньше обыкновеннаго. — «Къ чему унывать, подумалъ я; къ чему досадовать? Отправляюсь къ Венеціянскому резиденту; онъ меня звалъ къ обѣду, но я пойду теперь же, чтобы поговорить съ нимъ наединѣ». — Рѣшивъ такимъ образомъ, я одѣлся и пошелъ къ

резиденту. Онъ принялъ меня въ своей уборной; я далъ ему замѣтить, что желалъ поговорить съ нимъ безъ свидѣтелей; онъ велѣлъ всѣмъ удалиться. Тутъ я разсказалъ ему, свое вчерашнее приключеніе, отвратительный разговоръ, возбуждавшій во мнѣ такое негодованіе, сужденіе графа Праты, и въ заключеніе сказалъ ему, что нахожусь въ самомъ затруднительномъ положеніи.

Синьйоръ Бартолини очень смѣялся забавной сценѣ моихъ трехъ героическихъ актеровъ, и просилъ меня дать ему прочесть мою оперу. — «Мою оперу, сударь? ее уже нѣтъ. — Нѣтъ! куда же вы ее дѣвали? — Сжегъ. — Сожгли? — Да сжегъ.... сжегъ все свое имущество,... свои средства существованія и надежды».

Резидентъ захохоталъ еще громче, но среди разговору и хохоту было рѣшено, что я останусь при немъ; онъ принялъ меня въ свою почетную свиту, отвелъ мнѣ у себя хорошенькую квартиру, такъ что на повѣрку вышло, что чрезъ потерпѣнную мною наканунѣ неудачу, я болѣе выигралъ, чѣмъ проигралъ.

Въ началѣ поста пріѣхалъ въ Миланъ одинъ шарлатанъ весьма замѣчательнаго и рѣдкаго рода; онъ былъ родомъ изъ Пармы, и назывался Бонафеде Витали, но величалъ себя *Безъименнымъ*, l'Anonimo; принадлежалъ къ хорошему дому, получилъ прекрасное воспитаніе и былъ нѣкогда іезуитомъ. Соскучивъ монастыремъ, онъ принялся за медицину, и получилъ даже профессорскую каѳедру въ Палермскомъ университетѣ; но чувствуя себя болѣе способнымъ къ звавію народнаго витіи, чѣмъ писателя, онъ бросилъ университетъ, и рѣшился поучать народъ на площадяхъ; а какъ ограниченность состоянія не позволяла ему довольствоваться одною славою, то онъ извлекалъ пользу изъ своего искусства, продавая разныя врачебныя средства.

Это было чистое шарлатанство; но врачеванія его были очень дѣйствительны, а ученость и краснорѣчіе стяжали ему необыкновенную славу и всеобщее уваженіе. Онъ всенародно рѣшалъ самые трудные вопросы, предлагаемые ему по всѣмъ отраслямъ знанія, и даже по самымъ отвлеченнымъ предметамъ. Къ нему посылали всякаго рода задачи и вопросы по части критики, исторіи, литературы, и проч.; и онъ немедленно отвѣчалъ очень оригинальными и вполнѣ удовлетворительными разсужденіями.

Нѣсколько лѣтъ спустя онъ переселился въ Венецію, и оттуда былъ приглашенъ въ Верону, гдѣ ходила эпидемія, истреблявшая множество народу; каждый, кто подвергался ей, умиралъ непре-

мѣнно. Появленіе Безъименнаго въ Веронѣ произвело такое же волшебное дѣйствіе какъ появленіе Эскулапа въ древней Греціи; онъ всѣхъ исцѣлялъ полидерами (Iycopesticum) и кипрскимъ виномъ. Въ благодарность онъ былъ признанъ первымъ веронскимъ врачемъ; но онъ недолго пользовался этою честью, ибо умеръ въ томъ же году, сопровождаемый сожалѣніемъ всѣхъ, кромѣ врачей.

Въ Миланѣ Безъименный имѣлъ удовольствіе видѣть площадь, на которой онъ произносилъ свои рѣчи, всегда покрытою слушателями, какъ пѣшими, такъ и въ экипажахъ; но какъ съ ученыхъ сборъ былъ всего скуднѣе, то онъ по-неволѣ долженъ былъ уставлять свою трибуну заманчивыми снадобьями, привлекавшими невѣжественную толпу; и новый Гиппократъ въ придачу къ своему риторству продавалъ свои врачебныя средства, окруженный четырьмя масками итальянской комедіи.

Синьоръ Бонафеде Витали былъ также ужасный любитель драматическаго искусства, и содержалъ на своемъ иждивеніи цѣлую труппу актеровъ, которые сперва помогали своему начальнику ловить платки съ завязанными въ нихъ деньгами, и бросать обратно тѣ же платки съ баночками и коробочками, а потомъ разъигрывали трехъактныя пьески при свѣтѣ нѣсколькихъ факеловъ.

Мнѣ очень хотѣлось познакомиться съ этимъ необыкновеннымъ человѣкомъ, сколько для него самого, столько же и для его сподвижниковъ. Я отправился однажды къ нему, подъ предлогомъ купить его лекарства отъ всѣхъ недуговъ; онъ сталъ распрашивать меня о настоящей или мнимой моей болѣзни, и угадавъ, что меня влекло къ нему одно любопытство, велѣлъ подать мнѣ чашку шоколату, увѣряя, что это лучшее лекарство въ моемъ положеніи.

Я былъ восхищенъ этою любопытностью. Мы бесѣдовали довольно долго, и я могъ убѣдиться, что онъ былъ такъ же милъ и любезенъ у себя, какъ ученъ передъ публикою. Въ разговорѣ я какъ то сказалъ ему, что служилъ при венеціянскомъ резидентѣ; онъ тотчасъ смекнулъ, что я могъ содѣйствовать ему въ одномъ его предпріятіи, и сообщилъ мнѣ его. Я охотно взялся служить ему, чѣмъ могъ, и имѣлъ счастіе исполнить его желаніе. Вотъ въ чемъ было дѣло.

Съ наступленіемъ поста, по обычаю Италіи, всѣ театры въ Миланѣ были закрыты. Они должны были открыться на Пасхѣ, и къ этому времени была ангажирована одна изъ лучшихъ ко-

мическихъ труппъ; но директоръ ея былъ между-тѣмъ отозванъ въ Германію, и уѣхалъ, ни сказавъ ни слова, такъ-что Миланцамъ приходилось оставаться безъ комедіи. Городъ рѣшился послать въ Венецію и Болонью набрать какую-нибудь труппу. Безъименному хотѣлось, чтобы дали предпочтеніе его труппѣ, которая была не отлична, но могла похвалиться тремя или четырьмя талантливыми актерами, а въ особенности согласіемъ и одушевленіемъ игры. Дѣйствительно, Казали, исполнявшій въ ней роли влюбленныхъ, и Рубини, превосходно игравшій Панталоновъ, были въ слѣдующемъ году ангажированы въ Венецію; первый на театръ Сан-Самуель, а второй на театръ Сан-Лука.

Я съ радостью взялся за дѣло, которое, во всякомъ случаѣ, долженствовало мнѣ быть пріятнымъ. Венеціянскій резидентъ, по просьбѣ моей, взялся ходатайствовать о немъ у знатнѣйшихъ дамъ города; я поговорилъ также графу Прата, съ которымъ продолжалъ знакомство; мы всѣ трое употребили свое общее вліяніе при губернаторѣ, и черезъ три дня контрактъ былъ подписанъ; синьёръ Витали былъ внѣ себя отъ радости, и я въ награду за свои труды получилъ ложу втораго яруса, противъ сцены, вмѣщавшую десять человѣкъ.

Пользуясь этимъ случаемъ, и своею дружбою съ труппою, я принялся опять за сочиненіе драматическихъ бездѣлушекъ. Краткость времени не позволяла мнѣ написать комедію; ибо условіе съ Безъименнымъ было заключено только на весну и лѣто, до сентября мѣсяца; а какъ въ труппѣ его былъ музыкантъ, и одинъ мужчина и одна женщина, умѣвшіе пѣть довольно изрядно, то я написалъ интермедію на два голоса, подъ названіемъ: *Венеціянскій гондольеръ*, которая была исполнена и имѣла весь успѣхъ, какого можно было ожидать отъ подобнаго произведенія. Это первое мое комическое произведеніе, явившееся на публичномъ театрѣ, а за тѣмъ и въ печати; ибо оно помѣщено въ четвертомъ томѣ моихъ комическихъ оперъ, изданія Паскуали, въ Венеціи.

Между-тѣмъ какъ на Миланскомъ театрѣ шелъ мой *Венеціянскій гондольеръ*, объявили первое представленіе *Велисарія;* и объявляли его впродолженіе шести дней, чтобы возбудить любопытство публики, и обезпечить полный сборъ. Расчетъ оказался вѣренъ. Тогдашній Миланскій театръ, подвергшійся впослѣдствіи обыкновенной участи почти всѣхъ театровъ, — истребленію пожаромъ, — былъ самымъ обширнымъ театромъ во всей Италіи, послѣ Неапольскаго театра; а въ первое представленіе *Велисарія*

собралось столько народу, что за недостаткомъ мѣста въ залѣ, зрители тѣснились даже въ корридорахъ.

А что это была за пьеса! Юстиніанъ былъ просто дуракъ, Ѳеодора, развратная женщина, а Велисарій проповѣдникъ. Онъ являлся на сцену съ выколотыми глазами; его велъ арлекинъ, и погонялъ его своею хлопушкою. Всѣ были въ негодованіи, всѣхъ же болѣе я, хлопотавшій о раздачѣ билетовъ многимъ лицамъ, принадлежавшимъ къ первому обществу въ городѣ.

На слѣдующій день я отправился къ Казали; онъ встрѣтилъ меня громкимъ хохотомъ, и сказалъ мнѣ, подбоченясь и закинувъ голову: — «Ну что, сударь, что скажете о нашемъ знаменитомъ *Велисаріи*?

— Скажу, отвѣчалъ я, что это такая низкая продѣлка, какой мнѣ никогда и во снѣ не снилось.

— Полноте, сударь, возразилъ онъ; вы, видно, плохо знаете актеровъ. Гдѣ же вы найдете труппу, которая отъ времени до времени не поднималась бы на подобныя штуки, чтобы зашибить побольше денегъ; это называется у актеровъ una arrostita.

— Да что же значитъ una arrostita?

— Это значитъ на чистомъ тосканскомъ нарѣчіи una corbellatura; на ломбардскомъ нарѣчіи una minchionada; а по-просту — надувательство, ловушка. Актеры часто прибѣгаютъ къ нимъ, и публика уже привыкла быть ихъ терпѣливою жертвою; не всѣ такъ разборчивы; и эти продѣлки не переведутся до-тѣхъ-поръ, пока ихъ не вытѣснитъ радикальное преобразованіе нашихъ театровъ.

— Но прошу васъ, синьйоръ Казали, сказалъ я, не *поджаривать* * меня въ другой разъ, и совѣтую вамъ сжечь своего *Велисарія*, потому что онъ никуда не годится; я никогда не видывалъ ничего отвратительнѣе.

— Вы правы, отвѣчалъ Казали, но я убѣжденъ, что изъ этой дряни можно бы сдѣлать хорошую пьесу.... Чтобы вамъ попробовать? вы желаете писать для театра, начните же съ этого.

— Нѣтъ, если я начну, такъ ужъ никакъ не съ трагедіи.

— Сдѣлайте изъ него траги-комедію....

— Только она будетъ не въ вашемъ вкусѣ.

— Безъ маскъ и безъ шутовства.

— Подумаю.

---

* Слово arrostita происходитъ отъ глагола arrostire, — жарить.

— Послушайте, я вамъ открою свою тайну. Я ангажированъ на будущій годъ въ Венецію: еслибъ я могъ вести съ собою *Велисарія*.... ну, добраго *Велисарія на изнанку*....

— Можетъ быть.... я подумаю....

— Нѣтъ, вы должны обѣщать его положительно.

— Ну, пожалуй, обѣщаю.

— Честное слово?...

— Честное слово.

Прогуливаясь однажды за городомъ съ однимъ бергамскимъ дворяниномъ и моимъ добрымъ пріятелемъ синьйоромъ *Каррарою*, мы остановились въ знаменитой гостинницѣ *Кухонной лампады* (della Cazzola). Въ Миланѣ никто не понимаетъ возможности какого-либо удовольствія, хотя бы даже простой прогулки безъ ѣды. Въ театрѣ, за картами, на балу или на семейномъ вечерѣ, при церемонномъ визитѣ или дружескомъ посѣщеніи, на бѣгахъ и на скачкахъ, въ крестныхъ ходахъ и на духовныхъ бесѣдахъ, миланцу вездѣ надо ѣсть да ѣсть. За то флорентинцы, народъ вообще воздержный и даже скуповатый, иначе не величаютъ миланцевъ какъ *ломбардскими волками*. Слѣдуя этому миланскому обычаю, мы съ Каррарою также заказали себѣ ужинъ, заключавшійся въ блюдѣ polpettino изъ дичи и раковъ; а въ ожиданіи этого ужина отправились прогуляться по саду.

На обратномъ пути мы прошли мимо кухни; тутъ, въ одномъ окнѣ перваго этажа я замѣтилъ хорошенькое женское личико, показывавшее видъ, будто пряталось за занавѣскою. Я тотчасъ сталъ наводить справки. Хозяинъ не зналъ, кто была эта красотка; она пріѣхала дня за три передъ тѣмъ, на почтовыхъ, съ какимъ-то очень хорошо одѣтымъ господиномъ, который ушелъ на слѣдующій день со двора, и съ тѣхъ-поръ не возвращался. Она казалась въ глубокой горести, и хозяинъ догадывался, что она была венеціянка.

«Молода, хороша, венеціянка, и.... въ горести! — На что это похоже, сказалъ я своему товарищу; надо ее утѣшить.»

И я бѣгу на-верхъ, а Каррара за мною; стучусь въ дверь, но красотка не отворяетъ; я завожу рѣчь на венеціянскомъ нарѣчіи, объявляю себя принадлежащимъ къ свитѣ Венеціянскаго резидента;... двери настежъ, и красавица встрѣчаетъ меня вся въ слезахъ и со всѣми признаками глубокой горести.

Я сдѣлалъ, что могъ, чтобы успокоить ее, а Каррара все время только что хохоталъ. Что за жестокое сердце! Наконецъ мнѣ удалось осушить слезы прелестной землячки, и убѣдить ее го-

ворить. Она мнѣ разсказала, что она была дѣвица изъ очень хорошаго венеціянскаго дома, и влюбилась въ человѣка, который по положенію своему въ обществѣ былъ выше ея; что она надѣялась сдѣлаться его женою; но что они со всѣхъ сторонъ встрѣчали одни препятствія, и принуждены были выселиться заграницу. Красавица открыла свое намѣреніе своему дядѣ по матери, который ее очень любилъ, и имѣлъ слабость ей содѣйствовать. Они бѣжали втроемъ по дорогѣ въ Миланъ; но посланная за ними погоня настигла ихъ въ Кремѣ, и дядя былъ схваченъ и посаженъ въ тюрьму. Влюбленные успѣли скрыться, пріѣхали ночью въ Миланъ и остановились въ этой гостинницѣ. Любовникъ вышелъ на слѣдующій день рано утромъ, поискать квартиры въ городѣ; и съ того времени не являлся. Третій день уже оставалась красавица одна, потерявъ почти всякую надежду увидѣть своего похитителя, своего недостойнаго обольстителя. И слезы скорбной красотки заключили ея печальный разсказъ, и въ конецъ растрогали мое чувствительное сердце.

Между-тѣмъ солнце быстро опускалось; пора было возвращаться домой. Я простился съ прекрасною землячкою, обѣщалъ навѣстить её на слѣдующій вечеръ, и дружески пожелавъ ей спокойной ночи, просилъ её открыть мнѣ свое имя. Сначала она, повидимому, затруднялась; наконецъ однакоже шепнула мнѣ на ухо, что ее звали Маргаритою Біонди. Впослѣдствіи узналъ я, что она называлась не Маргаритою, и не Біонди; что дядя былъ вовсе не дядя, а она не дѣвица; но она была молода, хороша, любезна, имѣла скромную и честную наружность, а я былъ довѣрчивъ. Ну могъ ли я покинуть ее въ нуждѣ и въ горести?

На возвратномъ пути въ городъ я долженъ былъ выдержать цѣлую батарею шутокъ и насмѣшекъ Каррары; что однакоже не помѣшало мнѣ сдержать слово, данное мною прекрасной незнакомкѣ. На слѣдующій день я пошелъ къ ней обѣдать; она просила меня похлопотать объ освобожденіи ея дяди, поговорить о немъ Венеціянскому резиденту, по возвращеніи его въ Миланъ, и упросить его примирить ее съ родителями. Я ни въ чемъ не могъ ей отказывать; навѣщалъ ее очень часто, и съ каждымъ разомъ общество ея дѣлалось мнѣ пріятнѣе.

Я былъ очень доволенъ своимъ бытомъ, которому это приключеніе придавало новую прелесть. Но мнѣ было на роду на-

---

* Polpettino, — катышки изъ рубленаго мяса.

писано не наслаждаться долго ни какимъ счастіемъ; радости и печали быстро смѣнялись въ моей жизни, и день, въ который я достигалъ высшей точки блаженства почти всегда былъ канономъ несчастнаго происшествія.

Однажды утромъ мой человѣкъ входитъ въ мою комнату раньше обыкновеннаго, отдергиваетъ занавѣсы, и видя, что я уже проснулся, говоритъ: — «Сказать вамъ, сударь, новости? пятнадцать тысячъ Савойцевъ, конныхъ и пѣшихъ, овладѣли городомъ, и стоятъ лагеремъ на Соборной площади.

Это было начало войны 1733 года, извѣстной подъ именемъ Донъ-Карлосова похода. Сардинскій король принялъ сторону этого государя, и присоединилъ свои войска къ французскимъ и испанскимъ, противъ австрійскаго дома. Савойцы, прошедши всю ночь, подступили на разсвѣтѣ къ воротамъ Милана. Главнокомандующій потребовалъ ключей города; и они были ему тотчасъ выданы, потому что Миланъ, по своей чрезмѣрной обширности, не въ состояніи защищаться.

Не вникая глубже въ дѣло, я счелъ обязанностью донести обо всемъ, что зналъ, своему резиденту; немедленно возвратился домой, написалъ донесеніе и отправилъ его съ нарочнымъ въ Венецію: черезъ три дня министръ возвратился въ свою резиденцію. Между тѣмъ подошли и французскія войска, присоединились къ своимъ союзникамъ Сардинцамъ, и образовали то грозное войско, которое Итальянцы называли Галло-Сардинскою арміею.

Союзники, готовясь къ осадѣ Миланской крѣпости, подступили къ ней, и сдѣлали распоряженія, чтобы бомбардировать цитадель. Всѣ жившіе около избраннаго для военныхъ дѣйствій мѣста, должны были немедленно выбираться; въ числѣ ихъ была и моя бѣдная венеціянка. Она извѣстила меня о своемъ затруднительномъ положеніи; я поспѣшилъ къ ней, помогъ ей выбраться, и не желая видѣть ее въ гостинницѣ, поручилъ ее знакомому мнѣ генуэзскому купцу, человѣку семейному, въ честности и строгости нравовъ котораго я не могъ сомнѣваться.

Осаждающіе тотчасъ устроили свои траншеи и крытые пути; осада закипѣла; батареи день и ночь изрыгали свои ядра, на которыя отвѣчали ядра съ цитадели; нерѣдко дурно направленныя бомбы посѣщали и насъ въ городѣ.

Нѣсколько дней спустя гонецъ Венеціянской республики привезъ резиденту герцогское письмо на пергаменѣ, за свинцовою

печатью, съ предписаніемъ немедленно выѣхать изъ Милана и переселиться на все продолженіе военныхъ дѣйствій въ Крему. Резидентъ тотчасъ сообщилъ мнѣ предписаніе. Онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы отказать своему секретарю, съ которымъ онъ не ладилъ, и возложить эту почетную и выгодную должность на меня, приказавъ мнѣ готовиться къ отъѣзду на слѣдующій день; а какъ намъ нуженъ былъ на время нашего отсутствія корреспондентъ въ Миланѣ, то я предложилъ ему своего пріятеля Каррару. Резидентъ одобрилъ мой выборъ, и Каррара поселился въ посольскомъ домѣ.

Крема городъ Венеціянскій республики, въ сорока-восьми миляхъ отъ столицы, и въ девяти отъ Милана. Отсюда резидентъ могъ наблюдать ходъ войны и дѣйствія воюющихъ державъ, не компрометируя республики, которая объявила себя нейтральною, и не могла признать новыхъ владѣтелей Миланской области.

Театръ войны скоро придвинулся къ Кремѣ, и намъ стало еще легче слѣдить за ея ходомъ; ибо мы очень ясно слышали пушечную пальбу. Но военныя дѣйствія продолжались не долго; нѣмцы ожидавшіе приказаній изъ Вѣны или изъ Мантуи, просили перемирія на три дни, которое было даровано имъ безъ всякаго затрудненія.

При этомъ случаѣ я былъ посланъ въ качествѣ почетнаго шпіона въ лагерь союзниковъ. Невозможно начертать вѣрную картину лагеря во время перемирія; но это самый блистательный праздникъ, самое поразительное зрѣлище, какое только можно себѣ представить. Перекинутый черезъ брешу мостъ служитъ сообщеніемъ между осаждающими и осажденными; вездѣ накрыты столы; офицеры той и другой арміи угощаютъ себя взаимно: въ стѣнахъ и за стѣнами крѣпости, въ палаткахъ и подъ живыми бесѣдками, балы, пиры, концерты. Всѣ окрестные жители стекаются посмотрѣть и повеселиться; кто пѣшкомъ, кто верхомъ, кто въ экипажахъ. Со всѣхъ сторонъ подвозятъ съѣстные припасы: въ одно мгновеніе разливается обиліе по всему стану: даже откуда ни взялись фокусники, фигляры, вольтижеры. Словно ярмарка, самая живая, самая разгульная: зрѣлище очаровательное!

Два дня сряду наслаждался я, по нѣскольку часовъ, этимъ зрѣлищемъ; на третій день нѣмецкій гарнизонъ вышелъ, съ тѣми же почестями, какія были дарованы гарнизону Миланскаго замка. Съ любопытствомъ смотрѣлъ я, какъ французскіе и піемонтскіе солдаты, убѣгали изъ подъ своихъ знаменъ, пробирались въ ряды сво-

ихъ соотечественниковъ и безнаказанно бросали свою службу. Вечеромъ, возвратившись въ Крему, я сдавалъ своему начальницу отчетъ въ видѣнномъ и слышанномъ впродолженіе дня; я могъ сказать ему достовѣрно, изъ разговоровъ своихъ съ офицерами, что союзныя арміи собирались расположиться въ Пармскомъ и Піаченцскомъ герцогствахъ, для прикрытія ихъ отъ вторженія Нѣмцевъ, котораго очень легко можно было опасаться.

Послѣдствія оправдали собранныя мною свѣдѣнія: союзники мало-по-малу прошли чрезъ Кремонскую область, и расположились въ окрестностяхъ Пармы, гдѣ находилась вдовствующая герцогиня, управлявшая, во главѣ регентства, своимъ государствомъ.

Удаленіе войскъ очень облегчило мою должность, и позволило мнѣ приняться за болѣе пріятныя занятія; я принялся опять за своего *Велисарія*, работалъ надъ нимъ усердно и съ удовольствіемъ, и оставилъ его не прежде, какъ онъ мнѣ показался совершенно конченнымъ и вполнѣ удовлетворительнымъ.

Между тѣмъ братъ мой, по смерти Визинони оставившій Венеціянскую службу, и переѣхавшій въ Модену, въ надеждѣ, что герцогъ дастъ ему мѣсто, наскучилъ тщетнымъ ожиданіемъ, и пріѣхалъ ко мнѣ въ Крему. Я принялъ его съ братскимъ радушіемъ, и представилъ его резиденту, который далъ ему то-же мѣсто въ своей свитѣ, которое прежде занималъ я. Но у резидента была горячая головушка, а у брата моего вдесятеро, такъ что имъ невозможно было ужиться; резидентъ его отблагодарилъ, и онъ уѣхалъ съ досадою и негодованіемъ.

Взбалмочное поведеніе моего брата не мало повредило мнѣ во мнѣніи министра. Съ этого времени онъ уже не оказывалъ мнѣ ни прежняго довѣрія, ни прежней дружбы. Въ добавокъ въ довѣріе его втерся какой-то доминиканскій лицемѣръ, и часто даже писалъ подъ его диктовку, когда меня не случалось дома. Все это сильно досадовало меня. Отношенія мои съ резидентомъ совершенно измѣнились; мы уже смотрѣли другъ на друга, съ отвращеніемъ, и будто ждали только случая поссориться и разойтись. За случаемъ дѣла не стало.

Однажды когда я сидѣлъ одинъ въ своей комнатѣ, мнѣ доложили, что какой-то незнакомецъ желалъ видѣться со мною. Я велѣлъ просить, и ко мнѣ вошелъ человѣкъ небольшаго росту, худой, хромой, довольно плохо одѣтый и весьма подозрительной наружности. Я спросилъ, кто онъ такой.

— Вашъ покорнѣйшій слуга, Леопольдо Скаччіати.

— А, господинъ Скаччіати?

— Такъ точно, синьйоръ; тотъ самый, тотъ самый, котораго вы изволили облагодѣтельствовать своимъ покровительствомъ, и выручить изъ тюрьмы.

— Откуда же вы теперь?

— Изъ Милана, синьйоръ.

— А что ваша племянница?

— Племянница приказала вамъ свидѣтельствовать свое почтеніе; она, слава Богу, здорова; впрочемъ вы сами ее увидите.

— Увижу! гдѣ же?

— Здѣсь.

— Такъ она здѣсь?

— Здѣсь, синьйоръ, въ гостинницѣ Оленя, ждетъ васъ; она приказала просить васъ къ ней отобѣдать.

— Не спѣшите, синьйоръ Скаччіати. Скажите, что вы дѣлали все это время въ Миланѣ?

— Я былъ знакомъ со многими офицерами, и частенько имѣлъ честь принимать ихъ у себя.

— У васъ?

— Такъ точно, синьйоръ.

— А ваша племянница?

— Она ихъ угощала.

— И только?...

Тутъ слуга прервалъ разговоръ, который я намѣревался еще продлить; онъ пришелъ доложить мнѣ, что министръ прислъ меня къ себѣ. Я попросилъ господина Скаччіати немного подождать, и самъ отправился на-верхъ. Резидентъ подалъ мнѣ рукопись, съ которой нужно было немедленно снять копію. Это былъ манифестъ Сардинскаго короля, въ которомъ онъ объяснялъ причины, побудившія его вступить въ союзъ съ Франціею. Рукопись эта была очень драгоцѣнна; ибо подлинникъ еще находился въ печати, въ Туринѣ, и резидентъ хотѣлъ послать копію въ Венецію.

Министръ въ этотъ день обѣдалъ и ужиналъ въ гостяхъ. Онъ приказалъ мнѣ доставить ему рукопись и копію на слѣдующее утро, какъ скоро онъ встанетъ. Тетрадь была довольно толстая, и писанная прескверною рукою; однако же надо было исполнить приказаніе. Я возвратился въ свою компату, и объявилъ господину Скаччіати, что не могу принять его приглашенія на обѣдъ, но что навѣщу его племянницу вечеромъ, какъ скоро буду свободенъ. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что племянница его должна скоро уѣхать; я

съ досадою повторилъ свой отказъ, и мой хромой повернулся на каблукахъ, и отправился.

Я тотчасъ сѣлъ за работу; выпилъ вмѣсто обѣда чашку шоколату, и писалъ до десяти часовъ. Наконецъ работа кончена; я замкнулъ обѣ рукописи въ конторку, отправился въ гостинницу Олеия, и засталъ свою прекрасную венеціянку за партіею въ фараонъ, съ четырьмя незнакомыми мнѣ господами. Когда я вошелъ, талья подходила къ концу; всѣ встали и приняли меня съ особыкновенною вѣжливостью; тотчасъ подали ужинъ, и хозяйка усадила меня на почетное мѣсто, подлѣ себя. Я проголодался какъ собака, и ѣлъ за четверыхъ.

Послѣ ужина опять сѣли за фараонъ. Я поставилъ карту, и выигралъ;—другую и опять выигралъ. Я не смѣлъ уйдти первый. Такъ прошла вся ночь за игрою; когда я посмотрѣлъ на часы, уже было семь часовъ. Я все выигрывалъ, но мнѣ нельзя было оставаться долѣе; я извинился передъ всѣмъ собраніемъ, и отправился домой.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ гостинницы встрѣтился мнѣ нашъ слуга. Резидентъ посылалъ искать меня по всему городу; онъ всталъ въ пять часовъ, и спрашивалъ меня; ему отвѣчали, что я не ночевалъ дома. Онъ былъ въ страшномъ гнѣвѣ на меня.

Я спѣшу домой, бѣгу въ свою комнату беру обѣ тетради, и несу ихъ къ министру, который встрѣчаетъ меня весьма сурово; онъ осмѣливается даже подозрѣвать меня въ сообщеніи манифеста Сардинскаго короля чрезвычайному проведитору Венеціянской республики.

Это обвиненіе взбѣсило меня; противъ своего обыкновенія я вспылилъ. Министръ сталъ грозить мнѣ арестомъ. Я тотчасъ вышелъ, и отправился просить убѣжища и защиты у епископа. Онъ вступился за меня и хотѣлъ помирить меня съ резидентомъ; я поблагодарилъ его, но отказалъ на отрѣзъ; я хотѣлъ одного: оправдаться и разойтись.

Между тѣмъ резидентъ успѣлъ навести справки о томъ, гдѣ я провелъ ночь, и убѣдившись въ несправедливости своего подозрѣнія, готовъ былъ принять меня снова: но я не хотѣлъ въ другой разъ подвергаться подобнымъ непріятностямъ, и просилъ, чтобы онъ меня уволилъ. Резидентъ согласился на мое желаніе. Я пошелъ къ нему, извиниться и поблагодарить его; потомъ уложилъ свое имущество, нанялъ почтовую карету въ Модену, гдѣ еще

жила матушка, и черезъ три дня отправился. Но событія войны принудили меня ѣхать въ Брешію.

Я пріѣхалъ въ Брешію въ такомъ затруднительномъ положеніи, въ какомъ еще никогда не бывалъ. И вотъ, на поворотѣ указанной мнѣ улицы, вижу человѣка, который, прихрамывая, спѣшитъ ко мнѣ со всѣхъ своихъ хромыхъ ногъ. Это былъ никто иной, какъ синьйоръ Леопольдо Скаччіати, дядя моей прелестной землячки.

Онъ сталъ разсыпаться въ сожалѣніяхъ, что не видалъ меня болѣе въ Кремѣ, въ гостинницѣ Оленя. Я разсказалъ ему о своемъ внезапномъ отъѣздѣ, и представилъ ему свое настоящее положеніе. И представьте себѣ, что этотъ человѣкъ былъ растроганъ до глубины своей подленькой душонки; со слезами на глазахъ умолялъ онъ меня идти къ нему.

Я нуждался во всемъ; но не зная, чѣмъ жили Скаччіати и его племянница въ Брешіи, я хотѣлъ идти къ нимъ. Хромой, бывшій гораздо меньше меня ростомъ, бросился мнѣ на шею, обнималъ меня, умолялъ идти съ нимъ; говорилъ о моихъ благодѣніяхъ, о своей благодарности и привязанности ко мнѣ; схватилъ меня за руку и потащилъ почти насильно. Квартира его была недалеко; мы пришли къ двери; онъ втолкнулъ меня, и закричалъ изо всѣхъ силъ: «Маргарита, Маргарита, синьйоръ Гольдони!» — Маргарита сошла внизъ, обняла меня, стала уговаривать идти къ нимъ, и наконецъ потащила силою.

Оставшись наединѣ съ своею землячкою, я разсказалъ ей свою печальную повѣсть, а она разсказала мнѣ про свое житье-бытье.

Скаччіати вовсе не былъ ей дядею; это былъ просто мошенникъ и пройдоха, похитившій ее изъ родительскаго дома, и продавшій ее какому-то распутному богачу, который черезъ два мѣсяца бросилъ ее. Ей надоѣло влачить позорную жизнь съ этимъ бездѣльникомъ. Въ Миланѣ они должны были бѣжать изъ города отъ долговъ; въ Брешіи было повтореніе того-же. Скаччіати былъ самый безразсудный и самый развратный человѣкъ въ мірѣ; она желала сбыть его, и просила моего совѣта, какъ взяться за это дѣло.

Если бъ я былъ богатъ, я освободилъ бы ее отъ тирана; но въ настоящемъ моемъ положеніи, я не могъ дать ей другаго совѣта, какъ только обратиться къ роднымъ, и стараться помириться съ тѣми, кто имѣлъ право вступиться за нее.

Между тѣмъ какъ мы бесѣдовали такимъ образомъ, хромой воротился; увидѣвъ насъ другъ подлѣ друга, онъ принялся под-

трунивать и лукаво улыбаться. Мерзавецъ! онъ ни о чемъ не имѣлъ понятія, кромѣ распутства.

Больно было мнѣ быть принужденнымъ осуждать этого человѣка въ то самое время, какъ онъ думалъ только о томъ, чтобы сдѣлать мнѣ добро.—«Ну, сказалъ, онъ, мы поужинаемъ втроемъ. Пойдемте, синьйоръ, пойдемте со мною». Я пошелъ за нимъ, онъ привелъ меня въ прекрасно меблированную комнату «Вотъ, сказалъ онъ, пріемная комната синьйорины; вы займете ее.

Я хотѣлъ тотчасъ удалиться. Скаччіати показалъ мнѣ другую, крошечную комнату, или скорѣе чуланчикъ, отъ котораго я, въ своемъ положеніи, не могъ отказаться, тѣмъ болѣе, что уже было поздно; но въ то же время я объявилъ ему, что намѣренъ непремѣнно ѣхать на слѣдующій день. Послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ усилій удержать меня, онъ сказалъ мнѣ напрямки, и съ искреннимъ участіемъ, за которое я обнялъ бы его, еслибъ не зналъ изъ какой подлой души оно вырывалось, что онъ зналъ въ какомъ стѣсненномъ положеніи я находился, и просилъ меня принять отъ него все, что мнѣ будетъ нужно.—«Пожалуй, сказалъ я; если вы такъ желаете сдѣлать мнѣ добро, одолжите мнѣ шесть цехиновъ, а я вамъ дамъ росписку». Онъ отсчиталъ мнѣ шесть цехиновъ, но не взялъ росписки; и не слушая моей благодарности, вышелъ изъ комнаты, и велѣлъ подать ужинъ.

Мы поужинали очень вкусно и весело, послѣ чего я отправился въ свой чуланчикъ, и легъ спать. На слѣдующее утро я позавтракалъ съ мнимыми дядею и племянницею; поблагодарилъ обоихъ отъ души, и поѣхалъ на почтовыхъ въ Верону. Такъ какъ мнѣ не будетъ болѣе случая говорить объ этихъ двухъ особахъ, то я скажу читателямъ въ немногихъ словахъ, что нѣсколько лѣтъ спустя видѣлъ синьйорину Маргариту въ Венеціи, за мужемъ за очень хорошимъ человѣкомъ; Скаччіати же кончилъ жизнь въ каторгѣ.

Размышляя о своихъ странныхъ приключеніяхъ, я проѣхалъ каменистую равнину, тянущуюся отъ Брешіи къ Веронѣ, и къ ночи прибылъ въ Верону. Въ Веронѣ есть амфитеатръ, построенный Римлянами; неизвѣстно, принадлежитъ ли къ царствованію Трояна или Домиціяна; но онъ такъ хорошо сохранился, что имъ донынѣ можно такъ же удобно пользоваться, какъ въ годъ его построенія. Это обширное зданіе, называющееся въ Италіи *Веронскою ареною* (arena di Verona), образуетъ продолговатый кругъ; большій внутренній діаметръ въ двѣсти-двадцать-пять

футовъ, меньшій въ сто тридцать-три. Вокругъ тянутся сорокъ-пять мраморныхъ ступеней, на которыхъ можетъ удобно помѣститься двадцать тысячъ зрителей.

Въ этомъ кругу даются всякаго рода представленія: конскія ристалища, турниры, бои быковъ; лѣтомъ даже драматическія представленія подъ открытымъ небомъ и при дневномъ свѣтѣ Для этого, среди круга устроивается, на прочныхъ лѣсахъ досчатый театръ, который разбирается на-зиму, а на-лѣто собирается вновь; и лучшія труппы Италіи поочередно пріѣзжаютъ являть свои таланты на этой сценѣ.

Ложъ для зрителей нѣтъ; досчатая перегородка образуетъ обширный партеръ, уставленный ступенями, простой народъ располагается, за самую умѣренную плату на ступеняхъ противъ сцены, и не смотря на умѣренность цѣнъ, нѣтъ во всей Италіи театра, дающаго такіе сборы, какъ Веронская арена.

На слѣдующій день послѣ пріѣзда, выйдя изъ своей гостинницы, я наткнулся на театральную афишку; объявленъ былъ *Опьмъвшій отъ страха арлекинъ.*

Послѣ обѣда я отправился въ арену, и помѣстился въ партерѣ, на самой срединѣ арены, которая была набита народомъ.

Поднялся занавѣсъ; вышелъ актеръ извиниться передъ публикою въ томъ, что дирекція принуждена была отмѣнить пьесу; вмѣсто *Пьмаго арлекина* давали какую-то другую пьесу, которой названія я не припомню. Но какова была мнѣ радость, когда я узналъ въ этомъ актерѣ моего пріятеля Казали, виновника и владѣльца моего *Велисарія.*

Я тотчасъ оставилъ свое мѣсто и пошелъ на сцену. Тамъ я спросилъ Казали; онъ вышелъ, и очень обрадовался, увидѣвъ меня. Схвативъ меня за руку, онъ потащилъ меня, чтобы представить меня директору, первой актрисѣ, потомъ второй, третьей, словомъ всей труппѣ. Всѣ хотѣли говорить со мною; но Казали вырвалъ меня изъ этого улья, повелъ меня за какую-то декорацію; вдругъ эта декорація взвивается на верхъ, и я принужденъ бѣжать со сцены при оглушительныхъ свисткахъ публики. Плохое начало для драматическаго писателя; но Веронцы впослѣдствіи съ лихвою вознаградили меня за этотъ невѣжливый привѣтъ.

Труппа эта была та самая, о которой Казали говорилъ мнѣ въ Миланѣ; она состояла при театрѣ Санъ-Самуель, въ Венеціи, принадлежавшемъ графу Гримани. Директоромъ ея былъ Имеръ, любезный и привѣтливый генуэзецъ; онъ пригласилъ меня къ се-

бѣ на слѣдующій день, отобѣдать; это былъ шабашный день. Я принялъ приглашеніе, и въ придачу обѣщалъ прочитать ему своего *Велисарія*; мы всѣ были какъ нельзя болѣе довольны другъ другомъ.

На слѣдующій день отправился я къ директору, и засталъ у него всю труппу; Имеръ хотѣлъ угостить всѣхъ своихъ товарищей, новинкою, о которой Казали давно предупредилъ ихъ. Обѣдъ былъ самый роскошный; а гости были въ самомъ миломъ расположеніи духа; импровизировали куплеты, пѣли застольныя пѣсни, осыпали меня всевозможными любезностями, точно вербовщики, рѣшившіеся завербовать меня.

Послѣ обѣда, всѣ гости собрались въ кабинетѣ директора, и я прочелъ свою пьесу; всѣ слушали ее съ величайшимъ вниманіемъ, и по окончаніи чтенія, аплодировали мнѣ дружнымъ залпомъ. Имеръ принявъ важный начальническій видъ, взялъ меня за руку, и сказалъ: — «Поздравляю!» — И со всѣхъ сторонъ посыпались мнѣ поздравленія; Казали плакалъ отъ радости; и взявъ рукопись, которую я оставилъ на столѣ, сказалъ: — «Съ позволенія автора, я сейчасъ же самъ перепишу ее.» — И унесъ рукопись, не ожидая отвѣта.

Имеръ, отвелъ меня въ сторону и предложилъ мнѣ небольшую квартирку, находившуюся въ томъ же домѣ, объ дверь съ его квартирою; и просилъ меня обѣдать у него во все пребываніе его труппы въ Веронѣ. Въ положеніи, въ которомъ я находился тогда, я ничего не могъ отказать.

Имеръ не получилъ основательнаго образованія, но былъ человѣкъ съ природнымъ умомъ и со свѣдѣніями; онъ страстно любилъ драматическое искусство; имѣя недурной голосъ, онъ вздумалъ ввести въ комедію музыкальныя интермедіи, которыя прежде много лѣтъ были исполняемы при большихъ операхъ, пока не смѣнились балетомъ. Комическая опера родилась въ Неаполѣ и въ Римѣ; въ Ломбардіи, и въ Венеціянской республикѣ она была вовсе неизвѣстна; по этому Имерова затѣя, какъ нѣчто новое, имѣла большой успѣхъ, и принесла много пользы актерамъ.

Въ этой труппѣ были двѣ актрисы на интермедіи; одна прехорошенькая и талантливая вдова, по имени Занетта Казанова, игравшая въ комедіи роли молодыхъ влюбленныхъ, другая была плохая актриса, но съ прелестнымъ голосомъ, это была синьйора Агнеса Амуратъ, та самая, которой я поручилъ, въ Венеціи, исполненіе моей знаменитой серенады.

Ни эти пѣвицы, ни самъ Имеръ не знали даже нотъ; но всѣ трое были одарены музыкальнымъ инстинктомъ, вѣрнымъ слухомъ, чрезвычайною легкостью исполненія, и публика была довольна.

Первая интермедія, съ которой они начали, была *Пѣвица*, пьеска, написанная мною въ Фельтри, для домашняго театра; такимъ образомъ я содѣйствовалъ выгодамъ Венеціянской труппы, самъ того не зная, и не будучи ей извѣстенъ. По этому я долженъ былъ уже пользоваться добрымъ расположеніемъ директора; ибо Казали представилъ ему меня, какъ автора *Пѣвицы*. Вотъ настоящій источникъ всѣхъ любезностей, которыми онъ меня осыпалъ; потому что всѣмъ извѣстно, что даромъ ничего не дается, а *Велисарія* моего было бы недостаточно, если бы я уже прежде не показалъ себя въ драматической поэзіи.

Имеръ, одаренный очень смѣтливымъ умомъ, предвидѣлъ, что мой *Велисарій* долженъ вездѣ имѣть успѣхъ; это его очень радовало, но ему хотѣлось, чтобы и онъ самъ, и новый его амплуа имѣли нѣкоторое участіе въ ожидаемъ успѣхѣ. По этому онъ просилъ меня написать интермедію на три голоса, и поспѣшить, сколько возможно, чтобы успѣть положить ее на музыку.

Я написалъ ему интермедію въ трехъ дѣйствіяхъ, и назвалъ ее *Питомицею*. Содержаніе этой пьески я заимствовалъ изъ частной жизни самого директора: я замѣтилъ, что онъ былъ очень неравнодушенъ къ своей товаркѣ, вдовушкѣ, что онъ порядкомъ ревновалъ ее; и мнѣ вздумалось вывести его самого на сцену. Имеръ тотчасъ догадался; но интермедія такъ ему понравилась, и насмѣшка показалась ему такъ тонкою и незлобною, что онъ и не думалъ сердиться на мою проказу. Онъ искренно поблагодарилъ меня, похвалилъ мою пьеску, и немедленно послалъ её въ Венецію композитору, который былъ уже о томъ предупрежденъ заранѣе.

Между-тѣмъ *Велисарій* былъ переписанъ и роли розданы. Чрезъ нѣсколько дней сдѣлана первая проба по тетрадкамъ, и пьеса, при этомъ второмъ чтеніи, произвела еще большій эффектъ, чѣмъ при первомъ.

Казали былъ въ восторгѣ отъ меня; онъ увѣрялъ меня, что директоръ и владѣлецъ театра не оставятъ меня безъ приличнаго награжденія, и просилъ какъ милости, чтобы я принялъ бездѣлицу на память собственно отъ него, за тѣмъ онъ подалъ мнѣ шесть цехиновъ. Я тотчасъ вспомнилъ Скаччіати; поблагодарилъ Ка-

зали, взялъ одною рукою его шесть цехиновъ, и другою послалъ ихъ къ Скаччіати.

Вотъ мой образъ мыслей въ подобныхъ случаяхъ: я всегда гнушался всякой низости, но никогда не увлекался неумѣстною гордостью; помогалъ, когда могъ, каждому, кто нуждался во мнѣ, и не отвергалъ и даже не стыдился просить помощи, когда самъ нуждался въ ней.

Я преспокойно пробылъ въ Веронѣ до сентября-мѣсяца. Потомъ поѣхалъ съ Имеромъ, въ его каретѣ, въ Венецію, куда мы прибыли въ тотъ же день, въ восемь часовъ вечера. Имеръ требовалъ непремѣнно, чтобы я жилъ у него; показалъ мнѣ комнату, которую онъ намѣренъ былъ отвести мнѣ, и представилъ меня своей женѣ и дочерямъ; но какъ мнѣ очень хотѣлось повидаться съ теткою, то я извинился передъ ними, и просилъ ихъ уволить меня отъ ужина.

Я очень желалъ получить какія-нибудь извѣстія о госпожѣ Ст*** и ея дочери, узнать имѣли-ли онѣ еще притязанія на меня. Тетка увѣряла меня, что я могъ быть спокоенъ на этотъ счетъ; что чванныя синьйоры, узнавъ, что я связался съ актерами, считали меня недостойнымъ уже ихъ знакомства, и смотрѣли на меня съ негодованіемъ и презрѣніемъ. — «Тѣмъ лучше, сказалъ я это еще лишнее благо, которымъ я обязанъ своему таланту. Я въ обществѣ актеровъ какъ артистъ въ своей мастерской. Это добрые, честные люди, и, по моему, гораздо болѣе заслуживающіе уваженія, чѣмъ рабы гордости и честолюбія.»

Потомъ я сталъ говорить о семейныхъ дѣлахъ. Матушка все еще жила въ Моденѣ, и была здорова; долги мои были почти совершенно уплачены.

Поужинавъ съ теткою и нѣсколькими родственниками, я простился съ ними, и отправился домой, къ Имеру, самою дальнею дорогою; обошелъ мостъ *Ріальто* и площадь Святаго Марка, чтобы насладиться вполнѣ зрѣлищемъ города, который ночью еще прекраснѣе, чѣмъ днемъ.

Въ то время я еще не видалъ Парижа; въ городахъ, черезъ которые я проѣзжалъ, вечеромъ можно было выколоть себѣ глазъ или разбить голову въ темнотѣ; венеціянскіе фонари показались мнѣ очаровательною и вмѣстѣ весьма полезною роскошью, тѣмъ болѣе, что это освѣщеніе ни сколько не обременяло жителей; ибо всѣ расходы на него покрывались однимъ лишнимъ ежегоднымъ тиражемъ лотереи. Кромѣ фонарей, эта часть города освѣщается

множествомъ лавокъ, которыя всегда открыты до десяти часовъ вечера, многія даже до полуночи, а нѣкоторыя и вовсе не закрываются. Въ Венеціи, въ полночь, какъ и въ полдень, всѣ съѣстныя лавки и питейные дома открыты, и въ каждомъ трактирѣ, въ каждой гостинницѣ найдете готовый ужинъ. Тамъ не водится обѣдать или ужинать въ гостяхъ; Венеціяне предпочитаютъ сходиться въ публичныхъ мѣстахъ или на пикникахъ, гдѣ имъ вольнѣе и веселѣе. Въ лѣтнее время на площади Святаго Марка и по окольнымъ улицамъ столько же гуляющихъ, какъ днемъ, такъ и ночью; всѣ кофейни набиты народомъ всѣхъ состояній и половъ. По улицамъ, на площадяхъ, на каналахъ, вездѣ раздаются пѣсни: торговцы поютъ исчисленіе своихъ товаровъ, поденщики поютъ, возвращаясь съ работы, гондольеры поютъ въ ожиданіи своихъ господъ. Отличительная черта венеціянскаго характера — веселость, а венеціянскаго нарѣчія — шутливость и насмѣшливость.

ЮМОРИСТИКА.

СОБЫТІЯ ПО ПИСЬМЕННОЙ ЧАСТИ.

(Хроника Петербургской стороны).

ГЛАВА I.

Въ которой разсказывается о томъ, что и комары иногда бываютъ полезны.

Была осень; погода стояла грязная, несносная: лужи на улицахъ, лужи на мосткахъ, подъ мостками, у воротъ и на дворѣ. Дождь лилъ какъ изъ ведра, и напираемый сильнымъ порывомъ вѣтра, разсыпался мелкою дробью, громко стуча въ окна мирныхъ обитателей Петербургской стороны. Ставни визжали на ржавыхъ петляхъ и хлопали о стѣну, а имъ вторилъ протяжный лай сторожевыхъ собакъ. Ни одной сѣронемѣцкой шинели не мелькало на улицахъ.... изрѣдка перебѣжитъ черезъ дорогу босоногая кухарка, да и та тотчасъ скроется въ мелочной лавкѣ....

«Что дѣлать въ такую погоду? думалъ Василій Ивановичъ. Гулять — нельзя, къ товарищу совѣстно войти съ грязными ногами, вѣдь не всякій имѣетъ калоши, а у Василія Ивановича ихъ то и не было.... и вотъ, въ слѣдствіе вышеперечисленныхъ обстоятельствъ, онъ сидѣлъ дома.

Надо замѣтить, что Василій Ивановичъ терпѣть не можетъ бездѣйствія; онъ или чиститъ чубуки и трубки, или вяжетъ на хвостъ своего кота бумажку, или наконецъ отщипнувъ кусочекъ хлѣба, жуетъ его тихо, тщательно, методически и съ такою осторожностію, какъ будто-бы въ зубахъ у него былъ собственный палецъ. Ужъ такимъ мать его родила! Дѣловой человѣкъ.... страхъ какъ любитъ занятія. На этотъ разъ дѣятельный герой моего разсказа, шаркая туф-

лями и скромно заложивъ за спину руки, двигался изъ одного угла комнаты въ другой. Замасленый халатъ, изъ котораго, по малой мѣрѣ, можно было вытопить фунта два смѣшанной жирной эссенціи, какъ римская тога, развѣвался на плечахъ Василія Ивановича. Черный котъ, прижавшись у печки, мурлыкалъ какую-то фантазію и при каждомъ приближеніи хозяина, усиливъ ноту и подымая морду, казалось спрашивалъ на распѣвъ: о чемъ изволите думать? Но Василій Ивановичъ, не обращая вниманія на любимое животное и друга своей домашней жизни, въ раздумьи щипалъ вату, нескромно выглядывавшую изъ швовъ его тоги, вотъ онъ, не измѣняя положенія, остановился у окна.... Чело наморщилось.... На противуположной крышѣ, прямо противъ окна, двѣ кошки распѣвали громкій дуэтъ, выбивая одна у другой на носу такты....

«Провалъ васъ возьми, окаянныя! сказалъ Василій Ивановичъ голосомъ, исполненнымъ справедливаго гнѣва.—Такія вѣдь безпокойныя твари!.. Ну, ужъ постой ты, рыжая каналья... петлю.... честный человѣкъ, петлю тебѣ.... и Василій Ивановичъ погрозилъ дюжимъ перстомъ. Голова идетъ кругомъ отъ вашей оперы, продолжалъ онъ.... Счастливцы Кантъ и Лессингъ; имъ не мѣшали кошки философствовать! «Сказавъ это, Василій Ивановичъ сдѣлалъ какой-то неразгаданный жестъ рукою и, опустившись на стулъ, вспомнилъ о свѣчкѣ, съ которой въ ту-же минуту полетѣлъ нагаръ прямо въ морду кота.—Между тѣмъ, какъ оскорбленное животное, съ примѣтнымъ неудовольствіемъ отряхивало съ себя искры, и замѣнило мурлыканье фырканьемъ, дѣловой Василій Ивановичъ взялъ перо; взглянулъ на потолокъ, считая, быть можетъ, на немъ дождевыя пятна, или ища вдохновенія, скусилъ оконечность опушки пера, пожевалъ ее; плюнулъ и принялся, что-то писать быстро, очень быстро. Добрый часъ прошелъ въ скорописномъ занятіи.... и вотъ перо положено; потъ, выступившій на лбу блестящими каплями, отертъ ладонью. За тѣмъ довольная улыбка осѣнила лице молодаго человѣка...

«Не дурно.... прошепталъ онъ, право недурно (и еще улыбка)... Завтра я отдамъ ей эту записку.... посмотримъ: устоитъ-ли ея скромность противъ такого краснорѣчія...»

Вы, вѣрно, догадываетесь, любезный читатель, что это любовное посланіе? — Такъ точно. Извольте, я разскажу вамъ, по секрету, интрижку Василья Ивановича, но съ

условіемъ, чтобы на Петербургской объ этомъ никому ни слова!

Предметъ Василья Ивановича или идеалъ, какъ онъ самъ выражается, живетъ въ Колтовской... далеко, далеко... тамъ, при сліяніи двухъ канавокъ, гдѣ накрѣнясь лѣвымъ бортомъ, приснилися къ ветхому забору одноэтажный домикъ, въ три окна на улицу. Въ среднемъ окнѣ этого интереснаго домика вы увидите во всякое время дня блѣдное, романическое личико Ольги Естифѣевны. Это она, идолъ или идеалъ Василья Ивановича. Въ нее-то онъ и врѣзался.... А вѣдь какъ странно, еслибъ вы знали ... Разъ лѣтомъ.... Виноватъ, нынѣче ужъ такъ не разсказываютъ!... Въ одинъ прекрасный лѣтній день, когда лучезарное солнце во всемъ своемъ величіи плыло по горизонту, а Василій Ивановичъ, съ важностію англійскаго деньди полулежа на рѣшетчатой скамьѣ въ общественномъ саду г. К**, раскуривалъ сигару, у воротъ сада показалась дѣвушка въ пестромъ бурнусѣ, въ соломенной шляпкѣ, съ книгою въ рукахъ. Цѣломудренный Василій Ивановичъ опустилъ глаза въ землю и началъ выводить тростью на пескѣ аллеи какіе-то чудные знаки.... Вдругъ ни съ того, ни съ сего, комаръ сѣлъ на носъ Василья Ивановича и такъ больно, такъ зло укусилъ нѣжный, пухлый членъ Василья Ивановича, что Василій Ивановичъ не выдержалъ и сгоряча ударилъ носъ тростью.... Громкій смѣхъ раздался въ двухъ шагахъ отъ раненнаго носа.... Хозяинъ его, поднялъ глаза.... и очень неловко нагнулся поднять книгу, которую выронила отъ смѣха Ольга Естифѣевна. Этотъ странный, курьёзный случай былъ причиною того, что Василій Ивановичъ и Ольга Естифѣевна познакомились, а въ послѣдствіи и полюбили другъ друга.... Вотъ, подумаешъ и комары бываютъ иногда полезны!

ГЛАВА II.

Петербургскій Фебусъ.

Въ то время, какъ я разсказывалъ вамъ о начальной интригѣ Василья Ивановича, гдѣ носъ его играетъ не послѣднюю роль, кто-то легонько стукнулъ въ двери.... Котъ фыркнулъ и поднялъ голову, а Василій Ивановичъ подумалъ: кто бы это въ такую пору?... Неужели, неотвязный сапожникъ за долгомъ.... и трепещущею рукою откинулъ крючекъ у двери.... Когда гость и хозяинъ вышли въ освѣщенную комнатку, то Василій Ивановичъ пріятно былъ изумленъ по-

сѣщеніемъ Сидора Алексѣевича, своего пріятеля, съ которымъ онъ былъ одинакихъ лѣтъ. Сидоръ Алексѣевичъ небольшаго роста; волосы на головѣ его всегда тщательно приглажены и лоснятся жиромъ розовой помады; ротъ постоянно улыбающійся, нельзя сказать чтобы глупо, но и не умно; глаза.... очень, очень выразительныя, это замѣчалъ самъ Сидоръ Алексѣевичъ, когда смотрѣлся въ зеркало.... тоже самое повторяла и его маменька.

— Какъ-бы вы думали, что заставило меня безпокоить васъ, почтеннѣйшій Василій Ивановичъ? началъ Сидоръ Алексѣевичъ.

— Не могу знать.... не знаю.... право не знаю, отвѣчалъ Василій Ивановичъ, трубочки не хотите-ли, Сидоръ Алексѣичъ?

— Много вамъ обязанъ, Василій Иванычъ.... позвольте.... если не обременю васъ этимъ-съ?...

Василій Ивановичъ, заглянулъ въ табачный ящикъ, и, говоря возвышеннымъ слогомъ, примѣтно зардѣлся заревомъ стыда; въ обѣтованной табачницѣ не оказывалось даже и табачной пыли!

— Вообразите! воскликнулъ Василій Ивановичъ.

— Что такое-съ? спросилъ гость, расчитывая затянуться двух-рублевичкомъ....

— Вѣдь въ моей табачницѣ-то пусто!.. А.... она часа три назадъ была полнехонька.

— Скажите?...

— Должно быть проклятый котъ....

— Какъ!... какъ-съ?... выкурилъ?... Скажите!... Вотъ-съ канашка-то....

— Не то!... Это, вотъ извольте видѣть: у него очень дурная привычка лазить по коммоду и стульямъ.... должно быть задѣлъ хвостомъ, да и смахнулъ табачницу....

— Скажите.... да такъ-съ, дѣйствительно такъ; задѣлъ и смахнулъ....

— Нечего дѣлать... извините, Сидоръ Алексѣичъ.... ужъ на этотъ разъ останемтесь безъ табаку....

— Ничего, помилуйте Василій Иванычъ.... Въ другой разъ.

— Да ужъ нечего дѣлать... въ другой разъ.... А теперь поговоримте о дѣлѣ, которое доставило мнѣ удовольствіе васъ видѣть.... и Василій Ивановичъ непріязненно взглянулъ на кота, все еще облизывавшаго обозженную морду.

— Вотъ, видите-ли.... началъ Сидоръ Алексѣевичъ, замина-

ясь на каждомъ словѣ; я.... Василій Ивановичъ.... я того.. т. е. не этого.... Да, вы будете надо мною смѣяться?...

— Чему же?

— Я пришелъ къ вамъ, Василій Ивановичъ...

— Вижу.

— Ну, такъ стало быть.... я.... и влюбленъ... фу!... Боже мой, что я говорю? — Не-то, добрый Василій Ивановичъ.... Сказать проще: мнѣ понравилась одна.... и я страстно, въ нее.... того. Послѣднія слова Сидоръ Алексѣевичъ договорилъ почти дискантомъ, исполненнымъ огня и чувства.

— Вы?! спросилъ недовѣрчиво хозяинъ.

— Я!... ей-ей — я! Да и какъ влюбился, еслибъ вы знали! Охъ!... фу!... не дай Господи.... душа вся изныла, а ужъ сердце такъ я и не знаю, что съ нимъ дѣлается: ни вѣсть сохнетъ, ни вѣсть пухнетъ....

— Гмъ.... Вотъ оно-что.

— Днемъ, знаете, хожу словно угорѣлый, а ночью какъ шальной, какъ больной ворочаюсь съ боку на бокъ; обойму, случается, подушку, поцѣлую ее, думая, что она того — да и зарыдаю — такъ громко, что иногда сосѣди на другой день у маменьки спрашиваютъ: за что де-скать вы вчера поколотили Сидорочку, что онъ рюмилъ на цѣлый домъ? А чего тутъ поколотили.... еще бы такъ, а то.... Словомъ, казусный недугъ эта любовь.... я вамъ скажу, не дай Богъ влюбиться.... глаза всегда посоловѣвши, краснехоньки и напухши отъ слезъ.... даже подозрительно.... Слышали вчера, Петръ Петровичъ остановилъ меня, да и говоритъ: вы, мнѣ кажется, г. Фифюлькинъ, ведете нетрезвую жизнь? а я просто не того, я безнадежно влюбленъ....

— Горькая истина.

— Полынь!... просто — полынь! Ахъ, Василій Ивановичъ!

— Что, Сидоръ Алексѣичъ?

— Охъ, Василій Ивановичъ!

— Да, что съ вами?.... Сидоръ Алексѣевичъ?

— Помогите! помогите моему бѣдному сердцу! вскричалъ трагически Фифюлькинъ.

— Радъ!... готовъ!... но, какъ научите?

— Просто.... Напишите цидулочку къ моей любезной.—Вы на это большой мастеръ; подобнаго вамъ писателя нѣтъ и не будетъ, Василій Иванычъ...; ужъ вы меня извините, я говорю, что чувствую, что вижу и знаю.... Черкните, что

вотъ, дескать, я пылаю къ ней всякими горючими веществами, что я безъ нее всечасно страдаю, что она мой идіалъ, что она бѣльмо моего глаза, простуда, или лучше сказать, воспаленіе моего сердца.... что она мой жизненочикъ, моя крошка; и что если она не воспламенится ко мнѣ тою-же горячностію, то я окончу свою жизнь съ печали, или просто — куда ни шло — уѣду на Кавказъ, и тамъ нарочно сдѣлаю, что меня убьютъ изъ пушки.... Ради Бога, Василій Иванычъ, въ этомъ родѣ, пожалостливѣе, почувствительнѣе, что бы она того.... не выдержала....

Слушая кипучій монологъ Сидорочки, Василій Ивановичъ обкусалъ обѣ губы, стараясь удержаться отъ неприличнаго смѣха.... и, дѣйствительно, надо было видѣть, какія страшныя, конвульсивныя гримасы сопровождали каждое слово Фифюлькина.

— О, съ удовольствіемъ! — извольте.... извольте! — отвѣчалъ Василій Ивановичъ....

— Такъ когда же, мой дорогой?...

— Завтра будетъ готово.

— Отецъ!... другъ!... братъ и благодѣтель! вскричалъ Фифюлькинъ, крѣпко сжавъ въ своихъ объятіяхъ добраго Фебуса.

Друзья, по видимому, очень довольные другъ другомъ, разстались. Сидорочка побрелъ блуждать подъ окнами своей дульцинеи, а Василій Ивановичъ, заложивъ за спину руки, снова сталъ ходить по комнатѣ, разсуждая по обыкновенію вслухъ о слѣдующемъ:

— Фифюлькинъ!... Сидоръ Алексѣичъ Фифюлькинъ! фу!... право не вѣрится, что бы онъ запылалъ всякими горючими веществами!... Ну, вотъ, хоть ты что хочешь, а не вѣрится.... Фифюлькинъ.... этотъ бука.... Впрочемъ, что мнѣ за дѣло — слово дано — напачкаю что-нибудь.... однакоже что? Съ послѣднимъ вопросомъ Василій Ивановичъ почти обратился къ своему коту, остановивъ на немъ свой взглядъ.... Да что же больше?... Спишу ему копію съ своего письма.... пусть его тѣшится....

Какъ сказано — такъ и сдѣлано.

На колокольнѣ Петропавловскаго собора ударила полночь; Василій Ивановичъ храпѣлъ (дурная привычка!). Сидоръ Алексѣичъ бѣжалъ домой, говоря въ слухъ.... О, несравненная!... О! о, какъ бишь тебя.... заноза моего сердца!...

ГЛАВА III.

Въ которой счастіе Сидора Алексѣевича клонится къ упадку.

Наступила зима. Василій Ивановичъ блаженствовалъ, потому что Ольга Естифѣевна давно отвѣтила на его письмо. — Сидоръ Алексѣевичъ на свою цидулочку такъ же получилъ утѣшительную вѣсточку, и съ тѣхъ поръ, какъ самъ онъ выражался, воспламенясь еще болѣе страстью непомѣрною, торжественно объявилъ, что Василій Ивановичъ умнѣйшій изъ умнѣйшихъ, и что такого писателя нѣтъ и не было, да и не будетъ — не только что на Петербургской, но даже и въ сосѣдственныхъ частяхъ, и что если судьба сдѣлаетъ его Сидорочку важнымъ человѣкомъ — то Василію Ивановичу быть у него правою рукою. — Такъ, или почти такъ шли дѣла. Умнѣйшій изъ умнѣйшихъ упивался ласками своей красавицы; будущій важный человѣкъ затѣйливый Сидорочка былъ чуть-ли еще не счастливѣе своего патрона. Сидоръ Алексѣевичъ ходилъ къ Ольгѣ Естифѣевнѣ, Василій Ивановичъ къ Марѳѣ Сысоевнѣ, а Марѳа Сысоевна къ Ольгѣ Естифѣевнѣ и обратно.... Но, Боже мой!... кто могъ думать, что выйдетъ изъ этого хожденія?... Бѣдный Сидорочка!.. Разскажемъ все по-порядку.

Въ одинъ ненастный зимній день, когда Петербургское небо обложилось свинцовыми тучами, а вѣтеръ, крутя на дворѣ вьюгою, рѣшительно не позволялъ ни людямъ, ни собакамъ высунуть за ворота или въ подворотню носа, Марѳа Сысоевна, очаровательница Фифюлькина, граціозно раскинувшись на допотопномъ диванѣ въ одной изъ комнатъ своей подруги, Ольги Естифѣевны, не случившейся, на этотъ разъ, дома, ожидала ея возвращенія. Полная рука красавицы, изукрашенная замысловатыми колечками, упираясь на ручку дивана, поддерживала въ тоже время смуглое личико, испещренное въ нѣкоторыхъ неприкосновенныхъ мѣстахъ коричневыми пятнами, въ которыхъ иные предполагали обжогу; но Сидорочка и сама Марѳа Сысоевна крѣпко были увѣрены, что это родимые пятнышки.... На личикѣ Марѳы Сысоевны, не избѣжавшемъ непріятныхъ замѣтокъ природы или стрекнувшаго угля — рѣзко выражалось сильное нетерпѣніе и безпокойство, что доказывалось еще и неровнымъ качаніемъ лѣвой ноги съ мелькавшею на ней пестрою ботинкой.

— О, Боже мой, какъ это несносно... ждать такъ долго

и ждать, кажется, напрасно.... прошептала Марѳа Сысоевна, — да..., ее задержала дурная погода.... Ахъ просто тоска-тоской!... сказавъ это, Марѳа Сысоевна разсѣянно прошла нѣсколько разъ по комнатѣ, изрѣдка останавливаясь заглянуть въ зеркало или въ окна жившихъ напротивъ молодыхъ людей, и, наконецъ, остановилась у окна, выходившаго въ корридоръ, и неосторожно задѣла лежавшую на подоконьѣ книгу, которая съ шумомъ полетѣла на полъ; изъ книги вылетѣлъ исписанный листокъ бумаги.... Марфа Сысоевна бросилась за нимъ.... подняла листокъ... взглянула на записку и ахнула.... Прочитала ее и скомкала въ рукѣ....

— Возможно ли!.. прошептала удивленная Марфа Сысоевна, ага... вотъ что!... продолжала она, возвысивъ голосъ на двѣ или на три ноты въ октаву.... А! коварный!... предатель! измѣнникъ!... Вотъ твое постоянство.... постой-же, неблагодарный Сидорка.... Писать любовныя записки.... Писать точно такогоже содержанія и слово въ слово другимъ, какъ и мнѣ, хорошо!—Ожесточенная Марфа Сысоевна, какъ тигрица, бросилась на свой салопъ, и, быть можетъ, зарыдала бы; но слезы отказались на этотъ разъ облегчить душевную скорбь и невзгоду бѣдной. Она быстро накинувъ салопъ, выбѣжала на улицу съ рѣшительнымъ намѣреніемъ, при первой встрѣчи со своимъ возлюбленнымъ, выцарапать ему глаза, и при первой возможности расписать сосѣдкамъ добродѣтели своей соперницы.

Дѣло объясняется само собою.... Письмо, бывшее причиною такого неожиданнаго обстоятельства и написанное Василій Ивановичемъ къ Ольгѣ Естифѣевнѣ— дѣйствительно заключало въ себѣ слово въ слово, не исключая даже повторенныхъ грамматическихъ ошибокъ — цидулочку Сидора Алексѣевича, скопированную тою же рукою съ подлинника.

Марфа Сысоевна, почти бѣгомъ шла по улицѣ не обращая вниманія на вьюгу, вѣтеръ и собаченку, которая съ громкимъ лаемъ провожала ее, теребя нещадно за салопъ. Вотъ уже она почти и дома. Знакомая кровля мелькнула изъ-за огромнаго палисада.... и въ эту минуту, знакомый голосъ зазвучалъ надъ ухомъ Марѳы Сысоевны. Она подняла голову, осмотрѣлась кругомъ и остановила свой изумленный взоръ на разфранченномъ Фифюлькинѣ, уста, котораго, въ эту минуту обрисованные сладенькою и довольною улыбкой, готовы были начать какое-то привѣтствіе....

— Мое.... почтеніе-съ.... я... къ вамъ, Марѳа Сысоевна — съ обѣщанными стихами Пушкина и....

— А!... это вы! прошептала, задыхаясь отъ ревности, дѣвушка.

— Я... ей-ей я!... Точно я, — неужели не узнаете-съ?

— О, какъ не узнать вашего краснаго лица и толстаго носа.... Презрительный смѣхъ сопровождалъ слова Марѳы Сысоевны.

— Что.... что это: толстое лицо.... красный носъ?... прошепталъ въ недоумѣніи Фифюлькинъ.... За что же, Марѳа Сысоевна, я васъ такъ любилъ, такъ много надѣялся.... такъ много страдалъ.... О, Марѳа! Марѳа Сысоевна!... за что это?... Фифюлькинъ сдѣлалъ движеніе впередъ.

— Подите, всякая дрянь смѣетъ говорить, что меня любитъ.... Найдутся почище васъ....

— Почище?... Но скажите, ради Бога, за что вы меня такъ честите?...

— А!... вы не знаете.... Измѣнникъ!... Предатель!...

— Не знаю, право не знаю, Марѳа Сысоевна, брилліантъ мой....

— А чье это письмо?

— Мое.... ей-ей мое! воскликнулъ Сидорочка, предполагая, что письмо есть та самая цидулка, которую онъ отдалъ своей любезной мѣсяца два назадъ.

— Ваше?...

— Мое.... говорю вамъ — мое.... Ну.... ну чтобъ мнѣ съ мѣста не сойти, чтобъ мнѣ провалиться въ тартарары, если я лгу.

— И вы, не краснѣя, сознаетесь, что пишете такія гадости?...

— Я.... васъ не понимаю, Марѳа Сысоевна!...

— Такъ я васъ поняла, Сидоръ Алексѣевичъ! сказала Марѳа Сысоевна, и на этотъ разъ, дѣйствительно, зарыдала — быстро бросившись къ калиткѣ. Сидоръ Алексѣевичъ сдѣлалъ движеніе за нею.

— Ради Бога, выслушайте.... обождите.... ей-ей вы того, Марѳа Сысоевна — кричалъ Сидоръ Алексѣевичъ. — Калитку захлопнули подъ самымъ его носомъ. Вмѣстѣ со стукомъ калитки сердце Сидорочки облилось горячею кровью; мысль о тяжкой, быть-можетъ, вѣчной разлукѣ съ милою свинцо-

вымъ гнетомъ налегла на его сердце.... Вьюга крутила и завывала окрестъ пораженнаго Сидорочки; отставшая собаченка, оскаливъ зубы, съ громкимъ лаемъ таскала клочья ваты изъ его шинели, — а онъ, вперивъ болѣзненный взоръ на милыя окна, не внималъ ни реву вьюги, ни гавканью Фидельки....

— Все, все кончено!... прошепталъ Сидоръ Алексѣичъ... Безталанный я горемыка, нѣтъ мнѣ ни въ чемъ удачи.... Но, какой демонъ поссорилъ меня съ *нею*!... При этомъ глаза Сидора Алексѣевича блеснули искрою неожиданной мысли, онъ встрепенулся; сдѣлалъ шагъ, другой и щелкнулъ себя по лбу.... Догадался!... Догадался!... Вотъ оно что!.... Вотъ штука-то!... Вотъ она штука-то какая.... Ай-да Василій Иванычъ.... Зубоскалъ проклятый.... Это его продѣлка.... Это онъ мнѣ подрадѣлъ.... Вѣрно писнулъ какую-нибудь крючковатую фразу въ цидулочкѣ, а я, дуракъ, не понялъ ее да и бухъ.... Дуракъ я.... ей-ей дуракъ.... Вотъ они друзья-то, друзья-то закадычные.... Измѣнники!... Все думаютъ поднять честнаго человѣка на посмѣяніе, да на зубки!... Измѣнники! крикнулъ Фифюлькинъ и, какъ серпа, пустился по древянной мостовой.

ГЛАВА IV.

Въ которой Сидоръ Алексѣевичъ совершенно падаетъ.

„Кисинька.... кисъ, кисъ!... говорилъ Василій Ивановичъ, приманивая кусочкомъ хлѣба чернаго кота, у котораго на хвостѣ была навязана бумажка. Ахъ.... бестія, ха, ха, ха!... Ну — на же, кисинька.... кисъ, кисъ.... Такъ Василій Ивановичъ развлекалъ свою обычную меланхолію.... Вдругъ съ шумомъ растворилась дверь и среди комнаты, сверкая глазами и едва переводя духъ отъ усталости, остановился Фифюлькинъ, не снимая съ головы шляпы и не поправляя упавшей съ плеча шинели....

— Что съ вами, Сидоръ Алексѣичъ.... прошу садиться.... трубочки не хотите-ли?... Посмотрите-ко — какъ смѣшитъ котъ мой...

— Сами вы того.... смѣшите.... Да-съ!... хи, хи, хи, хи.... у.... хи, хи. Смѣшите....

— Фи, какъ это глупо, Сидоръ Алексѣичъ....

— Глупо!... Нѣтъ-съ; сами-то вы....

— Тсъ! Что вы, съ ума сошли? Кто васъ звалъ сюда на дерзости?... Вы просто, мнѣ кажется, не въ своей тарелкѣ....

— Хорошо-съ, хорошо!... язвите меня, я знаю: вы на это мастеръ.... Знаю и то, что вы со мною сдѣлали....

— А, что я вамъ сдѣлалъ дурнаго?...

— Что?... А, письмо-то!...

— Письмо?... Ну, такъ что же?

— Ага.... краснѣете....

— Да, какое письмо?... Объяснитесь!

— Еще запираетесь!... Если-бъ я былъ сильнѣе васъ, я бы, говорилъ Фифюлькинъ, подвигаясь къ двери, просто за просто назвалъ бы васъ скотомъ.... Такъ-то-съ....

— Я вижу, что вы, Сидоръ Алексѣичъ, большой невѣжда.... что вы, просто, дерево обтянутое кожей; сказалъ довольно спокойно Василій Ивановичъ. Подите вонъ! Я, г. Фифюлькинъ не хочу говорить съ вами.

— Если я деревяшка, такъ вы послѣ того полѣно, да еще сучковатое, неуклюжее полѣно! вскричалъ Сидоръ Алексѣевичъ; но одна нога ето была уже за дверью.

Фифюлькинъ стремглавъ выбѣжалъ изъ комнаты и, въ торопяхъ, оступившись на лѣстницѣ, кубаремъ покатился внизъ.

Громкій смѣхъ Василія Ивановича сопровождалъ паденіе Сидора Алексѣича.

— Хорошо, хорошо! кричалъ съ улицы Сидоръ Алексѣичъ.... Увидимъ, Василій Иванычъ, увидимъ! Не отдамъ тебѣ долгу.... Кончено, не отдамъ!

ГЛАВА V.

и

можетъ быть, послѣдняя.

Пасмурно было на дворѣ, грустно на сердцѣ Сидора Алексѣевича. Закуривъ трубку и положивъ свою горемычную голову на руку, бѣднякъ, молча сидѣлъ у окна, выходившаго въ пространный огородъ.

Тысячи средствъ припоминалъ себѣ молодой человѣкъ, чтобы поправить испорченное дѣло, ни на одномъ не могъ остановиться.

— Еще съ Васильемъ Иванычемъ я какъ-нибудь полажу, онъ тоже человѣкъ сговорчивый и незлопамятенъ, прошепталъ Сидоръ Алексѣевичъ; но вотъ бѣда, какъ я помирюсь съ нею?... Развѣ черкнуть ей опять письмо, — да ужъ написать самому, никому не довѣряя.... Сказать, что я умираю, умру.... и что тогда тѣнь моя безотступно будетъ слѣдовать по пятамъ ея.... Буду молить ее о прощеніи, буду обѣщать все.... все!... А въ концѣ добавлю, что сосѣдка Ѳекла Кузминишна продаетъ прекрасный красный дамскій платокъ, съ желтыми цвѣтами.... Это дескать въ нашемъ вкусѣ для свадебнаго подарочка.... Чудо!... чудо! вскричалъ Фифюлькинъ и, подпрыгнувъ, бросился къ столу, на которомъ уже давно лежалъ листъ писчей бумаги и стоялъ пузырекъ съ чернилами.

—

На другой день, при первой встрѣчѣ, друзья, забывъ ссору, помирились между собою.... При этомъ Сидоръ Алексѣичъ, платя за дружбу откровенностію, прочелъ Василью Ивановичу слѣдующую записку:

„Возлюбленный Сидорочка!

Лукавый поссорилъ насъ, но я не имѣю на васъ ни какова злаго умысла, Ольга Естифѣевна объяснила мнѣ все и если я васъ могу упрекать, такъ это за то, что вы повѣрили нашу тайну Василью Иванычу. Впрочемъ, я васъ люблю въ сердцѣ спламенемъ

твоя по гробъ моей жизни“.

Тутъ Фифюлькинъ таинственно указалъ на подпись и, подмигнувъ однимъ глазомъ, сказалъ довольно громко: „Знай нашихъ!“

В. МАЛИНОВКА.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ ВЪ РОССІИ.

1. САРАТОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

О Саратовскомъ театрѣ было такъ много говорено и писано, что казалось бы нечего и прибавлять. Между тѣмъ, значеніе этого театра въ здѣшнемъ краѣ, впечатлѣнія, болѣе или менѣе производимыя артистами на публику и наконецъ привычка многихъ находить въ театральной залѣ отдыхъ и развлеченіе, невольно заставляютъ высказать наши мысли объ этомъ предметѣ. Онѣ даже могутъ служить продолженіемъ сужденій, выраженныхъ въ разное время, иногда довольно вѣрно, иногда съ грѣхомъ пополамъ, pro и contra здѣшнихъ *музъ* и *грацій*.

Кто не знаетъ, что литературныя произведенія, посвященныя собственно театру и направленныя къ цѣли изображенія страстей человѣческихъ, со всѣмъ ихъ безобразіемъ, высокихъ стремленій ума и мысли, со всѣми ихъ пользами, находятъ судъ и оцѣнку въ приговорѣ рецензентовъ и допускаются къ исполненію на театральныхъ подмосткахъ тогда только, когда удовлетворяютъ вкусу образованной публики, или могутъ служить поученіемъ народной массѣ. При такомъ убѣжденіи, весьма естественно является новая мысль, повѣрять исполненіе самыхъ пьесъ, успѣхъ игры или ея недостатки и дѣйствія актеровъ, которые въ глазахъ всякаго образованнаго зрителя не должны быть автоматами, движущимися по произволу механизма, но сознательными исполнителями мысли автора. Критическій взглядъ на подоб-

ные предметы необходимъ, какъ бы онъ ни былъ иногда строгъ, потому уже, что съ справедливымъ замѣчаніемъ сценическихъ недостатковъ тѣсно связаны интересы общества, жаждущаго просвѣщенія и самые успѣхи и усовершенствованіе артистовъ. Но въ духѣ критики должна господствовать мысль безпристрастія, мысль чуждая лицепріятія и не заслуженнаго снисхожденія. Одушевленные этой мыслію, мы рѣшаемся высказать то, что десятилѣтній опытъ показалъ намъ достойнаго похвалы или порицанія на Саратовской сценѣ; мы желаемъ подѣлиться ощущеніями нашими не съ одними только безмолвными свидѣтелями, стекающимися въ театральную залу, но съ тѣми особенно, которые, по любви къ искусствамъ, готовы распространять объ нихъ правильное понятіе. Быть можетъ, здѣсь скажутъ, что провинціяльная сцена не представляетъ ничего особенно важнаго, но противъ этого напередъ должно сказать, что въ области искусствъ все великое и полезное совершенствуется постепенно и первоначально исходитъ изъ источниковъ, повидимому ничтожныхъ и незначительныхъ.

Начало существованія здѣшняго театра относится къ первымъ годамъ настоящаго столѣтія, ко времени, когда сценическія произведенія едва только начинали возникать у насъ и когда только одни столичные театры имѣли средства, дарованныя попечительнымъ правительствомъ. Мысль учрежденія театра въ Саратовѣ принадлежитъ бывшему начальнику губерніи А. Д. Панчулидзеву, неусыпно поддерживавшему общественныя удовольствія. До сихъ поръ здѣшніе старожилы вспоминаютъ многихъ артистовъ театра, каковы *Поляковъ*, *Сарнацкій*, *Цыгановъ*, *Запьгинъ*, *Бурдаевъ*, *Гритъ*, *Бѣлова*, *Бурдаева* и проч. Нѣкоторые изъ нихъ, принадлежа къ благородному сословію, были въ душѣ истинные артисты, а нѣкоторые, по таланту, приняты были даже на Московскую сцену. Хроника Саратовскаго театра конечно не представляетъ другихъ особенныхъ проявленій сценическаго искусства, но тѣмъ не менѣе почти цѣлое полстолѣтіе Мельпомена со всѣми музами присутствовала здѣсь въ храмѣ, ей посвященномъ.

За десять лѣтъ, антрепренеромъ театра былъ г. *Стрѣлковъ*, конечно артистъ не ex professio, но все таки человѣкъ смышленый, дѣятельный и формировавшій труппу свою съ большою осмотрительностью и умѣньемъ. Въ немъ замѣтно было стремленіе сообразоваться со вкусомъ публики, которая требовала наслажденій болѣе эстетическихъ, и съ желаніемъ простаго народа, который, какъ извѣстно, любитъ въ минуты отдыха посмотрѣть на *камедь* и посмѣяться. Въ послѣднее время это сдѣлалось для него такою потребностію, что содержатель театра, волей или не-

волей, а долженъ назначать пьесы, по содержанію своему болѣе достойныя простолюдиновъ, хоть это и не всегда бываетъ согласно съ видами образованнаго общества. За то, содержатель театра не былъ въ накладѣ отъ подобныхъ распоряженій и театральные сборы чаще всего основывались на массѣ народной. Во время управленія Стрѣлковымъ театромъ, сколько можно припомнить, болѣе замѣтными дѣйствующими лицами были: *Борисоглѣбскій, Романовскій, съ женою, Косяковскій тоже съ женою и г-жа Мочалова-Франціева* *. Не говоримъ о второстепенныхъ сюжетахъ, которые служа только дополненіемъ труппѣ, незаключаютъ почти никакого интереса. — Борисоглѣбскій былъ лицо довольно замѣчательное по исполненію ролей, усвоенныхъ его способностямъ, и по разнообразію, какъ въ драматическихъ характерахъ, такъ и въ комическихъ. По сію пору Саратовъ помнитъ этого заслуженнаго ветерана сцены. Романовскій не пріобрѣлъ подобной извѣстности, хотя и былъ одушевляемъ истинной любовью. Ростъ его и голосъ одни могли вовлечь его въ заблужденіе, но онъ во время замѣтилъ охлажденіе къ нему публики и оставилъ сцену. Жена его, не владѣвшая большимъ дарованіемъ, къ счастію, не имѣла подобной самонадѣянности и исполняла роли, по крайней мѣрѣ, доступныя ея способностямъ.

Косяковскій былъ не дуренъ въ водевиляхъ, имѣлъ довольно вѣрный музыкальный слухъ, но этотъ артистъ, по безсилію голоса, не всегда удовлетворялъ условіямъ сцены, и оставилъ ее, также, какъ и предшествовавшее ему лицо. Г-жа Мочалова-Франціева, принадлежавшая когда то Московской сценѣ, была рѣдкимъ явленіемъ на здѣшнемъ театрѣ, хотя неумолимое время и сокрушило внѣшнія совершенства этой артистки. Отличное знаніе сцены, сила чувства, звучный голосъ, все вмѣстѣ заставляло забывать недостатки природы, предоставляющей каждому таланту временное, періодическое существованіе.

Но оставивъ Саратовскую сцену, всѣ эти лица, теперь ни больше, ни меньще для насъ, какъ покойники, а объ нихъ, какъ гласитъ премудрое правило, не должно отзываться дурно, даже еслибъ они того и заслужили, чего впрочемъ нельзя сказать о г-жѣ Мочаловой и о Борисоглѣбскомъ, потому что эти живые — покойники оставили по себѣ добрую память. Придерживаясь однако тогоже правила, почтимъ благодарностію сшедшихъ со сцены нашей артистовъ за слезы, которыя проливали мы, затронутые за чувствительныя струны сердецъ, и за тотъ смѣхъ, который былъ невольной данію дарованіямъ.

---

* Родная сестра знаменитаго трагика Мочалова.

Примемся лучше за живыхъ. Въ настоящее время здѣшняя труппа состоитъ подъ управленіемъ г. *Зальсскаго*, человѣка хотя необладающаго классическимъ образованіемъ и настоящимъ стремленіемъ къ искусству, но всегда готоваго поддержать сцену. Какъ дѣятельный антрепренеръ, онъ подобно своему предмѣстнику, дѣйствуетъ всѣми зависящими отъ него средствами къ умноженію труппы, конечно не всегда разборчиво, по отсутствію такта и за недостаткомъ талантовъ. Въ періодъ его управленія происходятъ иногда такія утѣшительныя явленія на Саратовской сценѣ, что публика отъ души готова сказать ему большое спасибо. Назовемъ по именамъ артистовъ, дѣйствовавшихъ здѣсь съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. Это г-жи *Вышеславца*, *Николаева*, *Иванова*, *Гусева*, *Миняева*, *Боброва*; *Гг. Самойловъ*, *Михайловъ*, *Залесскій 2-й*, *Карауловъ*. За ними слѣдуютъ, какъ второстепенные таланты: г-жи *Михайлова*, *Зальсскія 1-я и 2-я*, *Соколовская и Ершева и Гг. Бобро́въ*, *Зальсскій 1-й*, *Соколовъ*, *Соколовскій*, *Лидинъ* и наконецъ, для задняго плана картины, *Григорьевъ*, *Ершевъ и Рыбченко*. Такое распредѣленіе нашихъ артистовъ по разрядамъ необходимо, сколько по свойству талантовъ, столько же и по чувству справедливости. Кто видѣлъ Вышеславцеву на здѣшней сценѣ, тотъ конечно помнитъ, какъ эффектна была игра ея. Пылкая, увлекательная душа этой артистки выражалась всегда сильно и вѣрно. Не было пьесы, не было даже монолога, гдѣ бы она не развила могучаго чувства, требуемаго ролью, не возбудила всеобщаго восторга. Энергія и сила игры ея были такъ естественны, что невольно всѣхъ увлекали; она вызывала участіе къ своему положенію, исторгала слезы у самаго равнодушнаго зрителя, и въ тоже время, въ фейерверкѣ водевильныхъ остротъ и каламбуровъ, какъ умное, игривое дитя, возбуждала общій, непритворный смѣхъ. Къ сожалѣнію, Вышеславцева, заинтересовавши такимъ образомъ вниманіе публики, вдругъ оставила здѣшнюю сцену. Не знаемъ, что было тому причиною: знаемъ только, что признанный талантъ былъ одинаково оцѣненъ, какъ любителями театра, такъ и антрепренеромъ. Быть можетъ, значеніе Саратовскаго театра не отвѣчало достоинствамъ артистки и она искала сцены, больше достойной ея способностей. Во всякомъ случаѣ, нельзя не пожалѣть о потерѣ такого прекраснаго таланта.

Дѣвица *Николаева*, (въ послѣдствіи г-жа *Дембовская*) тоже послѣдовала ея примѣру. Прежде, нежели скажемъ что нибудь о причинѣ этого неожиданнаго лишенія для театра, долгъ справедливости требуетъ указать на заслуги г-жи Дембовской. Въ продолженіе почти 10 лѣтъ, эта молодая, прекрасная актриса, была

лучшимъ украшеніемъ водевилей. Всегда рѣзвая, живая, веселая, съ благородной манерой, она была мила и увлекательна. Владѣя пріятнымъ и довольно сильнымъ голосомъ, она не менѣе была необходима и для оперъ, которыя только ею и поддерживались. *Водовозъ*, *Аскольдова могила*, *Фра-Діаволо*, и другія подобныя пьесы, при участіи ея, исполнялись всегда удовлетворительно. Многіе изъ любителей театра упрекали ее, и весьма справедливо, за то, что она не испытаетъ силъ своихъ въ драмѣ, гдѣ успѣхъ ея могъ быть несомнѣннымъ. Однимъ словомъ, съ отсутствіемъ г-жи Дембовской, водевиль здѣсь упалъ, амплуа ея передать было некому. Были слухи, что она сдѣлалась жертвою закулисныхъ интригъ и зависти нѣкоторыхъ членовъ труппы;—само собою разумѣется, что одно только убитое самолюбіе артистки могло принудить ее оставить сцену, гдѣ дарованія ея вполнѣ оцѣнялись публикою. Часто человѣкъ, съ признаками таланта, не въ силахъ развернуть его отъ обстоятельствъ, повидимому ничтожныхъ.

За г-жею Дембовскою слѣдуетъ г-жа *Боброва*, участвовавшая въ драматическихъ и комическихъ пьесахъ. Первыя впечатлѣнія игры артистовъ, если не всегда могутъ вполнѣ ознакомить со всею обширностію таланта, то тѣмъ не менѣе объясняютъ характеръ самаго таланта и его будущее направленіе. По первымъ дебютамъ г-жи *Бобровой*, къ числу которыхъ относилась роль *Славской*, въ пьесѣ «*Въ людяхъ ангелъ — не жена*,» можно уже было видѣть дарованіе и опытность. Но въ сценахъ ссоры съ мужемъ, она черезъ чуръ предавалась изступленію; вся же роль вообще шла прекрасно: ласки къ мужу, при людяхъ, и въ тоже время мгновенныя проблески вспыльчивости, доброта сердечная, испорченная дурнымъ воспитаніемъ и потачкою — все это выражалось очень живо и естественно. Боброва, постигшая условія сцены, чтобы завладѣть вниманіемъ публики, ничего не могла лучше сдѣлать, какъ начать съ упоминаемой роли. Вообще въ характерѣ этой актрисы господствовало какое то мрачное, тревожное расположеніе духа. Въ исполненіи ролей драматическихъ она мало отставала отъ г жъ Мочаловой — Францiевой и Вышеславцевой, но, по чрезмѣрной слабости груди, она не могла высказывать монологовъ съ большей силою и выраженіемъ. Она это понимала очень хорошо, и сознавая въ себѣ безсиліе голоса, все таки продолжала играть Десдемонъ, Эсмеральдъ и проч. Публика однако же не всегда была довольна дебютанткою, и почти негодовала на такое, невольное впрочемъ, нарушеніе сценическихъ законовъ. Г-жа Боброва принималась и за мужскія роли, но и тутъ неудачно. Стремленіе ея къ сценическимъ успѣхамъ перешло наконецъ предѣлы возможнаго: она участвовала въ дивертисманахъ,

плясала по русски и пережившую свой вѣкъ, когда то бѣшеную, сладострастную качучу. Но довольно объ ней, — обратимся къ другимъ. Дѣвица Миняева (теперь г жа *Вырыпаева*) прима-донна оперы и всѣхъ возможныхъ водевилей. Довольно пріятная наружность, сильный голосъ и вѣрное музыкальное ухо, сдѣлали для нея доступнымъ исполненіе всякой композиціи. Эта актриса владѣетъ необыкновенною энергіею и силою чувства. Проявленіе ихъ бываютъ даже такъ рѣзки, что переходятъ иногда границы естественныхъ ощущеній. Но замѣтно, что излишество душевнаго огня было въ безпрерывной борьбѣ съ физической возможностью и послѣдняя признала себя побѣжденною.... Тамъ, гдѣ томленіе безнадежной любви, гдѣ бѣшеное, ревнивое чувство высказываетъ борьбу измученнаго сердца, тамъ дебюты г жи Вырыпаевой увѣнчиваются всегда успѣхомъ; — тамъ, гдѣ буйная оргія дикихъ сыновъ степей, въ разгульныхъ порывахъ своихъ, вызываетъ къ общему пиру, тамъ г-жа Бырыпаева, какъ истая вакханка, съ огнемъ въ глазахъ, дивитъ жаждою сладострастія и готова покорить всякое сердце, недоступное наслажденіямъ.... Но всякое достоинство, при всѣхъ его совершенствахъ, имѣетъ свои невыгодныя стороны. Тоже излишество огня убиваетъ талантъ нашей артистки: одушевленная силою страсти, она не соразмѣряетъ собственныхъ средствъ и самонадѣянностію своею губитъ нерѣдко лучшія сцены. Скажемъ больше, въ манерѣ ея слишкомъ много свободы, нѣтъ той солидности, спокойныхъ движеній, которыя одни служатъ ручательствомъ таланта облагороженнаго. Чтобы выразить тревожное состояніе души, кажется не нужно вовсе прибѣгать къ рѣзкимъ жестамъ, къ порывистымъ, дикимъ восклицаніямъ или неумѣренному, энергическому хохоту, что почти всегда сопровождаетъ игру г-жи Вырыпаевой. Она конечно поймете справедливость нашего замѣчанія, и если захочетъ имъ воспользоваться, то подастъ почитателямъ ея таланта новое средство убѣдиться въ самобытности ея дарованій.—Она, также какъ и г жа Боброва, имѣетъ страсть увлекаться мужскими ролями. Здѣсь совѣтъ не прельщаться подобными ролями, вовсе не лишній; самое увлеченіе къ тому, гдѣ больше шалости, нежели искусства, не имѣетъ ни основанія, ни интереса. Извѣстный нашъ драматическій критикъ замѣтилъ очень вѣрно, что «*дѣвушка, играющая часто мущину, теряетъ драгоцѣннѣйшее качество свое, женственность.* «Страсть къ *мужскимъ* ролямъ испортила уже многихъ актрисъ....

Къ числу здѣшнихъ водевильныхъ актрисъ принадлежитъ также дѣвица Михайлова (теперь *Максимова*), нелишенная дарованія. Но роли ея ограничиваются субретками, наивными дере-

венскими барышнями и крестьянками. Впрочемъ, у нея довольно сильный, пріятный голосъ и она нѣсколько разъ участвовала въ операхъ, и сказать по справедливости, всѣ партіи исполнялись ею очень удовлетворительно. Должно однакоже замѣтить, что въ послѣднее время она много измѣнилась, въ игрѣ ея замѣтно какое-то утомленіе, отсутствіе прежней веселости, самая наружность ея носитъ слѣды какого то болѣзненнаго расположенія.

Въ послѣдній зимній сезонъ изъ драматическихъ актрисъ дѣйствовала одна только дѣвица *Иванова*. Объ игрѣ ея въ драмахъ надо сказать, что по молодости, она не пріобрѣла еще опытности вышеупомянутыхъ драматическихъ актрисъ, но что она не лишена дарованія, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Ея любовь къ искусству и неутомимость служатъ порукою и подаютъ надежду, что способности ея могутъ со временемъ развиться. Что до оперъ, то ни Николаева, ни Миняева, не въ состояніи быть ея соперницами. Пріятная наружность, благородная манера, чистый, вѣрный сопрано д. *Ивановой* всегда пріятно дѣйствовали на публику. Къ сожалѣнію, театръ ограничиваетъ представленіе оперъ самымъ ничтожнымъ числомъ, и слѣдовательно отнимаетъ у д. Ивановой возможность выказать талантъ свой въ большемъ блескѣ. Наконецъ, самые водевили принимаютъ совѣсмъ другой видъ, когда въ нихъ играетъ д. Иванова, одушевляя ихъ своею прекрасною игрою. Страсть, которою заражены актрисы здѣшняго театра, приниматься за мужскія роли, тоже не чужда и этой молодой артисткѣ.

Что касается до комическихъ сюжетовъ, театръ Саратовскій не имѣетъ въ нихъ недостатка. Г-жи *Гусева* и *Ершова* владѣютъ талантомъ, чисто комическимъ. Способности, какъ той, такъ и другой почти равносильны, за исключеніемъ немногихъ точекъ, которыя одни только и побуждаютъ насъ высказать свои мысли. Гдѣ нужно появленіе сварливой, неугомонной старухи, будь она типъ степнаго воспитанія, или больше облагороженнаго, — смѣло требуйте на сцену Гусеву и Ершеву,—онѣ не ударятъ лицомъ въ грязь; — хотите видѣть *галантерейное* обращеніе спѣсивой купчихи, изысканную до смѣха терминологію всесвѣтной свахи, продажной переносчицы вѣстей, салопницу-попрошайку, вдову, претендательницу на состраданіе, у которой куча дѣтей, которыхъ въ самомъ дѣлѣ не было и нѣтъ, и наконецъ наивность и простоту старой крестьянки, опять таки обратитесь къ Гусевой и Ершевой, и желаніе ваше будетъ удовлетворено въ полномъ значеніи. А между тѣмъ покажется страннымъ, что при такомъ сходствѣ сценическихъ характеровъ, этихъ, можно сказать, двойниковъ, есть между ними разительная противоположность. По-

стараемся, сколько можно, ближе разобрать, въ чемъ дѣло. Въ игрѣ Гусевой преобладаетъ метода старой школы театра. Неизмѣняющая закулисному постоянству Гусева готова отстаивать преимущества всего, что такъ мило, такъ дорого для старика, живущаго воспоминаніями молодыхъ лѣтъ. Она, какъ ветеранъ былой военной эпохи, бредитъ своимъ побѣднымъ знаменемъ и никогда неуступитъ въ стратегіи и тактикѣ молодому поколѣнію. Впрочемъ, это чувство развивается въ ней совсѣмъ не оттого, чтобы губительное дѣйствіе лѣтъ ослабило въ ней стремленіе къ театру,—напротивъ, она кажется еще въ полной порѣ силъ и здоровья; это чувство, повторимъ, заключается собственно въ антипатіи ко всему, что только носитъ печать таланта и вотъ почему Гусева не хочетъ ни идти по слѣдамъ новой школы, ни унизиться до подражанія, хотя бы ее на это и достало.

Г-жа *Ерйова*, антиподъ всего, что сказано объ Гусевой, обладаетъ въ равной степени знаніемъ сцены и комическимъ талантомъ, но тамъ, гдѣ требуется отъ нея исполненіе ролей съ вышеупомянутыми характерами, она проявляетъ уже игру свою болѣе серіознымъ и болѣе обдуманнымъ образомъ, почему игра ея и тонъ больше облагорожены.

Всѣ роли въ пьесахъ новыхъ, еще недавно перешедшихъ къ намъ съ театровъ столичныхъ, она исполняетъ съ удивительнымъ искусствомъ. Объ ней можно сдѣлать рѣшительное заключеніе, что она въ отношеніи строгаго исполненія комическихъ сценъ здѣсь незамѣнима, тѣмъ больше, что pendant ея, Гусева, оставила здѣшнюю сцену, подобно другимъ актрисамъ.

Скажемъ нѣсколько словъ объ актерахъ, которые состоятъ на первомъ планѣ здѣшняго театра.

Г. *Караулов*ъ занимаетъ первыя роли въ драмахъ и вообще въ пьесахъ серьознаго содержанія. Видный ростъ, звучный голосъ, правильная, хотя нѣсколько задержанная дикція, даютъ ему право на первенство драматическое. Впрочемъ, и въ его игрѣ случаются иногда такіе промахи, гдѣ талантъ его теряетъ нѣсколько процентовъ. Многіе замѣчаютъ, и не безъ основанія, что въ характерѣ его преобладаетъ какая то холодность, безстрастіе, и монологъ, исполненный огня, нерѣдко погибаетъ въ его монотонной дикціи. Пластика его тоже очень односторонняя. Гдѣ роль требуетъ болѣе свободы и живыхъ движеній, тамъ игра г. Караулова большею частію спокойна и не выражаетъ характера, съ свойственною ему силою. Видно по всему, что Карауловъ играетъ по преданіямъ и образцамъ, у него все выучено и заучено, чувства истиннаго и увлеченія чистосердечнаго нигдѣ нѣтъ. Но

есть роли, которыя Карауловъ исполняетъ превосходно, — такъ напр. Варнера въ *Игрокѣ*, Казимодо въ *Эсмеральдѣ* и т. п.

Первыя комическія роли исполняются двумя лицами: *Михайловымъ* и *Залѣсскимъ 2-мъ*. Находясь на Саратовской сценѣ около 10 лѣтъ, и тотъ и другой не даромъ для нея трудились и таланты ихъ замѣтно развились въ это время. Исполненіе ихъ всегда отчетливо, обдуманно и забавно. Залѣсскій и Михайловъ дѣлаютъ честь здѣшнему театру своимъ участіемъ и вѣроятно были бы замѣтны и на театрѣ лучшемъ. Характеры ихъ удивительно какъ сходны между собою. Нѣтъ и не было явленій, въ которыхъ бы они не произвели сильнаго эффекта. Самая мимика ихъ до того уморительна, что въ отношеніи комизма нельзя ничего желать лучшаго. Антрепренеру слѣдуетъ дорожить такими превосходными комиками.

Нельзя не обратить вниманія на здѣшняго пѣвца, г. *Лидина*, въ потѣ лица трудящагося для Саратовской сцены. Онъ не владѣетъ большимъ голосомъ, но хорошо знаетъ музыку, и здѣшняя опера безъ его пособій рѣшительно погибла бы. Вообще, въ игрѣ его видѣнъ трудъ неутомимый и добросовѣстный; водевили при участіи его идутъ тоже успѣшно и въ рѣдкомъ антрактѣ Лидинъ не пропоетъ какой нибудь разудалой пѣсни ямщика, волнующей душу русскаго простолюдина, или романса для чувствительныхъ сердецъ, или опернаго нумера для услажденія степныхъ дилетантовъ.

О прочихъ актерахъ и актрисахъ помолчимъ. Игра ихъ ниже всякой посредственности и внѣ критическаго взгляда. Что дѣлать, — видно природа не одинаково расточаетъ дары свои для всѣхъ; у нея, какъ у людей, конечно пѣтъ лицепріятія, — за то есть свои избранные.

Въ началѣ статьи мы говорили объ содержателѣ театра г. Залѣсскомъ, но сказали очень мало, мимоходомъ. Прибавимъ къ этому нѣсколько словъ. Отзывы посѣтителей театра большею частію не въ его пользу; не смотря на разнообразіе здѣшняго репертуара, пьесы старыя и новыя не всегда удовлетворяютъ требованіямъ публики и эти отзывы отчасти справедливы. Онъ, какъ замѣтно, не совсѣмъ заботится о томъ, удовлетворяетъ ли вкусу общества назначеніемъ даваемыхъ пьесъ. Вѣчныя кровавыя драмы, фарсы, дивертисманы съ пляскою жидовъ, вотъ все, что даритъ намъ Саратовская сцена. Положимъ, что расчетъ антрепренера основанъ на доступности исполненія, удобствѣ и легкости его, но кто же не знаетъ здѣсь, что при обширномъ составѣ Саратовской труппы, театръ имѣетъ въ своемъ распоряженіи всѣ средства разнообразить свой репертуаръ лучшимъ вы-

боромъ? Антрпренеръ слышитъ со всѣхъ сторонъ желаніе публики видѣть оперы, которыя онъ можетъ смѣло ставить. Мы сами были свидѣтелями, что въ продолженіе прошлой зимы онъ принимался иногда за тѣ самыя оперы, которыя при прежнемъ составѣ труппы шли очень хорошо, и изъ которыхъ отрывокъ какого нибудь одного акта теперь не сходитъ уже съ рукъ удачно, — а отчего это? Оттого собственно, что лица, которыя были украшеніемъ театра и необходимостію для оперъ, оставили сцену. Если антрпренеръ дѣйствовалъ здѣсь по своимъ расчетамъ или видамъ, то за что же публика испытываетъ непріятное чувство, съ которымъ она оставляетъ театральную залу, безъ всякаго удовольствія? Гг. *Воробьевъ* и *Бажановъ* оставили сцену. Прекрасный, сильный баритонъ и того и другаго были такое рѣдкое явленіе для здѣшняго театра, что невольно пожалѣешь объ ихъ отсутствіи. Съ того времени, какъ начала существовать здѣсь опера, не было еще подобныхъ пѣвцовъ, какъ Бобровъ и Бажановъ. Г. Залѣсскій началъ замѣнять утраченныхъ имъ артистовъ другими лицами, рѣшительно неспособными къ такой замѣнѣ, или безъ надобности ангажировать сюжеты для ролей, исполняемыхъ здѣсь другими весьма удовлетворительно. Напримѣръ, онъ пригласилъ на свою сцену г. Ершова, актера рѣшительно бездарнаго, и можно сказать, физически уродливаго, хотя этотъ недостатотъ и не могъ бы служить ему обвиненіемъ при лучшемъ знаніи сцены; точно также онъ принялъ къ себѣ Гг. *Соколова* и *Соколовскаго*, въ качествѣ комиковъ, тогда какъ роли, для которыхъ онъ готовилъ ихъ, разыгрываются, какъ и выше сказано, превосходно Михайловымъ и Залѣсскимъ. Выборъ предосудительный, обличающій незнаніе условій сцены! Положимъ, что выписанные имъ господа точно не лишены дара комическаго въ роляхъ *молодыхъ любовниковъ* съ козлиными бородками, но зачѣмъ же безполезно умножать труппу такими актерами, въ которыхъ не было никакой надобности и которые никогда не могутъ равняться съ Михайловымъ и Залѣсскимъ. Чтобы яснѣе показать ошибочное распоряженіе антрпренера, надо сказать нѣсколько словъ о вновь пріобрѣтенныхъ имъ актерахъ. Соколовъ играетъ скромно, но способенъ больше къ игрѣ водевильной, легкой и никогда не въ силахъ побороть препятствій, встрѣчаемыхъ въ роляхъ драматическихъ, за которыя онъ брался довольно часто: ни ростъ, ни голосъ, ни декламація не обличаютъ въ немъ драматическаго актера. Соколовскій еще менѣе соединяетъ въ себѣ эти условія, хотя и дѣятельно принимаетъ участіе во всѣхъ пьесахъ; однажды онъ принялся было за роль *Цампы* и можно судить, какъ ее исполнилъ: вышло *ни пава, ни*

ворона. Онъ дурно помнитъ монологи, читаетъ ихъ только при помощи суфлера и нерѣдко импровизируетъ некстати; часто запинается, и при всемъ стараніи скрыть этотъ недостатокъ, не успѣваетъ въ томъ. Одѣтъ всегда тщательно, по модной картинкѣ.

Не будемъ однако-же слишкомъ укорять антрепренера за изгнаніе оперы съ нашей сцены: напротивъ, прошлою зимою онъ поставилъ ихъ нѣсколько, но какихъ? *Три части Русалки*, *Илью Богатыря*, *Князя Невидимку*, *Чортовъ увеселительный замокъ*, оперъ во вкусѣ глубокой древности, съ безпрерывными превращеніями, — а кто знаетъ и кто видѣлъ, каковы здѣсь эти превращенія, тотъ легко пойметъ разочарованіе, производимое этими пьесами на публику. Согласимся, что обстановка на провинціальномъ театрѣ, въ механическомъ отношеніи, дѣйствительно трудна и даже невозможна, но зачѣмъ же вмѣсто подобныхъ чудесъ, не ставить оперъ, болѣе доступныхъ исполненію, гдѣ одна гармонія композиціи ласкала бы слухъ зрителей и не внушала отвращенія. Въ прежнее время удачно сходили съ рукъ *Цампа*, *Аскольдова могила*, *Фра-Діаволо*, *Водовозъ*, — теперь объ нихъ нѣтъ и помину.

Не много, можетъ быть, найдется провинціальныхъ театровъ, которые бы такъ достаточно были обезпечены въ средствахъ содержанія, какъ театръ Саратовскій. Извѣстно, что содержаніе Саратовской труппы въ продолженіе года, стоитъ содержателю болѣе шести тысячъ р. серебромъ. По одному этому театральному бюджету можно уже опредѣлить полный годовой сборъ. Среди огромнаго, шестидесяти-тысячнаго народонаселенія, сословій дворянства, чиновниковъ, купеческаго и мѣщанскаго много любителей театра. Этому служитъ очевиднымъ доказательствомъ то, что не только въ бенефисы, но даже въ абонименты и обыкновенныя представленія театръ бываетъ почти всегда полонъ и сборы простираются нерѣдко до трехъ сотъ р. сер. При такихъ пожертвованіяхъ общества, всякой вправѣ требовать отъ содержателя улучшенія и усовершенствованія театра. Мы не хотимъ предполагать въ содержателѣ какого-то безсознательнаго упорства идти на перекоръ требованіямъ публики, иначе объ немъ сдѣлали бы самое невыгодное заключеніе, близкое къ тому, что въ предпріятіяхъ его больше расчетовъ на спекуляцію, ремесло, а не на дѣло искусства.

Пусть антрепренеръ въ этомъ краткомъ очеркѣ театра не видитъ критическихъ придирокъ, но убѣдится въ истинѣ замѣчаній, какъ вѣрнаго отголоска публики образованной.

К. Максимовъ.

2 ТАГАНРОГСКІЙ ТЕАТРЪ.

Жители столицъ не имѣютъ понятія о провинціальномъ театрѣ, и никакъ не подозрѣваютъ, чтобы здѣсь могли быть талантливые актеры, актрисы, сносныя декораціи, свои партіи, свои поклонники; а между тѣмъ, все это есть, какъ въ Петербургѣ и Москвѣ — только, разумѣется, въ миніатюрѣ. Я самъ, проживъ долгое время въ Петербургѣ, не могъ безъ улыбки прочесть рецензіи о провинціальномъ театрѣ, а теперь и самъ взялся за перо. Одна благодарность заставляетъ меня принять на себя обязанность рецензента, и высказать признательность артистамъ и артисткамъ Таганрогскаго театра за удовольствія, которыя они мнѣ доставили своею игрою; впрочемъ, «безусловная похвала хуже брани», а потому, положа руку на сердце, выскажу откровенно свои мнѣнія и замѣчанія, и да послужатъ они къ исправленію! — На первый разъ я сдѣлаю краткій очеркъ игрѣ таганрогскихъ актеровъ. Первое мѣсто занимаетъ въ труппѣ драматическій любовникъ, а потому и начинаемъ съ него.

Г. *Леоновъ*, уволенный отъ Дирекціи С. Петербургскаго театра, можно сказать, очень не дуренъ, и, не смотря на молодость его, при врожденномъ талантѣ, въ немъ замѣтно знаніе сцены. Весьма часто одушевленною игрою приводитъ онъ зрителей въ восторгъ. Въ ролѣ Владиміра Заревскаго, въ драмѣ того же названія, онъ прекрасенъ, какъ и во многихъ ей подобныхъ, но, нѣтъ правилъ безъ исключеній, а потому, нельзя сказать, чтобы и у г. Леонова не было недостатковъ; такъ напр., не соображаясь съ величиною сцены, онъ часто предается неистовымъ крикамъ — это много отнимаетъ у его игры; впрочемъ, замѣчая въ немъ съ каждымъ днемъ перемѣну къ лучшему, можно надѣяться, что въ непродолжительномъ времени, талантъ его будетъ доставлять удовольствіе каждой образованной публикѣ.

Г. *Полтавцевъ*, также изъ Московскихъ артистовъ, занимаетъ роли водевильныя, а иногда, и въ драмахъ; какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ амплуа онъ довольно недуренъ, но лучшія его роли драматическія, чему способствуетъ его органъ, ростъ, фигура. Хорошо было бы, еслибъ къ этому еще онъ всегда твердо изучалъ свои роли.

Г. *Дорошенко*, старый любимецъ таганрогской публики, которая безусловно вездѣ и всегда ему хлопаетъ, что, кажется, ему очень вредитъ, потому что онъ, какъ видно, избалованный капризнымъ вкусомъ нѣкоторой части публики, не всегда ста-

рается вникнуть въ свою роль, напримѣръ: играя *Резинкина*, въ водевилѣ «Жена всему дѣлу вина», онъ былъ бы очень хорошъ, еслибъ не испачкался дотого мѣломъ, что у всѣхъ потемнѣло въ глазахъ. Ради Бога! не прибѣгайте къ фарсамъ, не будьте рабомъ толпы; не увлекайтесь восторгомъ райка! Какъ вы хороши въ пьесѣ «Война съ тещей» въ ролѣ Ласточкина, что за комизмъ, что за наивность! Но и здѣсь вы вдались въ фарсы, чтобы разсмѣшить почтеннѣйшую.... чрезъ что и не были вѣрны характеру до конца роли, которая могла бы быть одною изъ лучшихъ въ вашемъ репертуарѣ. Роль *Охова* въ водевилѣ «Двое за шестерыхъ», вѣнецъ его ролей, въ особенности въ сценѣ Грека, гдѣ онъ своею натуральною игрою смѣшитъ до слезъ. Къ несчастію у него малороссійское произношеніе: оно много вредитъ его дикціи.

Г. *Горской* актеръ, занимающій комическія роли. Въ немъ много таланта; игра его разнообразна, онъ не только хорошимъ, но даже малозначущимъ и совершенно незамѣтнымъ ролямъ, придаетъ вѣсъ. Играя *Наумыча* въ водевилѣ «Жена кавалериста», онъ показалъ много комизма въ выраженіи, въ пріемахъ. За костюмировку же г. Горскому должно отдать полную благодарность: мало кто съумѣетъ такъ искусно и кстати замаскироваться, какъ онъ. Репертуаръ его довольно обширенъ. Рѣдкій спектакль обходится безъ него, и вездѣ онъ играетъ съ особеннымъ усердіемъ. Нерѣдко г. Горскій является и не въ комическихъ роляхъ: играя *Роуена* въ драмѣ «Вѣчный Жидъ» онъ олицетворенный Роуенъ; *Яшу* Божьяго человѣка въ драмѣ «Скопинъ Шуйскій», онъ сыгралъ очень хорошо, между тѣмъ роль эта, до-того исполняемая другими, была совершенно незамѣтна. Не распространяясь болѣе въ подробностяхъ, мы скажемъ только, что г. Горскій во многихъ роляхъ можетъ поспорить съ лучшими провинціальными комиками, въ особенности въ ролѣ *Андрей Степаныча Буки*. Ко всему этому нужно прибавить, что онъ довольно молодъ еще, и, имѣя большую страсть къ театру, въ послѣдствіи, надѣемся, заслужитъ особенную извѣстность на избранномъ имъ поприщѣ, теперь же, какъ актеръ и какъ режиссёръ необходимъ Таганрогскому театру: въ послѣднемъ званіи тоже онъ показалъ много знанія и вкуса. Со времени исполненія имъ этой обязанности, мы замѣтили много улучшеній въ декораціяхъ, въ обстановкѣ пьесъ и прочихъ сценическихъ принадлежностяхъ. Однимъ словомъ, г. Горскій актеръ, режиссёръ, механикъ. Театръ — его стихія!

Г. *Васильевъ*, занимающій однѣ и тѣ-же роли съ Горскимъ, тоже хорошъ. Его игра натуральна, непринужденна; но немного

однообразна. У него одинъ физическій недостатокъ: удушливый голосъ и это портитъ все.

Г. *Кочесской*, ветеранъ Таганрогской сцены. Онъ рѣдкое явленіе въ мірѣ искусства, по своимъ разнообразнымъ способностямъ и рѣдкому знанію сцены! Въ трагедіи, въ драмѣ, въ комедіи, въ водевилѣ — вездѣ хорошъ; но роли благородныхъ отцовъ и добрыхъ дядюшекъ водевильныхъ играетъ неподражаемо. Жаль одного — не твердо заучиваетъ ихъ! Можетъ быть онъ не можетъ твердо заучивать по недостатку времени.

Г. *Лавровъ* — пѣвецъ — какъ гласятъ афиши, и дѣйствительно поетъ не дурно и даже хорошо русскія пѣсни и играетъ русскихъ мужичковъ порядочно. Но увы! во фракѣ и мундирѣ онъ невыносимъ.

Г. *Волковъ*, играющій роли водевильныхъ любовниковъ, однообразенъ, монотоненъ, и кажется, придерживаясь привычки многихъ изъ провинціальныхъ сотоварищей своихъ, не твердо заучиваетъ роли. И стыдно, и грѣшно! Стараніе въ половину замѣняетъ талантъ, а самый талантъ безъ старанія и должнаго изученія — прекрасное дерево безъ плода! Учитесь, трудитесь. Къ тому же Волковъ выбралъ амплуа не по себѣ — онъ былъ очень хорошъ въ ролѣ *Болотникова* въ драмѣ «Скопинъ Шуйскій», и, мнѣ кажется, что въ подобныхъ ей, онъ будетъ всегда хорошъ, здѣсь дѣйствуетъ натура.

Г. *Петровскій*, основатель Таганрогскаго театра, говорятъ, прежде былъ хорошимъ актеромъ — теперь же старъ, слабъ и сѣдъ: изъ уваженія къ его сѣдинамъ молчу о его игрѣ.

Г. *Вильковскій* исполняетъ роли малороссійскія отчетливо. Онъ тутъ въ своей тарелкѣ. Но, да сохранитъ его Аллахъ! Если ему дадутъ роль фрачную, что онъ изъ нея соорудитъ!... Должно бы пощадить, если не г. Вильковскаго, то публику, и не давать ему ролей, исключая малороссійскихъ. Право, вѣдь это пародія на искусство!

Г. *Смирновъ*, какъ видно, послѣ всѣхъ жизненныхъ треволненій, нашелъ въ театрѣ тихое и безмятежное пристанище. Онъ доволенъ своею судьбою, и что ему за дѣло до искусства; для него искусство — ремесло!

Г. *Бушино*, занимающій небольшія комическія роли, недавно поразилъ насъ своимъ натуральнымъ комизмомъ въ водевилѣ «Два брата», въ которомъ онъ игралъ безсловесную роль нотаріуса. Одно появленіе его на сцену произвело фуроръ! Вотъ будетъ замѣчательное явленіе, если не обманетъ насъ, по примѣру многихъ, обѣщавшихъ быть геніями и сдѣлавшихся въ послѣдствіи самою жалкою посредственностію.

Г. *Декельшъ*, при огромномъ ростѣ и величавой наружности, играетъ маленькія роли слугъ, но и то съ грѣхомъ пополамъ. Въ немъ даже нѣтъ и подозрѣнія способности.

Хористы *Масленикова*, притекшаго съ братіею изъ Питера въ Таганрогъ, такъ себѣ, хористы; разѣваютъ рты, кричатъ, шумятъ исправно, и, исчезаютъ со сцены безъ всякаго о нихъ воспоминанія.

Приступимъ теперь къ разбору актрисъ:

Дѣвица *Розанова* 1-я занимаетъ главныя роли на Таганрогскомъ театрѣ, и, могла бы быть украшеніемъ каждой провинціальной сцены. Игра ея очень одушевлена. Правда, съ перваго раза она васъ не поразитъ, не удивитъ своею игрою, но чѣмъ больше вы смотрите на нее, тѣмъ болѣе увлекаетесь ея талантомъ. Репертуаръ ея разнообразенъ: въ трагедіи, въ драмѣ, въ операѣ, въ комедіи, въ водевилѣ — она вездѣ хороша и выходитъ со славой; въ нѣкоторыхъ роляхъ она, можно сказать, прекрасна; на примѣръ: въ ролѣ *Франчески* въ драмѣ «Алхимикъ» — она такъ хорошо поняла и создала характеръ, что дѣлаетъ чудеса!... Но Розанова не безъ недостатковъ — во 1-хъ: она непремѣнно старается вести сцену на носу суфлера, хотя и не имѣетъ въ немъ надобности. Во 2-хъ, родъ пренебреженія къ нѣкоторымъ ролямъ, которое она замѣтно даетъ чувствовать публикѣ; въ 3 хъ, безвкусіе въ костюмѣ. Ради Мельпомены, одѣвайтесь почище!

Г-жа *Вильковская*, соперница дѣв. Розановой 1-й, по мнѣнію нѣкоторыхъ.... Но увы! безъ успѣха! Г-жа Вильковская имѣетъ свои прекрасныя роли, на примѣръ: *Катеньки* въ «Отецъ какихъ мало» она такъ мила и наивна, что невольно завидуешь сценическому отцу. Въ особенности хороши у ней роли Малороссіянокъ, она играетъ ихъ отчетливо, не хотя скажешь «ай, чудо дивчина!» Роль *Татьяны* въ «Москалѣ чарівникѣ» лучшая изъ всѣхъ ея ролей. Слѣдуйте по указанному вамъ природою пути, и вы будете прекрасны; но не бросайтесь въ драмы, онѣ убъютъ васъ; не принимайтесь за роли, въ родѣ «Сиротки Сусанны,» въ которыхъ такъ хороша дѣв. Розанова. По правдѣ нужно сказать, у г-жи Вильковской нѣтъ ни того благородства, ни того правильнаго произношенія русскаго языка, которымъ такъ хорошо владѣетъ дѣв. Розанова. Г-жа Вильковская еще имѣетъ недостатокъ, который вредитъ ея игрѣ, а именно: когда она заторопится, то съѣдаетъ послѣднія слова, и чрезъ то не поймешь и половины, что она хочетъ сказать.

Г-жа *Горская* — водевильная актриса. Она, обладая счастливою наружностію и граціею въ манерахъ (необходимое качество, составляющее отличительную черту дамъ хорошаго тона), въ ро-

ляхъ молодыхъ дамъ и благородныхъ дѣвицъ—играетъ очень недурно; не смотря на ея молодость, въ ней замѣтны опытность и знаніе сцены. Роли учитъ твердо, что придаетъ игрѣ ея милую непринужденность. Жаль только, что мы видимъ ее рѣдко въ роляхъ, стоящихъ вниманія и изученія. Она можетъ быть одною изъ лучшихъ водевильныхъ актрисъ на любомъ провинціальномъ театрѣ. Недавно мы видѣли ее въ ролѣ *Анеты* въ вод. «А. С. Бука,» она исполнила ее мило и натурально; вполнѣ вникла въ характеръ.—Это достоинство мы всегда замѣчаемъ въ исполняемыхъ ею роляхъ. Г-жа Горская, кромѣ удовольствія, доставляемаго публикѣ игрою ея, всегда прекрасно и со вкусомъ одѣвается, не щадя на то издержекъ, и въ этомъ отношеніи ей можно отдать совершенное преимущество передъ прочими актрисами Таганрогскаго театра.

Г жа *Дубровина*. Вотъ актриса, которая пользуется заслуженною славою опытной артистки въ роляхъ знатныхъ дамъ. Она такъ же хороша въ роляхъ простыхъ женщинъ... Сколько натуры, сколько простоты! На нее смотришь всегда съ удовольствіемъ. Это лучшая похвала ея таланту.

Г-жа *Кочевская*, говорятъ, прежде была хорошая актриса, а теперь... хотя и непріятно, а должно высказать горькую истину: какая-то не человѣческая дикція, дикая игра, иногда заставляютъ публику отвращаться отъ сцены.

Г-жа *Дорошенко* могла быть хорошею актрисою. Опредѣлить ея таланта нельзя... Сегодня вы видите ее въ ролѣ старухи, гдѣ она такъ же похожа на принимаемую ею роль, какъ живой Французъ на неподвижнаго китайскаго Мандарина; завтра вы видите ее въ молоденькой, наивной дѣвушкѣ — и она также вѣрна своей роли, какъ и въ ролѣ старухи; недостатокъ голоса лишаетъ ее возможности играть въ водевиляхъ, а между тѣмъ она и за нихъ берется, и тѣмъ приводитъ зрителей въ непріятное расположеніе.

Г-жа *Полтавцева* — актриса, танцовщица, и, чуть-чуть не пѣвица! Какъ жаль, что природа, награждая однимъ, отнимаетъ другое. Такія пріятныя, правильныя черты лица рѣдко встрѣчаются. Когда она стоитъ на сценѣ, не говоря ни слова, вы засмотритесь на нее; но за-то, когда сдѣлала шагъ, половина очарованія исчезла.... заговорила — все пропало; какая-то непріятная походка съ манерами мужчины — и то неблаговоспитаннаго. Если ей удалась одна роль *Розы* въ вод. «Графъ-литографъ,» гдѣ она случайно очень не дурна, то это ей еще не даетъ права претендовать на званіе артистки. Право, странно, что она, порядочно

танцуя, не умѣетъ ходить по сценѣ. Сколько легка въ танцахъ, столько же тяжела въ игрѣ.

Г-жа *Васильева* и дѣв. *Розанова* 2 я не дурно исполняютъ второстепенныя роли; но послѣднюю можно упрекнуть за одинъ недостатокъ: когда она ведетъ сцену съ какимъ нибудь героемъ, или героинею пьесы, то безпрестанно ищетъ кого-то, или чего-то въ ложахъ и креслахъ.

Д-ца *Дубровина*, дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, рѣдко являющаяся на сцену, но за то, разъ увидѣвши ее, вы скажете, что она будетъ вторымъ томомъ почтенной матушки своей. Да исполнится предсказаніе наше!...

Вотъ весь составъ Таганрогской труппы, исключая нѣкоторыхъ, о которыхъ считаемъ лишнимъ распространяться. Труппа эта находится подъ непосредственнымъ вліяніемъ лицъ, весьма почтенныхъ.

Высказавъ свое краткое мнѣніе объ артистахъ и артисткахъ, я не могу умолчать объ ощутительномъ недостаткѣ въ бутафорскихъ вещахъ, необходимыхъ для сцены.

Оркестръ доселѣ былъ очень плохъ и не всегда музыканты были исправны, отъ частаго поклоненія Бахусу. Недавно прибыли человѣкъ семь Богемцевъ, которые играютъ недурно танцы и въ особенности вальсы, до которыхъ они страстные охотники, какъ и вообще всѣ музыканты этой націи; увертюръ же они, по видимому, и не уважаютъ, потому и плоховато ихъ играютъ, вмѣстѣ съ прежними музыкантами, они составляютъ такъ себѣ, не то, что бы хорошій оркестръ музыки, а хорошую, большую гармонику; впрочемъ — это происходитъ отъ незнанія сформировки.

Публика такъ же въ свою очередь очень неблагодарна и несправедлива къ артистамъ. Къ чему эти партіи въ маленькомъ городкѣ! Къ чему незаслуженное предпочтеніе одного противъ другаго? Цѣните каждаго по достоинству и вы тѣмъ водворите между артистами спокойствіе, согласіе.... въ противномъ случаѣ, вы разгоните всѣхъ лучшихъ, которыхъ потомъ не соберете. Тогда вспомните ихъ, отдадите имъ должную дань, но будетъ уже поздно! А такъ хорошо составленной труппы, какъ въ Таганрогѣ, въ настоящее время могу васъ увѣрить—рѣдко встрѣтите въ провинціяхъ. Я довольно поѣздилъ по матушкѣ Россіи, насмотрѣлся! Теперь же, уѣзжая изъ Таганрога съ пріятнымъ воспоминаніемъ объ удовольствіяхъ его, желаю, чтобы замѣчанія мои могли послужить въ пользу артистамъ Таганрогскаго публичнаго театра.

Жоржъ-Гренвичъ.

3. ТЕАТРЪ ВЪ НИКОЛАЕВѢ.

(*Разговоръ за пефферансомъ.*)

— Такъ вы вчера были въ театрѣ, сказалъ г-нъ Пикъ, сдавая карты.

— Да, къ несчастью, отвѣчалъ г-нъ Трефъ, сортируя масть.

— Какъ къ несчастью?... Вѣдь вчера играли два новопріѣзжіе артиста московскій г-нъ *Артуръ* и артистка Харьковскаго театра д-ца *Лилѣева*?... Да еще тоже новопріѣзжая, неизвѣстно только съ какого театра, г-жа *Иванова Зарѣцкая*?... а что вы скажите... а?.. Вы молчите....

— Грустно говорить....

— Отчего? Вѣдь вы весело провели время, хохотали, я думаю, во весь спектакль?.. Чего-жъ вамъ еще нужно.

— Нѣтъ, я не хохоталъ; но иногда улыбался не смѣшному, но пошлому, дѣтскому, кукольному...,

— Ого-го! какъ грозно. Что-жъ вы разумѣете подъ этими словами?...

— Исполненіе ролей... обстановку... декораціи...

— А что вчера давали? трагедію?... ха ха ха.... умора!.. что и Ивановъ, тово, а?...

— Вчера давали *Лесту*, *Днѣпровскую русалку*, *четвертую и послѣднюю часть* (такъ сказано въ афишѣ)... *Волшебно комическую оперу*, *въ трехъ дѣйствіяхъ*, *съ принадлежащими къ оной хорами*, *полетами*....

— Ну ужъ полеты! я думаю.

— *Танцами*, *машинами*, *превращеніями дерева въ колыбель*, *морскихъ двухъ чудовищъ въ маленькихъ Кифаровъ и Тарабаровъ*.

— Ха-ха-ха!.. полноте! вы шутите!.. Въ нашъ вѣкъ....

— Нѣтъ, серьезно. *Огненной рѣкой*, *огненнымъ дождемъ*, *и вновь написанною декораціею замка волшебнаго Змѣя*, *при освѣщеніи бенгальскаго огня*...

— Эхъ, какая досада, что я пропустилъ такой блистательный, великолѣпный спектакль.... огненная рѣка!... огненный дождь!.. бенгальскій огонь!...

— Не досадуйте, пожалуйста, я вамъ разскажу все, если у васъ достанетъ терпѣнія слушать и вы больше выиграете, чѣмъ бы тамъ были....

— Да все-таки... А много было публики?

— Почти полонъ театръ. Но вотъ, что я вамъ скажу, такъ вы просто ахнете.

При этомъ словѣ играющіе оставили карты и приготовились слушать.

— Угадайте, кого я видѣлъ въ театрѣ... какъ вы думаете?...

— Вотъ странно, извѣстную публику, разумѣется.

— Извѣстную да, но были и неизвѣстныя лица... Я радъ думать, что просвѣщеніе такъ быстро распространяется не только между русскими простолюдинами, но и между классомъ полудикаго народа, который ни на мигъ не отступаетъ отъ своихъ вѣрованій.

— Да о комъ-же вы говорите?...

— О... караимахъ.

— Какъ Николаевскіе караимы въ театрѣ?.. Быть не можетъ! Нѣтъ...

— Увѣряю васъ, я самъ видѣлъ.

— Наши караимы въ театрѣ!... Полноте, вамъ вѣрно показалось... Послѣ этого, я не вѣрю, чтобъ и Русалку давали; вы хотите надъ нами подшутить.

— Позвольте, вотъ у меня въ карманѣ вчерашняя афиша, прочтите.

— Ну, это правда, но чтобъ караимы, которые пріѣхали къ вамъ прямо изъ своихъ юртъ и еще не выучились по русски изъясняться... жены которыхъ и теперь еще скрываются отъ Божьяго свѣта... воля ваша, что-то невѣрится...

— Удивляйтесь, я самъ бы не повѣрилъ, еслибъ не видалъ.

— Позвольте мнѣ афишу, я буду по порядку разсказывать.

Видостанъ, князь Полоцкій г-нъ *Ивановъ*; Милослава, дочь его, г жа *Иванова-Зарѣцкая*.

— Позвольте, это та Иванова, что помните дебютировала у насъ позапрошлаго года?

— Нѣтъ, другая. Славомыслъ, князь Черниговскій, г-нъ *Смирновъ*.

— Я прежде думалъ, что это нашъ старый знакомецъ Алексѣевъ, но увы, разочаровался, двойникъ его какъ небо отъ земли.

— Кифаръ, кравчій, г-нъ *Пряженковскій*.

— Тотъ, что былъ въ трупѣ Зелинскаго?

— Нѣтъ. Наши артисты, какъ видите, любятъ щеголять подъ чужими именами: вѣроятно имѣютъ на то свои виды; только, по моему мнѣнію, совсѣмъ невыгодныя для нихъ, потому, что невольно начнешь припоминать подлинникъ и тѣмъ жалче дѣлается копія... Ратима, мамка — г-жа *Каркацкая*, волшебникъ Змѣядъ и

*

чародѣй—г-нъ *Челищевъ*, Леста, днѣпровская русалка, являющаяся въ видахъ: крестьянки, татарки, и проч. г-жа *Алексѣева*; Лида дочь ея, семнадцати лѣтъ, являющаяся въ видахъ: казачки и проч. г-жа *Пряженковская*... Ну, тутъ пошли уже *лыцари*, воины, витязи, татары, охотники, *страшилища и духи*, которыхъ, мимоходомъ будь сказано, на сценѣ не появлялось, да и лучше: всѣ такъ восхищались превращеніями и игрою вышесказанныхъ артистовъ, что, навѣрное, и не замѣтили-бы этихъ послѣднихъ.

— Ну, а превращенія, полеты, огненная рѣка, огненный дождь, должно быть съ градомъ? бенгальскій огонь?

— Объ этомъ я вамъ серьезно скажу, что за такія превращенія стоило бы машиниста...

— Вызвать? Ха-ха-ха!.. какъ будто у нихъ есть машинистъ!..

— Ну да кого-бы то нибыло... Представьте себѣ... Вы водили когда нибудь своихъ малютокъ смотрѣть кукольную комедію, бывающую подъ кочелями о Пасхѣ... даже раекъ, восторженной раекъ, приходящій въ исступленіе отъ какого нибудь шутовскаго костюма, и тотъ видимо былъ смущенъ ребяческими декораціями... Маленькіе Кифары и Тарабары, превратившіеся изъ двухъ морскихъ чудовищъ или по просту сказать выбѣжавшіе изъ-за кулисъ... все это.... Каждый зритель недовѣрчиво посматривалъ на сосѣда, какъ-бы спрашивая: что они съ ума сошли, за кого насъ, взрослыхъ, принимаютъ и въ отвѣтъ только пожимали плечами.... Но огненная рѣка — дождя не было, вѣроятно забыли объ немъ, или великій машинистъ неумудрился изобрѣсти его, огненная рѣка—такъ просто расмѣшила насъ.

Въ дверяхъ передней декораціи, представлявшей *кажется*, замокъ Змѣяда, поставили огромную моталку, обтянутую розовымъ каленкоромъ; все это дѣлалось неуклюжими человѣческими руками въ виду нашемъ; когда *превращеніе* было утверждено на мѣстѣ, съ помощью громкихъ заколачиваній, та же дюжая рука начала вертѣть моталку это изволите видѣть — огненная рѣка въ дверяхъ замка крутится; т. е. я хотѣлъ сказать волнуется, и потомъ началось не помню какое по числу дѣйствіе: явился Видостанъ, князь Полоцкій, г-нъ Ивановъ, съ своимъ сверкающимъ взглядомъ, взялся одной рукой за голову или нѣтъ за свой могучій лобъ, другую поднялъ вверхъ... Восхитительная сцена!.. Какъ онъ, князь, былъ хорошъ.... превзошелъ даже огненную рѣку!... Но здѣсь для насъ начинается смѣшное *превращеніе*: розовой каленкоръ, вѣроятно не прикрѣпленный къ краямъ моталки, мало-по-мало слѣзъ на одну сторону; рука или руки, волновавшія огненную рѣку, этого казусу со стороны рѣки не замѣтили и дали ей совсѣмъ перелиться на одинъ край; тогда для взоровъ нашихъ

представилось удивительное *превращеніе*: вмѣсто огненной рѣки вертѣлась одна моталка съ своими деревянными ребрами... оно-бы такъ и слѣдовало быть *волшебному превращенію*, такъ нѣтъ, ахнули дюжія руки, что упустили огненную руку стечь на одну сторону; надо поправить бѣду, перетянуть рѣку опять на свое мѣсто, но это не такъ-то легко было сдѣлать: рѣка огненная не поддавалась всѣмъ усиліямъ дюжихъ рукъ и только было слышно, какъ бѣдная рѣка *дралась* и *поролась*, не подвигаясь съ мѣста... такъ она и осталась прихлынувшею къ одному берегу... А между тѣмъ, впереди рѣки, въ замкѣ Змѣяда, герои, въ разныхъ фантастическихъ костюмахъ, дрались, кричали, грозились, размахивали руками, сверкали глазами и, казалось, не замѣчали, что огненной рѣки, сверхъ чаянія, большая половина высохла, обнаживъ свои ребра... Наконецъ, всему бываетъ конецъ, колокольчикъ прозвенѣлъ, занавѣсь, съ изображеніемъ города Николаева изъ-за рѣки Ингула, колыхнулся и прямо на головы князьямъ и тарабарамъ, а они этого и не замѣтили, имъ не до того было!.. Однимъ словомъ, великолѣпная волшебно-комическая опера кончилась очень эфектно.... или, виноватъ, это еще не конецъ....

Нѣтъ, ужъ оставьте пожалуйста,—конецъ вѣрно гармонировалъ съ началомъ и срединой — чего-жъ лучше. По вашему отрывку, мы будемъ имѣть понятіе и о цѣломъ.... И вы вытерпѣли просмотрѣть до конца весь этотъ ребяческій сумбуръ?

— Что дѣлать. Но я думалъ, что меня вознаградитъ, по-крайней мѣрѣ, слѣдовавшій за волшебствомъ водевиль: «Комедія съ дядюшкой, или *все для бенефиса*,»—послѣднія слова придуманы вѣроятно режиссеромъ для вящаго эфекта; о, эфектная безсмыслица въ заглавіяхъ большая приманка, — по понятіямъ нашихъ артистовъ. *Все для бенефиса*... не правда ли, какъ эти слова много говорятъ и еще больше обѣщаютъ; дескать бенеціантка ничего не пожалѣетъ! ужъ правда, что не пожалѣла! — только жаль, что лѣстницы и корридоры въ бель-этажѣ не были освѣщены, — и тамъ существовала ужасная тьма, тогда какъ на сценѣ *обѣщалось* столько *огней* для удовольствія почтеннѣйшей публики. - И мы точно остались по горло довольны этимъ спектаклемъ: теперь, не заикаясь, можно отнести труппу господина Алексѣева къ балаганнымъ комедіямъ—такъ она уронила себя Русалкой... Но въ водевилѣ: «Комедія съ дядюшкой» наши артисты меня просто разбѣсили, ни одинъ изъ нихъ не зналъ роли; и я еще къ несчастію передъ спектаклемъ прочиталъ эту пьесу, напечатанную въ N 11 Репертуара и Пантеона 1846 года. По этому можете судить, что я вытерпѣлъ, смотря и слушая, какъ наши артисты коверкали

этотъ водевиль... Рѣшительно, кромѣ именъ дѣйствующихъ лицъ пьесы, все прочее въ разговорахъ почти собственное сочиненіе господъ актеровъ, — развѣ когда они подходятъ на шагъ къ спасительной будкѣ, тогда попадаютъ на печатное. Помѣщикъ Кубаревъ, господинъ *Алексѣевъ*, заучилъ слова: *ну ужъ городъ* и ни къ селу, ни къ городу,—безпрестанно оретъ, ну ужъ городъ!.. А куплеты какъ онъ декламировалъ!

Послѣдній же куплетъ: городъ ярко освѣщенъ и проч. проглотилъ. Куплеты предъ пріѣздомъ помѣщика, дяди Кубарева, племянникъ его, Питерскій, господинъ *Ивановъ*, и жена его Анета, госпожа *Иванова-Зарѣцкая*, пропустили... Однимъ словомъ, отъ барина до слуги его Ивана, каждый говорилъ, пѣлъ и коверкалъ, что и какъ, ему заблагоразсудилось. Филька—господинъ *Смирновъ*, ужъ рѣшительно перефинтилъ такъ, что скучно было смотрѣть: какъ пріятно было слушать отъ слуги Питерскаго Ивана, господинъ *Лавровъ*, на приказаніе Кубарева подать что нибудь закусить, — вотъ такіе гостинодворскія слова, которыхъ въ пьесѣ совсѣмъ нѣтъ: «извольте-съ *съ нашимъ большимъ удовольствіемъ... будьте, сударь, покойны... останетесь довольны*».... Такъ кажется и слышишь: что покупаете-съ?...

— Чтожъ вы до сихъ поръ не сказали ни слова объ новопріѣзжихъ корифеяхъ? Какъ вамъ нравится госпожа *Иванова-Зарѣцкая*?

— У ней гибкій станъ, томные глаза, довольно свободная манера; только кажется, немножко кокетничаетъ и не совсѣмъ твердо заучиваетъ роли. Она играла жену Питерскаго съ переодѣваньемъ въ тирольку, няню и проч. и какъ въ одной, такъ и въ другой роли, да проститъ ей дядя Кубаревъ, какъ я прощаю, многаго не договорила.... Но все таки она въ этой труппѣ лучше всѣхъ....

— Ну, а другіе-то артисты....

«Господинъ *Артуръ* и *дѣвица Лилѣева*?

— Да.

«Господинъ *Артуръ* рѣзко отдѣляется отъ господина *Алексѣева съ братіею*; господина *Артура* и госпожу *Зарѣцкую* вы съ удовольствіемъ можете смотрѣть въ водевиляхъ. Онъ довольно хорошо сыгралъ Гамлета....

— Какъ? кромѣ оперы Русалки, водевиля, еще давали драму, мою любимую драму — Гамлета!?.. со страхомъ проговорилъ господинъ Никъ, поднимаясь со стула: такъ послѣ этого наши артисты....

— Играли въ заключеніе спектакля водевиль: «Гамлетъ Сидорычь и Офелія Кузьминишна». — Но, я надѣюсь *Гамлетъ* еще

не уйдетъ отъ рукъ нашихъ артистовъ — подождите; бенефисы еще не всѣ кончились....

— Да, очень неутѣшительно.... А что это не видно больше господина *Лебедева*.... онъ порядочный актеръ....

Уѣхалъ куда-то. По окончаніи Русалки, кажется, раекъ началъ вызывать господина Алексѣева, и онъ до того простъ, что незаставилъ себя долго ждать. Разумѣется, въ креслахъ раздался задушаемый приличіемъ *шикъ*; но онъ себѣ разкланялся, и раёкъ остался очень доволенъ любезностью господина Алексѣева и, кажется, принялъ его подъ свое покровительство, потому, что и по окончаніи второй пьесы, верхъ вызывалъ своего любимца, который на этотъ разъ не явился.

И. Бар—евъ.

---

4. ТЕАТРЪ ВО ВЛАДИМІРѢ (на Клязьмѣ).

Принимаясь за разборъ Владимірскаго театра, нельзя умолчать о справедливой и глубокой признательности, неотъемлемо принадлежащей Ея Прев. Н. Ал. Донауровой — любительницѣ всего изящнаго и полезнаго и главной виновницѣ существованія нашего театра. Она въ этомъ отношеніи одна имѣетъ право на полученіе большей благодарности, чѣмъ цѣлое общество, ибо ея внимательность и стараніе о выгодахъ и средствахъ артистовъ, всего яснѣе доказываютъ, сколько она сознаетъ необходимость общественныхъ увеселеній. Вполнѣ понимая сущность дѣла и постоянно обращая вниманіе на устройство театра и на отчетливость игры, она неусыпно заботится и о томъ, чтобы общество не охладѣло къ нему, а труды не оставались бы безъ поощренія.

Избѣгая всякой юридической ошибки въ дѣлѣ, касающемся вкуса публики и личностей артистовъ, мы сдѣлаемъ только внутренній обзоръ театра, проходя молчаніемъ внѣшнее устройство, потому что, принимая въ разсчетъ средства антрпренера, на это надо смотрѣть снисходительно, въ томъ убѣжденіи, что г. Соловьевъ, — сколько видно изъ опыта, — антрпренеръ очень добросовѣстный и признательный.

Талантъ, трудъ и соединеніе труда съ талантомъ составляютъ три ступени развитія дарованія артиста, и въ художественномъ отношеніи на него, кажется, должно смотрѣть только съ этихъ точекъ, ибо на сценѣ характеръ лица возсоздается, а не творит-

ся — это дѣло автора; — умный же и даровитый актеръ можетъ только вѣрно и ясно высказать ту мысль, которою былъ проникнутъ авторъ сочиненія, или которая въ минуту творчества туманно носилась передъ его глазами.

Представителями здѣшняго театра являются Лавровъ, Г-жа Соколова, и Турчаниновъ, преимущественно любимый (хотя не совсѣмъ справедливо) здѣшнимъ обществомъ.

Привычка къ сценѣ и подчиненіе роли—два необходимыя условія лица сценическаго—отмѣчаютъ *Г. Лаврова и Г-жу Соколову*: Для зрителя всего важнѣе забыть о лицѣ дѣйствующемъ и видѣть въ естественномъ видѣ то, что онъ хочетъ выразить. Игра ихъ такъ натуральна, что совершенно забываешь о недостаткѣ голосовъ и часто несоотвѣтствующемъ роли костюмѣ. — Театръ столичный въ отношеніи къ обществу во многомъ не то, что театръ провинціальный; здѣсь отъ театра не ожидаютъ увлеченій сильныхъ, а довольствуются случаемъ — сойтись вмѣстѣ и провести время въ кругу знакомыхъ. Не смотря на это, мы съ удовольствіемъ смотримъ на игру г. Лаврова и г-жи Соколовой и смѣло скажемъ, что они не уронили бы себя ни на одной провинціальной сценѣ, потому что до сихъ поръ мы не замѣчали въ нихъ еще ни одного рѣзкаго недостатка. Они безспорно заслуживаютъ названіе талантливыхъ, ибо всѣ отличительныя черты таланта отражаются въ игрѣ г-жи Соколовой, г. Лаврова и *Турчанинова*, въ которомъ столько же мы признаемъ его природный комизмъ, проявляющійся и въ дикціи, и въ манерахъ, сколько не можемъ не замѣтить очень ощутительнаго недостатка—страшнаго однообразія. И въ роли Синичкина, и въ роли Пѣтухова. вообще на сценѣ и внѣ сцены, Турчаниновъ все тотъ же Турчаниновъ, а не выполнитель характера лица. Если мы предпочтемъ удовольствіе смѣяться — нравственному назначенію театра, то театръ — это благородное развлеченіе для образованныхъ женщинъ и пріятное отдохновеніе для мущинъ, не будетъ гонителемъ невѣжества и образователемъ общественнаго вкуса, Г. Турчаниновъ всегда подаетъ поводъ къ безотчетному смѣху но отнюдь не удовлетворяетъ существенному требованію истиннаго комизма на сценѣ.

Наружность г. *Степанова* и желаніе сколько можно войти въ роль оправдываютъ его нѣкоторымъ образомъ въ глазахъ нашихъ зрителей, но едва ли безспорно благородные пріемы могутъ замѣнить призваніе и талантъ; желаніе его — возсоздавать роли, хотя и не увѣнчивается успѣхомъ, но тѣмъ не менѣе похвально, ибо со временемъ онъ можетъ дойти до мысли, что для этого надо трудится и отъ исполненія этой мысли мы можемъ

надѣяться увидѣть въ немъ порядочнаго актера. До сихъ поръ мы замѣтили, что Г. Степановъ можетъ выполнить порядочно роль только въ такомъ случаѣ, когда характеръ лица входитъ въ колею характера самого Степанова.—Онъ имѣетъ неотъемлемое право занять мѣсто между второстепенными артистами здѣшняго театра, по недостатку лучшихъ и по снисходительности публики.

О *Сабуровѣ* можно сдѣлать тотъ же самый отзывъ, какой нѣкогда былъ сдѣланъ объ одномъ изъ Саратовскихъ актеровъ, т. е., что не смотря на его не привлекательную организацію, онъ могъ бы быть иногда очень не дуренъ на сценѣ; въ чемъ можно убѣдиться фактически игрою его въ роли *Мотылькова*. Мы съ своей стороны обязаны замѣтить грубый недостатокъ его — тереться около суфлера и всегда, какъ неисправный школьникъ, зависѣть отъ подсказчика.

Г. Лавровъ, пользуясь полнымъ расположеніемъ публики, чувствуетъ это и отчетливымъ выполненіемъ ролей старается удержать за собою это расположеніе. Онъ въ самомъ дѣлѣ всегда хорошъ, исправенъ и не лишенъ способности пѣнія, и тѣмъ болѣе удовлетворяетъ снисходительной публикѣ, что у насъ нѣтъ не только ни одного голоса, но и ни одного водевильнаго пѣвца.

Участь сценическаго существованія г-жи *Смирновой* всегда обращала на себя мое вниманіе, а въ настоящую минуту тѣмъ болѣе, что я взялся передать мой взглядъ на нашу сцену. Часто артисты становятся въ непріятное отношеніе къ публикѣ, по причинамъ, въ которыя никто не хочетъ вникнуть и которыя принимаются за положительныя. Моя обязанность—взглянуть повнимательнѣе и какъ можно осторожнѣе произносить приговоръ, ибо сценическое существованіе есть таже жизнь, а не постоянство жизненнаго счастія — извѣстно. Ни объ одномъ изъ дѣйствующихъ лицъ театра Владимірскаго, я не былъ вынужденъ на столько разойтись во мнѣніи съ обществомъ, на сколько это случилось въ отношеніи г-жи Смирновой. Непонятно, почему она, превосходя многихъ рвеніемъ заслужить расположеніе равнодушной къ ней публики, до сихъ поръ не напала на слѣдъ своей цѣли. Отъ чего это? Стремленіе очевидно, способности неотъемлемы, если припомнить игру ея во 2-мъ дѣйствіи водевиля: «Въ людяхъ ангелъ не жена, дома съ мужемъ — сатана». Въ моемъ воображеніи живо рисуется и теперь ея патетическое увлеченіе, которое такъ вѣрно выражалось въ ея физіономіи и жестахъ.—Я объясняю себѣ это тѣмъ, что ея призваніе не къ комизму, а, какъ кажется, къ драмѣ, а драматическое лицо, принимая на себя роль лица комическаго, почти всегда уничтожаетъ

интересъ пьесы.— Я увѣренъ, что всемогущее время оправдаетъ мое убѣжденіе и измѣнить мнѣніе цѣлаго общества.

Г-жа *Колосова*, молодая артистка, дочь любимой актрисы г-жи Соколовой, не пріобрѣла еще права, чтобы объ ней сказать что нибудь особенное; трудомъ она можетъ достигнуть многаго, но пока еще этого труда не видно. Гг. *Славинъ*, *Смирновъ*, *Павлова* и проч.... наконецъ Г. *Соловьевъ*—антепренеръ театра, которому, принося благодарность за открытіе театра въ нашемъ городѣ и сознавая въ немъ самую рѣшительную способность къ экономической и распорядительной части, нельзя не посовѣтовать заняться улучшеніемъ театра: лучшею обстановкою и распространеніемъ сцены, что очень, очень не дорого будетъ стоить; отъ выходовъ на сцену онъ окончательно можетъ быть уволенъ. Намъ же остается только принести ему справедливую благодарность и поздравить цѣлое общество съ пріятнымъ и полезнымъ удовольствіемъ.

Н. Кид.....

---

5. НИЖЕГОРОДСКІЙ ТЕАТРЪ.

....Нынѣ я готовъ снова подтвердить то, что говорилъ и прежде, а именно: Богъ создалъ меня почтальономъ или ямщикомъ, а судьба на перекоръ этому прекрасному предназначенію, сдѣлала изъ меня пока только безпокойнаго человѣка, въ родѣ стараго экземпляра странствующаго жида,—который не можетъ ужиться на одномъ мѣстѣ, не можетъ пробыть болѣе недѣли ни въ одномъ городѣ. Странное дѣло!.... я чувствую въ самомъ себѣ какого-то демона, который не даетъ мнѣ покою, тревожитъ меня, шепчетъ мнѣ безпрестанно на ухо, что я уже зажился, что пора и ѣхать куда нибудь. И вотъ, покорный этому внутреннему голосу, я укладываю свой небольшой чемоданъ, а между тѣмъ, въ ожиданіи отъѣзда, отправляюсь отдать прощальные визиты знакомымъ, если они у меня завелись и не успѣли уже наскучить. Въ день отъѣзда моего изъ Нижняго, проѣзжая по одной изъ большихъ его улицъ, я замѣтилъ на фонарномъ столбѣ огромную афишу и вспомнилъ о театрѣ. Потомъ я расчелъ, что тотчасъ послѣ театра могу сѣсть и уѣхать. А огромная афиша — означала бенефисъ. И такъ, въ театръ! Но по незнанію; я въ театръ пріѣхалъ довольно рано, т. е. вмѣсто 7 часовъ, чуть ли не въ 6. Оттого имѣлъ счастіе слышать, какъ музыканты репетировали

какую то музыку разныхъ авторовъ; какъ по мановенію волшебнаго жезла капельмейстера, закутаннаго шалью и въ шинели, вдругъ все умолкало; и какъ потомъ тотъ же капельмейстеръ начиналъ извлекать изъ своей скрипки самые отчаянные звуки, передразнивая ими игру котораго нибудь изъ провинившихся своихъ артистовъ. Это меня сначало забавляло, но потомъ наскучило. Впрочемъ, всему есть конецъ на свѣтѣ. Между тѣмъ, театръ понемногу наполнялся. Тутъ я замѣтилъ странное сближеніе Юга и Сѣвера, холодной и жаркой температуры на такомъ маломъ пространствѣ, какъ театральная зала; а именно: въ креслахъ всѣ сидѣли въ шубахъ, а въ ложахъ я не замѣтилъ ни одного салопа. Но я радуюсь за обитательницъ ложъ и не завидую имъ, потому что скоро обѣщаютъ выстроить каменный театръ, въ которомъ, вѣроятно, градусы будутъ одни и вверьху, и внизу. Рано ли, поздно ли, долго ли, коротко ли — но занавѣсъ поднялся. Какъ необходимая принадлежность всякаго бенефиса (на этотъ разъ былъ бенефисъ Г-жи *Трусовой*), всѣ пьесы давались въ первый разъ. Одна изъ нихъ была: *Судъ Царя Соломона*, драма въ двухъ дѣйствіяхъ, подражаніе Кенье. Разсказывать содержаніе этой драмы не нужно: всякому извѣстенъ этотъ простой и прекрасный эпизодъ библейской исторіи, изъ котораго кромѣ картины, никогда не можетъ выдти не только драмы, но даже повѣсти. Драма чрезвычайно вышла суха; особливо первый актъ, гдѣ дѣйствующія лица рекомендуютъ себя такъ мило зрителямъ, разсказывая каждый свою исторію, — прошелъ безъ всякаго шума, такъ, что когда начался второй актъ, то, я увѣренъ, что о первомъ всѣ совершенно забыли, какъ будто его вовсе и не было.

Во второмъ актѣ, а именно въ концѣ его, нельзя было не замѣтить игры г-жи *Вышеславцовой*, исполнявшей роль Лиліи. Когда актеръ, игравшій Соломона, вдохновенный свыше (виноватъ *снизу*; потому что суфлеръ такъ на него прикрикнулъ, что тотъ по неволѣ долженъ былъ вдохновиться), когда Соломонъ отдаетъ приказаніе убить, въ глазахъ обѣихъ матерей, и вдовы Баная, — дитя, объ которомъ онѣ спорили, чтобъ узнать кому именно оно принадлежитъ, — прошеніе о пощадѣ было произнесено такимъ раздирающимъ голосомъ, моленіе Лиліи было такъ горячо, что одна эта сцена выкупала скуку и натянутость всего остальнаго въ драмѣ. А потомъ, эта рѣшимость, послѣ долгой борьбы, отдать ребенка чужой матери, только для того, чтобъ онъ остался живъ, эти слезы разставанья съ милымъ сыномъ, по которымъ Соломонъ узнаетъ настоящую мать,—все это г-жей Вышеславцевой выражено прекрасно. Однимъ словомъ, заключеніе драмы,

на которомъ основанъ весь интересъ ея, вышло хорошо, какъ и должно было ожидать. Но и тутъ даже нельзя не упрекнуть автора. Зачѣмъ послѣ словъ Соломона, когда онъ говоритъ, указывая на Лилію: «она права!» тотчасъ-же не падаетъ занавѣсъ, а слѣдуетъ еще сантиментальная сцена соединенія двухъ нѣжныхъ сердецъ—Еліофоля и Лиліи, потомъ раскаяніе Тамиры,—сцены и безъ того понятныя, но совершенно лишнія, потому что онѣ уничтожаютъ эффектъ, а съ нимъ интересъ драмы.

Довольно я перебывалъ на провинціальныхъ театрахъ, но артистокъ, подобныхъ Вышеславцевой, рѣдко встрѣчалъ. Въ голосѣ ея, мягкомъ и нѣжномъ, есть такіе звуки, которые тронутъ и каменное сердце. Закройте глаза, не смотрите на игру и вы, по одной вибраціи этого слабаго голоса узнаете, какъ томительна грусть, какъ тепла молитва, какъ свѣтла радость. Въ игрѣ своей она такъ благородна, каждое движеніе ея такъ стройно, плавно, такъ чуждо угловатостей, что невольно удивляешься или ея искусству, или наблюдательности, посредствомъ которыхъ она умѣла отличить игру свою отъ игры прочихъ артистокъ, иногда слишкомъ сухой, иногда донельзя развязной.

Не смотря на то, что драма «Судъ царя Соломона», сама по себѣ плоха; грубыя ошибки и недостатки ея еще болѣе бросаются въ глаза отъ игры актеровъ. Лилія, напр. говоритъ Соломону: «я дочь вашего офицера!» Во второмъ дѣйствіи является на сцену палачь, съ прилично-всклоченной бородой, съ свирѣпымъ взглядомъ, какъ у Шуринера въ Парижскихъ тайнахъ; какъ будто, отправляя мальчишку на тотъ свѣтъ, слѣдовало заводить столько церемоній. Соломонъ могъ приказать сдѣлать это одному изъ своихъ многочисленныхъ воиновъ, (т. е. на сценѣ ихъ было цѣлыхъ десять человѣкъ); а то еще онъ написалъ, потомъ передалъ пергаментъ *военачальнику*, какъ сказано въ афишѣ, этотъ —солдату, а солдатъ уже пошелъ за палачемъ, между тѣмъ, какъ на сценѣ всѣ стоятъ съ разинутыми ртами. Г-жа Колосова, няня, говоритъ напримѣръ: это *дите.... раскаишься!....* А еще Нижегородцы сердятся на покойнаго Грибоѣдова!—Г-жа Стрѣлкова,—вдова Боная, была такъ закутана, что казалась движущимся кускомъ разныхъ матерій. Г. Стрѣлковъ надѣлъ шлемъ на бекрень, а г. Никифоръ, расхаживалъ по сценѣ чрезвычайно франтовски и размахивалъ руками.

Вообще, еслибъ не послѣдняя сцена этой пьесы, такъ громко величаемой драмой, то смѣло можно бы сказать, что это не болѣе, какъ мистерія, какія, бывало, разыгрывали блаженной памяти Перервенскіе семинаристы.

Антрактъ. Когда занавѣсъ упалъ, то лорнируя ложи, я замѣтилъ,

какъ мелькали въ нихъ бѣлые платочки.... потомъ порядокъ возстановился, минутное впечатлѣніе изгладилось. Только въ глубинѣ одной ложи сидѣла задумчиво какая-то дѣвушка и бѣлый платокъ долго, долго скрывалъ ея лицо. Эта чувствительность показалась мнѣ любопытной: я настойчиво слѣдилъ за бѣлымъ платкомъ, и наконецъ увѣрился, что владѣтельница его ни больше, ни меньше — какъ милая, веселая, добрая, прехорошенькая моя знакомая. Я къ ней питалъ особенное сочувствіе, и встрѣчалъ ее во многихъ городахъ. Когда я съ ней раскланялся, она знаками пригласила меня войти въ ложу. Я, разумѣется, отправился. Но, увы! вмѣсто лѣвой стороны ложъ, попалъ на правую, бродилъ по разнымъ лѣстницамъ, входамъ, плохо освѣщеннымъ корридорамъ, всовывалъ голову почти въ каждую дверь и наконецъ, послѣ долгихъ усилій, былъ у своей цѣли.

Меня привѣтствовали снова поклономъ и отрекомендовали дамѣ, сидѣвшей въ той же ложѣ,—подъ именемъ жениха подруги. У насъ завязался тотчасъ разговоръ. Мы такъ давно не видались, что было о чемъ поговорить.

«Что Магіе?... Здорова ли?... Пишетъ ли къ вамъ?

— Постоянно.

«Давно вы здѣсь? Когда ѣдете?

—Если можно, нынче въ ночь.

«Вы, конечно, передадите мое письмо.... А вы знаете: я также сговорена!

— Поздравляю и завидую счастливцу.

«Безъ комплиментовъ. Какъ проводите время?

— По прежнему, постоянно въ переѣздахъ.

«Не долго вамъ странствовать: скоро васъ ждетъ осѣдлость.

Я вздохнулъ. Моя знакомая улыбнулась.

— Ну, а вы какъ проводите время? спросилъ я ее.

«Comme ci, comme ça. Бываю на балахъ, въ собраніяхъ. Домашніе театры здѣсь очень часты, а я ихъ такъ люблю. Кстати, отчего вы не были въ дамскомъ клубѣ, въ пятницу?

— Это что такое?

«А! Это чудесное нововведеніе. Дамы пріѣзжаютъ въ клубъ, одѣвшись по просту, въ шерстяныхъ платьяхъ; однимъ словомъ, не такъ, какъ на балъ, для котораго всегда должно припасать новый нарядъ. Первое удобство.

Я поморщился.

«А, это вамъ не нравится, сказала она улыбаясь. Подождите: когда попадете въ мужья, то заговорите иначе. Второе же удобство клуба, и по моему самое главное, заключается въ томъ, что

кто хочетъ танцуетъ, кто — разговариваетъ, играетъ, однимъ словомъ, никто ничѣмъ не стѣсняется.

— О, это чудесно! Послѣднее мнѣ нравится, сказалъ я разскащицѣ.

«Позвольте; не приходите въ восторгъ. Такъ должно бы быть, но не такъ на самомъ дѣлѣ: нынче дамскій клубъ сдѣлался снова бальнымъ собраніемъ, конечно къ общей невыгодѣ. Но все это не оправдываетъ васъ: мнѣ бы хотѣлось съ вами провальсировать, какъ бывало, помните, у Магіе.... Ахъ, какъ это мило!...

Послѣднія слова были отнесены совершенно не ко мнѣ; а къ звукамъ вальса; которымъ оркестръ угощалъ публику, вмѣсто приличной увертюры. И въ самомъ дѣлѣ, вальсъ былъ именно тотъ самый, подъ который мы такъ часто съ ней танцовали. Мы долго молчали. Намъ можно было многое вспомнить и многое простительно было забыть. Въ это время, дама, — какъ послѣ я узналъ, тетушка моей знакомки,—взглянула мелькомъ на насъ. Чтобъ прервать томительное молчаніе, я какъ бы отвѣчая на прежній вопросъ началъ громко вести слѣдующую рѣчь:

Въ кочевой своей жизни я такъ часто испытывалъ непріятность зѣвать на подобныхъ балахъ отъ скуки или любоваться танцующими, что эта забава мнѣ надоѣла. Досадно! Вы знаете, что я еще молодой человѣкъ, притомъ не разочарованный, доказательствомъ служитъ то, что я очень довѣрчиво смотрю на Божій свѣтъ изъ моего дорожнаго тарантаса, — слѣд. иногда мнѣ приходитъ на мысль потанцовать. И вотъ, я отправляюсь на балъ въ губернскій городъ. Вхожу въ залу, — музыка гремитъ съ хоровъ: танцуютъ кадриль. Окинувъ взоромъ веселую толпу, я сознаюсь, что у меня на душѣ становится какъ-то радостнѣе. Но когда услышу этотъ вальсъ, я бросаю шляпу и подхожу къ первой попавшейся дамѣ, чтобъ ее ангажировать. Получаю отказъ; ко второй, къ третій — тоже. Наконецъ, съ досады, а можетъ быть въ какой-то дикой самоувѣренности, я подхожу къ блистательной, не разлучной парѣ губернскихъ баловъ и разрозниваю ее. Всѣ съ какимъ-то удивленіемъ смотрятъ на смѣльчака, который дерзнулъ прервать ея таинственный разговоръ. И я танцую съ ней!... А губернскій левъ пожираетъ меня глазами, тряся сердито гривой..., Но увы! этимъ и кончается мое поприще на паркетѣ. Послѣ вальса, я, homo novus, долженъ бываю по неволѣ разыгрывать наблюдателя, а вслѣдствіе этого и замѣтить, что кадриль почти не измѣняется и пары остаются тѣже. Но, Боже мой, думаю я частенько, не ужели онѣ не наскучили другъ другу, не ужели всѣ этѣ пары смотрятъ нѣжными голубками и воркуютъ лишь про любовь свою.... Съ грустью отправляюсь я къ зеленымъ

столамъ, чтобъ попытать хоть тутъ себѣ счастія, но пары и тутъ тоже составлены. Опасаясь, чтобъ отъ настойчивыхъ предложеній не приняли меня за Ноздрева, я ухожу....

«О, какой злой! сказала, улыбаясь моя знакомая. Отчего же вы такой? Не ужели бы вамъ непріятно было цѣлый вечеръ танцовать со мной, вашей знакомой, а напротивъ, позволитъ, чтобъ какой-нибудь странствующій Донъ-Кихотъ, выскочка, умчалъ меня именно въ ту минуту, когда бы мы разговаривали съ вами такъ же весело, какъ и теперь, когда бъ намъ было пріятно поболтать....

— О нѣтъ! Но подобныхъ вамъ я такъ рѣдко встрѣчаю».

Тетинька не обращала на насъ вовсе никакого вниманія и вертѣла своимъ лорнетомъ, направляя его во всѣ углы залы. Длинная и косая ложа, закрытая съ трехъ сторонъ, совершенно спрятала насъ, въ своей глубинѣ, отъ взоровъ зрителей.

Не знаю, чѣмъ бы кончилась эта, въ своемъ родѣ комедія, еслибъ не поднялся занавѣсъ. Я вышелъ изъ ложи.

Вторая пьеса была: *Отелло на Пескахъ или Петербургскій Арабъ*. Пора давно кончить этѣ пародіи на знаменитыя произведенія сценическаго искусства. Я думаю, что и Шекстеру неловко въ гробѣ отъ подобнаго рода водевилей. Повтореніе шутокъ на одинъ и тотъ же покрой очень скученъ; сегодня Гамлетъ Сидоровичъ; завтра, Отелло изъ лоскутной линіи, послѣ завтра, Отелло на Пескахъ, потомъ будетъ, пожалуй, Отелло въ тискахъ и пр. Г. Соколовъ былъ чрезвычайно смѣшонъ въ роли *Отъѣлова*. Даже не имѣя голоса, онъ старался правильно выполнить всѣ нумера изъ оперы Отелло. Особенно хорошо имъ было пропѣто:

Пески мои родимые,
Привѣтствую я васъ!
Въ душѣ необъяснимая
Отрада разлилась.

Маіоровъ не дурно сыгралъ *Поджогина*. Въ роляхъ старыхъ слугъ онъ бываетъ очень хорошъ; какъ напр. въ пьесѣ: «*Бука!*» Бенефиціантка, г-жа *Турусова* играла *Брабанцыну*, вдову. Комически смѣшна была сцена между ей и Соколовымъ, когда полупьяный и жаждующій мести Отъѣловъ бросается въ ея домъ, она выбѣгаетъ на сцену въ спальномъ чепцѣ и кофтѣ, крича:» батюшки задушили!» А потомъ является и самъ Отъѣловъ, тискаетъ изъ всей мочи подушку, воображая, что это сама Брабанцына. У г-жи Стрепетовой и г. Турусова — роли были незначительны. Надобно замѣтить только, что племянница или воспитанница Брабанцыной, вмѣстѣ съ своимъ женихомъ

кондитерскимъ подмастерьемъ, чрезвычайно долго скрывались въ кустахъ. Это, пожалуй, бы и лишнее.

Антрактъ. Вызвали Соколова. Оркестръ заигралъ какой то галопъ.

Въ театрѣ было чрезвычайно тихо. И вдругъ посреди этой тишины раздается голосъ, все слышнѣе и слышнѣе. Выведенный изъ своей задумчивости такимъ страннымъ образомъ, я вообразилъ, что началась новая пьеса, но занавѣсъ былъ закрытъ. Оказалось, что голосъ принадлежалъ одному изъ зрителей, стоявшему у оркестра. Какъ съ каѳедры, произносилъ онъ свое мнѣніе о предстоящей пьесѣ, Донъ-Кихотъ. Онъ коснулся литературы вообще, потомъ перешелъ къ переводамъ, упомянулъ, что изъ романа никогда не выйдетъ хорошей пьесы, потомъ перешелъ къ Вальтеръ-Скотту, Сервантесу и наконецъ къ самой пьесѣ. Однимъ словомъ, объявилъ, что пьеса не слишкомъ хороша. Ну, можно ли, спрошу я, такимъ ужаснымъ образомъ предупреждать публику, которая въ первый разъ будетъ смотрѣть пьесу?... Можетъ быть, при хорошей игрѣ артистовъ она бы осталась и довольна. А главное, стоило ли говорить о томъ, что давно уже извѣстно. Господинъ принадлежитъ къ тому извѣстному разряду посѣтителей провинціальныхъ театровъ, которые не женируются съ публикой, потому что она приглядѣлась къ нимъ, какъ и къ креслу, на которомъ привыкла ихъ постоянно видѣть. Но за то, отъ смѣха этихъ господъ пробуждается уснувшій театръ; раздаются сотни «фора,» вслѣдъ за ихъ одобреніемъ. Къ несчастію, есть еще другаго рода зло, неизбѣжное на всѣхъ провинціальныхъ театрахъ, а именно: когда актеръ, въ своей роли, говоритъ: «я тутъ невиноватъ!» развалившись въ креслахъ, какой-нибудь моншеръ отвѣчаетъ громко: «кто же? мы что что ли виноваты?» и потомъ смѣется своей остротѣ. Этотъ же театралъ знакомъ непремѣнно съ капельмейстеромъ, треплетъ дружески по плечамъ музыкантовъ, чтобы они сыграли такую-то *штучку*, въ угоду его милости или какой нибудь обитательницы ложъ. А почтеннѣйшая публика слушай!

Но вотъ занавѣсъ поднялся. Третья пьеса была, какъ значится на афишѣ: *Донъ-Кихотъ Ламанхскій, рыцарь печальнаго образа и Санхо-Пансо*, комедія-водевиль въ 2-хъ дѣйствіяхъ и пяти картинахъ, взятая изъ романа Сервантеса, Соч. П. Каратыгина, (???) съ танцами, музыкой разныхъ авторовъ. (Читая афишу, подумаешь, что Каратыгина зовутъ Сервантесомъ Петровичемъ или Каратыгинъ написалъ Сервантеса).

Донъ-Кихотъ Ламанхскій . . . . . Г. Александровъ.
Санхо-Пансо . . . . . Г. Соколовъ.

Тереза, жена Санхо . . . . . Г-жа Трусова.

Остальныя роли остаются въ тѣни.

Г. Александровъ снова доказалъ, что у него нѣтъ никакого таланта. Кому бы больше, какъ не ему, сухому, высокому, шла эта роль; но онъ не былъ Донъ-Кихотомъ, а только *рыцаремъ начальнаго образа.* Ни одинъ разъ онъ не заставилъ улыбнуться зрителей, не смотря на свои tours de force. Только безпрестанныя его паденія восхищали раёкъ. Надобно замѣтить, впрочемъ, и то, что Донъ-Кихотъ совершенно исчезаетъ на сценѣ, дѣлается ничтожнымъ предъ колоссальною фигурой Санхо Пансо. Эта невинная жертва глупостей своего барина, съ положительнымъ взглядомъ на вещи, сдѣлавшая во всю свою жизнь одинъ только промахъ, а именно — преобразившись въ оруженосца, весь этотъ характеръ, почти неподражаемый въ романѣ Сервантеса, получилъ у г. Каратыгина слишкомъ опредѣленный характеръ лакея, у котораго завелись денежки и который по этому въ грошъ не ставитъ своего барина.

Притомъ въ романѣ есть сцены, которыя ставятъ Панчо въ различныя положенія, относительно Донъ-Кихота: то онъ его другъ утѣшитель, то философъ, потому что создаетъ свои правила, то слуга, которому слово рыцаря — святыня, то торжествующій обманщикъ, когда ему уловка удается; но всегда и вездѣ испивающій съ Донъ Кихотомъ чашу горестей и блаженства. Въ пьесѣ этого ничего не встрѣтишь. А потому господинъ, говорившій объ этой пьесѣ предъ ея представленіемъ, хотя и сказалъ давнишнюю истину, но нигдѣ она не приходилась такъ кстати, какъ тутъ. Онъ только не прибавилъ, что въ такихъ романахъ, какъ Донъ Кихотъ, слѣдится цѣлая жизнь героя, а не обращается вниманіе на необыкновенныя происшествія, трагическія или комическія, ни на чрезвычайные случаи, однимъ словомъ на все то, что служитъ конечною цѣлію драмы. Онъ позабылъ также сказать, что дѣлая выкройку для комедіи изъ романовъ, пользующихся европейскою извѣстностію, надобно имѣть слишкомъ вѣрный взглядъ, чтобъ непропустить сущности предмета, и много ума и вкуса, чтобы не изуродовать великое созданіе, примѣнивъ его только къ сценѣ. Онъ забылъ это сказать, а оно здѣсь было-бы также необходимо. Г. *Соколовъ*, игравшій Санчо, какъ и слѣдуетъ, былъ не болѣе, какъ беззаботный малый, одинаково сохранившій свой юморъ и подъ палками поселянъ и въ чинѣ губернатора. Но, что г. Соколовъ обращаетъ тщательное вниманіе на свои роли, тому служитъ доказательствомъ недавно созданная имъ роль *Буки.*

Вообще, сколько было произнесено сужденій о талантѣ пер-

ваго комика Нижегородской сцены—трудно и пересчитать. Упорнѣе всѣхъ было то, въ которомъ сравнивали его съ г. Живокини, артистомъ Московской сцены; но и это несправедливо. Сначала, конечно, было въ ихъ игрѣ что-то общее, особенно въ мимикѣ и голосѣ; но въ нынѣшнее время этого уже нельзя сказать. Если пошло на сравненіе, то должно было бы признать, что Соколовъ занимаетъ роли и Живокини, и Щепкина, и исполняетъ послѣднія даже удачно. А главное достоинство его въ разнообразіи, въ умѣньи примѣниться къ характеру каждой роли. У Живокини же, къ которому я присмотрѣлся въ теченіе четырехъ лѣтъ, живши въ Москвѣ,—всегда одинъ и тотъ же голосъ, одна и та же походка, въ какой бы ни было роли и даже — увы! одинѣ и тѣ же фарсы, которыхъ въ игрѣ Соколова не замѣтишь. Нижегородская публика очень любитъ Соколова; доказательствомъ тому служитъ, что театръ бываетъ всегда полонъ, когда играетъ этотъ артистъ.

Но лучше всего удалась роль *Терезы*, жены Санчо, которую играла г жа *Трусова*. Сварливая жена, бывшая невольной причиной странствованій своего почтеннаго мужа, а потомъ губернаторша неизвѣстнаго острова, — всѣ эти оттѣнки прекрасно были выражены г-жею Трусовой. Особливо, она чрезвычайно мило пропѣла:

Разступитеся.... народъ,
Губернаторша идетъ.

У нея есть талантъ — это неоспоримо. Роли умныхъ, насмѣшливыхъ женщинъ ею выполняются мастерски. Нельзя хладнокровно выслушать злую насмѣшку, которая вырывается изъ ея тонкихъ, сжатыхъ губъ. О прочихъ лицахъ: Санхетѣ — г-жѣ Стрѣлковой, и пр., конхъ роли незначительны, не нужно говорить. Когда кончилась пятая картина, я почему то ожидалъ, что вотъ появится опять и Донъ-Кихотъ съ своими глупостями и Санчо, которому достается отъ этихъ глупостей; потому-что чего то недостаетъ въ пьесѣ, вотъ такъ и видишь, что то-то и то то выпущено, а непремѣнно было бы нужно; но, увы! послѣ турнира, въ заключеніе спектакля, плясали.... Пусть же ихъ пляшутъ на здоровье. Я не дождался танцевъ и вышелъ. Нѣтъ, г-жа Трусова, отъ вашего бенефиса можно было лучшаго ожидать. Вы въ немъ не дали почти мѣста даже своему мужу, который такъ хорошо выполняетъ роли отчаянныхъ повѣсъ, волокитъ, ни г-жѣ *Стрѣлковой* ни *Стрепетовой* (недавно хорошо сыгравшей роль вдовушки въ *Букѣ*). Надѣемся, что будущій вашъ бенефисъ будетъ и лучше и полнѣе.

И. Усольскій.

6. СТАВРОПОЛЬСКІЙ ТЕАТРЪ.

Безпрестанно встрѣчаешь въ «Пантеонѣ» описанія провинціальныхъ театровъ, разборъ игры актёровъ на провинціальныхъ театрахъ, впечатлѣнія провинціальнаго театра на путешественника, нѣсколько словъ о провинціальномъ театрѣ и множество другихъ статей этого рода.

Почти всѣ провинціальные театры, во всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ описаны по нѣскольку разъ. Сколько отчетовъ читали мы о театрахъ: Харьковскомъ, Одесскомъ, Воронежскомъ, Курскомъ, Орловскомъ, Казанскомъ, Нижегородскомъ, Астраханскомъ, Севастопольскомъ, Симферопольскомъ, Керченскомъ, Ѳеодосійскомъ, Екатеринославскомъ, Таганрогскомъ, Ростовскомъ и Тифлисскомъ, особенно о послѣднемъ было очень много писано, кромѣ Пантеона, и въ газетѣ Кавказъ, въ Русскомъ Инвалидѣ, и въ Одесскомъ Вѣстникѣ. — Всѣ труппы актеровъ разъяты анатомическимъ скальпелемъ критики и наблюденія. — Мы знаемъ все, что можно было узнать о труппахъ Молотковскаго, Жураховскаго, Пилони, Виноградова, Смирнова и прочихъ провинціальныхъ impressario.

Описанія познакомили насъ рѣшительно со всѣми провинціальными актерами—талантливыми и бездарными, но все-таки усердными жрецами Таліи, Мельпомены и Терпсихоры.

Да, говорю, почти всѣ театры описаны; но замѣтьте слово *почти* — значитъ еще не всѣ. О какомъ же театрѣ читающая публика ничего не слыхала? — О театрѣ Ставропольскомъ, объ немъ не говорилъ ни одинъ журналъ. — Да объ немъ можетъ быть, нечего сказать, такъ и говорить не стоитъ? — Спросятъ меня; а вотъ увидимъ....

Я пріѣхалъ въ Ставрополь вечеромъ 22 апрѣля и остановился, какъ и всѣ проѣзжающіе чрезъ этотъ городъ въ гостинницѣ Пантаки.—На другой день мнѣ приносятъ афишу, напечатанную краснымъ, четкимъ шрифтомъ, на прекрасной бумагѣ, объявляющую, что сегодня, т. е. 23 апрѣля, труппою Карла Зелинскаго, представлены будутъ въ пользу актера Алексѣева, три водевиля: *Андрей Степановичъ Бука, или кто не плясалъ по женской дудкѣ; Три пощечины, или молодые на разныхъ половинахъ* и *Коломенскій нахлѣбникъ и меншеръ*. Посылаю за билетомъ въ кресла, и въ 7 часовъ вечера ѣду въ театръ. — Меня подвозятъ къ хорошо освѣщенному подъѣзду большаго, прекраснаго двухъ-этажнаго дома, принадлежащаго г-ну Ганиловскому, гдѣ помѣщается театръ; вхо-

жу — передо мною широкая, удобная, чистая лѣстница, ведущая на верхъ въ ложи; направо дверь въ партеръ.

Войдя въ тѣатръ, я былъ пріятно изумленъ видомъ большой, прекрасной, со вкусомъ расписанной залы, ярко освѣщенной, съ мило устроенными висячими ложами, съ удобными креслами, разставленными просторно, и съ изящною переднею занавѣсью.

Заигралъ оркестръ — и я услышалъ звуки прекрасной тирольской музыки. Музыкантовъ немного — всего восемь человѣкъ, они Тирольцы: (двѣ скрипки, віолончель, басъ, флейта, кларнетъ и двѣ валторны); но каждый изъ нихъ мастеръ своего дѣла. — Оркестръ не великъ, но достаточенъ для уютнаго Ставропольскаго театра—и еслибъ увеличили его еще однимъ или двумя инструментами, то онъ, навѣрно потерялъ бы свою прелесть, непріятно оглушая посѣтителей.

Подымается занавѣсъ — и началось представленіе водевиля: *Андрей Степановичь Бука*, въ которомъ роль *Буки* игралъ бенефиціантъ Алексѣевъ, а *Анны Львовны* — Рыбакова.

Не стану разбирать этого спектакля, иначе я написалъ бы панегирикъ—такъ все шло прекрасно.

Г. *Алексѣевъ*, былъ очень хорошъ въ роли *Буки*, хорошъ въ роли Безе (*Три пощечины*) и очарователенъ, неподражаемъ въ роли *моншера Мигушкина* (Коломенскій нахлѣбникъ и моншеръ). Впрочемъ, о талантѣ, искусствѣ и усердіи этого артиста знаютъ многіе, потому что онъ являлся не на одной Ставропольской сценѣ.

Не менѣе его хороши были; *Г-жа Рыбакова*, *Зелинскій*, *г-жа* и *д-ца Зелинскія* (*мать и дочь*) *Пряженковскій*, (замѣтьте, что на здѣшней сценѣ Пряженковскій первый, а не второй) и *Барсова*. — Остальные, хотя и не отличились особенно своимъ искусствомъ, но были пристойны и не портили пьесы, а этого слишкомъ достаточно на провинціальномъ театрѣ.

Въ заключеніе спектакля, г. Ланге и д-ца Гончарова 2-я, протанцовали Редову—танецъ, котораго мы, не бывшіе въ послѣднее время въ столицахъ, до-сихъ поръ еще не видѣли.

Вообще этотъ спектакль оставилъ во мнѣ пріятное впечатлѣніе и я вышелъ изъ театра въ хорошемъ расположеніи духа.

Но, не удивительно, что спектакль былъ хорошъ, думалъ я дорогой, это бенефисъ талантливаго актера, онъ могъ выбрать пьесы и раздать роли по силамъ и характерамъ хорошо знакомыхъ ему сюжетовъ, могъ тщательно заняться постановкою пьесъ, позаботиться, чтобы роли были твердо выучены всѣми, притомъ же это три водевиля; а водевили теперь, слава Богу! почти вездѣ хорошо играются. — Нѣтъ! — Еслибъ Ставропольскіе артисты

сыграли что-нибудь посерьезнѣе водевиля, требующаго большаго изученія, большаго искусства, больше чувствъ, и сыграли бы также хорошо—о! тогда я сказалъ бы объ нихъ, что они таланты.

Съ этой мыслью заснулъ я, и пробудясь, увидѣлъ на моемъ столѣ афишу, возвѣщавшую, въ слѣдующее воскресенье (25 апрѣля) *Материнское благословеніе или бѣдность и честь*, пяти-актную мелодраму прекрасное произведеніе, любимое мною почти болѣе всѣхъ извѣсныхъ мнѣ пьесъ и производящее на меня сильное, глубокое впечатлѣніе всякій разъ, когда я прочту его, или увижу на сценѣ.

Прошла суббота, проходитъ и воскресенье, стемнѣло и я первый пріѣхалъ въ театръ, такъ рано, что онъ еще не былъ освѣщенъ; дождался пока зажгли свѣчи, сѣлъ въ кресло и съ истиннымъ удовольствіемъ слушалъ музыку Тирольцевъ, которые въ этотъ вечеръ играли не польки и дивные Страусовскіе вальсы; а чувствительныя симфоніи и грустныя мелодіи, какъ-то чудно настраивающія душу и приготовляющія ее къ принятію впечатлѣнія мелодрамы.

Оркестръ замолкъ. Послышался колокольчикъ, занавѣсъ взвился и передо мною Савойскія горы съ живописною деревнею.— На аванъ-сценѣ сидитъ старушка, прядетъ и разговариваетъ съ горнымъ пастухомъ Пьеро. — Она мать —вы догадаетесь, о чемъ говоритъ она—о своей дочери, единственной дочери, милой Маріи. — Изъ глубины театра выходитъ мужъ ея — старикъ въ бѣдной холщевой блузѣ, съ длинными сѣдыми волосами, съ морщинистымъ лицомъ, онъ упирается на палку... вошелъ, и театръ задрожалъ отъ рукоплесканій, потому что этотъ старикъ Рыбаковъ! — Онъ разсказываетъ, что управитель маркизы, которой принадлежитъ ферма, нанимаемая ими, — не соглашается на отсрочку слѣдующей съ нихъ платы — и что завтра отнимутъ у нихъ хижину, хижину, въ которой родилась ихъ дочь Марія. Горько положеніе ихъ: бѣдность, страшная бѣдность гнететъ безпомощныхъ и съ злобной улыбкою протягиваетъ старикамъ нищенскую суму да клюку.... Вотъ и Марія (г-жа Рыбакова), юная, счастливая, радостная Марія. Она весело подбѣгаетъ къ отцу и и матери, нѣжно цѣлуетъ ихъ руки, ласкается къ нимъ и съ любовію, съ участіемъ смотритъ имъ въ глаза.—Она еще не знаетъ, въ какой ужасной они бѣдности, не знаетъ, что завтра у нихъ не будетъ пріюта, гдѣ преклонить голову, что завтра будетъ продана ихъ хижина.

Новое лицо на сценѣ: командоръ де-Буа Флёри, братъ маркизы, владѣтельницы фермы (Г. Алексѣевъ). Командоръ—старый волокита, безнравственный селадонъ. Онъ узналъ, что Марія краса-

вица, пришелъ посмотрѣть ее, и хочетъ погубить бѣдную невинную дѣвушку.

Добрые простые люди прибѣгаютъ къ его помощи; онъ обѣщаетъ пособіе и покровительство имъ и ихъ дочери — и они кланяются, благодарятъ его!

Всѣ расходятся, остается одна Марія — она говоритъ о своемъ миломъ пастушкѣ Андрѣ, съ которымъ недавно познакомилась въ окресныхъ горахъ и полюбила его первою, еще невинною любовью. Она хочетъ бѣжать къ нему на свиданіе; но встрѣчается съ пасторомъ. Пасторъ останавливаетъ ее, открываетъ ей злой замыселъ командора и уговариваетъ ее бѣжать въ Парижъ, многолюдство котораго считаетъ безопаснѣйшимъ убѣжищемъ отъ преслѣдованій развратнаго старика. Вышедшій на сцену отецъ одобряетъ мнѣніе пастора и чрезъ нѣсколько минутъ Марія должна уйдти съ другими Савоярами, отправляющимися въ Парижъ заработывать хлѣбъ.

Прощаніе ея съ родными — трогательно. Послѣдняя сцена ея съ матерью (госпожей Зелинской) была выполнена превосходно. Вотъ она у ногъ матери и мать дрожащимъ слабымъ голосомъ, прерываемымъ слезами поетъ надъ нею благословеніе. Всѣ присутствующіе рыдаютъ! Наконецъ отецъ вырываетъ дочь изъ объятій матери и увлекаетъ ее за собою. Старушка лишается чувствъ. Подъ звуки тихой пріятной музыки медленно падаетъ занавѣсъ; но въ театрѣ тихо, совершенно тихо. Кажется если бы пролетѣла муха, то ея полетъ былъ бы явственно слышанъ. Дамы отираютъ глаза платками, мужчины безмолствуютъ; никто даже не смѣетъ аплодировать — такой сильный эффектъ произвела прекрасная игра артистовъ въ прекрасной пьесѣ.

Второе и третье дѣйствія, гдѣ Марія въ Парижѣ, шли не менѣе прекрасно; но вотъ чѣтвертое дѣйствіе, лучшее во всей пьесѣ.

Марія знаетъ уже, что ея милый Андрѣ не пастушекъ, а богатый и знатный маркизъ де Серви. Она любитъ его по прежнему, пламенно, страстно; но по прежнему чиста и непорочна. Маркизъ нанимаетъ для нея прекрасный домъ, дѣлаетъ богатые подарки, далъ ей хорошую прислугу, экипажъ, доставляетъ ей всѣвозможныя удовольствія и между тѣмъ старается образовать ея умъ. Онъ увѣряетъ, что мать его, маркиза, согласна на бракъ его съ нею; но только хочетъ, чтобы Марія получила прежде такое воспитаніе, которое требуется отъ дамы того аристократическаго круга, въ которомъ стоитъ семейство. Марія вѣритъ и учится. Надѣясь обрадовать скоро своихъ родныхъ совершѣннымъ счастіемъ, она ничего къ нимъ не пишетъ. Это повергаетъ добрыхъ Савояровъ въ сильное безпокойство, старикъ

отецъ оставляетъ больную жену и идетъ въ Парижъ отыскивать свою дочь; но никто не знаетъ его Маріи, не знаетъ, гдѣ она. Наконецъ, онъ находитъ какого то человѣка, который указываетъ ему на домъ, занимаемый Маріей и говоритъ, чтобы онъ спросилъ о дочери въ этомъ домѣ Старика вводятъ въ великолѣпныя комнаты; онъ видитъ передъ собою молодую, прекрасную даму, въ богатой одеждѣ. Ростомъ, голосомъ, чертами лица, эта дама похожа на его Марію; но это не дочь его; дочь его бѣдная Савоярка—она не можетъ жить въ такомъ великолѣпномъ отелѣ, она не можетъ имѣть ни экипажей, ни слугъ, она не можетъ носить такого богатаго платья, она не можетъ подавать въ милостыню кошелька, полнаго золота.

Онъ разсказываетъ этой дамѣ причину своего прибытія въ Парижъ, говоритъ ей, что онъ отыскиваетъ свою дочь, свою милую Марію и хочетъ увезти ее къ больной матери! Марія услышавъ, что мать ея больна не въ силахъ выдержать—она падаетъ къ ногамъ отца и восклицаетъ: батюшка!

Старикъ долго, грустно смотритъ на нее и наконецъ отталкиваетъ. Онъ говоритъ ей: «сударыня, вы лжете! вы не дочь моя. Дочь моя бѣдная Савоярка—она не можетъ подавать милостыню своему отцу; она чиста и невинна; а вы, вы любовница знатнаго вельможи — и онъ бросаетъ ей поданное ею золото и съ проклятіемъ убѣгаетъ со сцены! Марія невинна; но ее обвиняетъ все окружающее ее.

О! какъ хороши были Рыбаковы въ этой сценѣ! Онъ, высокаго роста, величественный, грозный, съ громовымъ голосомъ, съ поднятою рукою, съ длинными сѣдыми волосами, съ выразительною физіогноміей. Она, кроткая, слабая, стенящая у ногъ своего раздраженнаго отца; какіе вопли вырывались изъ груди ея, какъ складывались ея руки, какъ подымались къ отцу глаза ея. И когда онъ убѣжалъ, она безъ чувствъ покатилась на полъ.

Долго пролежала она, наконецъ пришла въ себя, поднялась, грустная, слабая, убитая. И вотъ ей говорятъ, что маркизъ де Серви ее обманываетъ и что въ эту минуту онъ долженъ вѣнчаться съ знатной и богатой дѣвушкой, въ церкви, что противъ ея оконъ.

Она слышетъ колокольный звонъ, подходитъ къ окну и видитъ подъѣзжающую къ церкви при свѣтѣ факеловъ карету. Изъ нея выходитъ невѣста въ вѣнчальномъ платьѣ, кавалеръ подаетъ ей руку, оборачивается, и Марія узнаетъ въ немъ маркиза. Она вскрикиваетъ и лишается разсудка.

Когда Рыбакова, отошедъ отъ окна, оборотилась къ намъ—мы ея не узнали. Она не сходила со сцены, не болѣе пяти минутъ

простояла у окна и въ эти пять минутъ совершенно измѣнилась: лицо ея вытянулось и поблѣднѣло, голосъ перемѣнился, волоса отдѣлились отъ висковъ, глаза засверкали какимъ-то страннымъ огнемъ, взоры ея безумно блуждали вокругъ и когда падали на кого нибудь изъ зрителей, то ему становилось страшно, кровь останавливалась въ жилахъ, сердце замирало....

Пьеро Савояръ, другъ дѣтства Маріи, пришедшій съ нею въ Парижъ, уводитъ безумную въ Савойю.

Этимъ оканчивается четвертое дѣйствіе.

Въ пятомъ вы опять въ Савои. Грустная больная мать ждетъ возвращенія дочери. Вотъ приходятъ изъ Парижа Савояры, ушедшіе съ нею заработывать хлѣбъ; но съ ними нѣтъ Маріи. Старушка разспрашиваетъ пришедшихъ, жметъ руки тѣмъ, которые, уходя изъ Парижа, жали руки Маріи; цѣлуетъ тѣхъ, которые цѣловали дочь ея и плачетъ, плачетъ горькими слезами осиротѣвшей матери; старикъ же, мужъ ея, бывшій въ Парижѣ, видѣвшій дочь свою и считающій ее преступною и безчестною, въ продолженіе этой сцены, стоитъ безмовный, неподвижный, какъ мраморная статуя.

Сцена пуста. Вы слышите пріятные звуки горной Савойской пѣсни и на сцену является Пьеро, наигрывающій эту пѣсню; за нимъ слѣдуетъ Марія; но Боже! кто бы узналъ ее?—Кто бы узналъ Марію, которую мы видѣли въ продолженіи всей пьесы молодою, веселою, счастливою, радостною, воодушевленною страстію, здоровою, съ красненькими щечками, съ свѣтлыми живыми глазками, въ этой женщинѣ худой, блѣдной, больной, усталой, изнеможенной, едва передвигающей ноги. Она, какъ странствующій жидъ, гонимый тайнымъ голосомъ—безотчетно слѣдуетъ за звукомъ родной горной пѣсни.

Марія безумна: для нея нѣтъ усталости, она не понимаетъ своихъ страданій. Пьеро привелъ ее, посадилъ на скамью и говоритъ что путешествіе ихъ кончилось, что они пришли въ деревню.

Она осматривается и видитъ знакомыя горы, на которыхъ въ дѣтствѣ она пасла козъ своихъ, видитъ знакомыя кровли деревни, хижину, гдѣ родилась и выросла—видитъ, и въ ней пробуждается чувствительность: лицо ея оживляется, взоръ яснѣетъ, она падаетъ на колѣна и запѣваетъ пѣсню, которою ее благословляла мать, прощаясь съ нею. Въ половинѣ этой пѣсни съ голосомъ ея соединяется голосъ матери; Марія умолкаетъ и пѣніе оканчиваетъ одна старушка, держа руки на головѣ колѣнопреклоненной Маріи.

Марія вскакиваетъ, узнаетъ мать, отца, знакомыхъ; бросается обнимать ихъ. Прошлую жизнь свою она считаетъ сномъ и говоритъ отцу: о! батюшка! какъ страшенъ былъ ты въ этомъ снѣ!

Но вотъ является Маркизъ де-Серви, онъ не женатъ и выпросилъ согласіе матери на бракъ съ Маріею.—Этимъ оканчивается драма — Занавѣсъ падаетъ и снова глубокое молчаніе въ театрѣ и только чрезъ нѣсколько минутъ, когда оркестръ заигралъ веселую польку, послышался единогласный вызовъ Рыбаковыхъ.

Такова эта драма, такъ была сыграна она!...

Послѣ этой драмы прекрасно былъ сыгранъ водевиль: *Что имѣемъ не хранимъ, потерявши плачемъ*, въ которомъ *господинъ Зелинскій* прекрасно выполнилъ роль Павла Павловича Марковкина, *а господинъ Пряжонковскій, дѣвица Зелинская* 1. *госпожа Филимонова, господинъ Барсовъ* и *госпожа Барсова* сыграли очень хорошо свои роли.

По истинѣ можно сказать, что труппа Зелинскаго прекрасна и едва ли не лучшая изъ всѣхъ провинціальныхъ театровъ. Въ этой труппѣ: Рыбаковъ, Рыбакова, Алексѣевъ, Зелинскій артисты, которые могли бы явиться съ честію и на столичной сценѣ; кромѣ того, въ этой же труппѣ: Пряженковской, госпожи Зелинскія, мать и дочь, Барсовъ и Шумскій очень хорошіе актеры для провинціи. Всѣ прочіе всегда приличны на сценѣ и сносны. Видно, что господинъ Зелинскій любитъ театръ душою, и не щадитъ ни силъ, ни стараній, ни издержекъ для этого. Онъ употребляетъ на него послѣднюю трудовую копѣйку, собранную имъ въ теченіе тридцати - двухъ-лѣтней сценической жизни и чѣмъ же вознаграждается все это?...

Я былъ въ Ставропольскомъ театрѣ только въ двухъ спектакляхъ.—Первый разъ въ бенефисъ любимаго публикою актера, который смѣшитъ ее до упаду; игранные въ этотъ вечеръ три водевиля выбраны со вкусомъ и сыграны прекрасно, и что же? Гораздо болѣе половины мѣстъ въ театрѣ остались не занятыми. Другой спектакль былъ въ воскресенье, день свободный отъ занятій, играли превосходную пьесу: *Материнское благословеніе*; сыграли ее отлично и театръ былъ почти пустъ, едва въ немъ можно было насчитать 50 любителей....

Что же это? отчего въ Ставрополѣ такъ мало любителей театра?

Быть можетъ, Ставрополь не многолюденъ и ходить въ театръ некому?—Нѣтъ, это большой, прекрасный, населенный городъ.

Ну, такъ можетъ быть въ немъ живутъ люди недостаточные и при всемъ желаніи, не въ состояніи бросать деньги на удовольствія?—Не знаю; но въ этомъ городѣ всѣ улицы застроены большими, изящными домами, на бульварахъ и улицахъ безпрестанно встрѣчаешь щегольски одѣтыхъ мужчинъ, дамъ, въ роскошныхъ модныхъ нарядахъ, здѣсь мимо васъ проносятся красивые экі-

пажи; здѣсь всѣ лавки и магазины блещутъ серебромъ, золотомъ и богатыми тканями, значитъ Ставрополь не бѣденъ.

Отчего же театръ пустъ? Незнаю, рѣшительно не знаю! Не могу объяснить себѣ этаго хладнокровія, этаго равнодушія здѣшней публики къ драматическому искусству.

Но знаете ли вы, что это равнодушіе убійственно? — оно не только отнимаетъ хлѣбъ у артиста; но убиваетъ его душу; уничтожаетъ въ немъ талантъ и умственныя способности, вселяя недовѣріе къ собственному дарованію?

Но, можетъ быть, я горячусь напрасно, можетъ быть Ставропольская публика любитъ и посѣщаетъ театръ; можетъ быть, театръ всегда полонъ и только въ эти два спектакля, по какому нибудь особенному случаю, онъ былъ пустъ. Можетъ быть, и дай Богъ! чтобы оно такъ было.

Я слышалъ, что Ставропольская труппа ѣдетъ на лѣто на минеральныя воды въ Пятигорскъ, гдѣ, покровительствуемый великодушнымъ и благодѣтельнымъ княземъ Намѣстникомъ Кавказа, Зелинскій выстроилъ театръ. — Поздравляю заблаговременно посѣтителей Кавказскихъ минеральныхъ водъ, съ тѣмъ удовольствіемъ, которое доставитъ имъ игра здѣшнихъ драматическихъ артистовъ.

С. Саблинъ.

---

7. ХАРЬКОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

Театръ. Обстановка піесъ. Оркестръ. Составъ труппы. Персонажи ея. Дебюты г-на Максимова 1. Бенефисъ его.

Нѣтъ сомнѣнія, что Харьковскій театръ принадлежитъ къ однимъ изъ лучшихъ провинціальныхъ театровъ, какъ по обширности и изящности самаго зданія, такъ и по достоинству персонажей, составляющихъ его труппу. Даже, относительно внутренней отдѣлки театральной залы, мы, кажется, не ошибемся, если скажемъ, что онъ не только изъ лучшихъ, но лучшій. Въ самомъ дѣлѣ: ни одинъ изъ провинціальныхъ театровъ не можетъ соперничать съ нимъ чистотою внутреннихъ его частей. Въ этомъ мы всегда отдавали и отдаемъ надлежащую похвалу тому, кто поставилъ его на эту точку. Конечно, чистота и опрятность не первыя и необходимыя условія для процвѣтанія драматическаго искусства. Есть вещи болѣе важныя, болѣе необходимыя.

И такъ, сказавъ нѣсколько словъ о зданіи нашего театра, мы переходимъ къ прочимъ его частямъ. Не обинуясь скажемъ, что обстановка пьесъ на нашей сценѣ не завидна, хотя и встрѣчаются иногда очень не дурные костюты и декораціи. Но, по нашему мнѣнію, двѣ хорошія не выкупятъ десяти дурныхъ.

Безусловно похвалить оркестръ также не совсѣмъ было-бы справедливо съ нашей стороны. Потому, что слушать почти ежедневно, въ продолженіе цѣлаго года, польки да польки, иногда еще не совсѣмъ согласно разыгрываемыя, какъ хотите, скучно и несносно; особенно, когда знаешь, что могъ-бы слышать что нибудь получше, по дѣльнѣе... Впрочемъ эта несносная полькоманія караетъ не однихъ насъ!

Труппа наша, состоящая почти изъ тридцати персонажей, составлена довольно неудачно, хотя и есть въ ней люди съ талантами. Главный недостатокъ ея состоитъ въ отсутствіи *ансамбля* (ensemble), какъ въ комедіи и водевилѣ, такъ и въ драмѣ преимущественно. — Какъ! можетъ быть возразятъ нѣкоторые: чтобъ въ труппѣ изъ тридцати персонажей не было ансабля для водевиля?! Въ самомъ дѣлѣ это можетъ показаться нѣсколько страннымъ! Но надобно разсмотрѣть, какъ составлена труппа. Мы убѣждены (въ чемъ, конечно, никто съ нами спорить не станетъ), что достоинство труппы, особенно-же провинціальной, состоитъ не въ многочисленности ея представителей, а въ ихъ качествахъ, талантахъ. Всѣмъ и каждому извѣстно, что комедія и водевиль тогда только могутъ имѣть *ансабль*, составляющій душу всякой пьесы, когда всѣ актеры на своихъ мѣстахъ, когда каждый беретъ роль, ему свойственную: по своимъ силамъ и понятіямъ. Такъ-ли это дѣлается у насъ? Нѣтъ! Для совершенной постановки водевиля необходимо имѣть въ труппѣ двухъ любовниковъ (jeune premier), У насъ до сего времени не было ни одного. А можетъ ли существовать водевиль безъ любовника? Никогда! онъ будетъ такъ же холоденъ и недвижимъ, какъ тѣло, лишенное души, которая его грѣетъ, оживотворяетъ. Мѣсто перваго любовника занимали *ex officio*, то г-нъ *Толченовъ*, то г-нъ *Максимовъ* 2, люди вовсе неспособные для этихъ ролей. Вторыхъ-же любовниковъ выполняли гг. *Домбровскій* и *Жолкевскій*. Первый, кромѣ малороссійскихъ пьесъ, никуда не годенъ; а второй... второй... помилуйте! да онъ слуги не въ состояніи сыграть по человѣчески!... Еще съ удаленіемъ г-на *Дранше* отсутствіе буффо также ощутительно. Хотя у насъ три любовницы, но мы ни на одну не можемъ указать, какъ на первую.

Тоже самое должно сказать и о драмѣ. Драма тогда только можетъ быть поставлена удовлетворительно, когда есть три,

четыре актера, способныхъ занять второстепенныя амплуа, и когда есть двѣ второстепенныя актрисы. Безъ этого, будь герой и героиня таланты первокласные, драма никогда не произведетъ надлежащаго впечатлѣнія, какъ-бы она хороша ни была. Драма не водевиль. Въ ней иногда для самой незначительной роли нуженъ актеръ, если не талантливый, то понимающій дѣло. Не рѣдко, одно слово, сказанное дурно, вредитъ занимательности пьесы, и вмѣсто надлежащаго дѣйствія, производитъ смѣхъ. За примѣромъ не далеко ходить. Вспомните г. *Бокарева*, игравшаго кажется стража, въ трагедіи Шиллера «Марія Стуардъ», когда онъ въ третьемъ дѣйствіи съ такимъ комическимъ видомъ и такимъ непонятно удушливымъ голосомъ произнесъ стихъ: «Исторгните изъ рукъ его кинжалъ!» Такъ, что публика, не смотря на патетическое мѣсто, разразилась *гомерическимъ* смѣхомъ. Или: въ этой же пьесѣ и въ этотъ же спектакль, актеръ, игравшій Герольда, забывъ вѣроятно, кто онъ и куда пришелъ, такъ близко и невѣжливо подошелъ къ королевѣ, что суфлеръ, во всеуслышанье, долженъ былъ закричать ему изъ своей будки: «Назадъ!» Какъ хотите, а подобныя сцены намъ не нравятся! Въ водевилѣ онѣ еще такъ и сякъ; но въ драмѣ изъ рукъ вонъ!... Также намъ не весьма утѣшительно видѣть комиковъ, занимающихъ въ драмѣ второстепенныя роли, иногда очень важныя....

Теперь намъ слѣдуетъ перейти къ оцѣнкѣ всѣхъ персонажей нашей труппы; но какъ почти половину ея составляютъ люди безъ всякаго призванія къ искусству, то мы и ограничимся въ этомъ случаѣ только болѣе замѣчательными талантами. И такъ, начнемъ съ актеровъ.

Г. Львовъ. Молодой человѣкъ не дурной наружности, обладающій сильнымъ и пріятнымъ голосомъ, занимаетъ первыя роли въ трагедіяхъ и драмахъ. Исполняетъ ихъ, если и не всегда прекрасно, то, покрайней мѣрѣ, ни въ одной пьесѣ не уронилъ себя. Въ игрѣ его, хотя и довольно однообразной, почти всегда видны чувство, энергія. Если въ г. Львовѣ не всегда проглядываютъ искусство, наука, за то въ каждой ролѣ видна теплота душевная, сочувствіе къ представляемому имъ лицу, твердое знаніе роли, а что главнѣе и лучше всего—стараніе. Остается только посовѣтовать г. Львову избѣгать по возможности той монотонности въ чтеніи монологовъ, которая такъ непріятно поражаетъ слухъ зрителя въ дикціи его. Впрочемъ, это еще не важный недостатокъ. Все же это не мѣшаетъ ему быть первымъ трагикомъ нашей сцены. Смѣло можемъ сказать, что драма со стороны мужскихъ ролей только имъ и поддерживается. Скажемъ безпристрастно, въ нѣкоторыхъ роляхъ г. Львовъ бываетъ истинно

прекрасенъ. Вообще видно, что г. Львовъ актеръ не ex officio, а по призванію, по любви къ искусству.... А это уже много значитъ!... Покрайней мѣрѣ ручается за дальнѣйшіе успѣхи, которые ведутъ къ возможному усовершенствованію.

Г. Соленикъ. Ветеранъ провинціальныхъ сценъ, въ особенности Харьковской, на которой онъ давно стяжалъ лестное для актера титло любимца публики. Каждое появленіе его на сцену она встрѣчаетъ громкими, единодушными аплодисманами, чего онъ дѣйствительно достоинъ. Занимаетъ амплуа благородныхъ дядюшекъ въ комедіяхъ и водевиляхъ, и всегда съ равнымъ достоинствомъ. Игра его благородна, смѣла и проста, что лучше всего. Здѣсь кстати замѣтить, что настоящее амплуа г. Соленика въ водевилѣ, но бываютъ случаи, что онъ и въ драмѣ себя не роняетъ. Примѣромъ можетъ служить роль Заруцкаго (др. Смерть Ляпунова), которую онъ выполнилъ прекрасно, какъ мы и не ожидали. Соленикъ актеръ съ рѣдкимъ дарованіемъ!...

Г. Толченовъ. Занимаетъ второстепенное амплуа въ драмахъ и комедіяхъ. Но намъ кажется, что настояще амплуа г. Толченова въ драмѣ, гдѣ онъ нерѣдко бываетъ довольно хорошъ. Одно, что намъ рѣшительно не нравится въ г. Толченовѣ, это его странная, урывчатая дикція. Въ сильныхъ патетическихъ мѣстахъ вы навѣрно изъ десяти словъ разберете не болѣе шести; прочія же доходятъ къ вамъ въ какихъ-то непонятныхъ звукахъ. Это одинъ изъ главнѣйшихъ недостатковъ въ игрѣ г-на Толченова. Но, не смотря на это, онъ на нашей сценѣ изъ лучшихъ актеровъ. Какъ намъ кажется, г-нъ Толченовъ не остается на одной и той-же точкѣ, но замѣтно подвигается впередъ.

Г. Бабанинъ. Занимаетъ второстепенныя роли въ драмахъ; иногда-же является (не знаемъ для чего) и въ водевиляхъ. Объ игрѣ его было уже не разъ говорено печатно, какъ нами, такъ и другими, только, къ несчастію, не въ его пользу.

Г. Бобровъ. Настоящее его амплуа въ водевилѣ, гдѣ онъ бываетъ очень не дуренъ. Но особеннаго мы въ немъ ничего не замѣтили.

Г. Максимовъ 2-й. Надобно сказать, что г-нъ Максимовъ 2 до сихъ поръ еще не избралъ, или, лучше сказать — не понялъ своего настоящаго назначенія. Онъ играетъ и въ драмахъ, и въ комедіяхъ; и стариковъ, и молодыхъ. Однимъ словомъ, все, что вамъ угодно! Мы совѣтовали-бы ему остаться при его настоящихъ роляхъ, т. е. играть стариковъ въ комедіяхъ и водевиляхъ. Еще одно замѣчаніе: прибѣгать къ фарсамъ, иногда весьма неумѣстнымъ, не только не дѣлаетъ чести, но даже неучтиво и не-

прилично. Фарсъ фарсу рознь. Простота и естественность, повѣрьте, сильнѣе всѣхъ вашихъ замысловатыхъ форсированій.

Г. Прохоровъ. Сыгравши двѣ, три хорошія роли, въ томъ числѣ и Фамусова (Горе отъ ума) гдѣ онъ былъ весьма хорошъ, сошелъ на третьестепенное амплуа въ водевилѣ. Почему это такъ?—Мы не знаемъ! Но въ обширномъ талантѣ его не сомнѣваемся....

Г. Домбровскій. Хорошъ въ Малороссійскихъ пьесахъ;за то несносенъ въ русскихъ.

«У всякаго свой талантъ!»

Лучшія его роли: Финтинъ (Москаль Чарівникъ) и Дьячекъ (Вечеръ на хуторѣ близъ Диканьки). Но этимъ еще не ограничивается талантъ его. Онъ еще и сочинитель!... Да!... Онъ написалъ съ разными варіаціями малороссійскій водевиль, отъ котораго, впрочемъ, вы, даже во время самой сильной безсонницы, непремѣнно захрапите самымъ богатырскимъ сномъ. Значитъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ этотъ водевиль не безполезенъ!!..

О гг. *Барсовѣ*, *Жолкѣевскомъ*, *Ладинѣ*, *Поляковѣ* и другихъ многихъ, лучше умолчимъ. Теперь перейдемъ къ актрисамъ:

Г. Ѳедорова. Первая трагическая актриса. Всѣ роли исполняетъ ровно и хорошо. Въ ней много чувства и энергіи. Въ нѣкоторыхъ роляхъ она трогаетъ до глубины души. Въ послѣднее время начала чаще являться въ комедіяхъ и водевиляхъ, гдѣ также играетъ не безъ успѣха. Однимъ словомъ, Ѳедорова актриса, какихъ пошли намъ Аполлонъ поболѣе!!..

Г-жа Млатковская. Первая любимица нашей публики. Актриса дѣйствительно съ обширнымъ талантомъ и отличнымъ знаніемъ сцены.

Г. Иванова 1-я въ роляхъ молодыхъ дамъ и наивныхъ дѣвушекъ — восхитительна! Голосъ ея не дуренъ. Нашъ театръ сдѣлалъ въ Ивановой лестное для него пріобрѣтеніе.

Г-жа Кравченкова. Играетъ и въ драмахъ и въ водевиляхъ. Актриса слишкомъ не лишняя для нашей сцены, особенно въ драмахъ, гдѣ проявляется въ ней много чувства и души; но слабость груди замѣтно препятствуетъ дальнѣйшему развитію ея таланта. Нѣкоторыя мужскія роли принадлежатъ къ лучшимъ ея ролямъ. *Г-жа Ладина.* Занимаетъ амплуа тетушекъ и матушекъ, въ которыхъ заслуживаетъ имя артистки. Лучшаго мы никогда ничего не встрѣчали въ этомъ родѣ.

Г-жа Толченова. Настоящее амплуа ея опредѣлить трудно. Въ какихъ она не являлась передъ нами роляхъ, вездѣ не выходила изъ круга посредственности. Куплеты поетъ подъ ладъ русскихъ заунывныхъ пѣсень. Необыкновенно пріятно!...

Г-жа Соленикъ. По голосу Г-жа Соленикъ составляетъ совершенный контрастъ г-жи Толченовой. Первая баситъ, а послѣдняя представляетъ самый дребезжащій дискантъ. По игрѣ Г-жа Соленикъ далеко лучше Г-жи Толченовой.

Г-жа Боброва. Актриса такъ себѣ: ни то, ни се. Но поетъ превосходно.

Г. Брейшъ. Обладаетъ не дурнымъ голосомъ.

Г-жи Кейсперъ, Иванова 2-я и др. дополняютъ составъ труппы въ роляхъ горничныхъ и статистокъ.

—

Я уже сказалъ, что для полнаго ансамбля въ водевилѣ у насъ недостаетъ перваго любовника. За то во время пребыванія здѣсь Г. Максимова 1-го, это амплуа получило своего представителя. *Г. Максимовъ* 1-й дебютировалъ на нашей сценѣ въ двухъ роляхъ. Въ Робенѣ (Записки Демона) и Иванова (Заемныя Жены). Самый выборъ пьесъ ручался намъ за достоинство дебютанта. Такую пьесу, какъ «Записки Демона» не всякій jeune premier рѣшится взять для дебюта. Уже одна эта увѣренность въ самомъ себѣ, ручалась намъ, говорю я, за талантъ г. Максимова. Въ полной увѣренности, что спектакль будетъ занимательный, мы отправились въ театръ. И не обманулись. Не смотря на малочисленность публики, первое появленіе дебютанта на сцену было встрѣчено залпомъ рукоплесканій. Первое дѣйствіе, не смотря на свою сухость, было ведено прекрасно, какъ со стороны самаго дебютанта, такъ и прочими дѣйствующими лицами. Публика проводила г. Максимова аплодисманами и единодушно вызвала послѣ окончанія перваго дѣйствія. Не слушая давно намъ наскучившей польки, съ нетерпѣніемъ ждали мы втораго дѣйствія. Наконецъ, таинственный занавѣсъ взвился. Здѣсь дебютантъ, такъ сказать, вполнѣ вошелъ въ свою роль. Сцены его съ маркизомъ де-Лорміасъ и Гр. Серни были прекрасны; особенно послѣдняя, которую мы, положа руку на сердце, смѣло можемъ назвать артистическою. Надобно замѣтить, что для полнаго исполненія втораго дѣйствія, мало одного водевильнаго таланта; здѣсь часто, и очень часто требуется искусство и талантъ трагика. Третье дѣйствіе ведено было ни лучше, ни хуже втораго. Здѣсь должны мы замѣтить, что Г. Львовъ (Готье) своимъ единственнымъ монологомъ исторгнулъ громкое единодушное рукоплесканіе. Вообще, вся пьеса на этотъ разъ была поставлена очень удачно. Всѣ актеры были на своихъ мѣстахъ и старались своею игрою способствовать дебютанту.

За этою пьесою далъ былъ водевиль: «Заемныя Жены», въ которомъ Г. Максимовъ былъ милъ и увлекателенъ.

Въ слѣдующій разъ, для втораго дебюта Г. Максимова, даны были два водевиля: «Мужъ какихъ Мало» и «Харьковскій Женихъ, или домъ на двѣ улицы». Мы не станемъ распространяться объ этомъ второмъ дебютѣ. Довольно, если мы скажемъ, роль *Камельскаго*, въ вод. «Мужъ какихъ мало». — и *Чечеткина*, въ вод. «Харьковскій Женихъ» — были исполнены имъ отъ начала до конца такъ, какъ мы и ожидали: очень хорошо.

Послѣ этихъ дебютовъ г. Максимовъ не переставалъ являться передъ нашею публикою, играя почти въ каждомъ спектаклѣ по нѣсколько ролей. Что ни говорите, а сыграть двѣ, три главныя роли въ одинъ вечеръ—не легко. Въ продолженіе своего пребыванія г. Максимовъ сыгралъ слѣдующія роли: *Незабудкина* (въ вод. Новички въ любви), *Буцкаго* (Покойникъ мужъ) *Губкина* (въ вод. Студентъ, Артистъ, Хористъ и Аферистъ) *Симона* (въ др. Симонъ-спротника) и мн. др. Мы здѣсь исчислили только главныя его роли, въ которыхъ онъ наиболѣе нравился публикѣ. Между тѣмъ время шло, и мы незамѣтно дождались бенефиса Г. Максимова, который былъ составленъ очень мило. Спектакль начался пьесою, данною на нашей сценѣ въ первый разъ: «Воспитанникъ любви, или какъ онъ перемѣнился». Главную роль Жана Дюрана исполнялъ самъ бенефиціантъ, и исполнилъ ее весьма удачно. Первое дѣйствіе было разыграно, какъ нельзя лучше. Сцена, когда Жанъ-Дюранъ идетъ въ биллiардную комнату, была выполнена Максимовымъ артистически. Мы видѣли въ немъ типъ молодаго игрока, который для игры готовъ позабыть все на свѣтѣ. Во второмъ дѣйствіи Г. Максимовъ ни на шагъ не отступилъ отъ принятой имъ роли. Ссора Жана съ Вальбрюкомъ была ведена очень эффектно, какъ Г. Максимовымъ, такъ и Г. Толченовымъ, игравшимъ Вальбрюка. Въ третьемъ дѣйствіи мы еще больше убѣдились, что Г. Максимовъ понялъ свою роль вполнѣ. Переходъ Жана изъ трактирнаго героя въ человѣка, который почувствовалъ необходимость образованія, былъ переданъ Г. Максимовымъ рѣзко и вѣрно. Здѣсь должны мы замѣтить, что Г. Максимовъ 2 й, игравшій Риголяра, былъ очень хорошъ, что доказываетъ и подтверждаетъ наше мнѣніе, что Г. Максимову именно на подобныхъ роляхъ должно сосредоточиться. Но публика, увлекшись игрою Максимова 1, забыла вызвать Максимова 2, чего онъ дѣйствительно былъ достоинъ. Четвертое дѣйствіе было исполнено также, какъ и первыя. Публика послѣ каждаго дѣйствія вызывала Г. Максимова.—Г-жа Иванова за прекрасное пе-

полненіе роли Аделаиды, также удостоилась вызова. Прочія дѣйствующія лица передали свои роли довольно хорошо.

Второю пьесою былъ водевиль Булгакова: «Артистъ, или онъ всѣхъ перехитрилъ.» Бенефиціантъ, въ ролѣ Эдуарда, явился истиннымъ артистомъ. Здѣсь талантъ Г. Максимова 1 обрисовался настоящими красками. Сцены, когда онъ является переодѣтымъ въ Бемолини, Вербуа и наконецъ Руселемъ, были превосходны. Онъ до того перемѣнялъ голосъ и манеры, что кто не зналъ содержанія пьесы, тотъ не вѣрилъ, что это Г. Максимовъ. Однимъ словомъ, лучшаго исполненія этой роли мы и не желаемъ!

Да и не одни мы! Вся публика за эту роль единодушно удостоила его вызовомъ. А угодить всѣмъ — не легко! Скажемъ и о прочихъ: — г-нъ Соленикъ отлично выполнилъ роль Раймонда. Г-жи Млатковская была не дурна въ ролѣ Эмиліи; а г въ Бобровъ насмѣшилъ въ ролѣ Русселя.

Въ заключеніе спектакля данъ былъ водевиль П. И. Григорьева: «Заемный мужъ», разыгранный весьма не дурно. Нѣтъ сомнѣнія, что г-нъ Максимовъ 1 и здѣсь былъ хорошъ. Но, да неоскорбится нашимъ замѣчаніемъ уважаемый нами артистъ, если мы скажемъ, что подобныя роли, какъ Милѐнко, не идутъ ни къ его наружности, ни къ его манерамъ. По нашему — предоставить эти роли кому нибудь другому.... Г-жа Млатковская была очень мила. Г-нъ Толченовъ умѣлъ придать цвѣтъ безцвѣтной ролѣ Зорева. Прочіе способствовали успѣху водевиля.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о г-нѣ Максимовѣ.

Настоящее его амплуа — *jeune premier*; даже, если мы не ошибаемся — *jeune premier comique*. Онъ обладаетъ всѣми необходимыми условіями для исполненія этого виднаго и труднаго амплуа. Одаренный живостью и голосомъ, весьма достаточнымъ для пѣнія водевильныхъ куплетовъ—онъ въ состояніи исполнять съ успѣхомъ всякую роль. Надобно сказать, что амплуа jeune premier, есть одно изъ самыхъ труднѣйшихъ, самыхъ видныхъ. Здѣсь вы ничего не скроете отъ любопытнаго взора зрителя; здѣсь каждый вашъ шагъ замѣченъ и взвѣшенъ. По этому многимъ нужно обладать актеру, чтобы имѣть успѣхъ въ этихъ роляхъ. Весьма немногіе театры могутъ похвалиться своими jeune premier. Даже на столичныхъ театрахъ недостатокъ ихъ ощутителенъ. Также будетъ неумѣстно, если мы скажемъ и о костюмировкѣ г-на Максимова 1-го. Костюмировка его всегда чиста, опрятна, а главное согласна съ духомъ роли.

Этимъ слѣдовало бы намъ заключить статью. Но желаніе оправдать самихъ себя и защитить г-на Максимова 1 отъ замѣчаній,

сдѣланныхъ ему г мъ Рымовымъ въ Харьковскихъ Вѣдомостяхъ, заставляетъ насъ сказать еще нѣсколько словъ. Г-нъ Рымовъ, излагаетъ свои сужденія объ игрѣ всѣхъ актеровъ, въ томъ числѣ и о г-нѣ Максимовѣ 1. Вотъ что говоритъ г-нъ Рымовъ: «Его молодость, красивая наружность, ловкость — все обѣщаетъ въ немъ въ будущемъ очень замѣчательнаго артиста. Теперь, стоя гораздо выше посредственности, онъ иногда бываетъ однообразенъ и изысканъ.» Странное и невѣрное мнѣніе!... Неужели молодость и ловкость, есть вѣрная порука за дальнѣйшіе успѣхи? Какъ не будьте вы молоды, какъ не будьте красивы и ловки, если въ васъ нѣтъ таланта, вы и черезъ двадцать лѣтъ будете тѣмъ же, что вы теперь; съ тою только разницею, что вы будете двадцатью годами старѣе и лишитесь вашей красоты, которая, какъ извѣстно, исчезаетъ съ годами. Одинъ только талантъ совершенствуется временемъ и трудомъ.

Если г-нъ Рымовъ хотѣлъ выказать себя за знатока сценическаго искусства, за судью строгаго и безпристрастнаго, то назвавъ г-на Максимова выше посредственности, о прочихъ онъ долженъ-бы былъ сказать, что они тоже никуда не годятся. Только въ такомъ случаѣ онъ былъ бы нѣсколько справедливъ. Но расхваливъ истинную посредственность, какъ г-на Кучерова, который не въ состояніи вступить на сцену, не зацѣпившись за что-нибудь, авторъ долженъ-бы говорить иначе о г-нѣ Максимовѣ. Таланты, равные г ну Максимову, на провинціальныхъ театрахъ довольно рѣдки.... Далѣе, авторъ статьи, говоритъ: «Въ первыхъ двухъ дѣйствіяхъ *Воспитанника* (если выписывать заглавіе пьесы, то надобно выписывать все, а не половину) г-нъ Максимовъ былъ вполнѣ хорошъ. Здѣсь, авторъ, вѣроятно, не желая противорѣчить общему мнѣнію, долженъ былъ противорѣчить самому себѣ. Выписываемъ далѣе: «Потомъ онъ перемѣнился, какъ и слѣдовало; только можно бы было перемѣниться въ лучшую для него, какъ актера, сторону: въ роляхъ нѣжныхъ, прилично-приглаженныхъ, сентиментальныхъ любовниковъ, онъ бываетъ не такъ хорошъ, какъ въ роляхъ разгульныхъ молодыхъ людей.» Мнѣніе автора, что г-нь Максимовъ хуже въ роляхъ нѣжныхъ, прилично приглаженныхъ (что за приглаженное выраженье!..) чѣмъ въ роляхъ разгульныхъ молодыхъ людей, отзывается, хотя и правдою, но слишкомъ строгою для *гостя*.

Вотъ что говоритъ г. Рымовъ о второй пьесѣ: «*Артистъ* — это сто тысячь вторая копія Лягушекъ Аристофана. Здѣсь всѣ были хороши, и особенно Соленикъ (Раймондъ) и Максимовъ (Эдуардъ). Въ послѣднемъ есть искусство измѣнять себя, подражать, копировать, если только онъ пользуется имъ умѣренно».

Темнота, страшная темнота!... Если г. Рымовъ сравненіемъ *Артиста* (водевиля) съ «Лягушками» Аристофана, хотѣлъ сдѣлать упрекъ бенефиціанту, что онъ взялъ эту пьесу — такъ онъ ошибается: *Артистъ* принадлежитъ къ лучшимъ пьесамъ Русскаго Репертуара и г. Максимовъ весьма умно поступилъ, взявъ хотя и не новую пьесу, вмѣсто какой нибудь новой французской гили, какъ дѣлаютъ другіе гг. бенефіціанты. Что касается до сужденій автора объ исполненіи ролей, то мы опять должны повторить, что они строги и пристрастны.

Да! и забылъ было!... въ сужденіяхъ автора о дарованіи г. Соленика есть много справедливаго, но въ то же время видно много и пристрастія. Авторъ приписываетъ ему много такого, чего у г. Соленика никогда не бывало; и ставитъ ему въ достоинство недостатки. Г. Соленикъ дѣйствительно актеръ замѣчательный! Но бѣганье по сценѣ, повтореніе одного слова по нѣсколько разъ, маханіе руками, что авторъ статьи относитъ, вѣроятно, къ живости и одушевленію, — происходитъ иногда отъ незнанія роли и дурныхъ привычекъ, и чрезвычайно портитъ игру г. Соленика. Авторъ статьи, желая отдать похвалу г. Соленику, говоритъ: «онъ изъ всѣхъ силъ бьется, чтобы не уронить себя», что это значитъ? Если г. Соленикъ талантъ, то ему не для чего биться изъ всѣхъ силъ; талантъ играетъ свободно, легко, безъ усилія.... Такимъ образомъ, неловкая похвала, хуже доброй брани. Но что насъ особенно позабавило — это сравненіе *дивныхъ мраморныхъ изваяній, завѣщанныхъ намъ древнею Греціею* (собственныя слова автора) съ наружностью г-жи Ивановой 1. Остро, нечего сказать!!.. Далѣе авторъ говоритъ; «Ея голосъ, хотя и *неровный*, но звучный, металлическій....» Какъ это понимать?... Если авторъ подъ металлическимъ голосомъ разумѣетъ звонъ разбитаго червонца, въ такомъ случаѣ эпитетъ его *металлическій* тождественъ *неровному*. Но, довольно!... всего не перескажешь!...

Н. И. М.

ПАНОРАМА

ИНОСТРАННЫХЪ ТЕАТРОВЪ.

ФРАНЦІЯ.

Парижъ. Грустно, тяжело становится на душѣ, когда беремъ въ руки перо для нашего ежемѣсячнаго обозрѣнія здѣшнихъ театровъ. Вотъ передъ нами пятнадцать новыхъ произведеній, лучшихъ изъ всѣхъ явленій мѣсяца; и много ли въ числѣ ихъ истинныхъ произведеній искусства? много ли даже просто пьесъ, показывающихъ, что авторы понимаютъ цѣль и значеніе театра у образованнаго народа? Изъ пятнадцати пьесъ, наберете только двѣ, болѣе или менѣе удовлетворяющія требованіямъ искусства; да и изъ тѣхъ одна писана уже много лѣтъ назадъ, хотя теперь въ первый разъ является на театрѣ, а другая—переводная. Отъ остальныхъ много если можно требовать минутнаго развлеченія; и притомъ, спасибо имъ, если онѣ для развлеченія вашего прибѣгаютъ къ одному смѣху, а не томятъ вамъ души несбыточными страстями, плаксивою чувствительностью и трескучими эффектами!

Первое мѣсто между тѣми двумя произведеніями, которыя возвышаются надъ общею массою, безспорно занимаетъ драма Альфреда де Мюссе: *Андре дель-Сарто*. Каждый, кто знакомъ съ оригинальнымъ характеромъ драматическихъ произведеній этого писателя, знаетъ, катъ трудно разсказывать ихъ содержаніе, очеркъ ихъ чрезвычайно простъ, и вся прелесть заключается въ подробностяхъ; но эти подробности такъ оригинально переплетены между собою, они составляютъ такую нѣжную и тонкую ткань, что не знаешь, какъ за нее ухватиться, чтобъ не разрушить ея свѣжести и красоты. Однакоже попытаемся. Андре дель-Сарто,

послѣдній остатокъ славнаго вѣка Буонаротти и Рафаэля; тяжела доля художника; пережившаго свой вѣкъ и свою славу, видящаго вокругъ себя однѣ развалины, паденіе искусства, которому онъ посвятилъ всю свою жизнь, и принужденнаго сознаться, что ему не достаетъ силъ отклонить это паденіе! Одно утѣшеніе Андре дель-Сарто любовь жены и дружба Кордіани; для Лукреціи готовъ онъ отдать жизнь, для нея одной желалъ бы онъ обладать всѣми сокровищами міра, для нея забылъ свою многолѣтнюю честность, и растратилъ деньги, данныя ему Французскимъ королемъ для покупки картинъ; а въ Кардіани видитъ онъ будущаго генія, которому суждено воскресить истинную живопись и вѣкъ Рафаэля. Но онъ ошибся, бѣдный Андре! Не любовь къ искусству влечетъ Кардіани въ опустѣлую мастерскую живописца-ветерана, а любовь къ прекрасной Лукреціи. Ревность и жажда мести запылали въ сердцѣ добраго Андре, когда старикъ Греміо проболтался и сказалъ ему, что видѣлъ, какъ кто-то вечеромъ выскочилъ изъ окна Лукреціи. Андре поставилъ его карауллить дерзновеннаго, а самъ пошелъ въ комнату жены, и вдругъ вбѣгаетъ Кордіани, окровавленный; онъ убилъ Греміо. Несчастный мужъ не можетъ поднять руки на друга, онъ даже скрываетъ его отъ поисковъ, когда приходятъ за убійцею Греміо; онъ требуетъ только, чтобъ Кордіани немедленно выѣхалъ изъ города. Кордіани обѣщаетъ; но когда все готово, онъ не въ силахъ ѣхать, не простившись съ Лукреціею. Въ это время дель-Сарто сидитъ за ужиномъ съ женою и учениками; въ спальнѣ слышится шумъ, бѣгутъ туда... и находятъ Кордіани! Старикъ могъ простить измѣну дружбѣ, нарушеніе его семейнаго счастья, но не можетъ простить огласки, послѣ которой онъ сдѣлается посмѣшищемъ всего города. Онъ отсылаетъ жену къ ея матери, дерется съ Кордіани, и ранитъ его. Ты отмщенъ, старикъ, но дорого тебѣ стоитъ месть! другъ твой можетъ быть умираетъ отъ твоей руки, домъ опустѣлъ, ты обезславленъ; самъ выгналъ любимую жену; и завтра потребуютъ отъ тебя отчета въ растраченныхъ деньгахъ. Но дружба и любовь не умерли въ сердцѣ старика; онъ посылаетъ своихъ учениковъ и друзей узнать о положеніи Кордіани, спаси его, во чтобы ни стало, и пишетъ Лукреціи, чтобы она возвратилась къ нему. Посланный возвращается съ отвѣтомъ, что Кордіани и Лукреція уѣхали вмѣстѣ въ Піемонтъ. Тутъ Андре дель-Сарто понимаетъ, что ему нечего болѣе дѣлать на землѣ, онъ отравляется и передъ смертью посылаетъ гонца за бѣглецами, сказать имъ: — За чѣмъ бѣжите вы? вдова Андре дель-Сарто можетъ быть супругою Кордіани!

Другая пьеса, выходящая, по нашему мнѣнію, изъ разряда

повседневныхъ явленій, — комедія Бульвера: *Деньги*. Драматическія произведенія Бульвера, разумѣется, никакъ не могутъ сравниться съ его романами, и немногіе его опыты неоспоримо доказали, что драма не его назначеніе; однакоже въ наше время, когда драматургія обратилась въ чистое ремесло, каждое драматическое произведеніе, вылившееся не изъ подъ пера театральнаго поставщика, внушаетъ невольное участіе и смягчаетъ строгость критика. Комедія Бульвера не отличается новостью и оригинальностію вымысла. Онъ выводитъ человѣка, который, скопивъ несмѣтное богатство, и начитавшись, вѣроятно, Тимона Аѳинскаго, рѣшается испытать на себѣ прочность людской дружбы и преданности; онъ распускаетъ слухъ, что онъ совершенно разорился, и вотъ вчерашніе друзья избѣгаютъ, стыдятся его, отрекаются отъ своей дружбы, какъ отъ преступленія. Всѣ оставляютъ его, кромѣ одного существа; это существо — дѣвушка, которую онъ любилъ, и которая отвергла его руку въ дни его счастія и богатства; теперь же, узнавъ, что онъ нищій, она сознается, что всегда любила его, и что отказала ему только по неравенству ихъ состояній и отдаетъ ему руку и сердце. Въ эту хрупкую основу, которая очень удачно приноровлена къ требованіямъ сцены, авторъ вплелъ множество сатирическихъ выходокъ на ненадежность людскихъ чувствъ, и могущество *денегъ*, нѣкоторыя изъ этихъ выходокъ исполнены желчи, достойной самого Тимона. Переводъ комедіи принадлежитъ господину Гервилю; онъ вполнѣ удовлетворителенъ, и пьеса, вообще, имѣла довольно большой успѣхъ. Кстати, надо сказать спасибо Историческому Театру, что онъ на этотъ разъ отказался отъ нелѣпой системы, которую онъ съ самаго начала своего существованія принялъ для ознакомленія французской публики съ произведеніями иностранныхъ литературъ. Шиллерово *Коварство и Любовь* онъ представилъ въ видѣ *этюда*, *Гамлета* въ *вольномъ переводѣ* или *подражаніи*; на этотъ разъ онъ довольствовался *простымъ переводомъ*. Первый шагъ къ разумности!

Жаль, что этотъ театръ не отказывается отъ другаго, общаго ему со многими театрами обычая, кормить зрителей драматизированными романами, съ прискорбіемъ должно сознаться, что не скоро мы дождемся конца этого обычая; потому что если произведенія, подобныя *Монте Кристо*, *Королевѣ Марго*, *Семи смертнымъ грѣхамъ*, *Страшной мызѣ* и проч. и проч. противныхъ эстетическому вкусу и разуму, то за нихъ сильно ратуютъ сборы, и не мудрено: кто читалъ романъ, тому любопытно посмотрѣть, какъ скроили его для театра и какой эффектъ онъ производитъ на сценѣ; а кто его не читалъ, какъ тому не идти, что-

бы узнать въ три, четыре часа содержаніе десяти или пятнадцати томовъ. Читать ихъ и некогда, и скучно, и жаль на нихъ убивать время, а сознаться, что не читалъ — прослывешь за дикаря или невѣжду; такимъ образомъ изъ двухъ золъ выбираешь меньшее для себя, и большее для искусства, и дѣлаешься безвиннымъ соучастникомъ въ униженіи искусства. Правда, что Шекспиръ, Мольеръ и почти всѣ великіе драматурги также заимствовали нерѣдко содержаніе своихъ драмъ изъ повѣстей и сказокъ; но они только заимствовали вымыселъ, влили въ него новую душу, новую жизнь, и потомъ перестраивали и развивали его совершенно самостоятельно, изъ новой жизни которую сами вдохнули въ него. Такимъ образомъ, они создали совершенно новыя, стройныя, разумныя и полныя жизни, словомъ, художественныя произведенія, а не сказки, на которыхъ драматическая форма сидитъ, какъ святочный нарядъ. Всего прискорбнѣе, что авторы романовъ, гоняясь за минутнымъ успѣхомъ и за деньгами, сами увѣчатъ свои произведенія на этомъ зыбкомъ морѣ театра. Къ числу ихъ принадлежитъ между прочими Поль-Феваль. Всѣ помнятъ, вѣроятно, какъ съ легкой руки Евгенія Сю и его *Парижскихъ тайнъ* наводнило насъ цѣлымъ потопомъ *тайнъ* всѣхъ городовъ и всѣхъ сословій; всѣ помнятъ также, что изъ всѣхъ этихъ тайнъ, однѣ обратили на себя общее вниманіе, и съ самаго своего появленія завоевали себѣ почетное мѣсто, это были *Лондонскія тайны* Поля Феваля. Нельзя не согласиться, что въ романѣ Поля Феваля много поэзіи и художественности, что планъ его строенъ, языкъ ровенъ и простъ, и что онъ не вдается въ тѣ безсвязныя и натянутыя разсужденія и въ тотъ учительскій тонъ, которые утомляютъ читателя во всѣхъ произведеніяхъ Сю, и даютъ имъ видъ школьныхъ упражненій, называемыхъ во французскихъ школахъ amplifications, и состоящихъ въ придумываніи разсказа или разсужденія къ нѣсколькимъ, даннымъ на удачу, словамъ. Впрочемъ, не въ томъ дѣло. Романъ Поля Феваля разошелся во всей Европѣ въ нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ экземпляровъ, и проложилъ дорогу цѣлому полку новыхъ романистовъ, которыхъ теперь уже не оберешься. Казалось бы, чего еще болѣе автору! Романъ доставилъ ему и почетъ, и деньги, отслужилъ свою службу, какъ нельзя лучше. Но авторъ еще не доволенъ; онъ не оставитъ своего дѣтища, пока не выжметъ изъ него до послѣдней капли пользы; романъ покупать перестали, такъ давай его перекроивать въ драму; во первыхъ, онъ возметъ тутъ съ него второй оброкъ въ видѣ авторской тантьемы, а во-вторыхъ, драма напомнитъ забывчивой публикѣ о романѣ. Вотъ и является на Историческомъ Театрѣ трескучая драма въ пяти дѣй-

ствіяхъ и одинадцати картинахъ, подъ названіемъ: *Лондонскія тайны*. Много говорить о ней мы не станемъ, потому что романъ извѣстенъ, и способы переложенія романовъ на сцену также; скажемъ только, что она имѣетъ такой-же успѣхъ, какъ всѣ диковинки и уродцы такого роду.

На томъ же театрѣ дается *Женевская гостинница*, драма въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, Поля Фуше, заимствованная, сколько намъ помнится, изъ эпизода изъ *Королевы Марго*. Поль Фуше, хотя уже много лѣтъ подвизается на французской сценѣ, однако же никогда не пользовался громкою славою; а между тѣмъ надо отдать ему справедливость, что онъ принадлежитъ къ тому небольшому числу драматурговъ, которые, если и пристали къ Сулье и его школѣ, то не безусловно; характеры, анализъ человѣческаго сердца почти всегда занимаютъ первое мѣсто въ его драмахъ, и изъ характеровъ извлекаетъ онъ свои эффекты, а не изъ ловкосведеныхъ случайностей. Потому, если не одаренъ онъ большимъ талантомъ, все-таки нельзя не уважать его за посильное ратованіе въ пользу истиннаго искусства. Настоящая пьеса, не смотря на свое мелодраматическое названіе, слишкомъ сбивающее на названія Сулье и его послѣдователей, вся вертится на борьбѣ двухъ чувствъ: религіознаго фанатизма и отеческой любви. Характеръ Этьена-Моруа, отчаяннаго католика, который на каждаго кальвиниста смотритъ, какъ на отступника отъ Бога и отъ дворянской чести, очерченъ смѣло и сильною кистью; есть прекрасныя сцены, напримѣръ, сцена, въ которой бѣдный старикъ, оставленный дѣтьми, перешедшими въ кальвинистское вѣроисповѣданіе, не считаетъ себя болѣе въ правѣ защищать свою дворянскую честь оружіемъ; «его обезславленной сединѣ остается одно орудіе противъ враговъ, похитившихъ у него дѣтей и честь, — проклятіе.» Конецъ драмы слабъ; примиреніе фанатика съ вѣрою противниковъ и съ дѣтьми приведено не совсѣмъ ловко, и не вяжется съ характеромъ Этьена-Моруа, но и этотъ недостатокъ выкупается опять прекрасною сценою радости отца, что онъ можетъ опять обнять своихъ дѣтей. Пьеса имѣла довольно большой успѣхъ.

Пророкъ Даніилъ, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ Шарла Лафона, представленная на театрѣ Республики, самая неудачная попытка создать библейскую трагедію, о которой авторъ, кажется, не имѣетъ никакого понятія. Онъ хотѣлъ представить всѣ дѣянія, всю жизнь Даніила, но какъ такой обширный предметъ не ложился въ тѣсныя рамки его классической трагедіи, то онъ придумалъ какую-то пошлую придворную интригу, которую Даніилъ распутываетъ, уличая виновниковъ и оправдывая оклеветанную супругу Вавилонскаго царя. Къ этой интригѣ приплетены, по

преданіямъ старинной классической школѣ, въ предлинныхъ разсказахъ, — всѣ дѣянія пророка. Трагедія, какъ водится, написана александрійскими стихами; публика, какъ слѣдовало ожидать, зѣвала.

Театръ Водевиля очень скуденъ новостями; въ цѣлый мѣсяцъ одна только пьеса: *Червонный король*, водевиль въ одномъ дѣйствіи Адріена Декурселя.

Театръ Драматической Гимназіи не измѣняетъ чувствительному, подслащенному характеру своего репертуара; онъ обогатился пьесою, написанной совершенно въ одномъ духѣ съ прежними: *Вмѣстѣ воспитаны* (Elvés ensemble), комедія водевиль въ одномъ дѣйствіи, Фурнье и Шарля Потье. Вотъ ея содержаніе. Одинъ премилый кузенъ и одна премилая кузина должны сочетаться законнымъ бракомъ по желанію стараго дяди, воспитавшаго ихъ. Но бывъ воспитаны подъ однимъ кровомъ, они любятъ другъ-друга, какъ братъ и сестра; а чувствительные романы и комедіи научили ихъ, что есть другая любовь, болѣе пылкая и безпокойная, и что только эта любовь можетъ и должна скрѣпить союзъ супруговъ, по этому они очень неохотно покоряются желанію дяди. Къ счастью тутъ подвернулась одна молодая дѣвушка, которая, какъ дока въ любовныхъ дѣлахъ, тотчасъ смекнула въ чемъ дѣло. Кокетствомъ и хитростями она возбуждаетъ ревность кузины и влюбляетъ въ нея кузена, и благополучно приводитъ дѣло къ желанному результату,— свадьбѣ. Пьеса ужасно незатѣйлива и скучна.

На театрѣ Разнообразія, господа Барьеръ и Декурсель подняли на ноги древній конекъ водевилистовъ, негодяя, который дѣлается примѣрнымъ молодымъ человѣкомъ, чтобы умилостивить сердце возлюбленной. Марильякъ повсюду преслѣдуетъ свою прекрасную Елену; не зная, какъ отвязаться отъ него, она возлагаетъ на него двѣнадцать испытаній, по успѣшномъ окончаніи которыхъ ея сердце и рука будутъ принадлежать ему; (прекрасный полъ до-нынѣ любитъ примѣнять читаемые имъ романы къ практикѣ, а въ то время романы дѣвицы Скюдери были въ большомъ ходу). Эти испытанія слѣдующія: въ продолженіе двадцати-четырехъ часовъ онъ долженъ не употребить ни одного неприличнаго слова, не пить вина, не драться, не играть, не приволакиваться къ хорошенькой горничной, разойтись съ танцовщицею, которая любитъ его, снискать дружбу старой герцогини, которая его ненавидитъ, написать сонетъ въ честь возлюбленной и искренно покаяться въ старыхъ грѣхахъ. Вопреки ожиданіямъ, все благополучно, и брачный контрактъ подписанъ. Эти двѣнадцать испытаній авторы назвали: *Двѣнадцатью геркулесовскими трудами*;

какъ же они назовутъ *трудъ* зрителей, которые должны были выслушать два дѣйствія этой пьесы.

Много кричали напередъ о комедіи: *Денежные расчеты*, въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, г. д'Эпаньи, представленной на театрѣ Одеона, къ сожалѣнію, она вовсе не оправдала ожиданій. Сюжетъ ея довольно избитъ, и ведена она не совсѣмъ ловко. Адріенъ, молодой человѣкъ, слишкомъ равно вышедшій изъ подъ опеки, живетъ въ Парижѣ съ сестрою, прокутилъ уже три четверти отцовскаго наслѣдства, и безъ зазрѣнія совѣсти уколачиваетъ остальное; но какъ у него есть еще въ запасѣ огромное наслѣдство старика дяди, то ему нѣтъ недостатка въ друзьяхъ, и самъ даже г. Дарсей, дрожащій надъ каждою копѣйкою, послѣ долгаго колебанія, рѣшается принять его, какъ искателя руки дѣвицы Дарсей. У Дарсея Адріенъ встрѣчается съ своимъ старымъ пріятелемъ Деніанжомъ, который также имѣетъ виды на наслѣдство его дяди, чрезъ бракъ съ сестрою Адріена. Между тѣмъ наступаетъ срокъ одному заемному письму, и Адріенъ, обѣгавъ всѣхъ своихъ друзей, и получивъ отъ всѣхъ вмѣсто денегъ одни голыя увѣренія, служитъ ему душой и тѣломъ, не видитъ другаго средства, какъ только продать въ четверть цѣны богатое помѣстье; два мелкіе промышленника, прикрывающіе своимъ именемъ нечистыя дѣла Дарсея, хотятъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобъ ощипать кутилу. Мошенничество вполнѣ удалось бы, если бы одинъ изъ сообщниковъ не отказалъ въ сотнѣ франковъ, которые онъ долженъ своему прикащику. Лорико, взбѣшенный этимъ отказомъ и оскорбительными выраженіями Ларивальцеля, поклялся вывести его на чистую воду. Съ помощію нѣсколькихъ сотенъ франковъ, онъ растроиваетъ переговоры и уличаетъ промышленниковъ. Адріенъ получаетъ руку Юліи, и на радости обѣщаетъ руку сестры Деніанжу, котораго все еще считаетъ вѣрнымъ и преданнымъ другомъ. Но госпожа Дарсей берется открыть глаза своему зятю и на его счетъ: Деніанжъ былъ нѣкогда ея счастливымъ обожателемъ; чтобы отомстить измѣнникy, она открываетъ Адріену, что онъ отказалъ Лорико въ небольшой суммѣ, которой онъ просилъ для спасенія его друга, и что онъ былъ принужденъ обратиться къ великодушію Юліи, которая отдала для того дорогое ожерелье. — Одна только сцена борьбы Между корыстолюбіемъ Дарсея и болѣзнію мотовства будущаго зятя, и характеры Лорико и госпожи Ганріо нѣсколько оживляютъ эту безсвязную и безцвѣтную пуганицу.

Г. д'Эпаньи хотѣлъ доказать двѣ истины неоспоримыя и давнымъ давно доказанныя и въ басняхъ, и въ комедіяхъ, и въ романахъ: во первыхъ, что друзей должно выбирать съ толкомъ,

съ осмотрительностью, не увлекаясь ихъ сладкими рѣчами, и испытывая ихъ на дѣлѣ; а во-вторыхъ: не рой другому яму, самъ въ нее попадешь, то есть, другими словами, кто строитъ козни ближнему, рано или поздно запутается въ собственныхъ сѣтяхъ. Господинъ Галонъ-д'Онкеръ, въ своей комедіи: *Какъ мстятъ жены*, представленной на томъ же театрѣ, кажется, убѣжденъ, что какъ ни хороша, умна, мила жена, чтобы удержать сердце мужа ей необходимо подкрѣпить всѣ свои достоинства малою толикою кокетства. Мистресъ Эллисъ, сочинительница знаменитой книги *Объ обязанностяхъ замужней женщины* не такъ судитъ объ этомъ дѣлѣ. Вотъ какъ г. Галомъ д'Онкеръ доказываетъ свое мнѣніе. Молодая графиня Шавиньи и хороша, и умна, и добра; словомъ, она женщина — совершенство, и, можетъ, была-бы супруга — совершенство, еслибъ г. Галонъ-д'Онкеръ написалъ свою комедію до ея замужества, а то, не зная этого рецепта привязывать непостоянныя сердца мужей, она въ одно прекрасное утро, черезъ три мѣсяца послѣ свадьбы, узнала, что графъ изволилъ дать тягу. Бѣдняжка такъ соскучился съ супругою, что вздумалъ проѣхаться черезъ Китай, Африку и Америку въ Баденъ-Баденъ; графъ, видно, не читалъ Одиссеи, и не зналъ, что значитъ рыскать по свѣту, оставивъ дома молоденькую и хорошенькую жену. Графиня пускается въ свѣтскую жизнь и кокетство; особенно благосклонна она къ одному барону, какъ къ наименѣе опасному изъ искателей ея сердца. Но барона самого преслѣдуетъ одна неотвязчивая леди; чтобы отдѣлаться отъ нея, онъ подсылаетъ къ ней своего новаго пріятеля и такимъ образомъ можетъ безпрепятственно заниматься своимъ дѣломъ. Но новый пріятель его никто иной, какъ самъ графъ Шавиньи; онъ узнаетъ жену, влюбляется въ нее безъ памяти, начинаетъ ревновать, кается въ своихъ грѣхахъ, и такъ искренно, что супруга отмщаетъ ему — прощеніемъ.

Лирическіе театры еще скуднѣе новостями, чѣмъ драматическіе. Только Комическая Опера дала новую пьесу, глупую до крайности. Она называется *Двѣ малютки*, и принадлежитъ перу Лёвена и Брунсвика. Одна вдова вышла за-мужъ, и черезъ двадцать-пять лѣтъ вспомнила, ни съ того ни съ другаго, о двухъ сыновьяхъ отъ перваго мужа, которыхъ она бросила въ Парижѣ. Въ этомъ внезапномъ порывѣ материнской любви, она посылаетъ мужа на почтовыхъ отыскать и привести ей милыхъ малютокъ, нѣжный супругъ отправляется, и чтобы принять малютокъ, какъ слѣдуетъ нѣжному отцу, закупаетъ деревянныхъ лошадокъ, салдатиковъ, барабановъ, дудокъ и тому подобныхъ подарковъ. Каково же его изумленіе, когда онъ ихъ отыскиваетъ и видитъ, что малютки не

дождались его подарковъ, выросли безъ спросу и одинъ изъ нихъ гвардеецъ, а другой соляной приставъ. Тутъ ужъ нужны другія игрушки; гвардеецъ хочетъ въ отставку; ему нужно хорошее содержаніе и щегольскіе наряды; а приставъ требуетъ жены и приданаго; жена у него есть на примѣтѣ, но приданое долженъ дать дорогой отчимъ, да сверхъ того одарить всю родню невѣсты и везти всю эту толпу на поклонъ отыскавшейся матушкѣ. О талантѣ композитора, г. Бордезе, по этому произведенію судить нельзя, потому что на такое нелѣпое либретто нельзя было и думать написать комическую оперу. Можно бы похулить его за выборъ либретто; но въ извиненіе его надо сказать, что композиторы, не пользующіеся еще большою славою, рѣдко сами выбираютъ либретто, а, по большей части, получаютъ его отъ директора театра. Г. Бордезе сдѣлалъ, что было возможно; сочинилъ хорошенькую увертюру.

Въ Большой Оперѣ ничего новаго, кромѣ дебюта г-жи Лагранжъ, въ Отелло. Дебютъ этотъ былъ ожидаемъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ, тѣмъ болѣе, что онъ нѣсколько разъ назначался и отмѣнялся *вслѣдствіе внезапной болѣзни Дюпре*. Наконецъ Дюпре улучилъ какъ то счастливый день, въ который горло его могло издать нѣсколько сомнительныхъ звуковъ, и дебютъ состоялся. При первой аріи знаменитаго тенора, между слушателями поднялся такой ропотъ, что Дюпре принужденъ былъ отрядить режиссера, объявить публикѣ, что онъ еще не совсѣмъ оправился отъ болѣзни, и что рѣшился пѣть затѣмъ только, чтобы не откладывать долѣе дебюта. Затѣмъ представленіе пошло надлежащимъ порядкомъ. Г жа Лагранжъ обладаетъ не очень сильнымъ, но звучнымъ и пріятнымъ голосомъ, выработаннымъ въ совершенствѣ; она не гоняется за эфектами, но поетъ отчетливо и выразительно. Не смотря на всѣ эти достоинства, успѣхъ ея въ роли Дездемоны не соотвѣтствовалъ ожиданіямъ, впрочемъ, первый дебютъ не можетъ еще рѣшать успѣха артистки.

Итальянской Оперѣ не повезло подъ управленіемъ новаго ея директора, г. Дюпена. Она открылась въ половинѣ октября и, продержавшись около пяти недѣль, должна была закрыться. Чему это приписать? Въ труппѣ ея есть много хорошихъ артистовъ: Ронкони, Арнольди, Марелли (съ успѣхомъ занимающій роли Колетти), Грассіани и Бордасъ; г-жи Персіани, Кастеланъ, Бозіо, Клари, Ронкони. Репертуаръ подновленъ. И не смотря на это, опера не могла держаться болѣе пяти недѣль! Всѣ обвиняютъ кругомъ безразсудное управленіе директора. Въ продолженіе этихъ пяти недѣль были даны слѣдующія оперы: *Навуходоносоръ* и *Фоскари* Верди; *Невѣста Лунатикъ* Беллини; *Лючія*, *Любовный*

напитокъ и *Марія ди Роганъ*, Доницетти, и *Андремо Парижскій* Россини; послѣдняя опера есть нелѣпая передѣлка *графа Ори*, съ присоединеніемъ нумеровъ изъ множества другихъ Россиніевыхъ оперъ; кажется примѣръ *Роберта Брюса* долженъ бы отучить отъ этой страсти передѣлывать старыя оперы, сливая нѣсколько произведеній въ одно, не смотря на разнородность ихъ характеровъ и на невозможность приладить давно готовые и разнохарактерныя нумера къ новому либретто. Но директоры вездѣ одинаковы, ихъ не увѣришь, что лучше и выгоднѣе заплатить деньги за новую партитуру, чѣмъ приманить публику новымъ названіемъ, разочаровать ее, и такимъ образомъ, самимъ содѣйствовать къ паденію пьесы. Передѣлку принялъ на себя капельмейстеръ итальянской оперы, г. Бацціни. Онъ, кажется, большой охотникъ до такихъ дѣлъ, потому что и *Марію ди Роганъ* онъ покушался передѣлать, вставивъ въ нее нѣсколько новыхъ нумеровъ, частью своего издѣлія, частью заимствованныхъ изъ другихъ оперъ Доницетти и Меркаданте.

Какъ-бы то ни было, но Итальянская Опера закрыта. Каждый день являются новые антрпренеры, изъявляютъ желаніе принять на себя ея управленіе; но всмотрѣвшись поближе въ бѣдственное состояніе, въ которое ввергло ее безразсудное управленіе г. Дюпена, отступаютъ передъ подвигомъ поднять ее на ноги. И въ самомъ дѣлѣ, въ послѣднее время пало столько директоровъ, что требуется много смѣлости, чтобы стать въ ихъ ряды. Поэтому довольно вѣроятно, что Парижъ эту зиму обойдется безъ Итальянской Оперы, и что она откроется не ранѣе, какъ къ будущей зимѣ.

СМѢСЬ.

ДОСТОВѢРНЫЕ РАЗСКАЗЫ
ОБЪ
АБАЗІИ.

(Воспоминанія офицера, бывшаго въ плѣну у Абхазовъ).

—

I.

Географія. Границы. Раздѣленіе. Нѣсколько словъ о сосѣдяхъ.—Климатъ нагорной и приморской Абазіи.—Дни.—Ночи.—Вѣтры.—Туманы; ихъ вліяніе на здоровье. *Мѣстность:* Ущелья.—Балки.—Пропасти.—Тропинки. *Растительность: Лѣса.—Цвѣты.—Травы.—Плоды.—Птицы.* Гребенчатый орелъ *(Мовал-бы).—Звѣри.*—Минералогія.—Признаки рудъ.

Абхазія или Абазія*, занимая пространства не болѣе какъ на 300 квадратныхъ верстъ, граничитъ къ сѣверу съ рѣкою Кубанью и землею Закубанскихъ черкесовъ, къ сѣверо-востоку съ Большою Кабардою, къ востоку съ Мингреліею, отъ которой отдѣляется рѣкою Энгури**, къ юго-западу съ Чернымъ Моремъ и къ западу, въ нагорной части, съ Карачаевцами.—Разсматривая Абазію, какъ отдѣльную часть земли, необходимо должно раздѣлить ее на приморскую и нагорную. Одна отъ другой разительно отличаются своею природою, жителями, ихъ характеромъ—и главное климатомъ и растительностію. Говоря о жите-

---

* *Называемая Кабардинцами Абезія, а Грузинами Абхазети.*

** *Сингамисъ.*

ляхъ Верхней или нагорной Абазіи и плоской или приморской, нельзя умолчать о сосѣдяхъ ихъ, отъ которыхъ они такъ рѣзко отличаются своею жизнію и особенно натуральнымъ характеромъ — причины этого мы объяснимъ въ своемъ мѣстѣ. Теперь же скажемъ нѣсколько словъ объ этихъ сосѣдяхъ. — Закубанскіе черкесы въ составѣ Натухайцевъ, Шапеуговъ, Убѣховъ и другихъ племенъ нѣкогда находились въ самыхъ близкихъ связяхъ съ Абазехами и нѣкоторые обычаи, законы и правила первыхъ незамѣтно сообщились послѣднимъ. Можно сказать, что черкесы народъ болѣе склонный къ жизни разгульной и безпечной, чѣмъ къ осѣдлой, нерѣдко были главными двигателями во всѣхъ дерзкихъ предпріятіяхъ Абазеховъ. Когда сбирались шайки отчаянныхъ горцевъ въ набѣгъ на Русскія укрѣпленія, то вѣрно всегда подъ предводительствомъ бродяжнаго Шапеуга или Убеха.... Рѣдко бывали удачны эти изолированные набѣги — и, бѣдные Абазехи расплачивались за всё про всё, когда Русскіе отряды, принимая вызовъ, приходили въ ихъ аулы положить ихъ на развалинахъ саклей.... Случалось, черкесы, непрошенные, принимали посредничество въ спорахъ Абазинскихъ князей — и тайно перерѣзавъ ратоборствовавшихъ владѣтелей подъ видомъ дружбы и любви къ спокойствію, предлагали довѣрчивымъ сосѣдямъ въ князья своихъ узденей, которые въ свой чередъ, окруживъ себя нукерами изъ своихъ же соплеменниковъ, раззоряли съ ними аулы Абазіи донельзя, воровали въ глухую полночь красавицъ Абазіи и тайкомъ сбывали ихъ въ Турцію, загребая шапками звонкіе *абазы*.— Всѣ эти безсовѣстные поступки мнимыхъ друзей не могли долго скрываться и оставаться тайною для Абазаповъ, они поняли каварство и баракта, съ непремѣнною клятвою о вѣчной мести, едвали не вавѣчно закипѣла между друзьями.

Другіе ихъ сосѣди Кабардинцы — жители горъ и мрачныхъ ущелій, вскормленные среди кровавыхъ наѣздовъ, въ саклѣ, повисшей надъ бездонною пропастью, подъ зловѣщую пѣсню нагорнаго коршуна, суровы, угрюмы, отчаянны, жадны до крови, но вмѣстѣ съ тѣмъ честны.... по-крайнѣй мѣрѣ, хоть въ своихъ разбойничьихъ нравахъ. Привыкнувъ все брать съ собою, привыкнувъ глотать и самый шашлыкъ съ кинжала — Кабардинецъ не нуждается въ уловкахъ, ему не знакомы обманъ и хитрость. Кабардинцы во многомъ были учителями горныхъ Абазеховъ и можно сказать, послѣдніе преданы имъ душою. Для нихъ Кабардинецъ—идолъ, Черкесъ—звѣрь, для котораго всегда заряжена винтовка.

Климатъ Верхней Абазіи—особенно на скатѣ горъ, едва ли не совершенство природы; здоровъ, умѣренъ и вполнѣ помогаетъ

растительной силѣ. На высотахъ горъ онъ суровъ до чрезвычайности. Нижняя же, или прибрежная Абазія отличается своимъ непостоянствомъ, чему много способствуютъ вѣтры, дующіе съ моря, и густые, влажные туманы. Лѣтомъ здѣсь иногда стоятъ жары до 18° по Реомюру, а зимой довольно изрядные для горнаго климата морозы. Необыкновенный, даже нестерпимый переходъ отъ знойнаго дня къ холодной ночи, сырые туманы, порывистый вѣтеръ съ моря много способствуетъ болѣзнямъ. — Самое опасное время, или лучше сказать время болѣзней — это осень, съ наступленіемъ которой постоянно свирѣпствуютъ гнилыя горячки, желтая лихорадка и цинготная болѣзнь. — Здѣсь самое отрадное время для человѣка - антрактъ между концомъ ночи и началомъ дня: утро! О какъ отрадно, какъ очаровательно утро въ Абазіи. Вообразите, что вы провели ночь на бивуакахъ.... ночь холодную, сырую, подъ густою пеленою тумана, и съ разсвѣтомъ, едва только зарѣдѣлъ вдали за горою сѣренькій свѣтъ, снялись съ позиціи—мокрый и влажный, какъ губка, и прозябнувшій до костей. Вы спускаетесь въ лощину.:.. Надъ головою вашей висятъ глыбы кремней, справа и слѣва бездонные, мрачные какъ совѣсть грѣшника, пропасти... Въ эту минуту взоръ болѣзненно утомленный жаждетъ отрадной картины.... Глядите! Ваша жажда напоена.... Роскошное солнце прыснуло иглами лучей изъ-за снѣжной чалмы грамадныхъ горъ, быстро прорѣзало этими лучами густые облака тумана, обливъ яркою позолотою черные и неприступные громады холмовъ.... Въ эту минуту взоръ не можетъ оторваться отъ позлащенныхъ скалъ; которыя за мигъ пугали васъ своею дикою наготою.... Чинарная роща кажется встрепенулась на встрѣчу жданному гостю, весело зашумѣли ея влажныя и молодыя вѣтви.... Дивно откликнулись и зачирикали птички въ этой рощѣ.... А между тѣмъ, вы чувствуете отрадное вліяніе солнца на ваши охладѣвшіе члены..... и вслѣдъ за тѣмъ, какая-то нѣга, какая-то невольная лѣнь вяжетъ ваши ноги и сонъ, который бѣжалъ отъ васъ въ сырую ночь бивуака, радушно и обольстительно манитъ васъ теперь въ свои объятія.... Чу! поговариваютъ о привалѣ.... О, сколько блаженства!.... Разостлавъ бурку подъ тѣнью чинары, вы съ восторгомъ больнаго, которому послѣ долгой болѣзни докторъ разрѣшилъ ломтикъ чернаго хлѣба, бросаетесь на свое походное ложе — и быстро смѣжаете вѣки.... Васъ уже ничто не занимаетъ въ эту минуту — ни появленіе въ лощинѣ рѣзвыхъ *атаръ** овечекъ, ни легкій рой Аба-

* *Атара* татарское названіе *стада*.

зинокъ, которыя, какъ тѣни, какъ серны, легко и быстро сбѣгаютъ съ холмовъ къ водоему, ни даже важный мулла, совершающій со всѣми атрибутами и нашептываніями утренній *намазъ*... Вы счастливы, упоены.... Чего вамъ больше? вы засыпаете подъ шумъ чинары, подъ пѣсню Халя-Иль* соловья Абазіи! — Но вотъ, знойное солнце добѣжало уже до полдня—и вся природа какъ бы сказать сомлѣла подъ его палящими лучами.... Въ воздухѣ тихо: ни звука, ни струйки вѣтра. Все живое, отъ насѣкомаго до человѣка, попряталось въ свои норки и жилища..... Кругомъ мертвое усыпленіе.... День, а все безмолвно, какъ ночью!—Ни одного башлыка на горахъ, ни одной пернатой надъ горою..... Душно, жарко, знойно и нестерпимо тягостно въ это время; только одинъ *Аларзарымъ*** радъ палящимъ лучамъ разскаленнаго солнца и, быстро, развернувшись, оборотилъ къ нему сребристую сторону своего зубчатаго листка.... очень непріятно проходить въ это время равнинами Абазіи. Истомленный, измученный зноемъ, вы падаете на сожженную землю, и въ какой-то тоскѣ и немочи будете искать мутнымъ, болѣзненнымъ взоромъ крови, хоть бы даже врага вашего. Странное, удивительное явленіе природы!..... Едва солнце коснется запада—какъ въ нѣсколько минутъ воздухъ очищается отрадною прохладой.... Скрыпнутъ двери саклей и на порогѣ ихъ толпами покажутся Абазины, — аулы оживутъ въ одно мгновеніе, тамъ и сямъ на скалахъ зарѣютъ, какъ птицы, лихіе наѣздники—вездѣ слышится скрипъ *арбъ****, нагруженныхъ дикими плодами, валежникомъ; пшеницею и кукурузою*****, снятыми съ полей. Все движется, хлопочетъ, работаетъ — и только наступленіе ночи прекращаетъ общую суету... Въ свою очередь ночь здѣсь, кажется, вѣчно споритъ съ знойнымъ днемъ, выказывая свою ужасную противоположность.... Едва только послѣдній лучь солнца сбѣжитъ съ вершины горъ, какъ сырой туманъ, поднявшись съ предгорныхъ болотъ и моря, увлажняетъ воздухъ:

---

* Въ прирѣчныхъ рощахъ Абазіи — особенно въ тѣхъ, гдѣ въ изобиліи раскидывается вѣтвистый *яворъ*, встрѣчаются маленькія птички, очень похожія на иволгу.... Мелодія ихъ напѣва предъ восходомъ солнца—очень увлекательна и пріятна.

** *Родъ подсолнечника. Растетъ на солнечной сторонѣ въ трещинахъ скалъ. Цвѣтокъ его очень похожъ своею формою на георгину. Листокъ его довольно широкъ, зубчатъ.... и въ полдень при большомъ зноѣ поворачивается мовою стороною къ солнцу.*

*** Арба, *Ареба* родъ горной телѣжки, запрягаемой мулами.

**** Турецкая пшеница, растущая въ изобиліи—особенно въ береговой Абазіи.

холодъ съ минуты на минуту усиливается, а съ нимъ вмѣстѣ и мракъ ... Въ полночь бываетъ темно, какъ въ бездонной пропасти, и очень нерѣдко, среди этой ужасной тьмы, почти до разсвѣта играетъ зарница, яркая и ослѣпительная.

Абазія живописна, въ полномъ смыслѣ этого слова.... Ея громадные гиганты—горы, круто поднимаясь отъ приморья, сплошнымъ хребтомъ раскидываются на востокъ, соединяясь тамъ съ обрывами кабардинскихъ скалъ, и на западъ, гдѣ кремнистыми уступами, страшными пропастями сбѣгаютъ на берегъ Кубани. Свободно и раздольно между ея недосягаемыми скалами стелются ковры равнинъ, тамъ и сямъ подъ черпымъ обрывомъ изгибаются глубокія балки — мѣста наствы. Въ сжатыхъ разрѣзахъ горъ бѣшено прядаютъ извилистыя рѣки, выбѣгая на плодоносныя долины предгорій.... *Ельми*, *Ехотисъ*, *Макка*, *Озеляевъ*, *Мармаръ*, *Кедань*, *Согумъ*, *Кабети*, *Субаши* * *Малый и большой Зеленчукъ*, *малая и большая Лаба*, *Псыорыръ*, *Хатесъ*, *Урукъ и Шатъ-Гамй*, вотъ рѣки, которыя орошаютъ Абазію, которыя поятъ ея жителей и стада, и по этимъ рѣкамъ вообще раскинуты абазинскія селенія (*аулы*) Ельми, обогнувъ скалу Чуаахъ, перебѣгаетъ плодоносную равнину и упирается въ гору. Съ вершины Чуаахъ, которая опоясана плткою саклей, кажется какъ будто бы рѣка подмыла подошву горы и исчезла подъ нею.... Но въ самомъ дѣлѣ она, сбѣжавъ здѣсь уступомъ шага на три внизъ — быстро и бѣшено прядаетъ по кремню въ мрачномъ Шахоранскомъ ущельи, такъ искусно скрытомъ природою отъ любопытнаго глаза.... Абазины какъ святыню стерегутъ это ущелье, обращенное въ гнѣздо хищниковъ. Здѣсь, по правую сторону теченія рѣки, раскинуты сакли аула Дазари.... а влѣво едва чернѣются глубокія пещеры — когда-то пристанище знаменитаго Шираръ Булани, нынѣ обращенныя въ пороховые заводы.... Шахаранское ущелье узкою, едва замѣтною полосою, извиваясь между обрывами скалъ и громадныхъ стѣнъ хребта, тянется, покрайней мѣрѣ, на 12 верстъ, изгибы его запутаны и такъ влажны, что не всякій туземный горецъ рискуетъ сократить по нимъ дорогу, если бы ему нужно было побывать у сосѣда купака; онъ всегда рѣшается на дальній путь, впрочемъ также довольно опасный.... Надо имѣть чутье горца, чтобы ходить по горнымъ дорогамъ.... Эти дороги требуютъ навыка и острого глаза, иногда даже смѣлости. Подымаясь на косогоръ къ аулу, который чернѣется на вершинѣ скалъ, вамъ кажется при первомъ шагѣ, что вы безпрепятственно достигнете пристанища.... Напрасно.... Это только такъ кажется! Сдѣлавъ нѣ-

* *Есть береговое укрѣпленіе того же имени.*

сколько шаговъ въ гору, по едва проторенной тропинкѣ, вы неожиданно встрѣчаете препятствіе — глыбу кремней и земли — готовую сорваться съ своего основанія и рухнуть всею тяжестію на васъ.... обойти ее — нѣтъ средствъ: справа пропасти, слѣва — крутой обрывъ; но вглядитесь: у подножія этой опасной глыбы, на закраинѣ бездны, проторена стежка, шириною не больше аршина.... это путь, вседневный путь горца — идите, онъ будетъ вашимъ вожатымъ и сто разъ отъ чистаго сердца улыбнется надъ недальновидными *пзуромъ*, когда обогнувъ глыбы, снова чрезъ пять минутъ поставитъ васъ лицомъ къ лицу съ другимъ препятствіемъ и даже съ опасностію.... Вотъ онъ привелъ васъ къ пропасти: но сторонамъ ея тѣже непреодолимыя глыбы. Здѣсь для васъ не существуетъ дорога, а для Абазина она есть.... Глядите, какъ смѣло прыгнулъ онъ въ пропасть, куда заглянуть, такъ тѣмнѣетъ въ глазахъ и сердце обливается кровью, а чело холоднымъ потомъ; но не бойтесь.... Привычная нога горца твердо стала на едва-замѣтно выдавшуюся площадку, и онъ преспокойно, какъ мы съ вами ходимъ по Невскому, обогнетъ закраину бездны по узкой и опасной терассѣ; изъ подъ ногъ его съ шумомъ отдѣлится кремень и земля, падаетъ дождемъ на дно мрачной бездны, а онъ идетъ смѣло, быстро, свободно — и въ два прыжка снова очутится на крутизнѣ.... Въ сѣверной части горъ Абазіи нерѣдко встрѣчаются признаки старыхъ рудниковъ, но большею частію, металловъ неблагородныхъ.... Въ настоящее время можно указать въ этой же части горъ на одни свинцовые рудники, которые разработываются туземцами довольно удачно. Здѣсь же родится красивый мраморъ, синеватаго цвѣта съ блѣдно-розовыми жилками; но въ очень умѣренныхъ глыбахъ. Кромѣ того, здѣсь горы у ущелья, долины и берега рѣкъ одѣты вѣковыми непроходимыми рощами — яворы, кипарисъ, черешнъ, кленъ, карачугъ и пальма почти вѣчно зеленѣютъ на скатахъ холмовъ, въ ложбинахъ и по хребтамъ громадныхъ возвышенностей. Тутовыхъ рощей встрѣчается въ Абазіи не много, и всѣ онѣ заповѣдныя, священныя для Абазеховъ. Тисъ и особенно салешитъ составляютъ богатства края и даже немаловажный предметъ торга у приморскихъ Абазеховъ. Самая благословенная и плодоносная полоса Абазіи — пространство между горами и приморьемъ, тутъ кромѣ растущей въ изобиліи пшеницы и другихъ предметовъ хлѣбопашества, неимовѣрна растительность дикихъ плодовъ: яблокъ, сливъ, разныхъ орѣховъ и такъ называемаго краснаго винограда. Земля тучна и плодородна, но обычная, природная лѣность туземцевъ оставляетъ ее необработанною....

Абхазскій медъ, произведеніе дикихъ пчелъ, едва ли не лучшій

медъ въ цѣломъ мірѣ.... Вкусъ его, полный ароматической сладости, такъ очарователенъ, такъ заманчивъ, что право, кажется, готовъ поспорить съ Амброзіею — пищею боговъ! Его употребляютъ, ломая на кусочки и не отдѣляя отъ воска. Впрочемъ, надо замѣтить, что онъ достается не легко. Дикія пчелы вообще вьютъ свои ульи довольно высоко въ скалахъ — и главное, въ самыхъ почти недоступныхъ трещинахъ этихъ скалъ. — Говоря о пчелахъ, необходимо нужно сказать о цвѣтахъ и ароматическихъ травахъ, съ которыхъ эти трудолюбивыя насѣкомыя сбираютъ амбру соковъ. Самый душистый и очаровательный цвѣтокъ Абазіи — пышная бѣлая роза, растущая по уступамъ горъ, въ средней ихъ полосѣ, и называемая на языкѣ горныхъ Абазеховъ: *Аида*. Подобной розы я не встрѣчалъ въ Приморской Абазіи; кромѣ того Абазинская флора обильна множествомъ рѣдкихъ и красивыхъ цвѣтовъ, которыхъ названіе намъ извѣстно. Въ Абазіи много цѣлебныхъ травъ, употребляемыхъ горцами съ удивительнымъ искусствомъ, особенно при пользованіи ранъ.

Вотъ имена нѣкоторыхъ травъ. — *Зурнымъ*, родъ рамашки, съ успѣхомъ употребляемая въ лихорадкѣ. *Бабак-Боръ*, *Сосыль*, *Ханымъ—Ханымъ*, *Узыль—Боръ*, *Хаз—Хаза* и другія, употребляемыя для примочекъ раненными. *Верды—Вамъ* и *Га—Гагъ* травы, растущія въ пять широкихъ листьевъ, похожи на алоэ, употребляются для вывариванія мази, цѣлебное свойство которой необыкновенно, это абазинскій жизненный бальзамъ.

Изъ дикихъ звѣрей въ лѣсахъ и рощахъ Абазіи водятся куницы, лисицы, — иногда встрѣчаются кабаны, и даже тигры; но это большая рѣдкость, такъ же въ большемъ количествѣ зайцы, волки, и особенно шакалы цѣлыми стаями разгуливаютъ по всему Кавказу отъ Анапы до Дербента, отъ Ставрополя до форта Св. Николая. Объ охотѣ на звѣрей мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Хищныхъ птицъ здѣсь довольно много: сѣрые коршуны, желтые коршуны, орлы, черные орлы (*керагутъ*) черные вороны и другіе постоянные жильцы мрачныхъ ущелій и грамадныхъ скалъ. — Кромѣ того въ Абазіи, какъ разсказываютъ туземцы, не рѣдко появляется гребенчатый орелъ (Магал-би). Величина его равняется огромному нагорному орлу, цвѣтъ перьевъ воронено-черный, съ бѣлыми отмѣтками на крыльяхъ, и главное отличіе его отъ другихъ орлиныхъ породъ составляетъ крѣпкій и острый гребень, идущій поперегъ головы. — Появленіе этой птицы въ горахъ предзнаменуетъ непремѣнную и продолжительную войну тому племени, надъ аулами котораго онъ семь дней будетъ описывать воздушные круги. — Если орелъ во время сво-

ихъ полетовъ пронзительно и рѣзко вскрикиваетъ, то это, по мнѣнію горцевъ, предзнаменуетъ побѣду, если же орелъ молча паритъ надъ аулами — то предзнаменуетъ пораженіе, а иногда и раззорѣніе жилищъ. Въ послѣднемъ случаѣ, для отвращенія несчастія, должно убить орла въ 7-й день, въ первый полетъ его,— и убить непремѣнно стрѣлою.

II.

Исторія Абазіи — независимо отъ преданій — По преданіямъ, со словъ туземныхъ стариковъ и муллъ: 1) Первобытность. — Состояніе подъ властію Грузіи, Персіи и Римлянъ. — 2) Удовлетворительная причина избранія князей. — Рузырь-Умъ. — Сила молитвы Св. кресту. — Клятвопреступники.

Въ самыя отдаленныя времена Абазія, въ числѣ другихъ горскихъ земель составляла отдѣльное владѣніе и управлялась князьями, избираемыми горцами изъ среды своей. Въ эти владѣтели или князья избирались люди почтенныхъ лѣтъ, заслужившіе довѣренность опытностію, мужествомъ и неустрашимостію въ битвахъ; дѣти и потомки ихъ, съ успѣхомъ и благородно поддерживая славу отцовъ своихъ, безпрепятственно наслѣдовали власть и княжескій титулъ, и такимъ образомъ многіе изъ нихъ упрочили навсегда эту власть, пріобрѣтя вмѣстѣ съ тѣмъ любовь и уваженіе народа**.... Но Абазія, дробясь на мелкія части и, находясь подъ управленіемъ множества князей, никогда не была спокойна, постоянныя междоусобія и враждованья раздирали ее, дробили еще болѣе. Князья, часто, завидуя одинъ другому, въ расплохъ, но подъ видомъ какой нибудь ничтожной причины, нападали одинъ на другаго съ своими горцами, жгли аулы, рѣзали беззащитныхъ и уводили въ неволю женщинъ, перепродавая ихъ въ харемы Турціи. Случалось, что абазехи, въ свою очередь недоводьные старшиною или княземъ, свергали съ себя власть его, часто уничтожая цѣлый родъ своего владѣтеля, и уходили къ сосѣднимъ кабардинцамъ, съ которыми проводили буйную жизнь хищниковъ, грабя своихъ же родичей.... Однимъ словомъ, при такихъ обстоятельствахъ, при такомъ раздробленіи Абазіи на нѣсколько племенъ, изъ коихъ каждое требовало первенства и перевеса надъ другими, — въ ней не могло быть единства и того необходима-

** Князья эти въ древнихъ грузинскихъ лѣтописяхъ именуется Абха-Мери (*короли Абазіи*).

го единомыслія и единодушія, которымъ, можно сказать, счастлива каждая страна.... Это самое было причиною, что Абазія подпала подъ власть грузинскихъ царей, которые въ то время стали именоваться Ебхазетиса и Карталиса Мери*. Можно сказать, что періодъ существованія Абазіи подъ властію Грузіи, былъ для первой счастливымъ періодомъ возрожденія и благоденствія. Въ это время Абазехи получили понятіе о гражданственности и, главное, лучь истинной христіанской религіи озарилъ своимъ Божественнымъ свѣтомъ сердца горцевъ. Грузинскіе монахи съ успѣхомъ проповѣдовали слово Божіе въ Абазіи, и это слово спасенія падало на плодоносную почву.... Горцы крестились. — Скоро было ясно видно торжество святой религіи: и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде совершались обряды язычества и проливалась кровь животныхъ во имя мнимыхъ боговъ, воздвигались святые храмы, часовни и монастыри. Распространеніе шло быстро, паства новообращенныхъ истинновѣрующихъ умножалась со дня на день, и въ это время Абазія даже имѣла своего патріарха (*въ Бычвинтѣ*) и трехъ епископовъ *въ Пицундѣ, Моквѣ, Брандѣ*. Но недолго продолжалось благодѣнствіе края.... Абазія вмѣстѣ съ царствомъ Понтійскимъ, подпавъ подъ власть Римлянъ, невольно и незамѣтно уклонилась отъ истинной стези вѣры. Къ этому много способствовали нововведенія Римлянъ и самый неспокойный характеръ горцевъ, который при ослабшей надъ ними бдительности угнетаемыхъ пастырей, снова сталъ руководителемъ всѣхъ поступковъ Абазеховъ. Припоминая раздоры и битвы, такъ замапчивыя для своеволія горца, они невольно забыли слова Божіи «*живите въ мирѣ*,» — и раздоры запылали между племенами сосѣдними въ огнѣ опустошительныхъ пожаровъ.... Недовольные властію Римлянъ, Абазехи добровольно подчинились персидскому царю Озрою. Можно думать, что съ этой эпохи начинается обращеніе ихъ въ магамеданство.... Дервиши, смѣнивъ христіанскихъ монаховъ, начали толковать свой коранъ — и если горцы неслушали ихъ съ такимъ жаромъ, какъ первыхъ проповѣдниковъ, то по крайней мѣрѣ, видимо начали отпадать отъ христіанства. Персы и это могли, безспорно, щитать успѣхомъ.... А между тѣмъ буйство, распри, набѣги и битвы несмолкали въ горахъ.... Персы требовали подчиненности, исполненія законовъ и повиновенія, а Абазехи не умѣли повиноваться и всѣ справедливыя требованія своихъ владѣтелей считали притѣсненіями. Слѣдствіемъ этого было то, что горцы изгнали изъ земли своей Персовъ и поставили надъ собою двухъ царей.

---

* *Цари Абхазіи и Картслиніи.*

Господство татаръ въ Таврид'ѣ и на Кубани имѣло сильное вліяніе на сѣверную часть Абазіи.... которая часто выставляла своихъ ратниковъ татарскимъ ханамъ. Власть надъ племенами Абазеховъ безпрестанно переходила изъ рукъ въ руки и наконецъ снова раздробилась и осталась за мѣлкими князьями.

Европейскіе Турки овладѣли въ VI вѣкѣ по Р. Х., сѣверовосточнымъ берегомъ Чернаго моря и съ этого времени, обращеніе Абазиновъ въ магомеданство — было положительно. Трапезондскіе муллы разсыпались въ горахъ Абазіи, и читая Алкоранъ непросвѣщеннымъ Абазехамъ, съ прибавленіями и вымыслами, много успѣли въ своихъ намѣреніяхъ. Вліяніе ихъ въ Абазіи — еще сильно и въ настоящее время. Руссимъ князьямъ—имя Абазіи было знакомо въ самыя отдаленныя времена, мы видимъ это изъ словъ отца нашей исторіи Нестора. Въ его лѣтописи сказано: что въ 1154 г. Кіевскій князь Изяславъ Мстиславичъ сочетался бракомъ съ Обяскою княжною*.

Исторія Абазіи по преданіямъ туземцевъ еще темнѣе, и еще загадочнѣе — небудучи также подтверждаема ни однимъ хронологическимъ фактомъ. Всѣ эти преданія болѣе относятся къ временамъ возрождавшагося христіанства, и особенно къ разсказамъ о подвигахъ князей, что даже сдѣлало нѣкоторыя изъ именъ ихъ народными. Вотъ что говорятъ Абазехи про бытъ и существованіе своихъ предковъ: Абазія самый благословенный край въ мірѣ, Абазехи самый счастливый и храбрый народъ въ немъ. Предки, по мнѣнію ихъ, должно полагать были очень умны, потому что такъ же, какъ и они — мало заботились объ сохѣ — и только, выкармливая коней, да оттачивая острую шашку, проводили жизнь въ отчаянныхъ и славныхъ набѣгахъ.... Но дѣло ясное.... если сговорятся пять молодцовъ отогнать у сосѣда двухъ барановъ — бѣды не миновать, поспорятъ при дѣлежѣ и вѣрно подерутся, — такъ, чтобы вмѣстѣ съ бараньею кровью не проливать своей собственной и, чтобы дѣлежъ рѣшить умно, безъ спора и драки — предки смекнули о необходимости имѣть старшинъ, которые бы умѣли, при пылкой довѣренности, раздѣлить безъ шума двухъ барановъ на пять удальцовъ. Старшины, по примѣру сосѣдей черкесовъ, были названы князьями, и что за молодцы были эти старшины!... Въ бою — первые, на отдыхѣ — послѣдніе.... Въ удали и мужествѣ не было имъ подобныхъ, въ честности и

---

* Въ настоящее время послѣ пріобрѣтенія Россіею отъ Турокъ крѣпостей, лежащихъ по сѣверному и восточному берегу Чернаго моря, племена, обитающія у приморія, признали надъ собою власть Россіи.

справедливости, такъ же! Имя князя Рузырь-Умъ еще и теперь живетъ въ памяти Абазеховъ, играя важную роль въ ихъ разсказахъ*.

Говорятъ, что будто онъ отличался необыкновенною тѣлесною силою, гигантскимъ ростомъ, и дивно мужественною красотою. Въ наѣздахъ Рузырь-Умь былъ грозою враждебнаго аула, его шашка выстилала цѣлую дорогу труповъ.... его могучій голосъ ободрялъ дрогнувшихъ.... и словомъ, гдѣ былъ Рузырь-Умь, тамъ успѣхъ и побѣда. Существованіе его относятъ ко времени распространенія христіанства въ Абазіи. Однажды, въ ненастную ночь, старецъ странникъ постучался въ его саклю. Богатырь-князь, какъ горецъ, радъ былъ душою гостю и, обласкавъ его, раздѣлилъ съ нимъ свой суровый ужинъ и дружелюбно предложилъ ночлегъ.... На другой день старецъ, расставаясь съ княземъ, подарилъ ему костяное изображеніе креста.... «Вотъ сказалъ онъ.... основа христіанской религіи, опора, надежда и утѣшеніе человѣка.... Князь, я хочу благодарить тебя и дарю эту святую вещь.... Если ты хочешь быть счастливъ, то научись молиться ей..... Въ скорбяхъ, въ горѣ и несчастіи молитва къ Сыну Бога живаго, распятаго за наши грѣхи на этомъ крестѣ, утѣшитъ тебя и успокоитъ тревогу души.... Въ неудачѣ она пошлетъ тебѣ удачу.... Мало!... Молись ей за народъ твой, и народъ будетъ счастливъ»..... Рузырь-Умь повѣрилъ словамъ странника и съ жаромъ сталъ молиться во имя Спасителя святому изображенію, и не однажды испыталъ онъ на себѣ высокую силу креста животворящаго.

Вскорѣ на аулы горной Абазіи налетѣли хищные кабардинцы. Все запылало въ минуту ихъ набѣга, и Абазехи не устояли.... Они бросили родную землю и бѣжали въ лѣса и рощи.... Тамъ Рузырь-Умь, раздѣляя участь своихъ соплеменниковъ, вспомнилъ слова старца. Сдѣлавъ, изъ древесныхъ сучьевъ, изображеніе креста, онь созвалъ къ нему толпы бѣдствующихъ Абазеховъ. «Братья! говорилъ онъ, вотъ что можетъ спасти васъ!... Изображеніе св. Креста, на которомъ былъ распятъ Искупитель грѣховъ нашихъ, Сынъ Бога Всемогущаго.... Сотворимъ крестъ, призовемъ съ вѣрою въ помощники имя пострадавшаго на этомъ крестѣ и торжество наше несомнѣнно! Будемъ просить Его, какъ Всемогущаго и Милостиваго, чтобы онъ даровалъ намъ побѣду надъ врагами, съ клятвою, всегда и постоянно прославять Его

---

* Въ Нагорной Абазіи есть множествкоо князей, которые считаютъ его своимъ родоначальникомъ.

имя!.. » Несчастные пали на колѣна предъ крестомъ и дали требуемый обѣтъ.

На другой день, дѣйствительно, въ жаркой схибкѣ съ братами, Абазехи выгнали ихъ изъ предѣловъ земли своей, и снова поселились на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли ихъ родныя сожженныя сакли. Прошло нѣсколько лѣтъ съ того дня, какъ сила молитвы выкупила горцевъ изъ несчастія, и они забыли свою клятву, обративъ даже гоненіе на проповѣдниковъ истинной вѣры. Однажды толпа буйныхъ изувѣровъ въ неистовствѣ растерзала предъ самымъ порогомъ сакли Рузырь-Умъ армянскаго монаха.... Какъ разъяренный тигръ выпрыгнулъ изъ своего логовища взбѣшенный князь.... «Клятвопреступники!... вскричалъ онъ, забыли вы ваше несчастіе.... и искупленіе.... Кого растерзали вы, кровожадные звѣри?... Того, кто напоминалъ вамъ объ имяни вашего Искупителя.... Такъ гибните же.... Кто милуетъ, тотъ и караетъ.... Не хочу дѣлить съ вами преступленья и позора.... Гибель, гибель и позоръ на головы ваши!...»

Князь исчезъ и навсегда, а слова его сбылись. Не взошло солнце Абазіи и трехъ разъ, какъ шайки голодныхъ кабардинцевъ снова налетѣли на горскіе аулы и не оставили камня на камнѣ....

Преданія Абазеховъ едва ли не всѣ ограничиваются разсказами о ихъ князьяхъ.... Иногда въ этихъ повѣствованіяхъ невольно должно допустить истину.

В. Савиновъ.

БРЕТОНСКІЯ ПРЕДАНІЯ.

Кто захочетъ судить о бретонскомъ крестьянинѣ по его грубой наружности, тотъ не найдетъ въ немъ ни понятія, ни воображенія—и ошибется. Эти люди, дикіе по виду, которыхъ трудно растрогать и заставить говорить, полны оригинальности и чувствъ поэтическихъ. Жизнь, которую ведутъ они въ своихъ уединенныхъ жилищахъ, напоминаетъ патріарховъ Месопотаміи и степныхъ арабовъ. Ступайте, въ зимній вечеръ, когда очагъ окруженъ трудолюбными крестьянками, занятыми и работою, и повѣствованіями краснорѣчиваго разсказчика, ступайте слушать ихъ преданія, легенды, народныя баллады, и васъ удивитъ богатство разсказовъ, мѣстный отпечатокъ которыхъ теряется въ пере-

водѣ. Мы попытаемся однако жъ воспроизвести одинъ изъ нихъ, слышанный нами, извиняясь заранѣе въ нашемъ подражаніи, далеко не передающимъ ужаса, производимаго на душу оригиналомъ.

БѢЛАЯ ГОСТИННИЦА.

Давнымъ давно въ Герлэскенѣ находилась гостинница, которую всѣ звали *Бѣлой*, потому что фасадъ ея былъ выкрашенъ бѣлою краскою. Хозяева были честные люди; они каждый годъ разговлялись о Пасхѣ и не обсчитывали бѣдняковъ. Всѣ проѣзжіе останавливались въ *Бѣлой гостинницѣ*, да и лошади, не хуже ихъ знали её, и сами собою нашли бы къ ней дорогу.

Зима приближалась; дни становились короче и грустнѣе. Однажды вечеромъ, когда Флокъ, хозяинъ *Бѣлой гостинницы*, спокойно покуривалъ трубку, сидя у воротъ, къ нему подъѣхалъ путешественникъ, человѣкъ по-видимому значительный; конь у него былъ статный, чужеземный. Проѣзжій приложилъ руку къ шляпѣ и сказалъ трактирщику:

— Нельзя-ли приготовить для меня ужинъ, да отвести особую комнату?

Флокъ положилъ трубку, снялъ шляпу, и отвѣчалъ:

— Да благословитъ васъ Создатель, господинъ мой, ужинъ у васъ будетъ, но комнаты у меня нѣтъ.... шестеро проѣзжихъ заняли всѣ шесть кроватей *Бѣлой гостинницы*.

Всадникъ сказалъ тогда:

— Боже мой! постарайся однако, добрый человѣкъ, помѣстить меня гдѣ нибудь, вѣдь не ночевать же мнѣ на дворѣ; собаки находятъ пріютъ, неужели христіанину будетъ отказано въ немъ.

— Что мнѣ сказать вамъ, возразилъ опечаленный Флокъ, гостинница полна, исключая красной комнаты.

— Ну! такъ дай мнѣ хоть эту.

При этихъ словахъ, трактирщикъ вздрогнулъ и почесалъ въ головѣ; онъ не могъ дать красную комнату путешественнику.

— Съ-тѣхъ-поръ, какъ я хозяинъ *Бѣлой гостинницы*, пробормоталъ онъ наконецъ, двое проѣзжихъ только ночевали въ ней, да и тѣ на другой день посѣдѣли, даромъ, что были помоложе меня съ вами.

Всадникъ взглянулъ на трактирщика.

— Ужъ не водятся ли у васъ привидѣнія? спросилъ онъ.

— Въ томъ то и дѣло, что водятся.... прошепталъ мэтръ Флокъ испуганнымъ голосомъ.

— Только!... Слава Всевышнему! Вели же развести огонь въ красной комнатѣ,—да хорошенько нагрѣть постель.... я промерзъ до костей.

Трактирщикъ не сталъ прекословить и принялся выполнять приказанія всадника.

Отужинавъ, путешественникъ пожелалъ доброй ночи своимъ застольнымъ товарищамъ, и отправился на отдыхъ. Трактирщикъ и жена его начали творить молитвы, потому что ужасъ ихъ былъ великъ.

Между тѣмъ путешественникъ достигъ назначенной ему комнаты и съ любопытствомъ оглядѣлся вокругъ.

Комната была большая; по краснымъ стѣнамъ ея пестрѣлись свѣтящіяся, кровавыя пятна. Въ глубинѣ стояла четыреугольная кровать, окруженная широкими занавѣсями; болѣе ничего въ ней не было. Всюду царствовало молчаніе, лишь изрѣдка слышался унылый свистъ вѣтра въ каминѣ, да въ корридорахъ, какъ голосъ душъ, требующихъ поминовенія.

Путешественникъ склонилъ колѣна, прочелъ молитву, и потомъ, безъ боязни, кинулся на кровать. Вскорѣ сонъ смежилъ его усталыя вѣки.

Но вотъ часы отдаленной церкви пробили полночь, путешественникъ проснулся, ему показалось, что кто-то раздвигаетъ занавѣси у кровати, и въ самомъ дѣлѣ, онѣ открылись по правую сторону. Въ ужасѣ вскочилъ путешественникъ.... и ноги его встрѣтили что-то холодное. — Онъ отступилъ.... передъ нимъ стоялъ гробъ съ четырьмя зажженными свѣчами, покрытый длиннымъ чернымъ покровомъ съ бѣлыми обшивками. Проѣзжій бросился въ другую сторону, но гробъ преслѣдовалъ его....

Наконецъ, сотворивъ крестное знаменіе и обращаясь къ гробу, онъ сказалъ:

— Кто ты, усопшій братъ? — говори, тебя слушаетъ христіанинъ.

Голосъ изъ гроба отвѣчалъ ему:

— Я путешественникъ, убитый прежними владѣльцами гостинницы; смерть застала меня въ состояніи грѣха, и я горю въ чистилищѣ.

— Скажи, что можетъ избавить тебя отъ мукъ, душа неуспокоенная?

— Десять обѣденъ, отслуженныхъ у Фольгоатской Божіей Матери, священникомъ въ похоронномъ облаченіи, и поклоненіе Рюмэнгольской Богородицѣ, сдѣланное христіаниномъ.

— За тебя отслужатъ десять обѣденъ, душа неуспокоенная,

и самъ я, какъ христіанинъ, пойду на поклоненіе къ Рюмэнгольской Богородицѣ....

Лишь только путешественникъ произнесъ эти слова, какъ свѣчи погасли, занавѣси сомкнулись и все опять погрузилось въ безмолвіе.

Проѣзжій провелъ остатокъ ночи въ молитвахъ.

На другой день разсказавъ трактирщику случившееся, онъ прибавилъ:

— Меня зовутъ, добрый человѣкъ, мессиромъ де Роаномъ, я принадлежу къ благородной бретонской фамиліи; по обѣщанію съѣзжу на поклоненіе въ Рюмэнголь, отслужу обѣдни и предамъ убійцу строгости законовъ. Теперь тебѣ не о чемъ безпокоится.... душа будетъ освобождена....

Мѣсяцъ спустя, красная комната потеряла свой кровавый цвѣтъ; она сдѣлалась бѣлою и веселою, какъ другія, въ ней слышали только въ непогоду — завыванія вѣтра, а видѣли и днемъ и ночью, лишь три кровати да распятіе на каминѣ.

Въ Бретани существуютъ тысячи преданій въ духѣ *Бѣлой гостинницы*; мы разскажемъ еще одно, въ которомъ быть можетъ, болѣе оригинальности и рѣзче обрисовывается характеръ бретонскій.

Чтобы понять этотъ разсказъ, надобно знать, что ярмарки становятся очень часто, въ этой провинціи, театромъ кровавыхъ побоищъ, обыкновенно оканчивающихся смертію одного изъ сражающихся. Память объ этихъ убійствахъ сохраняется въ семействахъ и бываетъ поводомъ мщеній ужасныхъ.

Однажды вечеромъ, Ивонъ Коскеръ, съ заступомъ на плечѣ, шелъ съ поля, крѣпко задумавшись, въ деревню Плуйанъ. Тяжело у него было на сердцѣ, семья его понесла большую потерю; отца его убили дней восемь назадъ на ярмаркѣ сосѣдняго города; убійцею его былъ Пьеръ Лескопъ.

Вотъ что думалъ Ивонъ, возвращаясь домой: — Что мнѣ дѣлать? мстить-ли за отца по долгу добраго сына, убитъ-ли Лескопа на слѣдующей ярмаркѣ? Но Лескопъ ловокъ и силенъ, онъ не одного ужъ положилъ на мѣстѣ въ свалкахъ; если онъ убьетъ меня, что станется тогда съ моею матерью и четырьмя сестрами? — Отъ раздумья ему стало еще грустнѣе, и какъ собака передъ бѣшенствомъ, онъ чувствовалъ въ жилахъ своихъ жгучій огонь.

Поворачивая съ проселочной дороги, онъ услышалъ голосъ не совсѣмъ ему незнакомый.

— Радость и здоровье Ивону Коскеру, сиротѣ Гійерма Коскера.

Ивонъ поднялъ голову и увидѣлъ передъ собою Пьера Лескопа.

— Да проститъ тебѣ Богъ, вскричалъ молодой поселянинъ, но ты злой человѣкъ, Лескопъ, за чѣмъ напоминать сыну, что ты убилъ его отца. Теперь я долженъ убить тебя самого.

— Не дѣлай этого Ивонъ Коскеръ, я иду на поклоненіе Святому Іоанну, чтобы испросить прощеніе у Господа. Съ тѣхъ поръ, какъ я лишилъ жизни твоего отца, души убитыхъ мною преслѣдуютъ меня; тяжело носить мнѣ ихъ, и я буду служить за нихъ панихиды. Оставь-же меня въ покоѣ, сынъ Гіёрма Коскера, если ты не хочешь, чтобъ отецъ твой на-вѣки былъ преданъ адскимъ мученіямъ; смертный грѣхъ тяготилъ его душу, когда онъ палъ отъ руки моей.

— Злодѣй! вскричалъ Ивонъ, такъ изъ за тебя отецъ мой будетъ вѣчно страдать? ты даже не далъ ему времени покаяться? А я оставлю тебя? нѣтъ! умри же и ты подъ бременемъ смертныхъ грѣховъ.

Съ этими словами, Ивонъ бросился на путника, который хотѣлъ защититься, но тщетно; молодой человѣкъ разсѣкъ ему голову заступомъ; Пьеръ Лескопъ упалъ и не вставалъ уже болѣе.

Едва лишь испустилъ онъ послѣдній вздохъ, какъ Ивонъ почувствовалъ на плечахъ своихъ ужасную тягость.... Сперва подумалъ онъ, что это отъ ужаса пролитой имъ крови и хотѣлъ бѣжать, но тяжесть не покидала его. Тогда онъ вспомнилъ слова Лескопа, что тотъ носилъ души убитыхъ имъ и шелъ къ Святому Іоанну, чтобъ освободиться отъ нихъ. Испуганный Ивонъ побѣжалъ въ пресбитерію и разсказалъ все священнику.

— Сынъ мой, сказалъ ему духовникъ, убивъ Лескопа, ты принялъ грѣхи его на себя; всѣ души, къ которымъ присоединилась и его душа, сдѣлались теперь твоею ношею. Выполни-же, что онъ хотѣлъ выполнить, и ты облегчишься отъ тягости у подножія алтаря.

Ивонъ, ни минуты не медля, отправился къ Святому Іоанну, но дорогою онъ едва-едва шелъ, такъ тяжела была его ноша; въ ушахъ его раздавались смѣшанные голоса, говорившіе между собою.

— Онъ очень усталъ и не въ состояніи вымолить нашего освобожденія отъ мукъ вѣчныхъ.

Потомъ жалобный голосъ нашептывалъ.

— Ивонъ, я душа молодаго человѣка, который былъ убитъ, думая не о Богѣ, а о своей невѣстѣ.

Потомъ другой:

— Ивонъ, я душа старика, который былъ убитъ, думая не о Богѣ, а о деньгахъ.

И многіе голоса повторяли:

— Мы души твоего друга, твоего брата, твоего отца.

Съ Ивона катился холодный потъ; онъ изнемогалъ на каждомъ шагу и чувствовалъ, какъ силы покидали его: наконецъ, онъ завидѣлъ колокольню Святаго Іоанна, мелькавшую изъ-за деревъ; сдѣлалъ послѣднее усиліе.... и услышалъ журчаніе источника.

— Господи! вскричалъ онъ, возьми мою жизнь, но спаси души несчастныхъ грѣшниковъ!

И собравъ остатокъ силъ, онъ достигъ до церкви и на колѣнахъ обошелъ ее.... тягость уменьшилась, онъ обошелъ во второй разъ, потомъ въ третій, и при каждомъ разѣ тягость души исчезала. Наконецъ, при семьмомъ обходѣ, онъ почувствовалъ свободу: тогда припавъ землѣ, онъ сказалъ:

— Господи, благодарю Тебя, ты услышалъ молитвы мои. И сжавъ крестъ въ своихъ объятіяхъ, онъ умеръ, цѣлуя его.

П. Буле.

МАСКАРАДЪ ВЪ ОПЕРѢ.

(*Разсказъ Юлія Мозена.*)

Отецъ мой богатъ; онъ торгуетъ въ Парижѣ. Дѣтей у него только двое: я и сестра Люси. Матушка умерла, когда мы были еще очень малы, а батюшка въ другой разъ уже не хотѣлъ жениться. Я воспитывался дома, сестра въ монастырѣ. Тамъ она познакомилась съ студентомъ медицины, Робертомъ Лезай; они влюбились другъ въ друга. Любовь ихъ была въ самомъ разгарѣ, когда батюшка, взявъ сестру домой, помолвилъ ее за своего корреспондента, человѣка не богатаго. Просьбы ея нисколько не тронули отца. «Твоя мать,» говорилъ онъ: «также капризничала до замужства, а мы жили счастливо; бракъ по расчету какъ домъ на твердомъ грунтѣ: не скоро провалится.» Свадьбу назначили послѣ поста.

— Хорошо, сказала сестра, по-крайней-мѣрѣ, на карнавалъ я еще свободна и уговорила меня съѣздить съ ней на масляницѣ, въ среду, на балъ Оперы, но такъ, чтобъ отецъ не зналъ. Въ среду вечеромъ бульвары покрылись сотнями крикуновъ; у каж-

даго прозрачное объявленіе: «*Балъ Оперы.*» Я попалъ къ кассѣ изъ первыхъ, и въ восемь часовъ возвратился домой съ двумя билетами. Въ одиннадцать батюшка, по обыкновенію, поцѣловалъ Люси, простился со мной и пошелъ въ свою комнату. Мы тоже легли во постель, но съ тѣмъ, чтобъ опять вскочить, надѣть заранѣе приготовленныя маски и пуститься на балъ, уговоривъ привратника не болтать. Когда мы пріѣхали, всѣ подъѣзды уже кипѣли безчисленными масками: никого еще не впускали, потому что входъ открывается ровно въ полночь. Въ театрѣ было тихо; неопредѣленный говоръ толпившагося народа походилъ на шелестъ листьевъ въ лѣсу передъ бурею; глухіе удары обойщиковъ и плотниковъ, оканчивавшихъ работу въ залѣ, слышались, какъ тихая и мѣрная стукотня дятла, когда онъ своимъ крѣпкимъ клювомъ долбитъ дерево; изрѣдка долетали звуки настроиваемыхъ инструментовъ. Люси дрожала возлѣ меня, волнуемая страхомъ. Протяжно, грозно соборные часы начали бить полночь... Каждый ударъ встрѣчаемъ былъ нетерпѣливыми и радостными криками. .. Двѣнадцать! — и двери въ театръ распахнулись. Какъ потокъ растопленнаго металла полуумная толпа хлынула въ залу и съ шумомъ, хохотомъ, крикомъ разлетѣлась во всѣ стороны. Потомъ все слилось въ общую массу, похожую на огромное чудовище съ безчисленнымъ множествомъ рукъ и ногъ; все это разговаривало, смѣялось, визжало, бѣгало, прыгало, кувыркалось: дебордеры, полишинели, арлекины, Робертъ Макеры, матросы, испанцы, рыбачки, Коломбины, разбойники и пастушки! весь юный Парижъ. Скоро не только зала, но ложи, корридоры, фойе наполнились народомъ. Въ глубинѣ сцены, за пунцовою драпировкой скрывался оркестръ; одного только волшебника Бодуэна можно было видѣть на эстрадѣ, съ палочкой въ рукѣ. Люси потащила меня въ ложу, обитую нами для оперы. Тамъ встрѣтили мы высокаго мужчину въ черномъ капуцинѣ; на груди его вышита была мертвая голова изъ бѣлой матеріи. Незнакомецъ поклонился и снялъ маску. Это былъ Робертъ Лезайль, обожатель моей сестры. — «Я пойду танцовать съ вашей сестрицей, сказалъ онъ мнѣ съ улыбкой, а черезъ часъ приведу ее опять сюда.» Онъ скрылся съ нею. Въ это мгновеніе Бодуэнъ поднялъ свою палочку: пронзительный свистъ, барабанная дробь — и вся толпа въ залѣ, будто околдованная, судорожно остановилась: пошло фанданго; испанскіе оперные плясуны съ своими плясуньями; застучали кастаньеты, завертѣлись они, преслѣдуя другъ друга, не давая поймать себя, опять сходясь, прижимаясь другъ къ другу, бросаясь врозь, и останавливаясь съ сладострастнымъ восторгомъ въ неподвижныхъ взг-

рахъ. Вдругъ выстрѣлъ, набатъ, еще выстрѣлъ; мертвая тишина, наконецъ громовой голосъ изъ толпы: «*кадриль изъ Гугенотовъ!*» Галопадъ начинается; музыка дѣлается адскою живописью, краски замѣняются звуками; слышится гулъ колоколовъ и общій крикъ: къ оружію! къ оружію! все это перемѣшивается ружейными выстрѣлами, ударами клинковъ, воплемъ убійцъ, стономъ раненыхъ и умирающихъ — и протяжнымъ, жалобнымъ звукомъ рожка, какъ имя Колиньи! Колиньи! И среди этихъ нестройныхъ звуковъ мѣткіе выстрѣлы Карла IX и смѣхъ его матери Катарины Медичи. Изъ этихъ-то разнородныхъ элементовъ составленъ кадриль, въ которомъ такъ неистово проявлялись дикія страсти всего Парижа. Музыка перешла въ неистовый народный вопль — свирѣпый ураганъ, бунтующій въ вѣковомъ лѣсу. Вотъ одна изъ танцующихъ паръ упала; часть бѣшеннаго кадриля пролетѣла надъ ними, другая часть запуталась и упала сама.

Кто-же первый упалъ? Не Робертъ-ли Лезайль, съ мертвою головой нагруди, кавалеръ моей сестры, изступленный предводитель кадриля? Я бросился изъ ложи. Бодуэнъ однимъ ударомъ палочки остановилъ музыку и галопадъ; посреди залы лежалъ мертвый... Да, это былъ онъ, Робертъ Лезайль... и возлѣ него на колѣнахъ Люси, закрывъ свои глаза маленькими, бѣлыми ручками. Полишинель хлопоталъ около мертваго; онъ разнялъ судорожно-сжатые пальцы его: пустая стклянка покатилась по полу... тысяча голосовъ разомъ завопили онъ отравился! Такъ и было. Во время кадриля Робертъ выпилъ ядъ. Я повезъ сестру домой. Она въ одну изъ свѣтлыхъ минутъ разсказала, что вдругъ почувствовала, какъ руки ея танцора похолодѣли, но что она еще разъ сдѣлала съ нимъ кругъ по всей залѣ, пока онъ мертвый не покатился на полъ.

Батюшка на три года прогналъ меня изъ Парижа.

ОТЧЕГО У НАСЪ МАЛО ПИСАТЕЛЕЙ?

Нашу словесность упрекаютъ за ея бѣдность. Эти упреки дѣлаютъ наши-же соотечественники, и иностранцы повторяютъ ихъ. Отбросивъ пристрастіе разсмотримъ.

Русская литература еще такъ нова, что нельзя и ожидать отъ ней обилія произведеній, истинно изящныхъ. Много ли геніевъ и образцовыхъ произведеній и тамъ, гдѣ образованность нѣсколькими столѣтіями опередила нашу. Не говоря здѣсь же о Греціи, ни о Римѣ, взглянемъ на современныя государства: на Италію, Англію, Францію и Германію; знаемъ напзуетъ имена знаменитыхъ писателей каждой изъ этихъ странъ и исчислимъ ихъ, не

переводя духа; замѣчательнѣйшія же произведенія этихъ знаменитостей заключаются, у каждаго изъ современныхъ народовъ, въ нѣсколькихъ типахъ. Прочее (мы говоримъ о произведеніяхъ воображенія и вкуса) представляетъ разныя степени посредственности. Гдѣ же неисчислимость, гдѣ ужасная несоразмѣрность, которою насъ настращали, при сравненіи съ иностранцами.

Если эту бѣдность мы примемъ не въ смыслѣ изящнаго, а вообще всего печатнаго, то укоры будутъ нѣсколько справедливѣе, и этотъ вопросъ, по необходимости, подвергнется пространнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Но и тутъ, кажется, можно отвѣчать на него точно и удовлетворительно.

Отчего въ Россіи мало книгъ? Оттого что мало читателей. У насъ есть публика читающая и не читающая; послѣдняя превышаетъ первую въ огромной пропорціи. Чтеніе не сдѣлалось еще у насъ всеобщею и повсемѣстною потребностью, какъ у другихъ европейскихъ націй; даже въ томъ классѣ, въ которомъ надобно предполагать бо́льшую образованность, удовольствія ума и воображенія уступаютъ мѣсто чувственнымъ. Разсѣянность, потомъ лѣность, мертвящая тѣло и душу, похищаютъ все время; карты, исчадіе праздности, пестрыми, обманчивыми листками, заслоняютъ печатные листы книгъ.

Перейдя къ публикѣ читающей, мы найдемъ въ ней два рода читателей. Къ первому принадлежатъ *читающіе не по-русски.* Скажемъ, краснѣя, что въ нашемъ отечествѣ еще и теперь есть люди, Русскіе по имени и рожденію, вовсе не знающіе природнаго языка, которые удивляются, какъ можно писать по русски, и просятъ, чтобъ имъ переводили по французски то, чѣмъ восхищаются ихъ соотечественники. И теперь еще есть матери, пріучающія своихъ дѣтей объясняться чисто и правильно по французски и по англійски, и вмѣстѣ убѣжденныя, что Русскимъ не нужно учиться по русски: что этому отъ нянекъ научатся. Будто знаніе роднаго языка вдыхается съ воздухомъ! Разумѣется, что эти люди, отчужденные воспитаніемъ отъ звуковъ роднаго языка, и не заботятся о русской словесности, они вытвердили два, три монолога изъ Расина, двѣ, три басни Лафонтена; слыхали о Байронѣ, Мурѣ и Вальтеръ Скоттѣ, этого и довольно для ихъ свѣтскаго быта.

Еще недавно, не всѣ, а нѣкоторые изъ нихъ начинаютъ читать по-русски и даже судить о произведеніяхъ русской словесности. Но въ сужденіяхъ своихъ они все примѣняютъ къ французскому: это, по ихъ мнѣнію, мѣрка для литературнаго достоинства. По затверженному, многіе вѣрятъ, что *русская словес-*

ность меньшая сестра французской; и хотятъ, чтобы *меньшая сестра* во всемъ походила на *старшую*.

Читающихъ русскія книги очень не много, читающихъ съ выборомъ и умѣющихъ обсудить прочитанное, еще меньше. Для удовлетворенія потребностей такихъ читателей, выходитъ у насъ, относительно, въ каждый годъ почти столько журналовъ и книгъ, сколько нужно. Еслибъ охота къ чтенію была болѣе общею, то число писателей и число хорошихъ книгъ, разумѣется, умножилось бы въ той же пропорціи.

СЦЕНА ДЛЯ ДОМАШНЯГО ТЕАТРА

Соч. А. И. Писарева.*

ПИСАРЕВЪ.

Постойте, Господа; дайте мнѣ собрать мои бумаги. Пожалуй, они уѣдутъ безъ меня.

MR. LATIRADE, *(l'arrêtant à la porte.)*

Monsieur, excusez. Le suis étranger ici, je vais à Moscou, et si vous vouliez bien...

ПИСАРЕВЪ.

Je n'ai pas le temps, Monsieur: on m'attend, ou peut-être, grâce à vous, a a-t-on déjà fini de m'attendre.

MR. LATIRADE.

Donc vous ne risquez rien de mettre un artiste au fait de tout ce qui l'attend à Moscou.

ПИСАРЕВЪ *(въ сторону)*.

Cet homme m'ennuie! Ils sont déjà partis; je vais me venger: je parie que je l'ennuerai de la bonne manière. *(Вслухъ)* Vous êtes artiste, Monsieur; dans quel genre: tapissier, plumassier, menuisie.?

MR. LATIRADE.

Du tout, Monsieur: je suis artiste dramatique.

ПИСАРЕВЪ.

Ah! vous dansez?

MR. LATIRADE.

Non.

---

* Изъ этой сцены можно видѣть, какъ Писаревъ владѣлъ французскимъ каламбуромъ *Ред.*

ПИСАРЕВЪ.

Vous chantez?

MR. LATIRADE.

Non.

ПИСАРЕВЪ.

J'en suis enchanté. Vous êtes donc premier comique?

MR. LATIRADE.

Premier tragique, Monsieur; engagé dans la nouvelle troupe française qui se rend à Moscou. Maintenant, à qui ai-je le plaisir de parler?

ПИСАРЕВЪ.

Monsieur, mon métier est de faire des coup...

M-R. LATIRADE.

Des coupes? Donc vous êtes tourneur?

ПИСАРЕВЪ.

En quelque sorte: je tourne tant bien que mal des couplets de Vaudeville; ce n'est pas un tour de force, ni un tour de faveur, ni un tour de main, mais un tour d'esprit.

MR. LATIRADE.

Vous faites des couplets, donc vous travaillez pour le Théâtre; dites-moi un peu ce que vous savez de celui de Moscou? Est-ce vrai que la nouvelle salle est très-belle?

ПИСАРЕВЪ.

Je sais seulement que la nouvelle salle ne mérite pas ce nom du tout... Elle est très-propre.

MR. LATIRADE.

Un jeu de mots! — Elle est bien éclairée?

ПИСАРЕВЪ.

Je le crois bien, dans une ville aussi éclairée que Moscou : des réverbères à n'en plus finir.

MR. LATIRADE.

Ah! Vous aimez la plaisanterie.

ПИСАРЕВЪ.

Oui, je plaisante et ris.

MR. LATIRADE.

On y donne souvent de nouvelles pièces?

ПИСАРЕВЪ.

Oui, mais ces pièces ne sont pour la plupart que des lambeaux.

MR. LATIRADE.

Je sais bien que votre théâtre doit son lustre à nos Corneille, à nos Racine, à nos Molière.

ПИСАРЕВЪ.

Pas un mot de vrai: le théâtre de Moscou ne doit son lustre à per-

sonne: il l'a payé — un beau lustre de cent-vingt quinquets! Moscou est rempli de corneilles, les racines se trouvent à tous les marchés, les Molière... Ah! J'avoue qu'il n'y a pas de calembourg équivalent à cet homme-là.

Mr. Latirade.

De grâce, parlons sérieusement: avez-vous de jolis Vaudevilles?

Писаревъ.

Par ci par là, au reste tous veaux-de-ville ne sont pas des coqs de village.

Mr. Latirade.

Encore! Mais dites-moi quelque chose du personnel de la troupe, sans jouer sur les mots.

Писаревъ.

C'est vrai que les deux tiers de la troupe feraient bien de ne pas jouer du tout, cependant nous avons une tragédie — qui inspire la pitié, une comédie — qui fait rire, un opéra... qui ne fait rien, mais qui chante, un ballet qui enchante...

Mr. Latirade.

Et Monsienr plaisante. Mais je suis charmé d'entendre que vos ballets sont beaux.

Писаревъ.

Du tout : comment les bals laids pouvent-ils être beaux, s'ils sont laids?

Mr. Latirade.

C'est une fureur que cette calembouromanie! Au moins comment vont les machines, les vols, les parallèles, les gloires?

Писаревъ.

Il y a des machines admirables... dans le personnel de la troupe; plus de plagiats que de vols; les parallèles ne peuvent être mis en parallèle avec rien, et vous trouverez très-peu de gloires, qui soient solides.

Mr. Latirade.

Il m'excède! Et les spectateurs, Monsieur?

Писаревъ.

Les spectateurs n'ont rien de commun avec le spectateur Anglais.

Mr. Latirade.

Monsieur, je suis à la fin forcé de vous appliquer ce vers de Molière: On cherche ce qu'il dit, après qu'il a parlé.

Ah! quel vers divin!

Писаревъ.

Dix, vingt, vous savez compter. Et comment nommez-vous ce vers?

Mr. Latirade.

Diable! Mais c'est un vers de six pieds.

Писаревъ.

Quelle longueur! Et puis ce n'est plus un vers, s'il a six pieds, c'est une mouche.

Mr. Latirade.

Mais quelle mouche vous pique?

Писаревъ.

C'est piquant! Je m'en vais écrire cela dans mon souvenir.

Mr. Latirade.

En grâce, trève de jeux de mots. Récitons mieux une scène ensemble, je veux vous montrer comme je joue la tragédie.

Писаревъ.

Ah! ce n'est plus un jeu; je reprends mon sérieux.

Mr. Latirade.

Voulez-vous bien lire avec moi la scène d'Orosmane avec Nérestan?

Писаревъ.

Volontiers; mais est-ce que la Seine d'Orosmane n'est pas celle qui coule à Paris?

Mr. Latirade.

Monsieur... Je parie... Non, sans pari, commençons, je vous en prie.

Писаревъ.

Me voilà prêt!

(Scène de Zaïre).

Mr. Latirade.

Etes-vous content?

Писаревъ.

On peut plus. Ce *reste du jour* restera pour toujours dans mon souvenir.

Mr. Latirade.

Vous êtes incorrigible!

Писаревъ.

Non, me voilà corrigé, et notre fête augmentée d'un nouvel artiste.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 12.

МЕРТВЕЦЪ-ШАЛУНЪ.

ШУТКА, ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ,

СОЧИНЕНІЯ

Грицки-Основьяненки.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Дмитрій Павловичъ Житницкій, помѣщикъ, живущій въ городѣ.
Варинька, дочь его.
Степанъ Петровичъ Рыбкинъ, пріѣзжій помѣщикъ.
Груша, дочь его.
Алексѣй Васильевичъ Быстровъ.
Данило, слуга его.
Плитовъ.
Безмѣновъ, купецъ.
Щипкинъ, подрядчикъ.
Брокманъ, медикъ.
Пирожковъ, трактирщикъ.
Параша, дочь его.
Частный приставъ.
Полицейскіе солдаты.

Дѣйствіе въ городѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Комната въ трактирѣ, по-срединѣ и на-право двери; на столѣ горитъ свѣча. Разсвѣтетъ.

I.

Быстровъ (*одинъ въ замышательствѣ выбѣгаетъ изъ боковой двери*). Ахъ, какое ужасное приключеніе!... Такъ внезапно.... такъ скоро!... Умереть въ лучшія лѣта жизни!... пріѣхать съ тѣмъ, чтобы жениться и.... умереть?... Если бы это на меня, я умеръ бы съ досады.... Фу! какъ это меня разстроило!...

—

II.

БЫСТРОВЪ, ДАНИЛО.

Быстровъ. Что, Данило! полно правда-ли?...

Данило (*печально*). Все кончилось, сударь! Изволилъ скончаться навѣрное!

Быстровъ. Фай!

Данило (*утирая слезы*). Добрый, добрый баринъ!... Какой былъ живой, веселенькой!... Когда вы, сударь, съ нимъ съѣхались, познакомились и расположились вмѣстѣ ѣхать, такъ у меня душа ненарадовалась!... сколько было между вами шутокъ, проказъ по дорогѣ....

Быстровъ. Самую глупую проказу сдѣлалъ онъ, скончавшись такъ не кстати!...

Данило. Ахъ, сударь! Когда мы умираемъ кстати?...

Быстровъ. Богатый и бездѣтный дядюшка всегда кстати умираетъ.

Данило. И моя покойница, не тѣмъ будь помянута, промучивъ меня три года, въ ту самую пору, какъ я плѣнился теперешнею моею Аксютою, весьма кстати умерла.

Быстровъ. Когда Владиміръ третьяго дня заболѣлъ, то я никакъ не думалъ, чтобъ это такъ кончилось!...

Данило. Я и самъ, сударь, ничего не предполагалъ. Пріѣхавши, онъ легъ было почивать, но тутъ разболѣлся у него бокъ. Ужъ онъ кричалъ-кричалъ, стоналъ!... Я хотѣлъ бѣжать за докторомъ, куда! Не надо, говоритъ, пройдетъ и безъ того; не

люблю, дескать, лечиться. Далѣе къ свѣту, смотрю, кончается!... Я къ хозяину; не могъ достучаться. Вотъ ужъ я за вами.

Быстровъ. Хорошо, что я поспѣшилъ; видѣлъ его послѣднюю улыбку, почувствовалъ пожатіе руки и принялъ послѣдній вздохъ его.... Фу! какъ грустно!...

Данило. Не будетъ-ли хлопотъ, сударь? — Что дѣлать въ такомъ случаѣ?...

Быстровъ (*вспомнивъ*). Да здѣсь живетъ нареченный тесть его. Напишу къ нему, пусть управляется, какъ самъ знаетъ. Подай сюда мою шкатулку. Воображаю, какъ поразитъ его эти нечаянность!... Да чего же лучше?... (*Данило приноситъ шкатулку, и Быстровъ, вынувъ все принадлежащее къ письму, садится и пишетъ. Мрачность съ лица исчезла, онъ одушевляется, улыбается*).

Данило (*смотря на него*). Ужъ и развеселился. Закладъ держу, что готова новая проказа.... почти хохочетъ. Удивительный человѣкъ! Изо всего готовъ вывести шутку.

Быстровъ (*окончивъ писать*). Читай же, старикашка, по субботамъ и толкуй себѣ на досугѣ. Данило! какъ ты здѣсь сказался?

Данило. Что сказываться? Некогда было и поразговориться съ хозяиномъ.

Быстровъ. Видѣлъ-ли хозяинъ Владиміра?

Данило. Куда! Онъ и вниманія не обратилъ. Приказалъ отвести комнаты и не разспрашивая, кто и откуда, занялся разсчетомъ съ выѣзжавшимъ господиномъ.

Быстровъ. Безподобно! Дамъ же я и здѣсь себя знать. Слушай! Пойди и объяви хозяину, что баринъ твой вчера пріѣхавшій сюда, отставной поручикъ Владиміръ Ивановичъ Шумовъ, скоропостижно скончался.

Данило. Слушаю, сударь!

Быстровъ (*придумывая*). Да, скончался.... а обо мнѣ ни слова, какъ-будто я и не существую.... Понимаешь-ли, что здѣсь будетъ?

Данило. Почти понимаю и.... охъ, сударь!

Быстровъ. Поди, не твое дѣло. Разбуди хозяина, вломися къ нему, объяви, плачь, рыдай.... Нѣтъ, постой!.... Скажи просто, что баринъ твой.... Владиміръ Ивановичъ зоветъ его къ себѣ и ни слова больше не говори (*Данило уходитъ*). Это будетъ очень хорошо и разсѣетъ тоску мою, къ которой я не привыкъ, я не люблю ее; да правда, и она меня не любитъ и никогда не посѣщаетъ. Надобно теперь отвязаться отъ нея (*садится писать*). Пора кончить извѣщеніе тестя о кончинѣ моей.... Постой! За чѣмъ вдругъ отказывать, не узнавши всѣхъ подробностей? По-

конникъ Владиміръ рѣшился же, не видавъ никогда невѣсты, жениться на ней въ угодность родителямъ, почему же и мнѣ не поступить такъ геройски? Дѣло рѣшено. Чтобы утѣшить страждущую невѣсту, женюсь на ней, бѣдненькой! (*Пишетъ*).

—

III.

БЫСТРОВЪ, ПИРОЖКОВЪ, ДАНИЛО.

Пирожковъ (*съ поклонами*). Имѣю честь свидѣтельствовать мое почтеніе. — Покойно-ли изволили у меня почивать? — Кажется.... если не ошибаюся.... Владиміръ Ивановичъ?...

Быстровъ (*продолжая писать*). Такъ точно, я поручикъ Шумовъ. Квартирою очень доволенъ, и хочу за то тебѣ услужить.

Пирожковъ. Чувствительнѣйше благодаренъ. Конечно, изволите прожить у меня мѣсяцъ и болѣе. Въ такомъ случаѣ много обяжете, и я имѣю честь рекомендовать столъ мой, равно и вина, они всѣ отличнаго сорта и гораздо лучше, чѣмъ у моихъ товарищей. Тамъ все подкрашенное.... у меня же все будетъ отпускаемо по самой сходной цѣнѣ.

Быстровъ (*вставая*). Благодарю, но дѣло не въ томъ. Я вояжёръ и путешествую для наблюденія. Мнѣ хочется узнать въ подробности нравы и обычаи вашего города, занятія жителей, ихъ вкусы....

Пирожковъ. Охъ, сударь! Для этого не стоило вамъ безпокоиться заѣзжать къ намъ: народъ здѣсь вовсе не имѣетъ вкусу. Никто изъ нихъ никогда у меня не обѣдаетъ, и напитки большею частію берутъ у противниковъ моихъ.

Быстровъ. Хорошо же. Такъ я за одинъ разъ сдѣлаю два дѣла. Доставлю тебѣ значительный доходъ и испытаю обычаи жителей города. Послушай, мой любезный! Мнѣ пришла охота, сейчасъ, такъ, немножко.... умереть.

Пирожковъ (*въ испугѣ отскакивая отъ него*). Какъ, сударь?... Какъ?... Что вы это?...

Быстровъ. Ничего, любезный! Это будетъ такъ маленькая шутка. Я люблю всякаго рода проказы. Понравится мнѣ городъ, я въ немъ умираю, займу собою жителей; потомъ, когда меня погребутъ, я отправлюся далѣе съ новыми замѣчаніями.

Пирожковъ (*смотря на него съ болѣзненнымъ удивленіемъ*). Позвольте мнѣ.... конечно вы чувствуете себя не такъ.... У насъ есть искусный лекарь.... я его пришлю....

Быстровъ. Хорошо! Но скажи ему, чтобы пришелъ съ инструментами. Меня должно будетъ анатомировать. Я ужъ этотъ порядокъ знаю. Семъ разъ умирая, я всегда былъ анатомированъ, и могу знать, что зачѣмъ слѣдуетъ.

Пирожковъ (*все больше отходя*). Позвольте мнѣ поспѣшить... (*всторону*). Вотъ навязался жилецъ! Совсѣмъ съ ума спятилъ (*Даниле тихо*). Береги господина отъ самоубійства.

Данило (*равнодушно*). Намъ это дѣло знакомое.

Пирожковъ (*всторону*). Да это мнѣ кладъ! — Запрячусь къ себѣ и никому не скажу о сумашедшемъ... а самъ, знай, къ счету буду приписывать. (*Уходитъ, озираясь на Быстрова*).

Быстровъ. Начало сдѣлано, пустимся вдаль. — Данило, поздравь меня; я сегодня женюсь.

Данило. А невѣста пріискана?

Быстровъ. Какже. Все дѣло слажено. Я женюсь на невѣстѣ покойнаго Владиміра.

Данило. И не видавъ ея?... Согласится-ли она еще?

Быстровъ. Почему ей не согласиться выдти за видимаго, когда она рѣшалась идти за невиданнаго. Однако же, поспѣши убрать покойника. Одѣнь его въ такой же фракъ и все прочее, какъ на мнѣ....

—

IV.

ТѢЖЕ, ПЛИТОВЪ. Данило не много послушавъ, уходитъ въ боковую дверь.

Плитовъ. Мнѣ сказали, что въ этомъ нумерѣ остановился вчера пріѣхавшій поручикъ Шумовъ. Не вы-ли Владиміръ Ивановичъ?

Быстровъ. Точно такъ.

Плитовъ. Очень радъ. Кажется, мы въ двухъ словахъ кончимъ дѣло.

Быстровъ (*всторону*). Какое это дѣло. Надо изворачиваться (*вслухъ*). Я и самъ желалъ бы того. Но какое дѣло?

Плитовъ. Я служилъ, вы служили, слѣдовательно, мы товарищи. И такъ безъ лишнихъ приступовъ. Вы сговорены на Варварѣ Дмитріевнѣ Житницкой?

Быстровъ. Такъ точно, сударь. Я счастливѣйшій изъ смертныхъ.

Плитовъ. Ни вы ее, ни она васъ не видали, она только исполняетъ волю отца своего.

Быстровъ (*съ чванствомъ*). И не видавши меня, исполняетъ: какъ увидитъ, такъ еще и не то скажетъ.

Плитовъ. Чтобы скорѣе приступить къ развязкѣ, объясню прямо. Я люблю ее болѣе жизни и счастливъ взаимною ея любовью. Она клялась мнѣ не принадлежать никому другому.

Быстровъ. Мы не посмотримъ на ея клятвы.

Плитовъ (*съ жаромъ*). Но я не позволю никому безпокоить ее своей любовью.

Быстровъ. Есть люди, которые и не подумаютъ спрашивать у васъ позволенія.

Плитовъ. Сожалѣю, что наше дѣло не можетъ иначе кончиться; что дѣлать, я не виноватъ. Мы любимъ другъ друга давно. Необдуманное слово, данное родителемъ ея, удержало меня сдѣдать ему предложеніе. Вся надежда наша основана на томъ, что при свиданіи, вы другъ другу не понравитесь.

Быстровъ. Не знаю, какъ она, понравится-ли мнѣ, но я, я навѣрное понравлюся болѣе, чѣмъ вы.

Плитовъ (*всторону*). Какое глупое самохвальство! (*вслухъ*). Мы еще имѣли надежду на ваше великодушіе. Потому я и приказалъ дать мнѣ немедленно знать о пріѣздѣ вашемъ, чтобы, переговоря съ вами, кончить дружелюбно. Получивъ изъ полиціи извѣстіе о пріѣздѣ вашемъ, я поспѣшилъ увидѣться съ вами....

Быстровъ. Ну, вотъ мы видѣлись — и довольно.

Плитовъ. На чемъ же мы кончимъ?

Быстровъ. Я прошу васъ сей же вечеръ пожаловать на сговоръ ко мнѣ.

Плитовъ. Это рѣшеніе ваше, а я хочу иначе кончить. Выбирайте, на чемъ и гдѣ.

Быстровъ (*всторону*). Чортъ возьми! Стрѣляться вмѣсто мертваго и за дѣвушку, которой я въ глаза не знаю (*вслухъ*). Согласенъ и вотъ вамъ честное слово Владиміра Шумова, что если онъ не умретъ, то стрѣляется съ вами.

Плитовъ. Но когда и гдѣ?

Быстровъ. Позвольте, я люблю все порядкомъ устроить. Я хочу здѣсь умереть и въ четыре часа приготовлю все къ великолѣпному выносу моего тѣла. Такъ послѣ четырехъ часовъ прошу пожаловать въ домъ Житницкаго, тамъ мы обстоятельно переговоримъ.

Плитовъ. Шутка ваша вовсе не у мѣста; я....

Быстровъ. Я вовсе не шучу и какъ сказалъ, такъ тому и быть. Вы скоро услышите о смерти несчастнаго Шумова. Изви-

вите меня, мнѣ некогда. Я долженъ умереть, такъ, на короткое время; потомъ распорядиться погребальною процессіею, а тамъ уже драться съ вами. До свиданія!

Плитовъ (*всторону*). Съумасшедшій! но я буду наблюдать за нимъ (*вслухъ*). До свиданія. Но если вы думаете увернуться, то напрасно.... (*Данило входитъ*).

Быстровъ. О, никакъ. Если бы я не былъ озабоченъ смертью моею и принадлежностями къ тому, то я бы готовъ сейчасъ стрѣляться за такую милую дѣвушку, какъ.... какъ бишь ее....

Плитовъ. Видите, вы даже имени ея не знаете.

Быстровъ. Это ничего. Имя въ супружествѣ вещь посторонняя. Прощайте же!

Плитовъ. Не забудьте, что не на долго (*всторону*). Какъ понять его? Кажется помѣшанъ, но слуга его покоенъ (*уходитъ*).

Быстровъ. Вотъ положеніе! — Хочешь, не хочешь, стрѣляйся ва чужую невѣсту. Пропадай ваша голова! Я хочу еще пожить, и ни для сотни самыхъ красивыхъ дѣвушекъ не подставлю своего лба.

Данило. Какъ же вы думаете съ нимъ кончить?

Быстровъ. Осмотрю дѣвушку, и когда она мнѣ понравится, тогда перемѣнимъ роли: я назовусь живымъ Владиміромъ и женюсь на ней; Владиміра же похороню подъ именемъ моимъ; пусть городъ оплакиваетъ Алексѣя Быстрова.

Данило. Но этотъ господинъ?

Быстровъ. Чортъ съ нимъ! Когда станетъ приставать не на шутку, то я тихонько уѣду. Пусть стрѣляется съ мертвымъ Шумовымъ! — Да, непріятное положеніе! невѣста и дуэль. Лучше, еслибъ отъ всего этого избавиться.

—

V.

ТѢЖЕ, БЕЗМѢНОВЪ.

Безмѣновъ. Осмѣливаюсь свидѣтельствовать вамъ свое почтеніе и притомъ осмѣлюсь спросить, не вы-ли, какъ мнѣ сказали, изволите быть Владиміръ Ивановичъ Шумовъ?

Быстровъ. Такъ точно, это я (*всторону*). Что еще будетъ?

Безмѣновъ. Такъ мы оченно рады эвтому случаю. Осмѣлюсь спросить васъ: батюшка.... извините чести вашей не имѣю чести знать.... любезный вашъ родитель и батюшка, изволитъ-ли здравствовать?

Быстровъ. Какже, какже. Очень здоровъ. Поручилъ свидѣтельствовать вамъ свое почтеніе.

Безмѣновъ. Какъ это?... И только всего?...

Быстровъ. О, нѣтъ; равно и почтенной супругѣ вашей. Онъ не забылъ и ее.

Безмѣновъ. Что это вы, батюшка.... чести вашей не имѣю чести знать.... Батюшка вашъ изволитъ знать, что я овдовѣлъ и ради такого случая, изволилъ писать ко мнѣ слезное письмо.

Быстровъ. Да, это правда.... но батюшка полагалъ, что вы вступили во второй бракъ.

Безмѣновъ. Развѣ въ третій, грѣховъ моихъ ради. Пожалуйте же, батюшка... чести вашей не имѣю чести знать.... Что-же еще батюшка, кромѣ почтенія, изволилъ поручить ко мнѣ?

Быстровъ (*всторону*). Тутъ не безъ чего нибудь! Какъ-бы ловко отвѣчать. (*ему*) Много, всего много: почтеніе, увѣреніе въ дружбѣ, расположеніе....

Безмѣновъ. Хе, хе, хе, хе! За все за эвто благодарны. Но еще бы что посолиднѣе?... Изволитъ-ли помнить о должкѣ?

Быстровъ. Какже, помнитъ очень, но не безпокоится, зная, что деньги въ такихъ вѣрныхъ рукахъ, какъ ваши...

Безмѣновъ (*съ безпокойствомъ*). Что, батюшка?... что?... какія деньги у меня въ рукахъ?

Быстровъ. Тѣ.... что.... вы что-ли ему должны?

Безмѣновъ (*съ насмѣшкою*). Полно, такъ-ли? — Не онъ-ли мнѣ изволитъ быть должнымъ и уже за срокъ; обѣщали прислать чрезъ, чести вашей не имѣю честь знать....

Быстровъ (*всторону*). Вотъ еще новая бѣда! — невѣста, дуэль и долгъ. (*ему*). Да.... такъ точно, теперь вспомнилъ. Батюшка чрезъ меня посылалъ долгъ свой.

Безмѣновъ. Очень рады, батюшка, чести вашей не имѣю чести знать.... Всѣ ли сполна?

Быстровъ. Всѣ, всѣ по счету.

Безмѣновъ. Какое по счету? Не по заемному ли? Вѣдь и вы тамъ поручителемъ.

Быстровъ. Какже, помню все.

Безмѣновъ. Какъ же бы отъ васъ въ сей моментъ получить? Сегодня мы, по условію, должны уплатить Дмитрію Павловичу Житницкому, здѣшнему помѣщику.

Быстровъ. Ахъ, какъ это кстати! Я женюсь на его дочери, такъ вотъ будто я получилъ отъ васъ, а съ тестемъ я сочтусь.

Безмѣновъ. Нѣчто не выходитъ, батюшка.... чести вашей не имѣю чести знать. Мы должны Житницкому по заемному письму

и какъ мы люди аккуратные, такъ должна рука руку знать и въ сроки очищать наши счеты. Такъ вотъ, коли сумма готова, мы и покойны.

Быстровъ (*всторону*). Эко пристalъ! посмотрю еще, есть ли у Владиміра какая сумма для этого?

Безмѣновъ. Что же, батюшка... чести вашей не имѣю чести знать.... нѣчто призадумались? Надежно-ли получить мнѣ сумму?

Быстровъ. Оно.... очень надежно.... но признаюсь вамъ, я такъ что-то разстроенъ.... Вообразите; батюшка деньги сосчиталъ и отдалъ мнѣ: а я съ кошелькомъ забылъ ихъ дома....

Безмѣновъ. Нѣчто не выходитъ. Сумма-то такая, что въ кошелекъ не вмѣстима. Вѣдь пять тысячъ ассигнаціями.

Быстровъ (*всторону*). Уфъ! и пять тысячъ! (*вслухъ*). Да.... конечно.... кошелекъ мой въ шкатулкѣ, гдѣ и ваша сумма. Это все я забылъ дома.

Безмѣновъ. Пошло на извороты, но нѣчто вамъ это не нравится. Намъ неотложно нужны деньги и пока честью прошу васъ о томъ, батюшка.... чести вашей не имѣю чести знать..... а не то....

Быстровъ. Послушайте же меня: что деньги для уплаты я получилъ и забылъ дома, вы о томъ не безпокойтесь. Я сейчасъ побываю дома и чрезъ два часа доставлю всю сумму сполна.

Безмѣновъ. Да, кажись, домъ-то вашъ двѣсти верстъ отселева?

Быстровъ. Точно такъ, но я чрезъ два часа возвращусь, и живъ ли буду или мертвъ, вы отъ меня получите ихъ сполна.

Безмѣновъ. Чудеса вы мнѣ говорите и въ большое сомнительство вводите, но быть такъ, два часа не вещь — обождемъ.

Быстровъ. Чрезъ два часа навѣрное. И если я къ тому времени умру, такъ вы приходите и у меня изъ правой руки выньте пакетъ съ вашими деньгами.

Безмѣновъ. Избави Богъ смерти! Вы, батюшка.... чести вашей не имѣю чести знать.... не накликайте на себя эвдакой бѣды. Подъ какой часъ молвится слово. А лучше, кабы безъ всякой оказіи денежки уплатили, а я сбѣгалъ бы за заемнымъ и ладно бы дѣло порѣшили.

Быстровъ. Мы и такъ кончимъ ладно. Я сбѣгаю къ батюшкѣ и принесу деньги.

Безмѣновъ. Нѣчто! мнѣ все чудесно! Двѣсти верстъ въ часъ переѣхать, умереть.... Вамъ шутки, а меня сомнительство беретъ, право слово—такъ. Но.... два часа не што. Заявлю въ полиціи. Эхъ-эхъ-эхъ! Молодость играетъ. (*Уходитъ*).

Быстровъ. Эта новая бѣда похуже прежнихъ. Подай-ка Владимірову шкатулку и ключи его. (*Данило уходитъ и приноситъ шкатулку и ключи*). Посмотрю, не отыщу-ли тамъ этихъ денегъ? А то бѣда. Плати пять тысячъ ни дай, ни вынеси, за что. Купецъ не повѣрить никакимъ изворотамъ. (*Отпираетъ шкатулку и щетъ*). Прекрасно, вотъ и пакетъ. (*Читаетъ*). Купцу Безмѣнову съ пятью тысячами. Ладно.—Данило! Когда явится купецъ, вложи пакетъ Владиміру въ руки и пусть его получаетъ. А мнѣ уже пора начинать комедію.... Это еще кто?....

—

VI.

ТѢЖЕ, ПАРАША.

Параша (*входя робко*). Батюшка прислалъ спросить пріѣзжаго господина....

Быстровъ (*бросаясь къ ней*). Ахъ, какъ кстати пожаловала ты сюда, моя красавица!....

Параша (*останавливая его*). Что вамъ угодно?

Быстровъ. Поцѣловать тебя и просить, чтобы ты меня полюбила.

Параша. Это что за требованія?

Быстровъ. Ну, любви хотя и не надо пока, а только поцѣлуй.

Параша. Да какъ вы это смѣете? Пустите, сударь.

Быстровъ. Поцѣлуй же, жестокая, или я сейчасъ умру!

Параша. Хоть десять разъ себѣ умирайте, я не пожалѣю. Этакой озарникъ! (*убѣгаетъ*).

Быстровъ. Теперь пора ужъ объявить о моей смерти. А то опасно, чтобы еще не встрѣтилось чего ужаснѣе невѣсты, долга и дуэли.

Данило. Вы же гдѣ будете находиться?

Быстровъ. Тамъ же въ альковѣ, за занавѣскою, и буду обдумывать о дальнѣйшемъ ходѣ моей интриги.... (*Данило ушелъ*) хотя и терпѣть не могу этого думанья! Нѣтъ ли еще какихъ денежныхъ препорученій? — А! вотъ кошелекъ; возьму на случай къ себѣ.... Ахъ, ужъ идутъ. (*Запираетъ шкатулку и съ нею убѣгаетъ въ боковую дверь*).

—

VII.

ПИРОЖКОВЪ, ДАНИЛО.

Пирожковъ. Чудныя ты мнѣ диковины разсказываешь! И будто умеръ, настоящимъ образомъ, какъ слѣдуетъ умеръ.

Данило (*растворивъ боковую дверь*). Какъ видите.

Пирожковъ (*испугавшись, отступаетъ*). Такъ.... такъ.... лежитъ мертвъ и недвижимъ. Но.... воля твоя, это дѣло сомнительное. Самъ объявилъ, что умретъ, и умеръ.... а ты, любезный, и слезинки не выронишь. Словно и ничего.

Данило. Чего сокрушаться? Всѣ мы смертные: рано ли, поздно ли, всѣ помремъ.

Пирожковъ. Да вотъ такъ-ли заговоришь при допросѣ. Я побѣгу въ полицію объявить о необыкновенномъ произшествіи: а тебя прошу неотходить отсюда. Пусть-ка разыщутъ, кто причиною его смерти....

—

VIII.

ТѢЖЕ, ПАРАША вбѣгаетъ въ слезахъ.

Параша. Я.... я.... причиною его смерти.... Батюшка, точно-ли онъ умеръ?

Пирожковъ (*указывая въ двери*). Вотъ видишь; и въ лицѣ измѣнился.

Параша (*рыдая*). Ахъ, это я причиною его смерти.... отъ меня онъ умеръ!....

Пирожковъ. Что ты это говоришь, полуумная?

Параша. Я..... я..... погубила его!..... Совѣсть мучитъ меня!....

Пирожковъ. Чѣмъ же ты погубила его?

Параша. Какже?—Онъ просилъ, чтобъ я поцѣловала его.... я не хотѣла.... онъ поклялся что тутъ же умретъ.... я убѣжала.... а онъ и умеръ..... Лучше бы я его десять разъ поцѣловала!.....

Пирожковъ. Хорошо-же, что онъ умеръ не нацѣловавшись съ тобою, а то бы.... Ну, пора къ дѣлу. Всѣмъ намъ хлопоты....

Параша. А я, батюшка, не попаду ли подъ судъ!

Пирожковъ. Ты!—за что?....

Параша. Что не захотѣла его цѣловать.

Пирожковъ. Глупая! Волокиты всегда васъ такъ пугаютъ. Войдешь въ лѣта, не то услышишь. Ступай домой. (*Уходитъ*).

Параша. Если бы можно оживить человѣка, какъ уморить! Теперь не буду отказывать никому въ поцѣлуяхъ, чтобы не быть причиною ни чьей смерти. (*Уходитъ, плача*).

Быстровъ (*выбѣгаетъ*). Ушла?... Какъ жаль! я хотѣлъ увѣрить ее, что отъ поцѣлуевъ ожилъ. Теперь она въ горѣ и мнѣ жаль, что не могу вывести ее изъ заблужденія.

Данило. Да вамъ то что за дѣло? Утѣшителей много, растолкуютъ ей все, какъ по писанному. — Это кто еще?..... Уйдите, сударь, уйдите.... хозяинъ ведетъ полицію. Спрячьтесь поакуратнѣе. (*Быстровъ убѣгаетъ въ боковую дверь и оставляетъ ее не притворенною*).

—

IX.

Данило, Пирожковъ, Частный, Брокманъ съ инструментами.

Частный (*указывая на Данилу*). Это кто?

Пирожковъ. Это слуга умершаго. Онъ одинъ при немъ былъ.

Частный. Задержать его. А покойникъ гдѣ?

Данило (*указавъ въ дверь*). Вотъ онъ, сударь. Изволитъ лежать покойно.

Частный (*заглянувъ безъ дальняго вниманія*). Хорошо. Карлъ Карловичъ извольте свидѣтельствовать.

Брокманъ (*Пирожкову*). Любезный хозяинъ! пойдемъ со мною, ты мнѣ поможешь.

Пирожковъ (*робѣя*). Помилуйте.... не могу.... Здѣсь будутъ отбирать показаніе....

Брокманъ. Ну, я и одинъ справлюсь.

Частный. Скорѣе оканчивайте.

Брокманъ. Ну да, да, понимаю. (*Уходитъ въ боковую дверь*).

Частный (*къ Данилѣ, приготовляясь писать*). Ну, любезный! Кто твой господинъ и кто ты самъ такой?

Данило. Баринъ мой, Василій Ивановичъ Шумовъ, отставной поручикъ, холостъ и не женатъ по нынѣ, а я слуга его Данила, по крестному отцу, за неимѣніемъ роднаго, Васильевъ, сударь.

Частный. За чѣмъ твой баринъ пріѣхалъ сюда и отчего здѣсь умеръ?

Данило. Онъ изволилъ пріѣхать сюда жениться на дочери помѣщика Житницкаго.

Частный. Знаю его.—И что жъ?

Данило. Изволилъ все съ прежнею охотою одѣваться, да вдругъ и раздумалъ. Хочу, говоритъ, Данило, и здѣсь не много умереть. Вотъ какъ изволилъ захотѣть умереть, такъ и хозяину объявилъ, что вотъ, дескать, сейчасъ умретъ.

Пирожковъ. Такъ точно. Объявилъ мнѣ.

Данило. Вотъ я ему говорю: полноте проказить, сударь? До коихъ поръ выкидывать вамъ эти штуки? А онъ изволитъ говорить: ничего; позабавлюсь самъ и другихъ повеселю. Изволилъ прилечь, понюхалъ табаку, чихнулъ.... Я не успѣлъ сказать «желаю здравія, сударь! гляжу.... а онъ изволилъ ужъ скончаться.

Частный. Хороша басня, но худо сложена. Ты видно бывалый гусь! (*пишетъ*). Ты сказалъ, что твой баринъ такія-же проказы дѣлалъ и прежде. Что это значитъ?

Данило. Это значитъ, сударь, что онъ рѣдко въ которомъ городѣ не умиралъ. Вотъ мы проѣхали девять городовъ, а онъ.... это уже въ седьмомъ изволитъ умирать.

Частный. Что ты вздоръ несешь?

Данило. Помилуйте не вздоръ, сударь. Умиралъ и вездѣ былъ мною погребаемъ. Какъ мы его похоронимъ, я по назначенію его и выѣду, а онъ на дорогѣ пырь опять въ коляску и пошелъ далѣе.

Частный. Можетъ ли это быть! что ты путаешь?

Данило. Почему же, сударь не быть? Что кому нравится. Иной любитъ волочиться за дѣвушками; другой съ собаками гоняться; тотъ въ картишки поиграть. А мой баринъ — этихъ пустяковъ не любитъ. Ему бы все умирать. Ужъ такая страсть у него.

Частный. Это невѣроятно!

Брокманъ. (*за кулисами кричитъ*). Ай, ай, ай, ай, ай!...

Частный (*вскакиваетъ*). Что тамъ такое?

(*Пирожковъ тоже пугается*).

Данило. Ничего, сударь; не безпокойтеся. Вѣрно баринъ мой началъ проказить.

Частный. Какъ проказить?

X.

ТѢЖЕ, БРОКМАНЪ, блѣдный, дрожащій. У него на головѣ подушка; въ рукахъ инструменты.

Брокманъ (*выбѣгая*). Ой, ой, ой, ой!

Вмѣстѣ. { Частный. Что это вы, докторъ?
Пирожковъ. Что съ вами?

Брокманъ (*срывая съ головы подушку*), Ой, ой, ой, ой!... Я не могу придти въ себя!... (*дрожитъ*) Удивительно и непостижимо? (*все оглядывается къ дверямъ*). Я пришелъ къ нему.... осмотрѣлъ, удостовѣрился, что онъ точно умеръ.... я былъ покоенъ. Я вскрываю черепъ.... выбираю все изъ головы, разсматриваю.... какъ вдругъ мертвый.... заговорилъ....

Вмѣстѣ. { Пирожковъ (*дрожа*). Говоритъ?
Частый. Можетъ вамъ такъ показалось... послышалось?!

Брокманъ. Какое показалось или послышалось? Онъ ясно сказалъ: не трудитеся болѣе свидѣтельствовать; я умеръ по охотѣ. Именно это сказалъ.

Вмѣстѣ. { Частный. Что же вы?
Пирожковъ. Умираю отъ страху!

Брокманъ. Разумѣется, вскрикнулъ.... уронилъ все изъ рукъ,... побѣжалъ за вами.... какъ онъ, вслѣдъ, накрылъ меня подушкою.

Частный. Это ужасно!... невѣроятно?...

Пирожковъ (*отъ страха не можетъ говорить*). Ме.... ме.... ме.... охъ!

Брокманъ. Нужно тотчасъ изслѣдовать. Пойдемъ всѣ вмѣстѣ, осмотримъ, разберемъ причину, довщемся....

Частный. Помилуйте, не могу!... Казусный случай; я долженъ немедленно донести начальству....

(*уходитъ поспѣшно, оставивъ бумаги на столѣ*).

Брокманъ. Такъ вы хозяинъ со мною?

Пирожковъ (*съ большою трусостью*). Пожалѣйте меня!... При первой окказіи я тотчасъ умру.... а у меня жена.... пятеро дѣтей.... бутылки не розлиты.... жаркое въ печи.... изъ дому придется бѣжать ... (*убѣгаетъ въ страхѣ*).

Брокманъ (*Даніилъ*). Пойдемъ, любезный, со мною. Видишь, какіе они трусы.

Данило. Я приглядѣлся къ проказамъ моего барина. Семь разъ умиралъ и всегда былъ анатомленъ и опять оживалъ.

Брокманъ (*дрожа, спѣшитъ укладывать инструменты*). Это непостижимо! Жаль, что я не съумѣю написать диссертацію и отправить въ журналы!... Впрочемъ, одному опасно оставаться....

—

XI.

ТѢЖЕ БЫСТРОВЪ, голова у него завязана чернымъ платкомъ.

Быстровъ (*выступаетъ театрально и подойдя къ Брокману*,

говоритъ ему гробовымъ голосомъ). Благодарю васъ, любезный докторъ, что вы меня болѣе не безпокоили. Хотя меня уже семь разъ вскрывали и я къ тому привыкъ.... жаль только, что вы уронили мой черепъ и разбили его, но я кое-какъ все увязалъ. Вотъ вамъ за визитъ. (*Даетъ ему въ руки кошелекъ, вынутый изъ шкатулки прежде).* Прощайте! (*Брокманъ, у котораго всѣ мускулы лица и всѣ члены дрожатъ сильно, не помня ничего, беретъ деньги, идетъ, не видя куда. Данило выводитъ его въ среднюю дверь.*

Быстровъ. Ну, надѣлалъ тревоги. Вложи пакетъ съ деньгами: скоро купецъ придетъ. (*Данило идетъ въ боковую дверь и потомъ возвращается*). Пора уйти отсюда и въ городѣ начать шалости. Пусть вся вина падаетъ на бѣднаго Владиміра. А! вотъ и допросы здѣсь. Подпишу для ясности. (*Пишетъ и читаетъ*). Вѣрно! подписалъ умершій Владиміръ Шумовъ. А, мой Данило, какъ умѣешь, такъ и выпутывайся, (*беретъ шляпу и хочетъ итти*). Это кто еще? Все мѣшаютъ....

XII.

ТѢЖЕ, ЩИПКИНЪ

Щипкинъ. Не нужна-ли, милости вашей, моя услуга?

Быстровъ (*съ нетерпѣніемъ*). Кто ты?

Щипкинъ. Непремѣнный спутникъ доктора. Онъ начинаетъ, я оканчиваю; онъ кормитъ меня. Однимъ словомъ, я подрядчикъ на похороны. Увидя, что отсюда вышелъ докторъ, я и знаю, что или потребуется или уже нужна моя услуга.

Быстровъ. Подрядчикъ на похороны? Это новая промышленность. Снарядите же мнѣ похороны отъ жены какъ-бы старому мужу. Можно ли будетъ успѣть къ четыремъ часамъ.

Щипкинъ. Хоть сей-часъ. Укажите покойника, нужно снять мѣрку для гроба. А гробы у меня прелесть, какъ отдѣланы. Всегда завидуютъ живые.

Быстровъ. Чтобы скорѣе, сними съ меня мѣрку. (*Щипкинъ вынимаетъ складной аршинъ и начинаетъ мырять Быстрова*). Пожалуйста осторожнѣе около головы; меня сейчасъ анатомили, раскроили весь черепъ; я на силу собралъ и съ трудомъ сложилъ и увязалъ, такъ пожалуйста, не разстрой головы. — Что же ты отошелъ и смотришь на меня? — Я покойникъ, я самъ требую пышныхъ похоронъ. Данило! расположи все по прежнимъ моимъ похоронамъ, а я усталъ и лягу.... (*идетъ къ боковой двери*).

Данило (*беретъ изумленнаго Щипкина, подводитъ его къ столу и занимаетъ его*). Какъ я разсмотрѣлъ, такъ ваши похороны пустяные. Мой баринъ семь разъ умиралъ и всегда былъ гораздо пышнѣе погребаемъ. (*Между тѣмъ Быстровъ тихо ушелъ въ среднюю юдверь*).

Щипкинъ. (*видѣвшій Быстрова, отходящаго къ боковой двери, все вниманіе обращалъ на слова Данила, смущается*). Что вы мнѣ это съ барином ъ за нелѣпицу несете? полно вамъ турусы на колесахъ подпускать. Когда нуженъ, укажите покойника, сниму мѣрку и примусь за дѣло.

Данило (*растворя боковую дверь*). Вотъ онъ уже и улегся. Теперь полежитъ нѣсколько времени спокойно, поспѣшите снять мѣрку.

Щипкинъ (*въ большомъ удивленіи*). Что я вижу—Это никакъ онъ?

Данило. Да ни кто же другой, какъ баринъ мой, вотъ что былъ здѣсь съ вами.

Щипкинъ. Мер... мертвой?

Данило. Конечно. Снимите мѣрку и не опоздайте къ сроку.

Щипкинъ. Странное дѣло! Жаль утерять работу, и боюсь приступить. Потрудись, братъ, смѣрить.

Данило. Что вы? Я толку не знаю въ этомъ. Но не бойтесь; онъ лёжа не подвинется; иное дѣло, когда привстанетъ...

Щипкинъ (*въ недоумѣніи*). Эх-эх-эх! Заработокъ знатный. Была не была. Войду и хотя глазомъ, издали... (*уходитъ въ боковую дверь*).

Данило. Чѣмъ все это кончится? Не отвѣтить-бы мнѣ больше всѣхъ!...

XIII.

ДАНИЛО, ЩИПКИНЪ И ПИРОЖКОВЪ.

Пирожковъ (*ещё за кулисами кричитъ и вбѣгаетъ въ среднюю дверь*).

Щипкинъ (*на шумъ Пирожкова выбѣгаетъ изъ боковой двери крича*). Ай, батюшки!... ай, батюшки!

Пирожковъ (*испугавшись Щипкина, бѣжитъ отъ него также крича*). Вотъ онъ!... вотъ онъ!...

Щипкинъ (*не понимая причины испуга Пирожкова бѣжитъ, къ нему. Тотъ уходитъ отъ него и оба кричатъ*). Мертвецъ, мертвецъ! — Ой, пропали мы!.... Помогите!

Щипкинъ (*прежде осматривается, успокоивается, но едва можетъ говорить*). Но гдѣ же мертвецъ?... Его здѣсь нѣтъ. Онъ тамъ гнался за мной.

Пирожковъ. Ну, не прогнѣвайся; а я счелъ васъ за мертвеца и ревѣлъ изо всей силы. Такъ онъ оттуда точно гнался за вами? Что вы тамъ дѣлали съ нимъ?

Щипкинъ (*все оглядываясь*). Здѣсь неслыханныя чудеса! Меня призвали сюда устроить похороны. Самъ баринъ договаривается со мной и говоритъ: снимай съ меня мѣрку, меня похорони. Я за аршинъ, начинаю мѣрить; а онъ давай проказничать. То выростетъ подъ потолокъ, то съёжится вотъ въ такого карла (*указываетъ почти на землю*). Наконецъ мнѣ надоѣли эти шалости и я сказалъ: нѣтъ, баринъ, когда хочешь быть похороненнымъ, такъ ложися на столъ, по правиламъ; тутъ я смѣряю тебя.

Пирожковъ (*дрожа и все оглядываясь*). Люблю за порядокъ. Это и я сказалъ бы ему. Что же далѣе?

Щипкинъ. Онъ и говоритъ: лечь, такъ лечь. И пошелъ туда, а я за нимъ.

Пирожковъ. За нимъ?

Щипкинъ. За нимъ. Что мнѣ мертвые? Я къ нимъ приглядѣлся и со всѣми за панибрата. (*Въ это время Данило, въ началѣ сцены уходившій въ боковую дверь, выходитъ изъ нея; Щипкинъ пугается и кричитъ*). Ай, ай, ай, ай! (*бѣжитъ въ уголъ. Пирожковъ также пугается и прячется за него, крича*).

Данило. Помилуйте, чего вы боитесь? Онъ лежитъ спокойно.

Пирожковъ. Да. Того и смотри, что новую пакость выкинетъ.

—

XIV.

ТѢЖЕ, ЧАСТНЫЙ, ЧЕТЫРЕ ПОЛИЦЕЙСКИХЪ СОЛДАТА.

Частный. Послѣдовало распоряженіе отъ начальства. Пока изслѣдуется со всею точностію все происшедшее здѣсь, приказано дверь къ покойнику запереть, запечатать и не впускать никого. Хозяинъ! запри дверь и завяжи! вотъ веревка, а я приложу печать.

Пирожковъ (*труся*). Помилуйте.... смѣю-ли я?...

Частный. Но ты хозяинъ у себя въ домѣ.

Щипкинъ. Эхъ, горе богатыри! — Видно придется мнѣ, какъ

свыкшемуся съ мертвецами, сдѣлать, что надо. Запереть дверь, что-ли?

Частный. Да, да, запереть, и вотъ веревка, завязать потуже. (*Щипкинъ засучивая рукава, идетъ къ двери робко*).

XV.

ТѢЖЕ, БЕЗМѢНОВЪ. При входѣ его, Щипкинъ пугается и отскакиваетъ отъ дверей, равно и всѣ пугаются.

Безмѣновъ. Деньги мои, помилуйте!.. мои деньги!..

Частный. Какія деньги?

Безмѣновъ. Пять тысячъ рублёвъ. Самъ покойникъ сказалъ мнѣ, возьми, дескать, у меня изъ рукъ у мертваго...

Всѣ (*съ удивленіемъ*). Покойникъ сказалъ?!

Данило. Точно такъ. Мой баринъ позабылъ было ихъ дома и сбѣгалъ за ними....

Безмѣновъ. Сбѣгалъ. Двѣсти верстъ отселева?

Данило. Это для него бездѣлица. Возвратясь, разсудилъ на часъ умереть и умеръ. А пакетъ съ деньгами: вотъ-онъ у него въ рукахъ, извольте получать.

Безмѣновъ. Ты, братъ слуга его. Возьми и вынеси.

Данило. Безъ барскаго приказу не смѣю, развѣ съ половины.

Безмѣновъ. Э, ни, ни. (*вздохнувъ*). Такъ видно самому пускаться въ бѣду! О деньги! чего для васъ человѣкъ не предприметъ?! — Жена! дѣти! пріимите мое заглазное прощеніе! (*входитъ въ боковую дверь. Всѣ съ ужасомъ смотрятъ. Безмѣновъ выходитъ оттуда блѣдный, шатающійся, съ пакетомъ въ рукахъ*).

Частный. Благополучно получилъ? не случилось ли чего?

Безмѣновъ. Охъ.... охъ!... ничего... только проговорилъ: спасибо, что повѣрилъ.

Частный. Слышите? Будьте же свидѣтелями, что мертвецъ говорилъ. Ну, теперь къ дверямъ. (*Подступаютъ солдаты, Частный, Пирожковъ и другіе пятятся, опять подступаютъ; схватываютъ двери и притворяютъ ее, запутывая веревками. Занавѣсъ закрывается*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Комната въ домѣ Житницкаго.

—

I.

Житницкій (*одинъ выходитъ съ письмомъ въ рукахъ*). Что это за галиматья?—Не возьму никакъ въ толкъ... (*читаетъ письмо*). «Почтенный будущій тесть. Извините, имени и отечества «не имѣю чести знать. Въ прошедшую ночь, по волѣ моего ба«тюшки и по вашему желанію, я пріѣхалъ сюда, чтобы жениться на «любезнѣйшей вашей дочери и, конечно, поспѣшилъ бы явиться «къ вамъ, для исполненія общаго нашего желанія, но мнѣ встрѣ«тилась надобность умереть, что я исполнилъ уже, и теперь рас«полагаю моимъ погребаніемъ, которое, къ рѣчи сказать, будетъ «великолѣпно. Когда дойдетъ до васъ вѣсть о плачевной кончи«нѣ моей, сдѣлайте милость не отдавайте ни за кого вашей лю«безной дочери, не повидавшись со мною. Когда меня погребутъ, «я поспѣшу явиться къ вамъ и кончить начатое нами дѣло. Вашъ «будущій зять, Владиміръ Шумовъ. Сегодня. Трактиръ Пирожко«ва.» Все не понимаю ничего. Или онъ писалъ въ пьяномъ видѣ или сумасшедшій какой-то — Гей! коляску скорѣе. — Поѣду самъ въ трактиръ. Увижу, что тамъ происходитъ. Не сказавшись ему, постараюсь разобрать, что онъ за человѣкъ. Если что не такъ, такъ я и дома не скажусь, пусть себѣ улепетываетъ во свояси. Если же этотъ молодой шалунъ и проказитъ, такъ намъ такого подавай. Въ шалостяхъ мы и тебя перемудримъ. Я съ своей стороны замистифирую тебя. Но прежде испытаю....

—

II.

ЖИТНИЦКІЙ, ВАРИНЬКА, ГРУШИНЬКА.

Варинька Папинька! Вы ѣдете?..

Грушинька. Вы получили письмо?

Житницкій (*отвѣчая обѣимъ*) Ѣду.—Получилъ.

Варинька. Куда?

Грушинька. Отъ кого?

Житницкій (*также*). Не скажу. — Не знаю.

Варинька и Грушинька. Сдѣлайте милость, скажите?

Житницкій. Ничего не могу объяснить болѣе, какъ только скажу, что по возвращеніи моемъ, ты, Варинька, перестанешь страдать головною болью...

Грушинька. А! вы ѣдете отказать Брокману. Отгадала?

Житницкій. (*улыбаясь*). Почти. Я привезу съ собой такого доктора, который вылечитъ тебя отъ всѣхъ болѣзней....

Варинька. Понимаю! (*дѣлается грустна*).

Грушинька. И я догадываюсь. А письмо не отъ моего-ли батюшки? Что пишетъ? Скоро-ли будетъ или не пріѣхалъ ли уже и вы спѣшите къ нему?

Житницкій (*дочери*). Ничего нѣтъ вѣрнаго еще, и ты не предавайся преждевременно радости. И письмо (*къ Грушинькѣ*) не отъ твоего отца. А что онъ будетъ, такъ это вѣрно, и пріѣдетъ прямо къ намъ.

Грушинька. Видите ли, какіе вы не добрые! Отчего не сказать, отъ кого письмо получили и куда вы ѣдете, противъ обыкновенія, безъ насъ?

Житницкій (*взявъ обѣихъ за руки, съ важностью.*). Ахъ, друзья мои! Открывъ вамъ то, что я знаю, боюсь навлечь на васъ большое несчастіе!...

Варинька и Грушинька (*съ безпокойствомъ*). Какое несчасте? —Что намъ угрожаетъ?

Житницкій (*также*). Если я вамъ объявлю мой секретъ, то вы будете знать больше, чѣмъ до сего часа; а узнавши больше, скоро состарѣетесь; а это для дѣвушекъ большая бѣда. (*смѣется*).

Грушинька. Вотъ что! не стоило такихъ предувѣдомленій, Эта бѣда поминутно за нами. И уже теперь мы стали старѣе, нѣмъ были поутру.

Житницкій. Потому-то я и уѣзжаю, чтобы хотя дочь мою, поскорѣе назвать молодою. Но, Варинька, будь покойна; я и самъ не знаю еще ничего. — До свиданія! (*Уходитъ*).

Варинька. Бѣда моя! — изъ всего видно, что Шумовъ пріѣхалъ, извѣстилъ папеньку и онъ поспѣшилъ къ нему.

Грушинька. Твой Шумовъ уже не нравится мнѣ. Что за смыслъ показаться прежде отцу? Онъ долженъ былъ прежде всего показаться тебѣ и ждать твоего приговора.

Варинька.. Ахъ, Грушинька, ты и теперь шутишь. Что мнѣ дѣлать? роковая минута приближается.

Варинька. Папенька такъ предубѣжденъ въ пользу Шумова и полагаетъ, что никто не можетъ быть интереснѣе его. Даже смущеніе мое онъ приписываетъ радости, что Шумовъ пріѣхалъ.

Мнѣ странно, что Плитовъ нейдетъ къ намъ. Онъ обѣщалъ тотчасъ узнать о пріѣздѣ его и объясниться съ нимъ.

Грушинька. А не онъ ли это идетъ? — нѣтъ.

—

III.

ТѢЖЕ, БЫСТРОВЪ входитъ въ шляпѣ. Голова его также вся связана платкомъ. Увидѣвъ дѣвицъ, остается въ недоумѣніи. Говоритъ самъ съ собою.

Быстровъ. Вмѣсто одной — двѣ... и обѣ прехорошенькія! — Прошу угадать, къ которой должно адресоваться? — Судьба — случай! помоги мнѣ!

Варинька (*при входѣ его спѣшитъ встороиу и Грушиньку увлекла*). Ma chère!... кто это?...

Грушинька (*прячется за нее*). Какой то чудакъ.

Варинька (*также прячется за нее*). Спроси его, пожалуйста.

Грушинька (*также*). Ты хозяйка въ домѣ....

Варинька (*также*). Пожалѣй меня! я едва стою.... или уйдемъ....

Грушинька. Ни на что не похоже. Такъ и быть. Соберусь съ духомъ.... Вы.... что вамъ здѣсь угодно?

Быстровъ (*встороиу*). А! это хозяйка. (*Грушинькѣ*). Мнѣ здѣсь нужны любовь, счастіе и спокойствіе.

Грушинька. Но кто вы?

Быстровъ. Я? Вошелъ сюда бѣднѣйшимъ; но отъ васъ зависитъ обогатить меня.

Варинька (*съ испугомъ, тихо Грушинькѣ*). Ma chère — это Шумовъ!

Грушинька (*тихо ей*). Такъ что же? Видишь-ли, какъ онъ хорошъ. (*Быстрову*). Вы конечно мосьё Шумовъ?

Быстровъ. Скажите чистосердечно: не убью ли я васъ подтвердивъ вашу догадку?

Грушинька. Отчего же? — Напротивъ....

Быстровъ. О! такъ вы не Варинька. И какъ перемѣнились обстоятельства чрезъ это объясненіе!... Правду сказать, много помогли, что вы такъ интересны. Не будьте вы такъ восхитительны, здѣсь произошла бы трагедія.

Варинька (*тихо Грушѣ*). Ma chère! — это сумасшедшій!

Грушинька (*ей тихо*). Но онъ любезенъ. Позабавимся имъ. (*Быстрову*). Объясните намъ, что вы хотите сказать?

Быстровъ. Все устроилось хорошо оттого, что вы не уступаете въ красотѣ прелестной Варинькѣ, иначе.... вы нѣсколькими днями позже вышли бы за мужъ. Прелести ваши все уладили.

Грушинька. Вы очень вѣжливы!

Быстровъ. А, это намекъ, что я не отдалъ вамъ должнаго почтенія и не снялъ шляпы. Но вотъ изволите видѣть: я боялся вѣжливостью моею навлечь вамъ непріятность. Я сегодня умеръ и докторъ вашъ такъ не мастерски вскрылъ мнѣ черепъ, что онъ въ дребезги разсыпался и я съ трудомъ все увязалъ; такъ боясь растерять мою голову, я хотѣлъ было не снимать шляпы, но при васъ.... постараюсь осторожнѣе снять ее. — (*снимаетъ осторожно шляпу*).

Варинька (*почти вслухъ*). Сумасшедшій!

Грушинька. Это и видно, что вы страдаете головою.

Быстровъ. Если бы только головою! но вообразите, что у меня встрепенулось еще и сердце! Ахъ, какъ оно бушуетъ!.... Я не могу рѣшиться....

Варинька. Жалкій молодой человѣкъ!

Быстровъ. Ахъ, Варинька! не допускайте въ себѣ другаго чувства ко мнѣ, кромѣ жалости. Иначе явится третій, который будетъ несчастенъ отъ нашего счастья!

Грушинька. А! вы мосьё Шумовъ!

Быстровъ (*нѣжно*). Вы однѣ можете сдѣлать изъ меня то, чѣмъ теперь Шумовъ. Но пусть я буду для васъ тотъ, кто для Варинъки другой, а не Шумовъ!

Варинька. Ахъ, Боже мой!

Грушинька. Непостижимо! — Но вотъ кстати пріѣхалъ докторъ, онъ васъ осмотритъ.

Быстровъ. Докторъ? Избавьте меня отъ него, онъ уже испортилъ мою голову, испортитъ и все. Я долженъ скрыться. — (*Идетъ въ бокъ*).

Грушинька. Не туда. Это кабинетъ. Вотъ дверь, сюда пожалуйте.

Быстровъ. Напротивъ: мнѣ здѣсь будетъ покойнѣе Но ни слова обо мнѣ доктору. Онъ самъ все разскажетъ. (*Идетъ въ двери на лѣво*).

Грушинька. Что это за чудакъ?

Варинька. Никто больше, какъ Шумовъ.

Грушинька. И какъ жаль, что такъ помѣшанъ!

—

IV.

ТѢЖЕ, БРОКМАНЪ.

Брокманъ. Наконецъ я могу успокоить васъ своимъ пріѣздомъ. — Чуть-чуть остался въ живыхъ.

Грушинька. Какъ жаль! Конечно вы принялись сами себя лечить?

Брокманъ. Это-то меня и спасло.

Грушинька. Вотъ неслыханное диво!

Брокманъ. Подлинно неслыханное! — Но позвольте: прежде нежели я васъ изумлю своимъ разсказомъ, пожалуйте мнѣ вашъ пульсъ. (*Варинька протягиваетъ руку; онъ съ важностью наблюдаетъ пульсъ*). О! все хорошо. Пульсъ чрезвычайно покоенъ.

Грушинька. Она не принимала вашей микстуры и оттого ей легче. Но странно, когда вы находите пульсъ ея въ порядкѣ, она въ большомъ безпокойствѣ.

Брокманъ. То-ли случается въ физическомъ мірѣ? Я вамъ разскажу сей-часъ самое необыкновенное, только что случившееся со мною событіе.

Грушинька. Ужъ не вылечили-ли вы кого изъ больныхъ!

Брокманъ. Нѣтъ, съ этимъ упрямымъ народомъ ничего не сдѣлаешь. Еще чудеснѣе произошло. Умершій, анатомированный, ожилъ и живъ.

Грушинька. Ежели вы его анатомировали по той же методѣ, какъ лечите больныхъ, то есть, напротивъ порядка, такъ и удивительнаго ничего нѣтъ.

Брокманъ. О какія вы! говорятъ вамъ, что я анатомировалъ, какъ должно, а голову отлично. Однимъ словомъ вычистилъ ее, какъ тыкву, и послѣ этого мой пацiентъ заговорилъ со мною, всталъ, проводилъ меня и заплатилъ за визитъ.

Грушинька. Далѣе, далѣе. Это очень интересно. Разрѣшите наше недоумѣніе.

Варинька. Вы разсказываете невѣроятное!

Брокманъ. Какъ невѣроятное, когда есть доказательства. Вотъ кошелекъ съ деньгами, которыя онъ мнѣ подарилъ. (*Вынимаетъ кошелекъ, данный Быстровымъ*).

Варинька (*вскрикиваетъ*). Ахъ, что это? — Мой кошелекъ?

Брокманъ. Вашъ кошелекъ? Какъ-же онъ зашелъ въ трактиръ къ пріѣзжему?

Варинька (*Грушинькѣ*). Вообрази, ma chère! Когда папенька далъ за меня слово Шумову, то потребовалъ, чтобъ я послала

что-нибудь нареченному жениху. Я послала своей работы этотъ кошелекъ и онъ вѣжливо писалъ ко мнѣ и благодарилъ.

Грушинька. Непостижимо!—Скажите намъ, мосьё Брокманъ: долго ли вы лечили этого больнаго и когда онъ пріѣхалъ сюда?

Брокманъ. Я его не лечилъ вовсе. Онъ пріѣхалъ ночью и остановился въ трактирѣ у Пирожкова. Полагаю, что онъ слышалъ обо мнѣ и изъ за двѣсти верстъ пріѣхалъ посовѣтоваться со мною на счетъ своей болѣзни, но не дождавшись разсвѣта умеръ. Отъ начальства приказано мнѣ освидѣтельствовать, и я....

Грушинька. Не знаете-ли, кто онъ?

Брокманъ. Какъ не знать. Я подписалъ листъ, что онъ умеръ отъ неизвѣстной причины. Вотъ у меня записано въ памятной книжкѣ (*вынимаетъ записку*). Владиміръ Ивановъ сынъ Шумовъ....

Вмѣстѣ { Варинька. Ахъ Боже мой!
Грушинька. Шумовъ?

Брокманъ. Онъ самъ.

Грушинька. Такъ онъ точно умеръ?

Брокманъ. Не только умеръ, но и анатомированъ мною по всѣмъ правиламъ....

Грушинька (*размышляя*). А товарищъ его... гдѣ?

Брокманъ. Какой товарищъ? И бумаги у него на одно лицо. Съ нимъ только слуга, старикъ.

Грушинька (*также*). Старикъ... непостижимо!.. Но какъ же онъ послѣ вашего ножа всталъ, говорилъ и былъ такъ простъ, что далъ вамъ денегъ?

Брокманъ. Это не показываетъ его простоты. А что всталъ и говорилъ, такъ это вѣрно. Но это уже послѣдняя продѣлка его. Я его доанатомилъ такъ...

Варинька. Что онъ уже не встанетъ, думаете вы?

Брокманъ. Я увѣренъ.

Грушинька. А еслибъ онъ не побоялся вашей анатоміи, и сталъ ходить свободно вездѣ.

Брокманъ. Нѣтъ, это не возможно.... На что же я и мое знаніе?

—

V.

ТѢЖЕ, БЫСТРОВЪ.

Быстсовъ (*вдругъ выйдя изъ кабинета и ударивъ Брокмана*

по плечу). И вы и ваше знаніе безсильны противъ меня. Хотя еще десять разъ зарѣжьте меня, я все буду таковъ-же.

Брокманъ (*отъ испугу пятится назадъ и не можетъ ничего выговорить больше*). Видите?.. видите?.. Это онъ!..

Варинька. Неужели это тотъ самый, которому....

Быстровъ. Которому онъ отъ неумѣстной трусости разбилъ черепъ въ куски, уронивъ его. Это я.

Варинька (*Грушинькѣ*). Ma chère!.. Я едва дышу отъ страха!... Уйдемъ, прошу тебя!...

Грушинька. И, что за вздоръ! Мертвецъ-то очень интересенъ, не хочется оставить его. Кто-бы это былъ?

Варинька. Шумовъ, никто другой и докторъ тоже говоритъ. Я съ ума схожу!

Грушинька (*всторону*). И я тоже.... только отъ другой причины.

Быстровъ. Что-же, господинъ докторъ? Придумали-ли вы средство совладать со мною, чтобы я умеръ уже на-всегда?

Грушинька. Тутъ думать долго нечего. У него средство въ его леченіи.

Брокманъ (*Быстрову*). Если позволите, я тоже осмотрю вашу голову и узнаю....

Грушинька. Да она пуста. Вы сказали, что она пуста, какъ тыква. Притомъ же здѣсь не анатомическій театръ....

Брокманъ. Конечно, конечно, ваша правда. Я подамъ бумагу, что вы вопреки всѣхъ законовъ медицины, бывъ мертвы, ходите и говорите. До свиданія! (*Уходитъ*).

Грушинька. Бѣда вамъ предстоитъ, господинъ мертвецъ! Я совѣтовала бы....

Быстровъ. Лучше прикажите.

Грушинька. Не могу повелѣвать мертвыми.

Быстровъ. Не угодно ли я сейчасъ умру? И въ вашей волѣ будетъ, ожить-ли мнѣ или навсегда остатся мертвымъ.

Грушинька (*взглянувъ въ окно*). Вотъ явился человѣкъ, который нѣсколько поможетъ намъ разгадать....

Быстровъ (*также*). А! это тотъ, съ которымъ я говорилъ уже. Не угодно ли вамъ со мною сюда въ кабинетъ? Оставимъ Ваpиньку съ нимъ; имъ нужно кое о чемъ переговорить.

Грушинька. Благодарю за приглашеніе.... Мнѣ также нужно отъ него узнать кое-что, куда-же вы? Не мѣшало бы вамъ остаться....

Быстровъ. Не могу. Увидѣвшись, я долженъ съ нимъ стрѣляться... Такъ у васъ положено. (*Уходитъ въ кабинетъ*).

VI.

ТѢЖЕ И ПЛИТОВЪ

Грушинька. По лицу вашему вижу, что вы скажете намъ что-нидудь необыкновенное.

Варинька. Говори, Поль, все прямо и не скрывай ничего. Разсѣй нашъ страхъ и недоумѣніе. Ты видѣлся съ нимъ и точно ли это онъ?

Плитовъ. Я видѣлся съ самымъ настоящимъ Шумовымъ, говорилъ съ нимъ. Онъ показался мнѣ помѣшаннымъ. Говорилъ много вздору, не соглашался на мое предложеніе, обѣщался умереть и послѣ погребенія быть здѣсь въ четыре часа и кончить со мною.

Грушинька. Сдержалъ-ли онъ слово, какъ слѣдуетъ честному человѣку?

Плитовъ. Удивительное дѣло! — Очень скоро послѣ свиданія съ нимъ, слышу Шумовъ умеръ, безъ всякаго насилія. Бѣгу къ нему, вижу его мертвымъ...

Грушинька. И вы точно увѣрены, что онъ въ то время былъ мертвъ.

Плитовъ. Какъ нельзя больше, потому что голова у него была вскрыта и черепъ въ кускахъ, лежалъ въ сторонѣ. Это я такъ знаю, какъ то, что я, я.

Варинька. Удивительно!

Грушинька. Что-жъ потомъ?

Плитовъ. Еще необыкновеннѣе. Вдругъ разсказываютъ, что мертвецъ встаетъ по произволу, ходитъ по дому; доктору далъ деньги за вскрытіе его, хозяйскую дочь цѣловалъ и та лежитъ въ горячкѣ, въ чепчикъ хозяйки вылилъ зеленый соусъ; въ бутылки съ виномъ намѣшалъ горчицы, это мнѣ говорилъ самъ хозяинъ, и когда хотѣли запереть его комнату, онъ вскочилъ со стола, всѣхъ разогналъ, вылетѣлъ въ окно, надѣлалъ по сосѣдству много шалостей въ домахъ и наконецъ незамѣтно воротился и улегся по прежнему.

Грушинька. Какія нелѣпости! можно ли всему этому вѣрить?

Варинька. Какъ не вѣрить, когда....

Грушинька. Пожалуйста, помолчите пока. Хорошо. Но я желала-бы знать, въ то время, какъ онъ проказилъ внѣ своего смертнаго одра, дѣйствительно-ли это былъ онъ и, не оставилъ-ли кого на своемъ мѣстѣ?

Плитовъ. Не подвержено ни какому сомнѣнію. Самъ хозяинъ,

всѣхъ насъ собравшихся увѣрялъ, что онъ въ глазахъ его вставалъ, собиралъ свой черепъ, увязывалъ его и отправлялся на шалости. Одинъ разъ въ отсутствіе его хозяинъ совсѣмъ было замкнулъ комнату съ тѣмъ, чтобъ не пускать его, но онъ, мигомъ точно пролетѣлъ, тронулъ замокъ и онъ распался въ дребезги, вошелъ комнату и легъ преспокойно. При мнѣ заперли двери, запечатали, онъ лежалъ покойно и кажется нельзя уже ему выйти оттуда.

Грушинька. Смотрите. Хорошо ли его заперли?

—

VII.

ТѢЖЕ, БЫСТРОВЪ, выходя изъ кабинета.

Быстровъ. Какъ бы ни заперли, а я имѣю возможность вездѣ пройти.

Плитовъ. Это онъ!

Грушинька. Скажите, точно-ли это онъ?

Плитовъ. Точно онъ, съ которымъ я говорилъ, котораго потомъ нашелъ мертвымъ и по бумагамъ видѣлъ, что это господинъ Шумовъ...

Быстровъ. И такъ, прелестная Варинька! Когда вы увѣрились, что я Шумовъ, что вы скажете о моемъ правѣ на васъ?

Грушинька. Кажется, смерть разрушаетъ всѣ условія.

Быстровъ. Прошу подождать. Съ вами объясняться буду послѣ.—Варинька! Васъ прошу рѣшите насъ съ г. Плитовымъ. Или не предоставите-ли намъ кончить все между собою?

Грушинька. Мертвые великодушнѣе живыхъ.

Быстровъ (*лукаво*). Не далекъ случай испытать и ваше великодушіе.

Плитовъ. Какое бы вы существо ни были, вы должны сжалиться надъ состояніемъ Варвары Дмитріевны! Видите ли, какъ она страдаетъ?

Грушинька. Чего вы хотите отъ него? Это вампиръ. Онъ расположился до капли высосать ея кровь.

Быстровъ (*лукаво*). Увижу, увижу еще, сколько и у васъ жалости. Но пора кончить все однимъ словомъ. Я пріѣхалъ въ этотъ городъ жениться. Кто моя невѣста? Молчите? По условію Варинька моя невѣста.... но она такъ жалко поглядываетъ на г. Плитова, онъ на нее и они оба вмѣстѣ, такъ умильно смотрятъ на меня, что я, какъ будто, долженъ сжалиться.... Но, чортъ

возьми!... мнѣ надо же на комъ нибудь жениться!... При этомъ восклицаніи, для большаго эффекта, я долженъ бы ударить себя въ голову, но я остерегаюсь, иначе она въ дребезги разсыплется....

Грушинька. Къ чему же испорченное портить!...

Быстровъ. Ваши рѣчи всѣ впереди. Съ вами послѣ. Я сказалъ, я долженъ жениться и женюсь. Я въ словѣ твердъ.

Грушинька. Вы и доказали. Сказали, что умрете — и умерли.

Варинька (*удерживая Грушиньку.*) Охота тебѣ связываться съ этимъ непостижимымъ!

Грушинька. О! я его очень постигаю. (*Быстрову.*) Также выйдетъ и съ женитьбою вашею.

Быстровъ (*съ жаромъ.*) Наконецъ вы меня раздражили. — Сударыня! Здѣсь васъ двѣ. Одна, видите, какъ прильнула къ своему вѣрному?... она уже не свободна. Но вы, вы свободны. Вашу руку, сударыня!

Грушинька. Помилуйте! я еще хочу жить на свѣтѣ?

Быстровъ (*нѣжно.*) И неужели не хотите оживить меня вашимъ словомъ.

Плитовъ (*подступая къ нему.*) Я теряю терпѣніе. Если еще однимъ словомъ вы обезпокоите дѣвицъ, то я не посмотрю, что вы мертвецъ....

Быстровъ (*взглянувъ въ окно.*) Пожалуйста погодите. Вотъ еще человѣкъ, который вамъ что нибудь скажетъ... (*Убѣгаетъ въ уголъ.*)

—

VIII.

ТѢЖЕ, БЕЗМѢНОВЪ.

Безмѣновъ. Дома ли имѣю честь застать Дмитрія Павловича, вашего, сударыня, Варвара Дмитріевна, батюшку и родителя?

Варинька. Извините, папеньки нѣтъ дома.

Безмѣновъ. Не за что, сударыня Варвара Дмитріевна, не за что имѣть претензіи. Мы сами бываемъ принуждены оставлять домъ и жилище по надобностямъ. Я могъ бы имѣть честь въ другой разъ пріѣхать, но по нашей акурательности не могу этого сдѣлать. Слово дано, какъ скоро получу деньги, взнести ихъ батюшкѣ вашему и родителю. Сей моментъ, почитай, принялъ ихъ изъ рукъ Шумова.... о охъ!

Грушинька. Изъ рукъ Шумова, говорите вы? Вы его видѣли, говорили съ нимъ?

Безмѣновъ. Говорилъ, сударыня, съ мертвецомъ.... говорилъ, условился и денежные счеты съ нимъ имѣлъ!

Грушинька. Но вамъ лишь бы деньги получить, а живъ-ли или мертвъ плательщикъ, для васъ ничего.

Безмѣновъ. Вѣстимо, сударыня! такова моя комплекція.

Грушинька. Да точно-ли вы были увѣрены, что онъ мертвъ?

Безмѣновъ. Я говорилъ съ нимъ на грѣхъ моей душѣ.... онъ при мнѣ исчезъ.... Мигомъ явился.... говоритъ, былъ дома.... и доставилъ мнѣ должныя деньги.... вдругъ голова у него свалилась и въ дребезги разсыпалась при мнѣ, какъ хрустальная.... онъ легъ бездыханный на столъ.... я оттуда.... а онъ, сударикъ, и пустися проказничать. По всему городу шалостей надѣлалъ; гдѣ окна разобьетъ, гдѣ крышу сорветъ.... и всѣ видятъ его, какъ летаетъ, аки птица небесная и вотъ....

Быстровъ (*ударивъ его по плечу.*) И вотъ явился здѣсь....

Безмѣновъ (*кричитъ въ страхѣ.*) Нечистая сила здѣсь! — (*грозно.*) Вонъ отсюда....

Быстровъ. Нѣтъ уже, братъ, не прогнѣвайся, не изыду! — Видишь-ли ты эту пару (*указывая на Грушиньку*) прелестныхъ глазокъ? — Ну, скажи по совѣсти: можно-ли отъ нихъ изойти? — Развѣ съ ума сойти? Такъ это дѣло десятое.

Безмѣновъ (*съ большимъ жаромъ.*) Оставь свои глумленія, въ прахъ разсыпся. Не разсыпаешься? Вонъ отсюда.

Быстровъ. А я лихъ — не слушаю, не боюся и не уйду.

Безмѣновъ (*все горячася.*) Ты не уйдешь? не уйдешь?... (*равнодушно.*) Ну, такъ я самъ уйду, чтобъ не попасть съ тобою во тьму кромѣшную. Сударыня Варвара Дмитріевна! благоволите имѣть честь принять отъ меня деньги...

Варинька. Извините меня, я не могу этого сдѣлать безъ папенька, я ничего не знаю.

Безмѣновъ (*въ безпокойствѣ.*) Бѣда моя да и полно! — Сдѣлайте милость, возьмите!... Умоляю васъ, пріймите.... избавьте меня отъ злаго навожденія.... Чувствую, что они жгутъ мнѣ руки адскимъ пламенемъ ...

Грушинька. За чѣмъ-же насъ хотите ими сжечь?... Да вотъ кстати и Дмитрій Павловичъ пріѣхалъ.

IX.

ТѢЖЕ, ЖИТНИЦКІЙ, когда всѣ бросаются къ нему при входѣ, Быстровъ уходитъ въ кабинатъ.

Варинька. Вотъ и папенька.

Грушинька. Скорѣе объясните намъ все. Мы въ такомъ недоумѣніи....

Безмѣновъ. Вотъ деньги имѣю честь....

Житницкій (*не обращая вниманія на Безмѣнова.*) Стало вамъ извѣстно все?..

Варинька. Скажите, кто умеръ?

Житницкій. Шумовъ твой.

Грушинька. Кто же это проказничаетъ?

Житницкій. Шумовъ.

Безмѣновъ (*заходя съ другой стороны къ Житницкому.*) Вотъ и деньги....

Варинька. Онъ сейчасъ былъ здѣсь.

Плитовъ. Но.... куда же онъ дѣвался?

Безмѣновъ. Превратяся въ чернаго врана, мимо меня вылѣтѣлъ въ окно.... вотъ и деньги.

Грушинька. Пустое; я знаю, гдѣ онъ (*подойдя къ дверямъ кабинета.*) Господинъ мертвецъ! выходите къ намъ по доброй волѣ; не то.... за ухо выведу....

Житницкій. Грушинька?

Быстровъ (*выходя печально.*) Я этого боюся. Неосторожно потянете и голова моя разсыплется....

Житницкій (*смотришъ на него съ большимъ удивленіемъ.*) Возможно-ли? Это опять онъ?

Быстровъ. Позвольте здѣсь всѣмъ засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе. Въ квартирѣ моей я не могъ этого сдѣлать. Тамъ я связанъ этикетомъ, долженъ былъ лежать, но поспѣшилъ явиться къ вамъ, рекомендоваться и просить объ исполненіи обѣщанія.

Грушинька. Къ чему же такъ поспѣшно приступать къ дѣлу? Сперва бы познакомиться....

Житницкій (*съ упрекомъ ей.*) Грушинька!

Быстровъ. Если Грушинькѣ не угодно, то я могу и вовсе оставить все дѣло. Господинъ Плитовъ выкупить меня изъ неустойки, но тогда.... ахъ, извините! — Четыре часа. Я просилъ къ себѣ на выносъ. Надобно явиться на мѣсто. Какъ это скучно?.. Но я скоро явлюся къ вамъ. Я свое дѣло только что начинаю.... Не угодно-ли и вамъ оказать послѣдній долгъ умершему, пожаловать ко мнѣ на выносъ.... а вечеромъ сюда же на сговоръ.... Такъ-ли, Грушинька?... до пріятнаго свиданія. (*Скоро уходитъ.*)

(*Всѣ стоятъ въ изумленіи.*)

Безмѣновъ. Окаянный! Въ глазахъ исчезъ!

Житницкій (*долго смотрѣвшій на всѣхъ.*) Растолкуйте мнѣ, что это такое?

Безмѣновъ (*все заходившій около Житницкаго.*) Должныя мною деньги....

Варинька. Папенька! Вы видѣли Шумова мертвымъ?

Житницкій. Видѣлъ, стоялъ близъ него, выслушивалъ показанія доктора, хозяина, Щипкина и почти все это пустяки, поѣхалъ домой, какъ тутъ....

Безмѣновъ. Должныя вамъ деньги....

Варинька. Судите-же о нашемъ страхѣ, когда онъ явился къ намъ, а тутъ и Брокманъ подтвердилъ при немъ, что онъ его анатомилъ. Какъ я не умерла?!

Житницкій. Я васъ засталъ полумертвыхъ отъ страха.

Грушинька. Кромѣ меня, Дмитрій Павловичъ, кромѣ меня.

Житницкій. Да. Отъ чего это? Ужъ не въ интригѣ-ли и ты съ нимъ? Онъ же что-то намѣкалъ о сговорѣ....

Грушинька. Я не знакома ни съ однимъ мертвецомъ. А сговоръ почему не можетъ быть? Вѣдь, Шумовъ, дѣйствительно умеръ-же?

Плитовъ. (*Подойдя къ Житницкому.*) Если Шумовъ дѣйствительно умеръ, то я осмѣливаюся....

Безмѣновъ. (*Заходя съ другой стороны.*) Позвольте мнѣ осмѣлиться прежде васъ. Я уже давно....

Житницкій. Ахъ, любезный Сергѣй Сидорычъ, я и не замѣтилъ тебя въ этой суматохѣ. Ну, чего ты тутъ хочешь?

Безмѣновъ. Принесъ, батюшка, Дмитрій Павловичъ, должокъ свой. Сдѣлайте милость, возьмите съ меня тяжкій грѣхъ. Деньги эти жгутъ меня геенскимъ пламенемъ.

Житницкій. И подождалъ бы — я тебѣ вѣрю.

Безмѣновъ. Не могу, батюшка, Дмитрій Павловичъ! Деньги принялъ я изъ рукъ мертвеца....

Житницкій. Какъ? Такъ и ты?...

Безмѣновъ. И я имъ имѣлъ честь осквернiться, подобно какъ и вы, и всѣ прочіе...

Житницкій. Но мнѣ, какая нужда; отъ кого бы деньги ни пришли, лишь бы годныя. Всѣ-ли сполна?

Безмѣновъ. Всѣ до единой копѣйки. Хотя съ большимъ содроганіемъ, но успѣлъ счесть. Теперь прошу о росписке и возвратѣ векселя....

Плитовъ. Я просилъ-бы васъ благосклонно выслушать меня и рѣшить счастіе мое.... надѣюсь, что вы.... Варвара Дмитріевна....

Житницкій. Повѣрите, голова кругомъ идетъ отъ всей этой суматохи!... Ничего не могу сообразить. Что-то чудное намекнулъ мнѣ и этотъ мертвецъ, привидѣніе.... кто онъ?... что онъ?... Дайте

мысли привести въ порядокъ. — Грушинька! Даже тебѣ забылъ сказать, что батюшка твой пріѣхалъ....

Грушинька. Какая радость! — Гдѣ же онъ?... Скоро-ли будетъ къ намъ.....

—

X.

ТѢЖЕ, РЫБКИНЪ (таща за ухо Быстрова).

Рыбкинъ (*въ дверяхъ*). Сюда, за мной, повѣса!... Ты не уйдешь отъ меня....

Грушинька. (*бросаясь къ нему*). Батюшка!

Рыбкинъ (*обнимая одною рукою дочь, другою держитъ за ухо Быстрова*). Здорово, братъ-Грушинька! — Здорово!

Быстровъ (*въ сторону*). О счастіе! Она дочь его?

Безмѣновъ (*въ ужасѣ*). И лукавый съ нимъ! —и не опаляетъ его!

Рыбкинъ. Здорово, братъ-Дмитрій Павловичъ, въ своемъ домѣ. Поздравляю тебя съ моимъ пріѣздомъ. (*Обнимается съ нимъ.*) Варвара Дмитріевна! Вы все хорошѣете. Пожалуйте мнѣ вашу ручку. Пожалуйте-же?—(*Она боится подойти.*)

Грушинька. Она не смѣетъ къ вамъ подойти.... въ вашихъ рукахъ мертвецъ....

Рыбкинъ (*вырывающемуся Быстрову*). Куда ты рвешься? — сказалъ не пущу....

Грушинька. Батюшка! не тяните его крѣпко; у него тотчасъ разсыплется голова?...

Рыбкинъ. А! Такъ ужъ онъ вамъ знакомъ?—Возьми же его, Грушинька, руками.

Грушинька. Къ чему мнѣ мертвецъ и съ пустою головою?

Рыбкинъ. Дурочка!—Да это Быстровъ. Али не понравился?

вмѣстѣ.
- Варинька. Это Быстровъ?
- Житницкій. А! такъ это Быстровъ?
- Безмѣновъ. Оборотень!
- Грушинька (*убѣгаетъ, испугавшись*). Ахъ, Боже мой!

Быстровъ (*Грушинькѣ*). Скорѣе обрадуйтесь, иначе я сдѣлаюся Шумовымъ.

Рыбкинъ. А вы еще не знали его? О! это первый шалунъ въ мірѣ. Близкій мой сосѣдъ и не давалъ мнѣ покоя, пока Грушинька гостила у васъ. Онъ меня влюбилъ въ себя и я назвалъ его зятемъ, о чемъ, шутя, писалъ и къ вамъ.

Грушинька. А я, все принимала за шутку.

Быстровъ. И я также шутилъ, пока не зналъ васъ, какъ и вы меня. А теперь....

Грушинька. Останемся при этой шуткѣ.

Быстровъ. И прошутимъ цѣлый вѣкъ вмѣстѣ.

Рыбкинъ. Видите-ли? — Повѣса между тѣмъ приближается къ дѣлу.

Быстровъ. Скорѣе, къ концу.

Рыбкинъ. Конецъ не бываетъ безъ начала. Какъ бы ни было, вы знаете его шалости, какія онъ зятю настроилъ воспользовавшись смертью Шумова. Свелъ и доктора и хозяина и весь городъ съ ума....

Грушинька. И насъ всѣхъ.

Быстровъ. О, какъ я счастливъ!

Рыбкинъ. Въ трактирѣ никто не зналъ его; одинакій фракъ, обезображенное лицо умершаго, его повязка на головѣ, потачка слуги, все это дало поводъ вѣрить, что онъ живой мертвецъ. Какъ догадываюсь, онъ былъ и у васъ въ видѣ мертвеца....

Быстровъ. И ожилъ при видѣ Грушиньки.

Грушинька. Объ этомъ еще послѣ.

Рыбкинъ. И видно хотѣлъ ускользнуть отъ васъ, но къ счастію попался мнѣ въ руки. Встрѣтясь съ нимъ, я тотчасъ догадался, что должно быть это проказы моего шалуна, я и заарестовалъ его, да за ухо и къ ногамъ Грушиньки. Ну, дочь! когда любъ, исправь его.

Быстровъ. Къ чему исправлять, мы будемъ шалить вмѣстѣ до самой старости и не дадимъ вамъ скучать ни на одинъ часъ. Кстати, ударить бы и по рукамъ, но есть дѣло важнѣе, нежели вы съ своею дочерью. — Дмитрій Павловичъ Шумовъ дѣйствительно умеръ; умретъ и ваша Варинька, если вы не отдадите ее за г. Плитова, давно ею любимаго, умретъ и Грушинька, потому что Плитовъ, не получа Вариньки застрѣлитъ меня. Умретъ и ея отецъ съ горя, а тамъ умрете и вы съ печали. Пожалѣйте вашего подрядчика на похороны. Онъ еще больше разбогатѣетъ.

Житницкій. Такъ-ли, Варинька? — *(Плитову.)* Яковъ Васильичъ?

Быстровъ (*взявъ за руки Вариньку и Плитова, подводитъ къ Житницкому*). Такъ, такъ, давно такъ. Мѣшалъ только Шумовъ. (*Житницкій соединяетъ ихъ*). Ну, это дѣло кончено. Теперь для довершенія картины, Степанъ Петровичъ, станьте здѣсь, поднимите руки вверхъ. Вы, Грушинька, на колѣна и я тоже; умоляйте отца, чтобы устроилъ ваше счастье, а я васъ обниму....

Рыбкинъ. Такъ-ли, дочь моя?

Быстровъ. (*продолжая устанавливать его*). **Да такъ, такъ. Чего ее спрашивать? Пора кончить комедію. Только руки повыше. —Такъ: Грушинька! Умоляйте же отца о счастіи.**

Грушинька (*смѣло*). **Батюшка! Погубите меня на вѣкъ! Выдайте за этого шалуна.**

Быстровъ (*Грушинькѣ*). **О я злополучный человѣкъ!** (*Кидается въ объятія Грушиньки*).

7983
7033

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
Ленинградская
ОРДЕНА ЛЕНИНА
имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО
ТЕАТР ДРАМЫ